U 422/235

ЭБ

ЭБ

И 422/235
ф 1-76/13481

Высшіе Женскіе Курсы.

Обозрѣніе Государственныхъ Учрежденій.

Лекціи профессора

А. Д. Градовскаго.

Изданіе Жабина.

1880-1881 г.

Литографія Лазовскаго. Казанская, 18.

ПОГАШЕНО

17220

2007110252

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
48072-46

Введеніе.

На литографской согласов. А. Грузъ

Приступая къ обзору Государственныхъ Учрежденій въ различныхъ странахъ Европы, необходимо прежде всего установить нѣкоторыя общія понятія о государствѣ.

Государство должно быть разсматриваемо, какъ одна изъ формъ народной жизни, находящаяся въ тѣснѣйшей связи съ исторіею народа. Ни одинъ изъ историческихъ народовъ не имѣлъ государственной формы; только тогда входитъ онъ въ семью народовъ историческихъ, когда вырабатываетъ себѣ политическія учрежденія. Въ настоящее время ни одинъ народъ не считаетъ себя существующимъ независимо, если не имѣетъ своего государства. Въ возможности имѣть его, каждый народъ видитъ обезпеченіе самостоятельности своей церкви, обезпеченіе своей духовной независимости, языка, на которомъ онъ говоритъ. Народы, имѣвшіе несчастье подпасть подъ чуждое вліяніе, вымираютъ далѣе въ культурномъ отношеніи: у нихъ отнимается возможность выработать свою литературу, выработать свои поэтическіе идеалы. Мало того: подпадая подъ власть другого государства, подчиненный народъ теряетъ далѣе свою національность, сливается съ поработившимъ его, часто изчезаетъ совершенно. Точно такъ же и для нормальнаго, всесторонняго развитія своей экономической жизни, каждому народу необходима полная политическая независимость.

Это показываетъ намъ, что государство имѣетъ тѣсную связь съ народной личностью, что въ немъ во всей полнотѣ выражается народная индивидуальность. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что каждый народъ вырабатываетъ свой особый государственный типъ. Подобно тому, какъ каждый языкъ вымираетъ съ изчезновеніемъ народа, выработавшаго его, — и политическія учрежденія вымираютъ вмѣстѣ съ создавшимъ ихъ государствомъ. О греческихъ государственныхъ формахъ мы можемъ говорить, какъ о мертвыхъ, подобно тому, какъ мы говоримъ о мертвыхъ языкахъ греко-римскаго классическаго міра. Не смотря на воздѣйствіе одного

народа на другой, они могут заимствовать друг у друга только второстепенныя, чисто техническія административныя формы – существенныя начала государственных учреждений не могут быть заимствованы. Наиболее наглядной примѣръ и доказательство вышесказаннаго положенія представляют намъ англійскія учрежденія, возбудившія подражаніе на западѣ Европы, но не воспроизведенныя ни въ одномъ изъ государствъ въ той современной формѣ, въ какую они сложились въ Англіи. Эта связь народа съ его политическими учрежденіями опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ взглядъ, который мы должны имѣть на государство. Въ исторіи народъ есть совирательная личность, не преровно развивающаяся; такимъ вмѣстѣ съ народомъ должно развиваться и государство. Утверждая, что государство развивается вмѣстѣ съ народомъ, живущимъ въ одной государственной формѣ, мы говоримъ, что государство есть прогрессирующая форма человѣческаго общежитія.

Такимъ прогрессивнымъ характеромъ государственной формы объясняется одна особенность въ отношеніи человѣческаго разума къ государству.

Размышляя о политическихъ формахъ, каждый человѣкъ приступаетъ къ этому вопросу, такъ сказать, съ двоякимъ чувствомъ: Во первыхъ, онъ а ргіогі убѣжденъ, что человѣческое общежитіе необходимо; съ другой стороны, кому не приходило въ голову сомнѣніе относительно государства, кто не старался оправдать существованіе его различными аргументами? Спрашивается, какимъ же образомъ могутъ уживаться въ человѣческомъ разумѣ два такія противорѣчія? Въ одной сторонѣ онъ говоритъ, что государство необходимо, съ другой – считаетъ необходимыми всѣ возможныя доказательства въ пользу этого. Въ глубокой древности, со времени Аристотеля и Платона, каждый политическій трактатъ заключаетъ множество аргументовъ въ пользу государства. Для чего же нужны эти аргументы и нужны ли они вообще?

Замѣтимъ прежде всего, что писатели древности, говорившіе въ пользу государства, сами нисколько не сомнѣвались въ необходимости его существованія. Цицеронъ, въ своемъ „De Officiis", говоритъ: „Подобно тому, какъ пчелы соединяются въ рои не для того, чтобы дѣлать сотъ, но „дѣлаютъ сотъ потому, что онѣ соединяются въ рои „въ силу общежительной своей свойствъ, такъ и люди, „соединенные еще сильнѣйшими общежительными свойствами, прилагаютъ силы свои къ дѣйствованію и родству".

Эти слова ярко характеризуютъ воззрѣнія Цицерона на общество и государство. Онъ говоритъ, что люди соединяются въ общества въ силу того же непреложнаго, вѣчнаго закона, въ силу котораго соединяются животныя. И если бы параллель, проведенная Цицерономъ и проводимая часто впослѣдствіи между общежительными стремленіями человѣка и различныхъ стадныхъ и роевыхъ общежительныхъ животныхъ была вѣрна, то очевидно, не было бы мѣста скептическому отношенію къ государству. Но параллель эта не вѣрна.

Между роевыми животными существами человѣкъ отличается способностью къ измѣненію и совершенствованію; вмѣстѣ съ нимъ измѣняются и тѣ формы, которыми онъ живетъ. Въ то время, какъ роевыя и стадныя животныя остаются въ томъ же видѣ, какъ и при Цицеронѣ, сколько измѣненій, переворотовъ, крушеній произошло съ тѣхъ поръ, какъ Цицеронъ былъ убитъ на потокѣ триумвировъ.

Эти измѣненія, перевороты, уничтоженіе однихъ государственныхъ формъ и созданіе другихъ ясно доказываютъ, что въ людяхъ происходитъ нѣчто, что заставляетъ ихъ задумываться надъ основами общества, среди котораго они живутъ.

Стремленіе человѣка къ общежитію, къ образованію политическихъ организмовъ, основано на самыхъ несокрушимыхъ, благороднѣйшихъ свойствахъ человѣческой природы. Живя въ-

обществом, человек не только пользуется услугами и обменивается ими с другими людьми, но подчиняется порядку, объективным учреждениям, требующим его повиновения. Общественные учреждения указывают ему меру дозволенного и недозволенного, угрожают страхом наказания, иногда требуют таких жертв, которые почти превышают предел возможного самопожертвования. Достаточно, для примера, указать на воинскую повинность, требующую, чтобы человек жертвовал жизнью для интересов не личных, но общественных, государственных.

На чем же основан этот факт повиновения, подчинения каждого отдельного человека общему закону, извне-му установленному порядку? Будет ли он следствием только преклонения перед физической силой, следствием сознания, что правящий класс сильнее каждого отдельного человека? Это не таким случаем повиновения не было бы вовсе, ибо правящий класс всегда слабее управляемых. Очевидно, что человек ищет другого объяснения тем отношениям, в которых он стоит к общественной воле. Он хочет подчинения <u>нравственной</u> силе, во имя которой и повинуется законам того государства, в котором живет. Нельзя сказать, чтобы эти основания всегда были рационалистические, но тем не менее они существуют несомненно и всегда в человеческом обществе. Феодал, шедший в бой за своего сюзерена, руководился, конечно, иным чувством, чем солдат французской Республики, но как за то ни было, у того и у другого были нравственные основания, которыми каждый человек объясняет свое поведение и повиновение общественной воле.

Из вышесказанного ясно, что если повиновение основывается на нравственных началах, то само государство только в том случае может быть сильно и прочно, когда оно выражает совокупность начал, присущих данному на-

роду в данную эпоху, или, другими словами, когда оно выражает народные идеалы известной эпохи. Уклонились государственныя учреждения отъ идеаловъ народа — и они вопіютъ, не будучи въ состояніи удовлетворять обществу. Доказательства этого можно привести какъ изъ ряда учрежденій отжившихъ, такъ и изъ ряда учрежденій, которыя пытались привить нѣкоторымъ народамъ. Припомнимъ Французскую Революцію. При какихъ обстоятельствахъ явилась она возможной? Очевидно, только при томъ, что всѣ учрежденія вымерли, что королевская власть, бывшая дотолѣ опорой Франціи, причиной ея могущества и силы, оторвалась теперь отъ народа, вымерла, сдѣлалась чужда ему, не воплощала его идеаловъ. Королевская власть убила сама себя; она перестала существовать въ народномъ сознаніи еще до начала революціи. Точно такъ не было въ то время и церкви; были епископы и монахи, аббаты и священники, но не было духовныхъ пастырей, служителей Христа; прежде чѣмъ алтарь былъ поруганъ чернью въ 1793 г., онъ былъ уничиженъ и осквернень самой церковью. Когда весь государственный строй и порядокъ ничѣмъ не давалъ себя чувствовать, кромѣ поборовъ и насилія — онъ рухнулъ при первомъ прикосновеніи физической силы.

Изъ ряда учрежденій привитыхъ укажемъ на Турецкую конституцію, данную для того, чтобы отвлечь Европейскія государства отъ славянскаго вопроса, оттянуть рѣшеніе этого вопроса, стоявшаго на очереди. Конституція эта, явившись чѣмъ то неестественнымъ, уродливымъ, похожимъ на маскарадный костюмъ, была забыта на другой же день, ибо не могла принятся на неподготовленной почвѣ.

Такимъ образомъ народъ хочетъ видѣть въ государствѣ осуществленіе своихъ нравственныхъ понятій. Отсюда ясно, что во всѣ великія эпохи переломленія человѣчества, когда пересматривались понятія нравственныя и политическія, пересматривалось и представленіе о государствѣ. Припом-

имѣть нѣсколько подобную эпоху.

Послѣ паденія Западной Римской Имперіи вступаетъ новая сила, - христіанство, которое, повидимому, не могло и не должно имѣть ничего общаго съ политикой. Но ввиду того, что оно реформировало нравственныя понятія, оно должно было явиться реформаторомъ и въ государствѣ: христіанское общество перешло въ христіанскому государству. Отсюда являются и тѣ понятія, которыя встрѣчаемъ мы въ знаменитомъ „De civitate Dei" Блаженнаго Августина. Государство, не освященное христіанской идеей, государство языческое, царство земное, по мнѣнію его, есть организованное беззаконіе, дѣло рукъ діавола. И онъ не ошибался. Всѣ христіанскіе мыслители должны были пересмотрѣть государственныя учрежденія и попытаться создать новыя, гармонирующія съ духомъ новаго ученія. Наступила другая эпоха, когда весь строй государственныхъ учрежденій былъ измѣненъ на основаніи новыхъ началъ, когда возникшее движеніе въ области философіи отразилось и на нравственныхъ понятіяхъ и на представленіи о государствѣ. Раціоналистическая философія выступаетъ въ XVII и XVIII вв. съ новыми требованіями и пересматриваетъ за ново тѣ учрежденія, которыми держалось общество. Двигающимъ началомъ философіи было начало личности, личныхъ правъ, тѣхъ правъ, которые она называла естественными и неотчуждаемыми правами человѣка.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго мы можемъ заключить, что человѣкъ, оставаясь общественнымъ животнымъ соединяясь въ политическія общества въ силу требованій нравственной природы своей, тѣмъ не менѣе, будучи идеалистомъ, постоянно критически будетъ относиться къ учрежденіямъ, ибо желаетъ воплотить въ нихъ идеалъ свой. Государство должно постоянно измѣняться, ибо оно есть форма прогрессирующая.

Основные элементы государства.

Постараемся прежде всего определить государство, как особую форму человеческого общежития. Из сказанного выше должно быть понятно, что нельзя ограничиться чисто-личным определением государства: мы должны показать его бытовую основу, те элементы, которыми оно отличается от всякой другой формы человеческого общежития.

Подъ именемъ государства разумѣется определенное географическое пространство земли, занятое извѣстнымъ народомъ, управляемымъ верховною властью. Иногда подъ словомъ „государство" разумѣется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, правительственный элементъ страны. Говоря „государственный банкъ", „государственныя имущества", мы противополагаемъ ихъ банкамъ или имуществамъ общественнымъ и частнымъ. И такъ, уже съ перваго взгляда ясно, что мы должны имѣть дѣло съ тремя элементами, безъ которыхъ немыслимо понятіе о государствѣ.

Для цѣлей отвлеченныхъ, логическихъ, было бы совершенно достаточно вышесказаннаго опредѣленія: государство есть политическій союзъ, слагающійся изъ народовъ, обитающихъ на извѣстномъ пространствѣ земли и управляемыхъ извѣстною властью. Но для того, чтобы показать государство, какъ извѣстное историческое явленіе, необходимо остановиться подробнѣе на этихъ признакахъ, сказать, что такое территорія, что такое народъ, чѣмъ государственная власть отличается отъ другихъ властей, которыя существуютъ въ человѣческихъ союзахъ?

Глава первая.

Разъяснимъ прежде всего вопросъ о территоріи государства. Государство по самой сущности своей есть союзъ территоріальный. Это значитъ что первая основа соединенія опредѣленнаго количества людей въ одно цѣлое есть общность мѣста жительства, общность поземельная. Въ этомъ отношеніи государство рѣзко отличается отъ другихъ видовъ человѣческихъ общеній. Какъ образецъ до-государственнаго

формы, мы имеем племенной союз людей, находящихся в родовом или патриархальном быту. Очевидно, что не территория связывает людей быта родового или патриархального, а сознание кровного родства, происхождения от одного родоначальника. Упоминая о племенной связи, необходимо сделать следующую существенную оговорку: связь эта не всегда предполагает фактическое происхождение известной группы лиц от одного родоначальника. И в настоящее время и во времена давно-прошедшие мы встречаемся с частыми фактами родства фиктивного, принятия чуждого племени в свою среду не родича, а только сочлена, иногда даже чужестранца. Отношения между людьми племенного быта устанавливаются по типу отношений семейных; племя знает только старших и младших, а не богатых и бедных, землевладельцев и фабрикантов, военных и духовных и т. п. Отсюда ясно, что и характер самой власти имеет патриархальный оттенок: отношения отца к детям переносятся на все общество. Племенной быт может иметь две формы: родовую и патриархальную. Форма правления патриархальная есть форма монархическая, когда правление вручается одному лицу, патриарху, старшему в роде; родовая форма есть республиканская аристократическая форма правления, когда власть находится в руках не одного лица, а нескольких старейшин, решающих на совете все вопросы, касающиеся племени. Иногда это правление может принять демократический оттенок, а именно, когда к совещанию допускаются все полноправные совершеннолетние граждане, как это было, напр. у древних германцев.

Племя не образует государства, ибо государство возникает в оседлом состоянии, а не в кочевом или бродячем, а племенному быту обыкновенно соответствует то или другое состояние народа.

Государство возникает с момента оседлости, когда связь между племенем и территорией, с которой оно получает

свое пропитание, отнимается постоянной, когда возникают ремесла, земледелие, новой экономический быт народа. И так, возникновению государства соответствует новый порядок, новая, культурная эпоха в народной жизни. Приведем хотя один исторический пример. В начале Средних веков мы видим непрерывные почти нашествия варваров на Европу, постоянные толчки, дававшие одним племенем другому, вечное передвижение. И эти племена варваров, не спокойные, кочующие с места на место, не образуют государства до тех пор, пока, посредством векового процесса, они не являются связанными с землею, на которой живут, прикрепленными к ней, осевшими.

Государство, будучи союзом территориальным, дает возможность народам отрешиться от племенной связи тогда, когда они являются соединенными через общность занимаемой ими земли. Отношения становятся другими; вместо старших и младших мы встречаем поземельных владельцев и людей, не имеющих земли, крупных собственников и мелких, аристократов и демократов, различие между которыми не могло возникнуть в племенном быту. Государство имеет с тем может заключать в себе большое количество членов, нежели племя, ибо племенное устройство по самой сущности своей не допускает этого. Припомним бесконечное количество мелких племен и народцев, упоминаемых Птолемеем в его „Географии". При союзе территориальном, каким является государство, представляется возможность соединения, сплочения, ассимиляции их. И действительно, мы видим, что если разложить, положим, Францию на составные ее элементы, то придется припомнить и Галлов, и Иберов, и Римлян, и Германцев, и Норманнов, завоевавших западную часть ея; из всего этого выработался французский народ, до такой степени единый и цельный, что из 37 млн. французского населения не более 600/т. приходится на долю чужого элемента.

Государство, имея возможность охватывать обширное про-

странство и соединять в себе миллионы людей, является союзом территориальным по преимуществу, в отличие от других союзов, которые могут и не совпадать с известной территорией. Примерами подобных союзов является церковь, союзы возникающие с экономическими целями, рабочие союзы, промышленные предприятия и т. п. Все эти союзы не имеют территориального характера, не определены пространственно.

Государство представляет еще то выгоды, что оно может объединять всю массу живущих в нем лиц, как бы различны ни были их интересы. В одном и том же государстве может находиться несколько церквей, далеко враждебных друг другу; оно может заключать в себе различные племенные оттенки, люди могут говорить на различных наречиях, иметь различной внешний вид - и все они будут объединены общим именем гражданина, т. е. чле на одного союза, именуемого государством. Таким образом, одно только государство может быть центром всенародного общения, чем не может быть никакой иной союз. Вот почему одно только государство может быть названо союзом политическим, союзом разнообразных лиц во имя общей идеи. Территориальная связь, конечно, не единственная, но мы остановливаемся на ней так подробно, потому что она предопределяет все остальные отношения, какие существуют в государстве.

На это можно было бы возразить, что в каждом государстве существуют такие союзы территориальные: уезд, департамент, аrrondissement и т. п. предполагающие такие общность жительства, как связь, соединяющую их в одно целое. Но дело в том, что эти союзы являются только частью государства, и частью, подчиненною общему целому, могущею быть представительницею общенациональных интересов только в самой узкой сфере. Они также могут быть названы союзами политическими, но только их могут быть достигаемы некоторыя государствен-

ными целыми, но все они действуют в пределах, указанных государством, подчиняются ему, будучи в то же время сходны с ним. Правда, до государственного устройства, мелкие центры имели огромное значение; так, вольные города империи Германии, города Фландрии, северные города Италии были почти самостоятельными государствами, имели самоуправление, право чеканки монеты, право войны и мира; но эти государства должны были политически исчезнуть, когда стало образовываться государство национальное; муниципальное устройство городов падает перед новою силою, явившеюся выразителем всенародных стремлений.

Итак, возражения против того, что государство есть территориальный союз и в качестве такового является представителем нации – не могут иметь смысла. Нация, разбросанная в различных странах, не есть нация; только тогда, когда она сплотится в одно целое, в единое государство, можно говорить о ней в смысле политическом. Ламартин сказал однажды, что Италия есть только географический термин – и в свое время он был прав. Италия, разрозненная, видевшая лучшую часть своей территории в руках Австрии, не могла иметь значения; только тогда, когда она сплотилась, можно было говорить о ней, как о политическом целом.

Глава вторая.

Обратимся к рассмотрению второго элемента государства – народа. Приступая к разбору этого понятия, мы должны уяснить, что разумеется подъ этим словом в смысле политическом, государственном. В науке существуют два понятия, указывающия повидимому на один и тот же предмет, а именно – то, что мы называем народом (peuple, Volk.) и народностью (nation, Nation). Подъ именем народа разумеется совокупность лиц, подчиненных одним общим политическим учреждениям, одной политической власти. Спрашивается,

является ли это подчинение единственною связью, соединяющею людей въ одно политическое целое? Если действительно эта связь можетъ быть признана достаточною, то слѣдовало бы признать связью первоначальною, предшествовавшею образованію государства. Но, наблюдая этнографическій составъ большихъ государствъ Европы, обращая вниманіе на тотъ фактъ, что большинство крупныхъ и сильныхъ государствъ обладаетъ національнымъ единствомъ, нельзя не придти къ заключенію, что первоначальною, базовою связью должны быть признаны другіе элементы. Постараемся опредѣлить, какая именно связь можетъ быть признана національною, или, иначе сказать, подъ вліяніемъ какихъ условій образуется національность×)? Вопросъ этотъ съ особеннымъ рвеніемъ разрабатывается въ Италіанской литературѣ, ибо Итальянцамъ болѣе другихъ народовъ приходилось работать надъ своимъ національнымъ освобожденіемъ и единствомъ. Вслѣдствіе этого въ италіанской литературѣ понятіе національности установилось крѣпче, чѣмъ въ другихъ. Италіанскій писатель Манчини опредѣляетъ національность слѣдующимъ образомъ: „Національность есть совокупность лицъ, связанныхъ общностью „происхожденія, языка, нравовъ, осѣдлости и имѣющимъ сознаніе этой общности." Въ этомъ опредѣленіи встрѣчаемся мы съ двумя элементами: 1) чисто фактическая общность осѣдлости или одного отечества, происхожденія или расы, языка, какъ орудія человѣческой мысли, наконецъ, нравовъ, а слѣдовательно и учрежденій; 2) сознаніе этого единства. Фактическіе элементы могли существовать гораздо ранѣе, чѣмъ явилося сознаніе. Въ Италіи, напр. элементы эти установливаются гораздо ранѣе, чѣмъ явилось сознаніе и повело къ практическимъ результатамъ – освобожденію отъ иноземцевъ и образованію

×) По этому вопросу см. А. Д. Градовскаго: „Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ". СПбургъ. 1873.

національности. Еще въ XV в. элементы существовали уже, но сознаніе было присуще только немногимъ выдающимся умамъ, какъ напр. Макіавели, высказавшему это въ своей „Флорентинской Республикѣ", и ещё болѣе въ заключительной главѣ своего извѣстнаго сочиненія „Il Principe". Національность можетъ быть разсматриваема только какъ результатъ долгаго историческаго процесса. Вслѣдствіе этого, обращаясь къ давно-прошедшимъ временамъ, мы не можемъ говорить не только о національномъ принципѣ, но даже о тѣхъ фактахъ, подъ вліяніемъ которыхъ устанавливается національность. Напротивъ, мы имѣемъ дѣло въ эту эпоху преимущественно съ такими фактами, которые препятствуютъ образованію національности.

Обратимся ко временамъ феодализма, посмотримъ, какіе элементы съ точки зрѣнія національнаго развитія заключались въ феодальномъ обществѣ.

Въ тѣхъ поръ, какъ элементы европейскаго общества сколько-нибудь опредѣлились и уяснились послѣ хаотическаго времени великаго переселенія народовъ, три факта, одинаково важные, вліяли на ихъ дальнѣйшее развитіе. Факта эти: завоеваніе одними племенъ другими, основавшими ново-европейскія государства, феодализмъ, какъ политическая и общественная форма быта, и католицизмъ, какъ форма церковной жизни Европы. Ни тотъ, ни другой, ни третій фактъ не только не благопріятны развитію народностей, но находились съ ними въ прямомъ противорѣчіи.

Начнемъ съ завоеванія, какъ способа возникновенія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Зачѣмъ ли доказывать, что завоеваніе одного племени другимъ вносило раздвоеніе въ жизнь каждаго общества, тогда какъ идея народности предполагаетъ полную солидарность между всѣми слоями общества отъ высшаго и до низшаго! Сколько мученій перенесли западныя общества въ первое время ихъ образованія. Исторія завоеванія бриттовъ саксами, саксовъ норманнами — цѣлый мартирологъ. Великое произведеніе Тьерри

открывает нам этот страшный процесс. Англо-Саксы искоренили и изгнали бриттов; норманны не могут искоренить Саксов, но ставят их в тяжкую зависимость. Презрение победителя к побежденному не знает границ. Тяжело военной и грубоватой саксы рассматривается, как человек низшей породы сравнительно с образованным норманном. Весь насилия надо побежденными заранее оправдываются и даже возводятся на степень политической необходимости. Между двумя классами нет точек соприкосновения или очень мало. Норманн-завоеватель считает Англию своим отечеством и саксов своими соотечественниками. Он скорбит о прекрасной Нормандии, где общество так цивилизовано и посещает ее сколько возможно часто, чтобы не огрубеть и не отупеть среди саксов. Он боится, что его сын испортит свой язык от соприкосновения с саксонской прислугой и пошлет его во Францию обучиться настоящему языку и хорошим манерам. Понятно, что французские бароны ему гораздо ближе завоеванных саксов. Тоже явление повторяется и в других странах. Нужны были столетия, чтобы из норманнов и Саксов, Франков, Галлов и других племен образовались крепкая и сплоченная народности. Но и после того, как победители слились с побежденными, старое завоевательное начало не осталось без влияния; оно видоизменилось только его форму. Оно выразилось в форме старого аристократизма, принципы которого с такою силою проникают всю западно-европейскую историю. И подчиненные классы и волнами революции 1789 г. не забыли этого по истечении многих и многих столетий.

Незадолго до революции, известный Шанфор писал следующее: „Самое почтенное основание прав французской аристократии состоит в непосредственном происхождении от каких нибудь 30 т. людей, покрытых железом, панцирями, наручниками, наведренниками, и которые, на

лошадяхъ, покрытыхъ бронёй, попирали 8 или 10 милліоновъ нашихъ людей, предковъ нынѣшней націи." „Почему третьи сословія, восклицалъ Сіесъ, не вышлемъ во Франконскія лѣса всѣ эти семейства, претендующія на происхожденіе отъ породы завоевателей и на наслѣдованіе по праву завоеванія?" * Конечно, историческіе факты не совершенно подтверждаютъ эту генеалогію. Но для насъ важны взгляды этихъ выразителей политическихъ страстей, какъ живое воспоминаніе о временахъ давно минувшихъ.

Завоевательное начало облеклось въ плоть и кровь, выразилось въ цѣлой политической системѣ, именно въ системѣ феодальной. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе историческаго достоинства этой системы. Не подлежитъ сомнѣнію, что она имѣла смыслъ въ свое время, въ ней нельзя не видѣть полезной переходной формы европейскихъ обществъ. Нельзя смотрѣть на „феодала" только какъ на грубую силу, тяготѣвшую надъ низшими классами, только какъ на хищника, обременявшаго подчиненныхъ поборами. Въ „феодалѣ" развилось и много почтенныхъ качествъ. По чувству личной независимости, удали, по многимъ идеальнымъ стремленіямъ, выработавшимся въ рыцарствѣ, мнѣ кость „феодала" справедливо вдохновляла поэтовъ. Но нашъ феодализмъ занимаетъ насъ не съ этой стороны; мы хотимъ указать его отношеніе къ вопросу національному. Съ этой точки нельзя не признать, что феодализмъ, по существу своему, противорѣчилъ національному принципу. Существо феодализма состояло въ соединеніи правъ суда и управленія съ правами землевладѣнія. Землевладѣніе давало право на управленіе, на отправленіе правосудія землевладѣльцамъ въ предѣлахъ своей территоріи. Всякій, кто жилъ на этой территоріи, тѣмъ самымъ подпадалъ подъ юрисдикцію владѣльца. Народонаселеніе разсматривалось, какъ часть земли, которою можно было располагать вмѣстѣ съ землей и какъ землей. Другими сло-

* Тамъ.

Литогр. Подвѣская. Садовая ул. д. № 10.

вами, феодальная система построена на началѣ вотчинномъ и между правомъ частнымъ и правомъ публичнымъ не было существенной разницы. Населеніе, вмѣстѣ съ землею, могло быть предметомъ частныхъ сдѣлокъ — купли-продажи, дарѣнія, дачи въ приданое. Населеніе, какъ земля, было предметомъ захвата, завоеванія и т. д. При всѣхъ этихъ захватахъ и мирныхъ сдѣлкахъ, желанія населенія, его симпатіи и антипатіи не только не принимались въ расчетъ, но попирались; даже не попирались, потому-что „попраніе" предполагаетъ нѣкоторое признаніе попираемаго какъ самостоятельнаго субъекта, а въ данномъ случаѣ никто даже не подозрѣвалъ, что у населенія, этихъ „частей земли", могутъ быть какія нибудь желанія и симпатіи. Кажется, нѣтъ нужды уяснять подробнѣе отношеніе феодализма къ національной идеѣ, такъ какъ послѣдняя предполагаетъ признаніе за народностями права выражать свои симпатіи и желанія, права для боснявокъ и герцеговинцевъ не быть подъ владычествомъ турокъ.

Даже своими свѣтлыми сторонами феодальный духъ нисколько не смягчалъ этого вотчиннаго начала. Мы готовы признать поэтическія стороны рыцарства, признать интересъ поэмъ и романовъ, гдѣ выведены эти отважные искатели приключеній. Но въ этихъ типахъ мы не видимъ ничего національнаго, земскаго, такъ сказать. Что вдохновляетъ этихъ рыцарей? Что ставитъ ихъ въ заслугу? Рыцарство вдохновляется общими религіозными и нравственными идеями. Оно становится на службу папскому престолу, оно предпринимаетъ крестовые походы — это въ лучшемъ случаѣ. Обыкновенно рыцарь — отважный воитель, ищущій въ сраженіяхъ дѣла для своей личной удали. Иногда онъ пускается въ невѣроятныя предпріятія, чтобы завоевать сердце своей дамы. Миннезингеръ, трубадуръ воспоетъ его вѣрность, его горячую любовь, его неукротимую отвагу. Но всѣ эти прекрасныя качества не наполняютъ пропасти между рыцаремъ

и тою сырою массой, которою онъ овладѣетъ. Она останется ему чужою. Рыцарство — учрежденіе космополитическое. Рыцарь признаетъ свое братство со всѣми рыцарями въ мірѣ. Французскій рыцарь видитъ своего въ рыцарѣ нѣмецкомъ; ему понятны его нравы, образъ жизни, даже оттѣнки языка. Но сколько столѣтій пройдетъ до тѣхъ поръ, пока потомки этихъ рыцарей признаютъ за братьевъ потомковъ тѣхъ крестьянъ и горожанъ, которыхъ такъ чуждались ихъ предки?

Еще въ XVII столѣтіи, въ 1614 году, на собраніи послѣднихъ генеральныхъ штатовъ Франціи, произошелъ слѣдующій эпизодъ. Одинъ изъ ораторовъ третьяго сословія, Савароны, остановился въ рѣчи своей, обращенной къ королю, назвать дворянство и духовенство старшими братьями своего сословія, а Францію ихъ общей матерью. Это было сочтено за дерзость и оратору дворянства, барону Сенси, разразился слѣдующею филиппикою: „сословіе, составленное изъ населенія городского и сельскаго, это послѣднее, зависимое отъ первыхъ двухъ сословій и подчиненное ихъ юрисдикціи; первые — мѣщане, купцы, ремесленники и нѣкоторые чиновники; это-то люди, забывая свое положеніе и въ согласіи своихъ избирателей, хотятъ равнять себя съ нами..... Они называютъ насъ своими братьями. Въ какое плачевное положеніе пришли мы, если эти слова справедливы!" * Уже предъ-началомъ революціи, когда пробужденіе достаточно сблизило всѣ классы, въ нѣмецкомъ салонномъ языкѣ сохранились оттѣнки, старые разсчеты. Тотъ-же Шамфоръ разсказываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ салонѣ т-те Дюдеффанъ, т-е самомъ либеральномъ и самомъ литературномъ изо всѣхъ салоновъ. Въ гостиной, кромѣ хозяйки, находились президентъ Ген, г. Понъ-де-Вейль и извѣстный д'Аламберъ, находившійся тогда на верху своей славы. Является новый посѣтитель — медикъ Фурнье. Изъ того, какъ онъ привѣтствовалъ хозяйку и гостей, видно было, какъ сословные оттѣнки были крѣпки въ его умѣ, — какъ въ умѣ каждаго француза. Г-жа Дедюффанъ ему сказала:

---

* Авг. Тьерри, Hist. du Tiers-état

m-me j'ai l'honneur de vous présenter mon très humble respect (сударыня, я имѣю честь представить вамъ мое нижайшее почтеніе); президенту Ено: m-r, j'ai bien l'honneur de vous saluer (имѣю честь вамъ кланяться); г. Понь-де-Вейлю: m-r, je suis votre très-humble serviteur (я вашъ покорнѣйшій слуга); — д'Аламберу досталось простое: „Bon jour, Monsieur" (здравствуйте сударь). Маленькій медикъ поставилъ каждаго на свое мѣсто.* Какъ встрѣтятся эти люди съ своими братьями въ 1789 г.? Исторія сохранила намъ извѣстіе объ одной выходкѣ Мирабо, страшномъ, неукротимомъ оракулѣ третьяго сословія. Послѣ знаменитой ночи 4-го августа, когда уничтожены были всѣ привилегіи, въ полѣ чины и титулы, онъ возвращается домой, хватаетъ за ухо, встрѣтившаго его камердинера и шутливо восклицаетъ: „Ну, дуракъ, надѣюсь, что для тебя я все-таки: ваше сіятельство!"** Мирабо не умеръ въ оградѣ третьяго сословія.... Остается католицизмъ. Католицизмъ, какъ отрасль христіанской религіи, естественно долженъ былъ отвергнуть всѣ національныя различія. Проповѣдь Христа и апостоловъ обращалась къ цѣлому міру, къ „обрѣзанію и необрѣзанію, эллину и іудею." Вселенскій характеръ христіанской проповѣди вытекалъ изъ существа новаго ученія. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы христіанство отрицало различіе народностей или требовало ихъ уничтоженія. Основатель „царства не отъ міра сего" относился равнодушно къ дѣламъ „міра сего". Онъ не вмѣшивался въ политику, но не отрицалъ государства; онъ призывалъ людей къ братству, но не требовалъ уничтоженія личности человѣческой въ искусственномъ и насильственномъ единствѣ. „милости хочу, а не жертвы", сказалъ Онъ; „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка". Защищая начала народности, мы нисколько не желаемъ спорить съ почвы ученія христіанскаго, какъ начала общечеловѣческаго, вселенскаго. Напротивъ, защищая національный принципъ, мы призываемъ народы къ братству, къ общенію вольному, хорово-

---

* Тонъ.

** Тожъ.

лу, такъ-сказать, въ контролѣ Бы не пропадала личность народная, а, напротивъ, развивалась и укрѣплялась на пользу всего человѣчества.

Иначе повелъ дѣло католицизмъ. Вселенскій принципъ господства онъ использовалъ и примѣнилъ въ смыслѣ насильственнаго и искусственнаго единства, вырубающихъ путемъ безусловнаго подчиненія ихъ авторитету папъ. Нельзя отрицать, что между вырубающими онъ установилъ чрезвычайно сильную связь. Среди всеобщаго раздробленія, разноязычія и разноплеменности средневѣковой Европы, католическая церковь была сильнымъ связующимъ началомъ. Такая месса, на томъ же латинскомъ языкѣ служилась одинаково въ Римѣ, и въ Лондонѣ, и въ отдаленныхъ уголкахъ Германіи и Скандинавіи. На этомъ языкѣ писались всѣ богословскія и ученыя сочиненія. Подъ вліяніемъ церкви, наука сдѣлалась общеевропейскимъ достояніемъ. Дунсъ-Скотъ, Оома Аквинскій, Абеляръ писали для всей Европы, т.-е. для всѣхъ культурныхъ ея классовъ. Подъ вліяніемъ католицизма выросла и идея римско-нѣмецкаго императорства, впослѣдствіи вступившаго въ борьбу съ папствомъ, за первенство во вселенной.

Но чѣмъ сильнѣе было это единство, тѣмъ меньше въ немъ было быть мѣста развитію народностей; даже сознанія народности врядъ-ли можно было ожидать. Правовѣрный католикъ-французъ сознавалъ свое братство съ католикомъ-нѣмцемъ или итальянцемъ, но французъ-еретикъ былъ въ его глазахъ чѣмъ то отвратительнымъ и презрѣннымъ. По зову римскаго престола сѣверъ Франціи поднялся на Альбигойцевъ и истребилъ ихъ такъ, какъ никогда Израильтяне истребляли жителей Ханаана. Ломардисты не знали пощады въ Англіи. Костры инквизиціи опустошали цѣлые города. Въ тяжелую для Италіи минуту Макіавель послалъ проклятіе римскому престолу, какъ помѣхѣ къ обновленію родной страны.

„Такъ какъ нѣкоторыя лица, говоритъ Макіавель, утверждая

конечно, что счастье Италии зависит от римской церкви, я сошлюсь на некоторые доводы против этой церкви, представляющиеся моему уму, и между которыми два чрезвычайно важных, так что против них по моему мнению, нет возражений. Во-первых, преступные примеры римского двора по части всякого злочестия и всякую религию, что влечет за собою множество неудобств и беспорядков. Следовательно, церкви и священникам мы, итальянцы, обязаны отсутствием нравов и религии. Но мы обязаны ей еще большим злом — источником нашей гибели. Церковь всегда поддерживала и постоянно поддерживает разъединение этой несчастной страны. Причина, по которой Италия не может достигнуть единства и не подчинена одному правительству — монархическому или республиканскому — только церковь. Вкусив светской власти, она не имела, однако, ни достаточно силы, ни довольно мужества, чтобы овладеть остальною Италией. Но, с другой стороны, она никогда не была настолько слаба, чтобы не быть в состоянии, из боязни утратить свою светскую власть, призвать какого-нибудь государя на помощь против того, кто сделался бы опасен для остальной Италии; прошлые времена дают нам многочисленные тому примеры. Сначала, при помощи Карла Великого, она изгнала лонгобардов, овладевших уже почти всею Италией; в наше время она вырвала могущество из рук Венеции при помощи французов, которых потом она отразила при помощи швейцарцев. Таким образом церковь, не будучи сильна настолько, чтобы занять всю Италию, и не довольно другим овладеть ею, является причиной, почему эта страна осталась порабощенною многим господам. Отсюда это раздробление и эта слабость, сделавшие ее добычею не только могущественных варваров, но первого, кто почтит ее нападением. Церкви обязана Италия жить одолжением, а никому другому...."

Папство сыграло большую всемирную роль. Но в Италии оно, конечно, никогда не играло роли национальной. Если Италия объедини-

лась, то именно въ противность вѣковымъ стремленіямъ папъ, и теперь папа изъ-за расточаетъ свои проклятія виновникамъ итальянскаго единства. Нужно-ли упоминать о клерикалахъ во Франціи, для которыхъ свобода и честь родной страны ничто въ сравненіи съ интересами римской куріи?

Таковы исходные факты западно-европейской исторіи. Они находятся въ прямомъ противорѣчіи съ началомъ народности. Дальнѣйшая исторія Европы убѣдитъ насъ въ томъ, что національная идея развилась въ видѣ реакціи противъ указанныхъ выше фактовъ. Останавливаясь на ходѣ этой реакціи, я долженъ предпослать разсмотрѣнію отдѣльныхъ ея моментовъ одно общее замѣчаніе.

Развитіе народностей, какъ легко замѣтить изъ предыдущаго, было задержано причинами двоякаго рода. Одни изъ нихъ поддерживали въ нацыяхъ искусственное раздѣленіе и разрозненіе, препятствуя ихъ внутреннему объединенію. Таковы послѣдствія завоеванія и феодальной системы. Напротивъ, католицизмъ, во многихъ отношеніяхъ, поддерживалъ искусственное и часто насильственное единство, содѣйствуя въ тоже время и внутреннему раздѣленію народовъ. Отсюда понятно само собою, что силы, подготовившія образованіе европейскихъ народностей, должны были разрушить прежній порядокъ съ двухъ концовъ. Они должны были устранить причины, препятствовавшія объединенію національностей; имъ предстояло также разбить искусственное католическое единство. Силы, подорвавшія прежній порядокъ и открывшія широкую дорогу новымъ стремленіямъ, можно раздѣлить также на два разряда. Одни можно назвать естественно историческими; другія культурно-политическими. Къ первому разряду я отношу ассимиляцію (уподобленіе) племенъ и образованіе ново-европейскихъ языковъ. Ко второму — движеніе общинъ, постепенную эмансипацію низшихъ классовъ, усиленіе королевской власти, протестантизмъ и постепенное развитіе религіозной свободы. Къ этимъ условіямъ присоедини-

мель и другия, о которыхъ я упомяну ниже.

Гизо, въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ", относитъ начало національно объединительнаго движенія къ XV вѣку. Отличительнымъ характеромъ XV вѣка, говоритъ онъ, является стремленіе создать общіе интересы, общія идеи, уничтожить кругъ замкнутости, мѣстности... образовать то, чего до тѣхъ поръ не существовало въ большихъ размѣрахъ — образовать „правительства и народы". Мысль Гизо приблизительно вѣрна. Но вообще-жизнь народовъ не укладывается въ рамки опредѣленныхъ столѣтій. Объединительное движеніе началось не во всѣхъ странахъ одновременно; нѣкоторые симптомы его далеко-мѣстно замѣчаются раньше; затѣмъ результаты его, по замѣчанію самого Гизо, обнаружились гораздо позже. Но основные моменты этого движенія вообще состоятъ въ слѣдующемъ. Племенное разслоеніе завоевателей и завоеванныхъ мало по малу утрачиваетъ свою силу подъ вліяніемъ взаимодѣйствія этихъ враждебныхъ элементовъ. Совмѣстное жительство, общіе труды, вліяніе массы завоеванныхъ на завоевателей и культуры послѣднихъ на массу, оказываютъ свое дѣйствіе. Изъ бриттовъ, англо-саксовъ и норманновъ образовались англичане, говорившіе уже языкомъ одинаковымъ для низшихъ и высшихъ слоевъ. Франки, бургунды, вестготы, вмѣстѣ съ романизированными галлами, сливаются въ единую французскую націю и изъ прежняго многолюдія, выступаетъ французскій языкъ, на которомъ будутъ говорить Рабле, Монтэнь, Боденъ, ораторы Лиги. Въ Италіи, многочисленные діалекты, тусклые и крикливые, оставшіеся безъ центральнаго языка, послѣ паденія Рима, вырабатываютъ ново-итальянскій языкъ, языкъ Боккаччіо и Данта, Петрарки и Макіавели. Въ этомъ движеніи заключался уже протестъ противъ искусственнаго единства католическаго міра, протестъ не шумный, потому что онъ совершался постепенно и незамѣтно, но протестъ дѣйствительный и прочный, потому что онъ былъ явленіемъ естественнымъ. Умственная жизнь страны сверглa съ себя путы

официального языка религии и науки, т.е. языка латинского. Наука, поэзия, политическая литература заговорили на родном языке и, вместе с тем, к нему как-бы возвратилась оригинальность мысли, которую мы напрасно будем искать в средневековой схоластике. Переведите на этот язык любую книгу, и вы увидите, какой пожар начнется в здании римско-католической церкви!

Но не станем забегать вперед. Остановимся на некоторых фактах политической истории, опровергавших указанный выше естественный процесс: они не были только естественным, не состоял только в скрещивании пород. Слияние завоевателей и завоеванных совершилось не только под влиянием совместного жительства и семейных связей, но и потому, что завоеванные приблизились к завоевателям политически.

Почти одновременно с торжеством феодализма, в недрах феодального общества зародился страшный враг, которому суждено было нанести ему смертельный удар. Это были городские общины и отчасти — сельские. Восстание общин можно назвать революцией в самом точном смысле этого слова. Оно не было простым восстанием против злоупотреблений феодализма. Восстание исходило во имя самостоятельной идеи и шло против самого принципа феодализма. В европейских городах зародилось новое общество, новый класс, с весьма определенным мировоззрением — буржуазия, не отдельная еще от остальной массы населения. В среде городских общин практически и даже теоретически выработались новые начала государственного управления. Здесь, в противоположность феодальному порядку, общий интерес в первый раз выступает на первый план. Власть впервые делается ответственною и общественною должностью. Оживление торговли и ремесл, образование, изучение римского права, сложения отношения и новые потребности, незнакомые первобытному „хозяйству" феодала, повели к учреждению новых отраслей администрации. Но-

вым организации суда, сложения полицейских установлений, мирового финансового управления – все это родилось в городах. Движение общин подорвало вотчинное государство в коренных его основаниях. Значение его в истории народов велико еще потому, что оно дало твердую точку опоры для зарождавшейся королевской власти.

Освобождение общин имело двоякий смысл. Во-первых, оно дало городам известную самостоятельность, создало из них полу-политические единицы. Но эта сторона движения имела временный характер. Муниципальные вольности не устояли перед потребностью национального объединения. Запершись общинами, замежевавшись от подъ власти феодальных владык, став под непосредственную защиту власти центральной. Факт чрезвычайно важный! В феодальном обществе, король был только главою своего „вассальства", на которое он имел весьма условные и призрачные права. Масса вассальства заимствует от него народ. В союз с общинами, король делается главою нации, т.-е. государем, самостоятельным элементом в обществе, с своими призваниями и целью. Из среды трех сословий выйдут те деятели, администраторы, финансисты, судьи, которые скоро за малым утвердят величество королевской власти и выкуют ему оружие на врагов. Опираясь на новую силу, короли утвердили и развили свою власть в двояком направлении. Во-первых, они конфисковали политические права феодальной аристократии, вытеснили ее даже из административной и судебной области, создали свои суды и свою администрацию. Во-вторых, они сломили притязания папы к вмешательству в политические дела страны. На притязание быть наместниками Бога на земле они противопоставили свое „божию милость". Королевская власть делается символом национального единства и независимости. Правом короля на его территорию и народ прикрывалось и защищалось право народа на са-

мостоятельное развитие; подъ его защиту становилось всякое движение, обезпечивавшее впослѣдствіи національную независимость. Такъ было и съ движеніемъ протестантскимъ. Протестантизмъ, въ существѣ своемъ, былъ ученіемъ, отрицавшимъ церковный авторитетъ папъ. Но при данныхъ историческихъ условіяхъ, онъ не могъ достигнуть этой цѣли иначе, какъ въ союзѣ и подъ покровомъ свѣтской власти. Первые вожди протестантизма въ Германіи и въ Англіи усиленно возвеличивали значеніе власти свѣтской; они добились признанія права каждаго государя допускать въ своихъ владѣніяхъ тѣ исповѣданія, какія онъ сочтетъ нужными. Въ силу національнаго движенія, эта мѣра была важнымъ шагомъ впередъ. Хотя протестантскія церкви во многихъ отношеніяхъ столь же мало были воодушевлены терпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ и католицизмъ, но ихъ нетерпимость никогда не доходила до такихъ результатовъ и притомъ она сливалась съ каждымъ шагомъ. Различіе религій не являлось уже помѣхой національному единству. Въ протестантскихъ земляхъ нѣмецъ-католикъ могъ быть такимъ-же добрымъ гражданиномъ своей страны, какъ и нѣмецъ-протестантъ. Но этимъ результатомъ не исчерпывалось національное значеніе протестантизма. Если Данты, Макіавели, Монтени и т.д. вычеркнули преобладающее значеніе латинскаго языка изъ области науки и литературы, то Лютеры, Кранмеры и другіе вычеркнули его изъ церкви. Они первые библію и дали ее въ руки народу; народъ услышалъ богослуженіе на родномъ языкѣ, проповѣдь сдѣлалась ему понятною. Онъ перестали видѣть въ духовенствѣ лишь чуждый ему, связанный исключительно съ какимъ то далекимъ престоломъ. Наоборотъ, само духовенство національно-организовалось, сдѣлалось неразрывною частью того общества, которому оно призвано было проповѣдывать слово Божіе. Самый католицизмъ съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ бо-

имѣ національное значеніе. Со времени реформаціи проводится рѣзкое различіе между міромъ протестантско-германскимъ, съ одной стороны, и католико-романскимъ съ другой. Если протестантское начало содѣйствовало развитію религіозной свободы внутри каждой страны, если различіе вѣроисповѣданій не препятствовало единенію всѣхъ членовъ одной народности, то, вѣдь, различій между цѣлыми народами, протестантское движеніе было новымъ толчкомъ впередъ. Начало индивидуальности, личной самостоятельности, таившееся въ мірѣ германскомъ, прорвалось наружу, выразилось въ формахъ церковной жизни, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ поэзіи и политикѣ. Народамъ латинскимъ, оставшимся вѣрными католицизму, суждено было развить другія стороны человѣческаго духа.

Вотъ, какимъ вліяніемъ и силамъ обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ идея народности, вѣрнѣе сказать — фактъ народностей. Это именно тѣ культурныя силы, которымъ вся Европа обязана своею цивилизаціею. Народность есть результатъ тѣхъ силъ, которыя могли залечить раны, нанесенныя завоеваніемъ, сломать феодализмъ, поколебать чрезмѣрный авторитетъ папскаго престола, положить твердыя основанія свободы совѣсти, выработать основныя начала новаго государственнаго устройства.

Въ XVI и XVII ст. практическіе элементы народности существовали, до сознанія однако было еще далеко. Чтобы сдѣлать еще больше явнымъ это понятіе сознанія народности, укажемъ на его практическое выраженіе. Мачини только намекаетъ на этотъ вопросъ, гораздо опредѣленнѣе и полнѣе развитый у Милля, въ его „Разсужденіяхъ о представительномъ правленіи". „Сознаніе народности, говоритъ онъ, выражается въ томъ, что народъ, сознающій единство свое, стремится образовать государ-

во, жить подъ однимъ правленіемъ и стараться, чтобы это правленіе было или само онъ, или часть его." Идея эта еще ранѣе проведена во введеніи въ Исторію Русскаго права проф. Сергѣевича, который говоритъ, что въ политикѣ принципъ народности есть принципъ народной воли.

Въ практическомъ смыслѣ принципъ этотъ не означаетъ, чтобы нѣсколько народностей не могли ужиться вмѣстѣ; онъ означаетъ только, что однородностію племеннаго состава или, по крайней мѣрѣ, принадлежностію большинства народа къ одной національности, обусловливается, по общему правилу, прочность каждаго государства. Въ этомъ смыслѣ старая система искусственно-составленныхъ государствъ, противорѣчила принципу народностей. Поэтому начало практическаго примѣненія этого принципа совпадаетъ съ постепеннымъ паденіемъ старой системы государствъ, поколебленной Французскою революціею 1789 года.

Извѣстно, что Французская революція провозгласила новыя политическія идеи, къ которымъ большинство относилось къ политической свободѣ. Съ этими идеями выступила и начала свою дѣятельность революція, или проникнуты были и прокламаціи Конвента къ государствамъ Европы. Войскамъ, посланнымъ Конвентомъ, выпала на долю двойная задача – освобожденіе отъ коалиціи и внесеніе освободительныхъ идей въ другія государства. Но такъ какъ эти идеи были слишкомъ общи, то онѣ и не удержались на прежней высотѣ и освободительныя войны превратились во время диктатуры Наполеона въ войны завоевательныя. Политическая система, основанная Наполеономъ, соотвѣтствовала идеямъ, которыя только что были подъяты революціей: это была система искусственныхъ государствъ, основанныхъ завоеваніемъ и поддерживаемыхъ войсками. Пока Наполеонъ былъ главнокомандующимъ и даже первымъ консуломъ, государствами,

присоединяемыми къ гегемонии Франціи, давались республиканскія имена; это были республики Лигурійская, Гельветическая и др. Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ чрезвычайно быстро переименовалъ эти республики въ королевства – Нидерландское, куда онъ посадилъ своего брата, Неаполитанское, доставшееся родственнику его Іоахиму Мюрату и т.п. Гегемонія Франціи, поддерживаемая диктатурой Наполеона, распространялась мало помалу на всю Европу. Но это было послѣднее слово искусственныхъ государствъ. То движеніе, которое сбросило Наполеона, было вмѣстѣ съ тѣмъ и реакціей противъ революціи и ея идей. Время 1813 года и слѣдующихъ годовъ было дѣйствительно временемъ освобожденія народовъ; но необходимо имѣть въ виду, что освобожденіе и борьба за него выводятъ на сцену два различные элемента, одинъ – еще въ зародышѣ, другой – во всеоружіи старинныхъ правъ. Война противъ Франціи велась за національную свободу съ одной стороны; съ другой – въ этой войнѣ участвовали элементы, видѣвшіе идеалъ въ учрежденіяхъ разрушенныхъ революціей. Образовалась партія реакціонная, – она является побѣдителемъ и закрѣпляетъ побѣду свою въ актахъ Вѣнскаго конгресса. Акты эти являются, впрочемъ, тѣмъ же искусственнымъ распредѣленіемъ государствъ. Является система государствъ Италіанскихъ, съ преобладаніемъ Австріи и съ Папской Областью во главѣ. Бельгія соединяется помимо ея желанія съ Нидерландами. Образуется Германскій союзъ, совершенно противный основнымъ Германскимъ стремленіямъ. Система эта по тѣмъ, что онъ терпитъ малѣйшія крушенія, но все-же до 1848 г. является незыблемой. Послѣ этого года, являются серьезныя стремленія разрушить ее и въ 1859 г., съ Итальянскою войной, разрушеніе это идетъ неудержимо. Государства ищутъ новыя точки опоры: національность признается главною основой государства; только тогда государство представляется прочнымъ, ког-

да опирается на большинство лиц, принадлежащих к одной национальности. Вопрос в каком смысле в настоящее время национальный принцип может быть признан основой государства, вопрос в каком смысле нужно понимать выражение, что государство есть союз национальный.

Глава третья.

Третий элемент государства, подлежащий нашему рассмотрению, есть государственная власть. Повидимому, понятие власти так присуще человеческому обществу, что кажется странно подумать, что было время, когда авторитет, упрочивающий государственный порядок, не существовал. Тем не менее, понятие государственной власти, выработанное историей, совершенно новое, отличное от других видов власти и даже противополагающее себя им. Поэтому необходимо несколько подробнее остановиться на историческом определении государственной власти и проследить процесс образования. В эпоху племенной жизни средневековой Европы, мы видим, что характер власти основан на патриархальных началах, хотя уже замечаем в нем некоторые новые элементы. Выше уже было сказано, что связующим началом племенного быта является сознание кровного родства. Отсюда ясно, что и отношения общественные устанавливаются по типу семейному. Власть, авторитет в племени сосредоточивается или в руках старшины, или кого либо одного. Поэтому-то первым элементом власти является элемент происхождения от семьи, почему-бы то ни было, окруженной в племени особым уважением. К этому присоединяется и начало религиозное, ибо в сознании первобытного человека родоначальник племени сливается с представлением божества. Знатные семьи, как говорит история, считались происшедшими от богов, складывались легенды, составлялись целые генеалогии для подтверждения их божественного происхождения. Такие семьи предводительствовали и управляли германскими племенами, которые описывает Тацит; они занимали первое место между всеми остальными членами племени; глава семьи пред-

содательствовать въ судѣ, въ сходкѣ, на общихъ вѣчевыхъ собраніяхъ; часто такимъ избраннымъ семьямъ принадлежала даже извѣстный внѣшній отличительный признакъ; такъ, Меровинги, сначала предводители дружины, впослѣдствіи короли Франковъ, одни имѣли право носить длинные волосы и перешли въ исторію съ именемъ „длинноволосыхъ королей" (reges crinitі). Но, независимо отъ всего этого, уже въ племенной жизни встрѣчаемъ мы новый элементъ власти, не вытекающій изъ отношеній семейныхъ. „Германцы избираютъ своихъ королей между самыми благородными, своихъ военачальниковъ между самыми храбрыми" (reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt), говоритъ Тацитъ въ VII гл. своей „Германіи". Это свидѣтельство знаменитаго писателя можетъ пролить особый свѣтъ на тогдашнія общественныя отношенія. Старшина изъ уважаемой семьи сталъ выше всѣхъ другихъ въ племени, но въ случаѣ войны, когда дѣло шло объ отраженіи врага, о защитѣ домовъ и имущества, о начальствѣ надъ войскомъ, тогда могли быть избираемы и младшіе члены рода отличавшіеся военными добродѣтелями и способные быть предводителями войска. Но по всей вѣроятности, вожди также избирались изъ этихъ знаменитыхъ, уважаемыхъ родовъ, изъ которыхъ избирались и племенные старѣйшины. Въ этихъ-то трехъ элементахъ - религіозномъ, военномъ и преимуществѣ происхожденія - является власть у германскихъ племенъ, населившихъ Европу.

Но по мѣрѣ того, какъ стали складываться отношенія поземельныя, стала выдвигаться и земельная аристократія, для которой принципъ семейнаго аристократизма былъ ничтоженъ. Съ разложеніемъ племеннаго быта, вымираютъ и отжываютъ свой вѣкъ и племенные предводители, какъ представители уже отжившаго принципа. Они вырождаются въ такъ называемыя „титулярныя династіи", которыхъ особенно много было на Востокѣ и самый яркій примѣръ которыхъ представляютъ наши Франкскіе Меровинги. Неудовлетворяя болѣе народнымъ нуждамъ, непригодные къ управленію

государством, они окружены были почетом, но не допускались к делам правления, которое сосредоточилось в руках знаменитой династии Каролингов, вышедшей из среды палатных мэров или майордомов (majores domus, maires de palais). Постараемся рассмотреть, как выдвинулась эта династия, на какие элементы опиралась она для достижения власти?

Династия Каролингов должна была найти совершенно новые основания власти, ибо не один из тех элементов, которые находились в руках Меровингов, не мог быть для них принят: они не были окружены племенным почетом, не вели происхождение свое от богов, как представители первой Франкской династии. Кроме того, самые основания племенной власти уже отжили свой век; необходимо было создать новое государство и новые основания для власти, ибо в то время Европа грозили два страшные врага: с востока – новая волна варваров, с юга – исламизм; необходимо было создать оплот против варваров, очертить границу того, что стало впоследствии известно под именем Западной Европы. Нужно было организовать государство на новых началах; но для этого необходимы были и новые идеалы.

Варвары-завоеватели находились на степени племенных воззрений, не имели между собою ничего общего и дорожили лишь своею племенною независимостью. Идеал мог быть найден только позади, в Римской империи, завоеванной германцами. Восстановить насколько возможно администрацию древней Римской Империи, возстановить органы ея, придать известную стройность государству – вот ближайшая задача, осуществленная Карлом Великим.

Не надо забывать, что идеал новаго государственнаго устройства не зародился сам собою в гениальном уме перваго германскаго императора. Римская империя, как организация, возбуждала всегда удивление и зависть варваров; они подходили к ней и с жадностью желанием добычи, и со страхом и уважением к великой ея славе, о которой говорило поэтому

Обозр. Госуд. Учрежд. Листъ III.

А. Градовскій.

Литогр. Кадровская, Казанская, 18.

и духовенство, воспитанное в Римских преданиях и уважавшее их, сопоставлявшее невольно тот строгий порядок которым господствовал в империи, с ужасами варварского нашествия. Без-создание Римской империи представляло еще тот выгоды, что только такими путями можно было получить содействие церкви, представлявшей в эту эпоху единственную нравственную силу, единственный авторитет в житейских и политических делах.

Но новая Римская империя, восстановленная Карлом Великим, была искусственным зданием и не могла существовать долго. Кроме того, значение церкви, стоявшей на стороне империи и поддерживавшей ее, уже ослабло в это время вследствие возвышения военного аристократического элемента; церковь уже потеряла свое первенствующее значение и еще не возвысилась до того состояния, в которое привели ее впоследствии реформы Григория VII. Такими образом, она не могла уже быть для империи такою опорою и поддержкою, какою была прежде и какою могла сделаться впоследствии. С другой стороны, полная деятельность первого германского императора, оборона его против варваров, распространение, просвещения и христианства, вся польза, принесенная им империи, — была результатом только его личных заслуг. Это не была власть династическая, государство его не было монархическим, вполне народным учреждением. Вследствие этого в руках неспособных наследников Карла дело, можно сказать, в последние дни его жизни, монархия вдруг начала разлагаться. С постепенным упадком центральной власти, с ослаблением уже нравственной основы, на которой она покоилась (идеи Западной Римской империи и христианские идеи, выраженной церковью), поднимается и выступает на исторической поприще новая сила — феодализм.

Для того чтобы уяснить себе вполне строй феодального общества и значение этого нового элемента в истории средневековой Европы, необходимо рассмотреть первоначальные источники феодализма. Не достаточно будет только указать на процесс распределения земель между германцами-завоевателями, процесс естественно раздробления добычи после завоевания; — необходимо будет иметь

в виду зачатки новой организации в тех времена, когда она не имела еще политического значения.

Феодальная система обняла не только сеньорские классы общества, но и духовенство, поскольку представители церковной иерархии владели городами и другими земельными участками. Наряду со светскими князьями явились князья духовные, как самостоятельный и могущественный элемент феодального общества.

Система эта имела, особенно во Франции, прочное историческое основание. В то время как церковь вносила прочные нравственные начала в массы полудиких племен, наводнивших Европу, военная аристократия стала на страже земли против вторжения новых завоевателей и грабителей. Она одна могла выполнить эту задачу в тяжелое время, последовавшее за смертью Карла Великого.

„Государство, говорит Жанэ, в своем труде „Origines de la France contemporaine", пытаясь по примеру старой (римской) империи возвыситься каменными зданиями и противопоставить плотину непрерывному вторжению, не держалось на зыбкой почве. После Карла Великого все рушилось.... Но в силу противоположения, разрушение государства вызывает военное поколение. Каждый мелкий предводитель прочно устанавливался в своем владении, которое он занимает или держит на ленном праве; он держит его уже не в пользовании, а в собственности и наследственно*); его село, его городок, его графство — а не королевские; он будет биться для них защищать. В эту минуту благодетель, спаситель — есть человек, умеющий биться и защищать других и таков характер нового устанавливающегося класса. На языке того времени, благородный есть человек военный, солдат (miles)."

И действительно, если мы перенесемся в ту эпоху, о которой говорит Тьерри, нам понятны будут эти слова. При отсутствии центральной власти, нашествии новых завоевателей, междоусобных войнах, ни один человек не мог быть уверен и спокоен за свою жизнь и безопасность.

---

*) Со времени Карла Лысого (в конце IX) земли дробятся наследством.

При этомъ единственнымъ средствомъ спасенія была организація мѣстной самозащиты. Предводитель дружины, окруженный своими латниками, въ каѳедрый часъ дня и ночи готовыми къ бою - вотъ охрана страны въ то тревожное время. Жизнь этихъ защитниковъ была тяжелымъ трудомъ; современныя хроники сохранили намъ извѣстія, что владѣльцы замковъ ложились спать не раздѣваясь, что лошади ихъ ночью стояли осѣдланными въ залѣ пиршества, что сторожа цѣлую ночь бодрствовали на башняхъ и стѣнахъ для пробужденія всѣхъ въ случаѣ опасности.

Трудъ этотъ былъ весьма тяжелъ, но безъ этихъ военныхъ защитниковъ страны немыслима была ни торговля ни земледѣльческій и промышленный трудъ. Отсюда и высокое значеніе которое пріобрѣли эти тѣла, эта военная аристократія въ смутную эпоху преемниковъ Карла Великаго.

Разсмотримъ теперь въ краткихъ чертахъ характеристическія черты феодализма.

Одною изъ замѣчательныхъ характеристическихъ чертъ феодализма, съ точки зрѣнія политической, является, какъ извѣстно, соединеніе правъ землевладѣнія съ правами управленія и суда, причемъ послѣднія права вытекали изъ первыхъ. Такимъ образомъ въ основу политическихъ отношеній легло вотчинное начало, почему и само феодальное государство носитъ названіе вотчиннаго или патримоніальнаго.

Такой порядокъ предполагалъ слабость или, вѣрнѣе, отсутствіе центральной власти, соединяющей въ своихъ рукахъ права суверенитета и дѣйствующей во имя цѣлаго. Дѣйствительно, феодализмъ, какъ система, установился въ эпоху полнаго упадка центральной власти при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго. Во Франціи права вассаловъ развивались на счетъ правъ королевской власти, оставляя за послѣднею тѣнь ея значенія; въ Германіи такъ называемое территоріальное верховенство (die Landeshoheit) постепенно ограничивало права имперіи и впослѣдствіи сдѣлалось даже самостоятельнымъ принципомъ новаго государства.

Соединение прав политических с правами земельными имело первым своим последствием смешение прав частного и публичного (jus privatum и jus publicum). Идея публичного права, как совокупности норм, имеющих в виду общие интересы, идея государственной должности, как представительницы этого интереса, утратилась в общественном сознании. Отправление суда и управление не были проявлениями правительственной деятельности владельца, но источником его доходов, частью его земельных прав. В силу качеств прав они могли быть уступлены, пожалованы в лен, отданы на откуп. Таким не менее феодальным, как система, явился некоторым отрицанием государственной идеи. Управление, по идее и духу своим, являлось частью владельческого „хозяйства". Должностные лица были слугами владельца и обязанности по управлению и суду соединялись с обязанностями по управлению придворному.

Политическая власть, прикрепленная к земельному владению, так сказать, раскинута по всему пространству земли; этим обусловливалось чрезвычайное политическое раздробление Европы. Мелкие округи, которые можно было обозреть с высоты замка, являлись самостоятельными владениями, владельцы которых были облечены правом войны и мира, налогов, правосудия и внутреннего управления.

Впереди этого общества не видно власти, которая могла бы назвать себя главою целой нации, издавала бы законы для всех, управляла бы всеми одинаково, в которой, наконец, все видели бы представителя общего права. Правда, феодальное общество каждой страны имело своего верховного. Но вассалов заканчивается сюзереном, носящим титул короля французского, арагонского, кастильского или, наконец, германского императора, первого между всеми „сюзеренами" Европы. Отсюда в принципе исходит право на лен, даруемое под условием „службы и верности". Но этот сюзерен не был государем народа. Даже не все вассалы зависят

непосредственно от него. Он имеет свои домены, которыми владеет таким, как и другой знатный вассал; иногда они даже менее владетельны некоторых могущественных вассалов.*) От него, номинально, „держат" свои владения самые вассалы; но они отделяются его от вассалов второй и третьей степени, от простого рыцарства.

Масса народонаселения несвободна; она зависит от тысяч мелких владельцев, на земле которых построены города, подле замков которых лепятся хижины поселян.

Рассматриваемый со стороны отношений вассалов к сюзерену, феодализм является выражением личного начала и содержит в себе много элементов свободы. Вассалы обязываются сюзерену службою и верностью. Но верность эта выражается не в форме подданства, какое мы видели в позднейшем абсолютном государстве, т.е. в верности односторонней. Сюзерен вправе требовать от вассала должной службы, помощи и уважения своих прав. Но и вассал вправе требовать от сюзерена защиты и правды. Он вправе отказываться от беспрерывных требований сюзерена, не обозначенных в картуляре и не освященных обычаем. В случае нарушения им вассальских „вольностей", последние, опираясь на право своего меча, прибегают к суду Божиему, т.е. к восстанию и нередко низлагают своих сюзеренов. Восстание, ультимальное средство, с точки зрения современного публичного права, в средние века было нормальным обеспечением права. Богословско-политические трактаты того времени (напр. трактаты Ст. Фомы д'Аквин) искали примирения права восстания с учением апостола Павла о пассивном повиновении. Для этого они проводили знаменитое различие между законным правителем и тираном, разрешая восстание против пос-

*) Так во время Карла Толстого (Charles le Gros) домены короля равнялись только нынешним пяти департаментам Франции.

людям, особенно если они нарушали права церкви.

И так, отношения политических классов того времени заключали в себе элементы свободы, но в односторонней и недостаточной форме. В новой Европе личная свобода является принципом общего права, некоторым качеством человека; в средние века она была достоянием привилегированных сословий и проявлялась в виде их вольностей, или завоеванных, добытых силою меча или феодального авторитета. В новой Европе личные права основываются на общем законе, являющемся выражением общей воли; в средние века они были результатом некоторого договора, заключенного между вассалом и сюзереном и охраняемого правом восстания. В современных государствах начало свободы проявляется в виде общегражданского права, предполагающего равное применение его ко всем участникам государства. Теперь начало свободы органически связано с началом равенства и в согласии с последним, является условием сосуществования всех членов общества. В средние века возможно только было сословное право, в пределах которого личность человеческая развивалась правда, в тесных рамках, но в ущерб другим и во вред чужому.

Нельзя не признаться сознанию независимости, гордому чувству личного достоинства, принципу средневековым вассалам и прелатам. Но она блестящая картина имеет свою оборотную сторону: угнетение бесправных низших классов, отсутствие национальных интересов, господство силы, вседействие частных воль.

Феодальный строй поколебала прежде всего организация нового элемента общества, заявившего мягко поступ первенцев этой эпохи — дворянства и вольной аристократии. Это были торгово-промышленные классы, восставшие и иными путями освободившиеся из под владычества дворянства и духовной власти и давшие такое значение городам. Значение городов, рассматриваемое в его общем

историческом значении, было, конечно, началом разрушительным по отношению к феодальной системе. Во первых оно выдвинуло новую силу, в принципе своем враждебную двум высшим сословиям. В противоположность „привилегии" города были провозвестниками народного начала, права масс, первыми представителями того таинственного и всеобъемлющего третьего сословия, которое в эпоху Французской Революции, объявило себя всем. Во вторых третье сословие естественно тяготило к монархии, в которой оно видело своего естественного союзника против феодальной аристократии. В ней оно видело настоящего государя и помогло ему сосредоточиться главным и по отношению к вассалам. В третьих города, уже по принципу своего устройства, были противоположны вотчинному государству средних веков. Здесь явилось разделение между частными и публичными правами, должности приобрели общественное значение, установились понятия о финансовом управлении, выработались первые начала правильной полиции и т. д. Коротко говоря, новое государство с его законами, полицией, финансами и войском зародилось в городах; их них же вышли и силы, способные осуществить идею нового государства.

Но, по форме проявления указанных начал, города остались одним из элементов феодального общества. Они были формою общения одного сословия, именно торгово-промышленного. Город, как политическое целое, обнимал собою эти классы, причем каждая городская община слагалась, кроме того, из суммы отдельных корпораций — гильдий и цехов - обнимавших людей одного ремесла и промысла. Практический мотив, двигавший городским населением, был не государственный, не национальный, но сословный; потребность защитить зародившиеся промыслы и торговлю против феодального насилия, возвысить свободный труд над трудом крепостным, сделать город центром промышленности и торговли. Весь городской союз свободных лиц, связанных договором, обязательно утвер-

давшимся привилегий. Цель союза – взаимная защита, помощь и верность; таким целью соединялись отдельные группы в городе и цехи. На этой почве города приобрели себе свои привилегии, ревниво охранявшиеся от сторонних притязаний. Между этими правами первое место занимают права политические. Города являются небольшими государствами. Им принадлежит право миссий и внешней дипломатии, войны, мира, чеканка монеты и т.д. Вольные, автономные города покрыли все пространство Европы. На ряду с ними замков возникли новые городские стены. Эти стены заключали в себе новое привилегированное сословие – бургенцию, бюргерство, с его особыми вольностями, ограждавшими его от массы населения. Сами города не представляли одного компактного целого. Внутри каждого города возникли, как мы видели, отдельные корпорации, представлявшие из себя такие привилегированные единицы, ревниво охранявшие свои особенные права и интересы.

В строении средневекового общества не было, следовательно, условий для образования единого гражданства, идея которого легла в основу политической философии древнего мира. Церковь и государство, как две равноценные и враждебные сферы человеческого общения, в государстве – множество мелких местных владычеств, плохо связанных между собою условными и слабыми сюзеренитетом, города с их политическими правами и интересами, прелаты, бароны и бюргерство, являющиеся на собрания земских чинов, но не могущие им установить общего права, ни определить общей политической основы. Элементы этого общества. Между отвлеченно-правовыми началами церкви и принципами сословно-феодального права не было почти ни одного элемента, способного привести их в единству этих столь разных будущего порядка. Церковь, представлявшая известный элемент нравственного единства, была бессильна в мире материальном; напротив, она сама пошла в феодализм. Ее прелаты и аббаты были

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

духовными князьями на ряду со светскими, они владели мечом не хуже своих светских собратьев и часто меняли ризы и митру на латы и шлем.

И так, с одной стороны договорное начало с правом восстания, с другой – полное подавление низшего слоя населения, раздробление центральной власти, почти неограниченный произвол сюзерена над вассалом – простолюдином – вот характерные черты феодального быта.

Отсюда является понятным и тот процесс, посредством которого должна была образоваться центральная сильная власть и те силы, которые должны были создать новое государство. Рассмотрим прежде всего положение лиц, которые являлись представителями этой будущей сильной государственной власти, положение сюзеренов, из которых впоследствии вырабатываются суверены (souverains).

Мы уже видели, что две династии, сменившиеся во Франции, соответствовали двум порядкам явлений: Меровинги – патриархальному быту, Каролинги – военным нуждам феодального общества. Третья династия, о которой теперь будет речь – Капетинги – вполне удовлетворяет потребностей средневекового феодального общества.

Гуго Капет, основавший королевство Франции, не имел за собой ни одного из тех преимуществ, которыми обладали предшествующия династии: он не был ни чужеземного происхождения, подобно первому Меровингу, ни аристократического, подобно Каролингам. Предание приписывает ему происхождение от Парижского мясника; очевидно, что потомок плебея не мог иметь притязания на императорскую власть, которая была в руках Карла Великого. Кроме того, ни он сам, ни его потомки не обладали даже военными способностями; они имели другия довольно, о которых будет сказано ниже, но одного из тех основ, на которых опиралась власть предшественников королей, не могла служить опорой новой династии. К тому же, феодалы, составлявшие политическую силу, не могли бы дать власть сильной монархической власти; они хотели быть господ-

ные короли, для того ранние. И действительно, положение Капетингов было таково; они были только первые между равными. Не обладая особою силою, они не имели такие же большие владений, как даже фактической власти над некоторыми из своих могущественных вассалов. Даже в своих собственных доменах, они были совершенно как бы в осаде и Монтлетери и другие коронные вассалы часто не исполняли самых законных требований короля. В то время, когда королевская власть уже окрепла (при Людовике VI) еще считалось доблестью огромной государственной важности разрушение какого-либо разбойничьего замка, владелец которого не давал никому покоя. Факт этот показывает чрезвычайную материальную слабость центральной власти; но тем не менее все же в ней заключались элементы, которые могли развиться и усилиться при благоприятных условиях. 1) Кроме всего короли все же были одни; маркизов, графов, епископов, сеньоров было много, король был один и в силе хотя фактически, но все же олицетворялось государственное единство; 2) только королевская власть пользовалась санкцией церкви, имевшей весьма важное значение в то время. Этим последним обстоятельством объясняется и та тесная связь между Капетингами и духовенством, которая вызвала даже насмешки современников, говоривших, что в то время, как истинные герои занимаются войной и оружием, Капетинги занимаются четками, свечами и церковной службой.

Вместе с тем плоды этого союза королей с церковью обнаружились с особенною яркостью при Людовике VI, действовавшем под влиянием знаменитого аббата Сугерия. Союз с церковью имел важное значение еще в том смысле, что церковь была не только нравственной опорой, но и единственною представительницею образования и науки. Одна только церковь была грамотна, что показывает самое название слов, принадлежащих одинаково к духовным лицам

и к грамотным людям.

В своих умственных представлениях о государстве, церковь руководилась преданиями Римской Империи, выражая это в форме того наивной, но имевшей для того времени большое значение. В наше время быть может покажется весьма скромной и даже наивной фраза аббата Сугерия о Людовике VI: „обязанность государей подавлять могущественною рукою, по первобытному праву своей должности (officii jure votivo) хищность тиранов, разбойничавших государство бесконечными войнами, полагающих наслаждение в грабительстве, разорителей вдовьих и разрушителей храмов божиих" (Vita Lud. Gr. 41); но для того времени во фразе этой заключалась целая и обширная политическая программа. Король по смыслу этой фразы, имел право и обязанность принимать под защиту свою всех обиженных и угнетенных, творить суд и расправу, применять к ответственности непокорных вассалов своих. Как видно скромные слова этой фразы прикрывали серьезный внутренний смысл ея.

Таким образом церковное влияние имело важное значение, потому что здесь впервые зародилась государственная теория, которая была противопоставлена всему феодальному порядку. Ранее чем явились юристы, изучившие Римское право во всей его полноте, ранее чем они сделались опорою королевской власти, церковь, руководствуясь древними преданиями, успевала направлять королей на предприятия, положившия начало совершенно новому порядку вещей. И мы не должны смущаться первыми робкими шагами, первыми незначительными повелениями актами Капетингской династии. Как справедливо замечает Гизо, здесь важны были не самые факты, но идея, во имя которой действовали новые короли и их руководительница, церковь.

„С Людовика Толстого начинается новая эра, говорит Гизо; объем его власти, самая сфера его деятельности еще весьма ограничены; результаты его усилий незначительны, по крайней

лицъ для настоящаго. Театромъ его подвиговъ почти всегда окрестности Парижа: онъ украшаетъ свое имущество и умъ противъ владѣльцевъ простыхъ замковъ, ограждаетъ безопасность дорогъ, защищаетъ купцовъ. Однако въ этихъ мелкихъ и другихъ, болѣе значительныхъ предпріятіяхъ можно замѣтить намѣреніе утвердить правильное, центральное правительство. Королевская власть (royauté) отдѣляется отъ ленного господства (seigneurie) и требуетъ, хотя робко, но отъ собственнаго имени, правъ другого рода. Она выступаетъ, какъ высшая общественная власть, призванная поддерживать въ пользу всѣхъ и противъ всѣхъ справедливость и порядокъ. Эта власть еще недостаточна для осуществленія такой задачи, но въ ней самой и въ умахъ ея подданныхъ уже пробуждается сознаніе ея достоинства и призванія. Такова характеръ царствованія Людовика Толстаго. Онъ мало сдѣлалъ для гражданской свободы, но много для образованія государства и національнаго правительства, онъ первый вывелъ монархію изъ феодальнаго порядка, давшаго ей новое начало, новое положеніе." (Guizot, notice sur Louis. Coll. d. mém. rel. à l'histoire de France. VIII, p. IX.)

Дѣйствительно, первые акты дѣятельности новыхъ королей были незначительны, но весьма важны для будущаго. Повсюдно — въ Пруссіи, Кастиліи, Арагоніи первоначальные факты были ничтожны; присоединеніе клочка земли посредствомъ купли или договора, разореніе феодальнаго разбойничьяго замка, наложеніе вассала — вотъ мелкія, незначительныя, но многознаменательныя проявленія пробуждающейся будущей великой власти. Идея собиранія земли, идея уничтоженія феодальной системы — вотъ въ чемъ заключается важнѣйшая сторона дѣятельности новой династіи.

Постараемся въ нѣсколькихъ словахъ указать основныя черты процесса, указать тотъ путь, по которому шла въ образованіи своемъ государственная власть въ лицѣ короля, ея представителя.

Процессъ этотъ въ сущности можетъ быть охарактеризованъ однимъ словомъ: сосредоточеніе, кото-

централизация*).

Концентрация эта выразилась в целом ряде фактов материальных и юридических. Материальные факты состоят в собирании земли, уничтожении отдельных политических властей, между которыми прежде разделена была политическая власть. Для знакомства с постепенным территориальным расширением Французского королевства и Прусской монархии можно рекомендовать Daste de la Chavanne, Histoire de l'administration en France т. I и Reinicke „Uebersicht der allmäligen Vergrösserung des Brandenburgisch-Preussischen Staates (1817 г.) прок. литература у Pözl „das Staatsrecht der Preussischen Monarchie I, стр. 47, прим. 3.

Очевидно, что государства прежде всего должны были сложиться территориально. Территориальная основа была в сущности уже готова, ибо самые феодальные были территориальными, или, лучше сказать, патримониальными союзами; оставалось только соединить разрозненные, самостоятельно существовавшие части в одно целое.

Но для нас наиболее важным вопросом является средоточение политических прав в руках одного лица.

При разборе этого вопроса, необходимо иметь в виду, что рассмотрению нашему должны подлежать те права, которыя составляют принадлежность всякой государственной власти, в какой бы форме она ни являлась: в форме ли власти монархической или республиканской и т. п. Рассмотрим же сосредоточение этих главных прав в руках королевской власти.

I. Одно из существенных прав, которыми располо-

---

*) Не следует смешивать это понятие с понятием централизации, когда власть не только сосредоточивается в руках одного лица или учреждения, но и отправляется им все. При концентрации власть может быть сосредоточена в руках одного лица, но отправление ея может быть поручено уполномоченным.

или феодальные владетели, было право войны и мира, право международных сношений. Каждый феодал имел право вступать в сношения с иностранными государями, заключать с ними договоры или мирно решать возникший спор. Право это, неограниченно применяемое, выродилось впоследствии в право частных войн, так что с течением времени можно было подумать, что Европа вновь находится под влиянием всех тех бедствий, произведенных нашествием варваров, - так мало безопасности представляли даже самые укрепленные замки.

Очевидно, что первою заботою возникающей королевской власти была защита слабых против сильных и вследствие этого отнятие у этих сильных права войны и мира.

Право это сделалось правом регальным, исключительною принадлежностью королевской власти. Процесс отнятия этого права, конечно, был длинен. Первоначально было ограничено право королевских вассалов созывать свое ополчение. Обыкновенно, в случаи необходимости, король обращался к королевским вассалам с требованием войска; эти последние в свою очередь, собирали другими второстепенными, подчиненными им вассалами и сами уже приводили их на службу королю. И так, право созывать другими второстепенными вассалов принадлежало вассалам королевским, которым часто пользовались или даже был согласен Король. Это было т. наз. ban и arrière-ban (Heerbolge, Gebot.) Ban означал и право короля созывать войско и власть с тем самое войско. Arrière-ban имело тот же два значения по отношению к вассалам.

Во Франции ограничение этого права вассалов выразилось в следующем законе: „Nul ne fera ban et arrière-ban que le roi et son fils." Еще прежде этого церковь старалась уже ограничить право частных войн учреждением так называемого „божьего мира" (la trève de Dieu, Treuga Dei), по которому

в известные дни недели нельзя было начинать войны. Но этого Божьего мира соблюдался, впрочем, столь неаккуратно, что необходима была более строгая кара за нарушение его, чем мягкия церковныя наказания. Строгая кара эта явилась в лице „королевскаго мира" (trève du roi), нарушение котораго вело за собою смертную казнь. Каждый спор с этого времени должен был решаться королевскими судом; частныя войны преследовались законом.

Это сосредоточение в руках короля права войны и мира давало ему огромный перевес надъ вассалами; до сих пор король, как учили inter pares, располагал только весьма небольшими военными средствами сравнительно с вассалами, в случае их совместнаго возмущения. Теперь, имея один право войны и мира, он сделался значительно сильнее их. Вместе с тем, второй важный удар могуществу феодальнаго ополчения нанесен был изобретением огнестрельнаго оружия и вследствие этого, замена конного войска пешими, набиравшимися преимущественно из низших классов населения. Третий удар было заведение постоянной армии, начавшей совершенно терять феодальное ополчение.

II. Вторым шагом к усилению прав Короны было расширение королевской юрисдикции. До сих пор право суда надъ низшими классами населения было сосредоточено в руках каждаго отдельнаго вассала. Король судил только в своем домене и своих коронных вассалов, которые в свою очередь имели право суда надъ вассалами второстепенными и вместе с тем обязаны были являться на помощь королю для отправления правосудия (Gerichtsban). Между королем и низшими классами не существовало пока еще никакой связи; необходимо было создать ее.

Прежде всего явились исключения (exceptii) в пользу королевскаго суда; некоторые случаи преступлений, преимущественно случаи, влекущие за собою смертную казнь (cas

чоуаих, cas d'éré) сдѣлались подсудимыми только королевской власти. Эти исключенія дали возможность королю сноситься съ народомъ и помимо вассаловъ. Право это еще болѣе расширено было посредствомъ апелляціи. Въ наше время, апелляція имѣетъ значеніе только процессуальнаго права, права перенесенія дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую для провѣрки. Въ феодальную эпоху, принимая во вниманіе отношенія вассаловъ къ своему сюзерену, апелляція являлась жалобою другому государю на своего государя, жалобою на своего непосредственнаго властителя короля. Такимъ образомъ второстепенный вассалъ становился наравнѣ съ своимъ господиномъ и судился съ нимъ у представителя высшей власти, короля. Въ силу этого права, король получилъ доступъ въ самое сердце феодализма, возможность эмансипировать слабыхъ и уравнивать права подданныхъ передъ лицомъ монархической власти.

III. Третье важное право, составлявшее исключительное достояніе королевской власти, было право финансовое, весьма обширное право, которое необходимо разложить на нѣсколько составныхъ элементовъ.

А) Прежде всего здѣсь является право установленія налоговъ, т.е. той части имущества, которую каждый долженъ былъ вносить государству для покрытія его издержекъ. Налогъ, являясь ограниченіемъ собственности, необходимо долженъ быть основанъ на извѣстномъ законѣ и не можетъ быть предоставленъ частной инициативѣ. Но такъ какъ права феодальныхъ владѣльцевъ были неограничены, то и рѣчи не могло быть между налогомъ и барщиною, отправляемою второстепеннымъ вассаломъ, почти не существовало. Частыя возстанія крестьянъ повели къ рѣзкимъ ограниченіямъ этого права владѣльцевъ, но полное разграниченіе понятія налога – части имущества, идущей на государственныя нужды – и повинности – идущей на пользу частнаго владѣльца – явилось только съ того времени, какъ короли сосредоточили въ рукахъ своихъ

Лит. Кавелина. Казанская, 18.

финансовое право. Прежде всего запрещены были налоги, право налагать которые сосредоточилось исключительно в руках короля. Кроме того, самая повинность (барщина) была определена и ограничена известными законами.

В) В связи с финансовым правом необходимо сказать и о праве финансовом, имеющем важное административное значение. Сюда относится монетная система, находящаяся в тесной связи с финансовыми операциями государства. Монеты являются орудием обмена и в качестве такого орудия, предпочитаются в серебряной или золотой валюте. Они одни являются наиудобнейшими орудиями обмена, ибо только одни имеют концентрированную ценность, тогда как все другие товары сравнительно более. Но для того, чтобы монеты исполняли свое предназначение и были удобными и верными орудиями обмена, необходимо прежде всего, чтобы внутренняя ценность монеты была равна номинальной, и чтобы сама монета (по весу и стоимости) была в возможной мере одинакова для многих местностей. Вот почему сосредоточение в руках короля монетной регалии было весьма важным и значительным правом.

IV. Скажем теперь несколько слов о концентрации в руках королевской власти прав по внутреннему управлению, тех прав, которые в широком смысле могут быть названы полицейскими правами и которые имеют в виду содействие их развитию благосостояния и обеспечение внутренней безопасности членов государства.

Эти два разряда мер имеют в виду две различные цели. Один разряд имеет в виду обеспечение внутренней безопасности и может быть назван в тесном смысле полицейским; другой — обеспечение народного благосостояния вообще. Совокупность тех и других мер является предметом внутренней администрации, всех тех органов, которые действуют в государстве, как делегаты верховной

власти. Эта то именно сторона государственной дѣятельности была наименѣе развита при возникновеніи королевской власти. Съ давнихъ поръ короли разсматривались или какъ военные представители только или же съ этимъ соединялись еще представленіе о королѣ, какъ о верховномъ судьѣ, какъ представителѣ правосудія въ странѣ. Что касается до заботъ о внутреннемъ благосостояніи, то онѣ первоначально были представлены мѣстными корпораціями и сосредоточились въ рукахъ феодальныхъ владѣльцевъ и городскихъ общинъ. Какъ уже было сказано выше, административная сторона впервые получила свое начало въ городахъ, какъ центрахъ торговли и промышленности. Полицейская часть въ городахъ явилась настолько хорошо организованною, что новая государственная власть даже черпала многое изъ опыта городовъ. Наконецъ и обезпеченіе условій идеальнаго развитія - религіознаго и умственнаго, сосредоточивалось не въ рукахъ королей, а въ рукахъ церкви бывшей единственною представительницею науки и просвѣщенія. Такимъ образомъ, государственная власть дѣйствительно является первоначально только со свѣтскою военною и судебною властью. Только по мѣрѣ того, какъ королевская власть подчиняетъ себѣ, своему надзору и опекѣ мѣстныя корпораціи и феодальныхъ владѣльцевъ, тогда только является и организація королевской власти по поводу самоуправленія. Первоначально, впрочемъ, государство преслѣдовало только свою собственную выгоду, по столько, по сколько и нужно было обезпечить для развитія общегосударственнаго благосостоянія. Этимъ объясняется и первоначальный характеръ государственной власти въ этомъ смыслѣ, порою приносившій не мало вреда, уничтожая зачатки самоуправленія и проводя исключительно принципъ централизаціи. Но въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь, усиленіе административной власти короля является единственнымъ средствомъ къ организаціи королевской власти.

V. На ряду съ расширеніемъ государственныхъ задачъ является и расширеніе юрисдикціонныхъ нормъ, которыми опредѣ-

лялись отношения отдельных лиц к государству и отношения этих отдельных лиц между собою, другими словами расширение законодательства. Первоначально все государства конституируют без определенного законодательства, общей законодательной нормы не существует. Каждый город, каждый феодальный владетель, каждый монастырь живет без определенных общих правил, по собственному, освященному временем обычаю. Правда, они представляют много сходных черт, но все же обязательная сила их зависит только от воли каждой отдельной корпорации, каждого отдельного феодального владетеля. Естественно, что при сосредоточении верховных политических прав объединение законодательства, единство в праве должно было сделаться первою задачею нарождающейся государственной власти. Задача эта подобно всем другим, осуществлялась мало по малу. На первый раз короли предприняли только общую кодификацию феодальных обычаев. Мера эта должна была удовлетворить пока первым практическим потребностям, ибо при объединении государства необходимою задачею являлось и объединение права, для того, чтобы дать возможность отдельным лицам заключать между собою сделки на основании общих законов, отправлять правосудие на основании тех же общих норм. Последствия этого были весьма важные. При общей редакции обычного права, редакции, направленной по воле королей, в законодательство вносили новые начала, вытекавшие феодальные обычаи.

Кроме того, принимая во внимание, что вновь редактированный сборник феодального права получил свое утверждение от короля, ясно, что обязательная сила его зависела теперь уже не от воли каждого отдельного лица или города, а от воли единой высшей власти в государстве.

В процесс видоизменения этого юридического материала важную роль играло Римское право. Институт Римского права, сосредоточившийся преимущественно в городах, между

городскою буржуазией, породило третий отдельный класс так называемых легистов, которые и теоретически и на практике противополагали Римское право праву феодальному, предпочитая обыкновенно первое последнему. И действительно, то Римское право, которое они изучали в школах и прилагали на практике было доведено до известной степени совершенства в своих определениях, в своих языке, в своих юридических формулах; самое название, даваемое обыкновенно этому праву, название ecrit raison (писаный разум) показывает насколько оно стояло высоко в мнении тогдашнего общества. Кроме того, не должно забывать, что Римское право, явившись средством к проведению известных положений, необходимых для усиления королевской власти, вместе с тем вело и на самую цель этой власти, способствуя ей в возвышению. Особенно сильно было это влияние во Франции. Благодаря ранней победе королевской власти над феодальным строем общества, Римское право могло быть переработано, амальгамировано с обычным феодальным правом. Напротив того, в Германии, где идея императорской власти постепенно падала и возвышалась власть поместных владетелей (Landeshoheit), там уже не было никакой возможности соединить амальгамировать Римское право с бесчисленными феодальными правами, господствовавшими в не менее бесчисленных феодальных владениях. Там не явилась необходимость или остаться при принятом разработанном и различном друг от друга законодательствах, или же принять Римское право, так действующее, что и было на самом деле сделано в Германии.

Таким образом Римское право явилось началом, внесшим в прежние феодальные элементы. Наконец, самая законодательная власть короля явилась элементом разрушения прежнего феодального строя. Королевские ордонансы

во Франции, королевские эдикты в Германии, исходившие только от короля, явились орудием, ликвидировавшим весь феодальный быт, так что мало по малу законодательная власть явилась совершенно сосредоточенной в руках короля и местные обычаи соблюдались только до тех пор, пока не противоречили общим законам.

Результаты всего вышесказанного были следующие: отправление государственной власти, выполнявшее ли прежде местное городское и феодальное большинство, сосредоточилось в руках одного лица или одного учреждения. Результатом этого сосредоточения явился в свою очередь факт разделения власти: государство начинает действовать через свои органы, через своих должностных лиц, явившихся одним целым с государством, представителями его требований, в противоположность требованиям частным и общественным. Факт этот весьма важен, так как объясняет появление особого класса должностных лиц, явившихся представителями государственной цели и прав, необходимых для осуществления государственных интересов; корпорация эта действует по уполномочию государства. В основание каждой должности, как бы высока или низка она ни была, ложится делегация от высшей верховной власти; это положение относится в равной мере даже и к тем должностям, которые представляют органы местного самоуправления: в основе и власти местной та же делегация от правительства.

VI. Из вышесказанного понятно, каким образом установилось местное и последнее право королевской власти - право установления должностей. Право это может быть разложено на 2 элемента: 1) государство создает известные должности и поручает определенным лицам или учреждениям их исправление.

2) Лица, назначаемые на эти должности, являются делега-

таки правительства, даже в тех случаях если власть и должность не выборная.

В настоящее время все эти вопросы кажутся нам совершенно ясными и поэтому современные исследования по науке права упоминают о них только в кратких чертах. Но во времена более отдаленные, когда государственная власть только что выходит из борьбы со старыми порядками, весьма важным является философское исследование этих порядков и детальная работа над правами этой власти, которые в совокупности составляют то, что называется государственным верховенством, суверенитетом (souveraineté, sovereignty).

Как научный термин, слово суверенитет было впервые употреблено французским ученым XVI в. Бодэном (J. Bodin), написавшим сочинение под заглавием „Six livres de la République." 1576.*) Бодэн дает следующее определение государству: „La République est un droit gouvernement de plusieurs ménages et de ce qui leur est commun avec puissance souveraine." (Rép. L. I. ch. I) - Государство есть правомерное управление несколькими семьями и того, что у них есть общего, верховною властью.

Что касается государственной власти, то он определяет и внешние признаки ея и внутреннее содержание.

Упомянув, что несмотря на видимые противоречия, мы постоянно убеждаемся в том, что суверенитет может принадлежать единственно королю, или народу, или вельможам (seigneurs), Бодэн переходит к точному определению настоящих признаков верховной власти (vraie marque de la souveraineté): „Итак ничего более высокого на земле, после Бога, говорит он, как государи (princes sou-

*) Изложение теории Бодэна, с указанием на уклоны, при которых она возникла, принадлежит французскому писателю Бодрильяру. (Jean Bodin et son temps, par M. Baudrillart, 1853).

vrains); они установлены или даже написаны Его для того, чтобы повелевать другими людьми. Необходимо иметь это в виду, оказывать им уважение и чтить их полным послушанием, чувствовать и говорить об них с честью, ибо тот, кто чтит своего государя, чтит Бога, образом которого государь служит." (Lv. I, ch. X.). Государственная власть, говорит Бодэн в другом месте не должна быть делимирована и временна; она не ограничена ни в могуществе, ни во времени, либо иначе она не будет суверенитетом, а только правительством, обязанным отдавать отчет в деятельности своей людям, тогда как государь обязан этим отчетом только Богу." (Liv. I, ch VIII)

Этих двух признаков достаточно для определения власти с внешней ее стороны. Относительно ее внутреннего содержания Бодэн распространяется весьма подробно; он перечисляет все права, входящие в принцип государственного верховенства: 1) право издания законов, общих и равно обязательных для всех, по собственному почину; 2) право последней инстанции (de dernier ressort) в судебных делах; 3) право установления налогов; 4) право установления должностей; 5) право войны и мира. Кроме того, сюда же необходимо добавить и некоторые второстепенные права: право чеканки монеты, установления мер и весов, конфискации имуществ и т. п.

Необходимо обратить особенное внимание на то, что процесс концентрации власти не должен быть необходимо связан с идеей власти монархической. Историческая обстановка возникновения суверенитета приводит к тому, что королевская власть вырабатывает существенные права власти государственной, субстанцию этой власти, ее общие признаки. Эти признаки должны содержать в себе какая бы то ни была государственная власть — монархическая, республиканская или иная; характер власти может измениться, но не могут и не должны изменяться эти существенные признаки ее. В действительности они, впрочем, и не изменяются.

Припомним французскую революцию; souveraineté du roi уступила место souveraineté de la nation, но разве измѣнилось отъ этого перехода власти изъ однихъ рукъ въ другія ея главные, неизмѣнные признаки?

Обратимся теперь къ весьма важному разсмотрѣнію практическихъ результатовъ этого процесса, опредѣлившаго юридическое положеніе государственной власти. Первымъ изъ такихъ практическихъ результатовъ должно было явиться разложеніе права частнаго (jus privatum) и права публичнаго, общественнаго (jus publicum). Въ феодальную эпоху права эти составляли часть поземельнаго права, принадлежавшаго только владѣльцамъ-феодаламъ. Установленіе налоговъ, право суда признавалось, какъ извѣстно, частью вотчинной дѣятельности и въ силу этого, могло быть уступлено, продано и т. п. Съ выдѣленіемъ государства, какъ особаго элемента въ обществѣ, выдѣлились и особые взгляды на эти задачи и на организацію, могущую осуществить ихъ.

Существеннымъ признакомъ публичнаго права является то, что оно существуетъ ради общихъ цѣлей; вся совокупность лицъ, обнимаемыхъ этимъ правомъ, обязана имъ не ради ихъ самихъ, а ради тѣхъ правъ, которыя они защищаютъ. Поэтому то и государственная власть должна въ принципѣ является не правомъ, а обязанностью, должностью (officium, а не beneficium). Въ понятіи же должностной начала права и обязанности такъ тѣсно связаны между собою, что отдѣлить ихъ въ сущности невозможно. Скорѣе даже можно сказать, что то, что мы обыкновенно называемъ правомъ, въ публичномъ правѣ есть въ сущности только обязанность. Такъ судья, администраторъ, военачальникъ и т. п. обязаны, повидимому, извѣстными правами; судья имѣетъ право творить правосудіе, администраторъ — наблюдать за ходомъ внутренняго управленія, военачальникъ — предводительствовать войскомъ; но если мы будемъ вглядѣться въ всѣ эти права, они, очевидно, окажутся лишь

именем, как только обязанностями судьи, администратора и военачальника, обязанностями, налагаемыми на лиц тем местом, которое они занимают в среде общества.

На это можно было бы сделать следующее возражение: право избирательное, которое получает каждый гражданин для выбора представителей, не может быть названо обязанностью, не есть право принудительное; избиратель может не подавать голоса, даже вовсе не принимать участия в совещании. Но в данном случае в заблуждение вводит только факт, а никак не самое право. Действительно, в настоящее время в европейском обществе избирательное право не считается принудительною обязанностью, но отсюда еще нельзя вывести, что оно не может сделаться его. Применительно к частному праву, в области частных отношений было бы немыслимо, избирательное же право может быть принудительным именно в силу своего публичного характера, как право, дающееся каждому гражданину для того, чтобы он по мере возможности участвовал в избрании лиц, управляющих государством. Таким образом, если бы даже законом обложением штрафом лицо, не являющееся на избирательные совещания, то это нисколько не противоречило бы природе самого права, а напротив, вытекало бы из него. И так, возражение против избирательного права не могло бы быть признано справедливым на вышеизложенных соображениях.

Государственная власть, следовательно, является должностью, построенной на базе публичного права, и этим она отличается от тех родов политической власти, которые существовали в феодальную эпоху т.е. в ту эпоху, когда обязанности верховной власти входили в сферу „собственной" деятельности владетеля-феодала. „Le roi est le premier serviteur de l'état" так характеризовал Фридрих II государственную власть, являющуюся в действительности

должностным элементом, права которого вытекают из обязанностей, лежащих на нем.

Вторым последствием образования государственной власти в смысле института публичного права является непосредственное ее отношение к каждому из управляемых. Припомним, что в эпоху феодального, поместного государства сюзерен был отделен от масс народа целою цепью вассалов; соприкасаясь только с одним из элементов общества, он не мог быть назван главою нации. Напротив, образование государственной власти на новых началах повело за собою тот результат, что каждый из управляемых был поставлен в непосредственное отношение к государственной власти и ее органам, как в отношении своих прав, так и в отношении своих обязанностей. Каждый имеет право требовать от государства одинаковой защиты своих личных и имущественных прав; каждый вместе с тем непосредственно исполняет свои обязанности государству: отбывание повинностей, уплата налогов — все это каждый из подданных исполняет непосредственно государству, а не сюзерену или ближайшему властителю своему. Другими словами: упразднение всякой частной зависимости одного человека от другого в смысле политическом было непосредственным следствием образования новой государственной власти. В свою очередь, все это приводит к третьему результату, а именно, что с установлением непосредственных отношений государственной власти к массе управляемых устанавливается и гражданская равноправность. Государственная власть не более и более должна действовать по законам, одинаково обязательным для всех, отправлять правосудие на общих для всех основаниях и т. п.; поэтому то, хотя в старых монархиях держатся и кое-где сословные рамки и преимущества в политическом

смысл, тем не менее все более и более распространяется гражданская равноправность, как логическое последствие вышеизложенных условий. Отсюда является понятным и четвертый результат образования государственной власти, а именно: как орган, действующий в интересах целого, она не может находиться в связи с каким либо общественным кругом лиц, в зависимости от их интересов. Она может действовать только для блага всей массы, рассматриваемой в качестве массы равноправной, имеющей одинаковые права в лице каждого из своих членов на заботу со стороны государства; она является свободной, отрешенной от общественных классов.

Из вышесказанного ясно, что представители власти, связанные с известными классами и осуществляющие только их интересы хотя исторически и могли существовать, но все подобную связь должно считать только искажением государственной идеи, могущим привести к гибели тот государственный строй, в котором она существовала. Так, гибель Французской монархии в 1789 г. обусловлена была именно ея связью с интересами только привилегированного круга лиц, невозможностью выйти из этой связи и сделаться представительницею новых, нарождающихся общественных потребностей. Подобно тому и Бельгийская монархия Людовика Филиппа, находившаяся в такой же тесной органической связи с интересами юридически привилегированного класса, выродилась быстро и пала при первом соприкосновении с народными нуждами и потребностями. Очевидно, что в подобных случаях государственная власть изменяла своему принципу и вела к гибели тот порядок, которого была призвана поддерживать.

Эти существенные последствия образования государственной власти находятся в тесной связи не только с тем историческим процессом, который были фактор-

рых нами выше, но и с самыми существенными постоянными интересами личными и общественными, которые она призвана или охранять, или осуществлять.

Заключение это приводит нас к рассмотрению некоторых вопросов, которые должны будут составить предмет нового отдела предполагаемого курса.

Отдѣлъ Второй.

Отношеніе государства къ личности и обществу.

Глава первая.

Все сказанное нами выше, имѣло въ виду установленіе государства, какъ факта. Мы указали на территоріальное единство, на извѣстные элементы, подъ вліяніемъ которыхъ устанавливается національность, наконецъ на государственную власть, которая росла вмѣстѣ съ народными элементами. Однимъ словомъ, мы установили фактическіе элементы государства. Постараемся теперь установить его отношеніе къ внутреннимъ требованіямъ общества. Разсмотрѣть эти отношенія значитъ въ сущности выяснить цѣль государства, объяснить государство не какъ фактъ, а какъ идею, какъ опредѣленное призваніе.

Прежде всего постараемся классифицировать всѣ тѣ отношенія, которыя намъ замѣтить далѣе при поверхностномъ обзорѣ:

1) Существуетъ цѣлый рядъ отношеній, которыя носятъ названіе личныхъ, частныхъ отношеній.

2) Рядъ другихъ отношеній, которыя мы назовемъ общественными; они являются въ извѣстномъ смыслѣ продолженіемъ отношеній личныхъ.

3) Отношенія политическія, государственныя по преимуществу.

Разсмотримъ, существуетъ ли какая либо связь между

ними, и если существуют, то какая именно?

Прежде всего нельзя не заметить, что бытие всех этих отношений и осуществление интересов, которые они предполагают, обусловлено существованием человеческого общества и государства. Когда напр. мы говорим, что два лица заключают между собою какую либо сделку, мы при этом заранее предполагаем существование закона, на основании которого они и заключают, существование правосудия, обеспечивающего ее, наконец, и это прежде всего, существование общества, без которого немыслимы бы были какие либо отношения. Точно не менее, нельзя предполагать, что отношения эти однородны по своему принципу.

I. Существует особый ряд отношений, которые предполагают возможность обособления человека, возможность сознать себя отдельным лицом и согласовать всю с личным своим интересом. Это – область частного интереса, в которой человек может действовать по началам так называемого законного своекорыстия.

Естественно, что сфера таких отношений есть сфера главным образом имущественная. Предметами таких отношений являются вещи (res) имеющия денежную ценность, следовательно, имущества движимыя и недвижимыя, все то, что может быть приобретено или уступлено за известную цену. Отсюда исключаются предметы, не могущие по природе своей иметь денежной ценности, некоторыя права, не подлежащия обмену или продаже.

К таким, существует другой ряд отношений, возникающих под влиянием чисто личного интереса, отношений, которыя сводятся к интересам имущественным, объектами которых являются предметы, имеющие денежную ценность.

В круг этих отношений для человека представляется возможность обособления. Экономическое это значит,

что принципом его дѣятельности въ данномъ случаѣ является его свободная воля, какъ источникъ всякой юридической сдѣлки и свободное согласіе съ другимъ лицомъ, если идетъ рѣчь объ установленіи взаимныхъ правъ и обязанностей. Слѣдовательно, всѣ такъ называемые частные гражданскіе акты, являющіеся предметомъ гражданскаго права (jus civile) предполагаютъ обнаруженіе свободной воли лица. Ихъ признаемъ мы называемъ юридическими потому, что только при этомъ условіи гражданскій законъ можетъ признать извѣстный гражданскій актъ нормальнымъ и взять его подъ свою защиту. Духовное завѣщаніе тогда только признается законнымъ, когда писавшій его заявитъ и свидѣтели утвердятъ, что онъ былъ въ „полномъ умѣ и здравой памяти", когда составлялъ этотъ гражданскій актъ. Точно также договоръ найма или займа тогда только имѣетъ силу передъ лицомъ закона, когда онъ является актомъ свободной воли договаривающихся лицъ.

И такъ, въ кругу этихъ частныхъ отношеній только тѣ сдѣлки признаются нормальными, которыя выражаютъ свободную волю извѣстнаго лица. Слѣдовательно, по отношенію къ этимъ гражданскимъ сдѣлкамъ, государственная власть ограничивается чисто отрицательною дѣятельностью. Она не опредѣляетъ содержанія этихъ гражданскихъ сдѣлокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ свободную волю частнаго лица въ извѣстные предѣлы, обусловливая ихъ слѣдующими соображеніями:

1) Публичнымъ интересомъ. Нѣкоторые предметы закономъ изъемлются изъ гражданскихъ сдѣлокъ, какъ не могущіе быть предметомъ ихъ, какъ вещи, не подлежащія торговлѣ (res extra commercium). Къ числу подобныхъ вещей принадлежатъ дороги, морскіе берега, города, общественныя зданія и т. п.; на первомъ планѣ, очевидно, стоитъ человѣкъ, какъ не могущій быть превращеннымъ въ вещь.

2) Соображеніями общественной нравственности. Всѣ-

ясно, что сделки, нарушающие общественную нравственность являющиеся предметом соблазна воспрещаются и не признаются государственными законами. Отсюда ясно следующее положение, повторяющееся во всех сборниках законов: „Jus publicum privatorum pacis mutari non potest – общественное право не может быть видоизменено частными соглашениями.

Code civile des Français. Not. prélim.: „On ne peut déroger par des conventions particulières aux lois qui intéressent l'ordre public et les bonnes mœurs.

Русск. грам. пр. I ч. X т. „Предмет договора определяется по взаимному соглашению договаривающихся; предметом договора может быть все то, что не противно законам и добрым нравам."

3) Известными определенными формами, в которых должны заключаться гражданские сделки и без наличности которых государство не берет их под свою защиту. Но в этом случае государственный закон имеет в виду обеспечение именно свободы лица, признание принципа свободного соглашения.

Таким образом сфера гражданских отношений проникается двумя принципами: 1) принципом свободной воли; 2) принципом договора (pactum). Экономически они сводятся на господство личного интереса.

II. Другая сфера отношений, которые мы назвали общественными, возникают уже под влиянием принадлежности лица к такому либо другому общественному союзу. Человек выступает здесь, не как отдельная особь, а как часть целого, часть общественного союза. Права, обязанности, интересы его в данном случае определяются именно фактом принадлежности его к известному союзу лиц. Для определения отношений общественных, для более ясного понимания различия между тою и другой сферою, необходимо остановиться на одном

обстоятельств, влияние которого дает возможность для более удобного перехода к рассмотрению общественных отношений.

Мы сказали уже, что область гражданских отношений есть область отношений личных. Принципами этих отношений мы указали свободу воли, личный интерес и договор. С точки зрения гражданского права не общество и даже не человечество представляет совокупность этих неприкосновенных единиц, которые соприкасаются между собою, когда хотят и которые могут и не делать этого, если не желают.

Человечество, с точки зрения гражданского права, представляется совершенно однородным. Но в действительности, если мы сойдем с почвы чисто-юридических отвлечений, то увидим, что самая область гражданского права предполагает три разряда. Все лица, вступающие в гражданские сделки, непременно различны между собою, ибо люди одинаковых положений в подобные сделки не вступают. Все договоры, известные в гражданском праве, как-то: аренда, наем, заем, продажа и купля недвижимых имуществ и т.п. непременно предполагают разницу общественных положений.

Итак 1) Вся совокупность гражданских отношений предполагает известное общественное различие.

2) Гражданские отношения никакого общественного смысла не образуют. На почве гражданских отношений никакой общественный союз возникнуть не может.

Отсюда ясно, что

3) Гражданские отношения не определяют общественного положения лица (status). Говоря, что известный человек — член такой-то акционерной компании, мы не определяем этим его status; но если мы скажем, что он принадлежит к классу землевладельцев, мы ясно

и определенно очерчивали его общественное положение. В первом случае они являются членами союза договорного, существующего до тех пор, пока того желают его участники; во втором — они являются членами общественного союза с постоянными интересами, постоянными потому, что они соединяются не только конкретных, данных людей, а целую массу, целые поколения и т. д. Так напр. община поземельная, город и т. д. являются союзами с интересом постоянным, соединяющим непрерывно сменяющееся поколение его участников. В этом то смысле мы и говорили, что в основе общественных соединений лежит тот или какой либо факт, тот или какой либо интерес, постоянно действующий на людей.

Кроме того, члены подобных союзов соединены между собой не частными и случайными интересами, а потому во всех своих действиях они поступают по побуждению целого, или во всяком случае, в интересах постоянного своего союза.

Глава вторая.

Образование общественных групп.

При рассмотрении образования общественных групп, мы должны иметь в виду известные постоянные интересы, под влиянием которых происходит это соединение

А) Первый разряд фактов, о которых мы будем говорить, стоит в связи с процессом экономического развития общества (в обширном смысле слова) т. е. с процессом разделения труда и занятий, имеющих в виду удовлетворение тех материальных так и нравственных потребностей человека. Факты этого рода представляются, быть может, наиболее важными для объяснения общественных различий и возникновения тех классов общества, которые имеются в каждой более или менее развитой стране,

поэтому мы должны будем остановиться на них с особенным вниманием.

Выше уже было сказано, что они находятся в связи с процессом разделения труда, поэтому прежде всего скажем, что в данном случае понимается под разделением труда. Разделением труда называется сложное сотрудничество в противоположность сотрудничеству простому.

Простое сотрудничество состоит в соединении многих сил над одной и той же операцией, напротив сложное сотрудничество есть распределение отдельных операций производства между разными лицами, получившими в силу этого работать в разные моменты и в различное время. Разделение труда является важным условием для улучшения производства, так как при специализации занятий каждый работник привыкает делать свое дело лучше и быстрее и кроме того изобретает новые улучшенные приемы и способы производства; вместе с тем разделение труда является удобным способом для соединения многих лиц над одной операцией; только благодаря разделению труда возможно соединение такого множества рабочих сил, как мы видим, напр. на больших фабриках. Следовательно, разделение труда является условием улучшения производства и условием ассоциации многих сил над одним делом.

Такова условия разделения труда с точки зрения экономической, но кроме того разделение труда является условием организации общества и поэтому должно быть рассмотрено по применению к обществу; мы должны разобрать его в его историческом развитии, рассмотреть, как оно явилось и в чем заключаются его последствия.

Как мы сейчас наши сказали относительно перво-

бытной истории человечества, тем не менее нам достаточно известно, что разделение труда могло явиться только при известных формах быта; о нем не могло быть и речи в бродячем состоянии населения, ибо те способы, при помощи которых люди бродячего быта добывают средства к существованию, не предполагают ни специальных занятий, ни даже постоянства труда; в бродячем состоянии человеческий труд направлен к добыванию готовых произведений природы: отыскивание плодов, корней, охота, рыболовство — вот занятия бродячего населения. Отсюда понятно само собою, что люди, находящиеся в бродячем состоянии, не привязаны к постоянному труду, ибо из своего бедственного выводятся только голодом. По простой задач разделение труда существует разве только в пределах семьи и ведет к ассоциациям только самых небольших размеров.

Способы удовлетворения человеческих потребностей несколько изменяются в оседлом состоянии; люди здесь необходимо должны несколько участвовать в производстве богатств, необходимых для удовлетворения их потребностей. Племена в бродячем состоянии не помогают природе производить необходимые для них продукты, но только разыскивают их; отсюда — редкость населения бродячих племен, постоянно меняющих места своего жительства вследствие истощения даров природы.

Напротив, при оседлом состоянии кочевья распространяются на известных пределах. Земля разделяется между известными племенами, не могущими переходить из своего района в места, где кочуют другие. Они принуждены самим участвовать в производстве; они не могут

более довольствоваться охотою, а должны сами разводить скот. Это участие человека в производстве блага ведет к тому, что блага эти накопляются в большем количестве у народов оседлых, чем у народов бродячих. У оседлых народов являются даже зародыши искусств и отчасти наук. Но и здесь разделение труда не существует еще в обширном смысле, благодаря простоте оседлых хозяйств.

Решительный переворот составляет переход в состояние оседлости т.е. в то состояние, когда связь между народом и территорией делается постоянною. Естественно, что тогда район, который занимает народ, не может давать ему все необходимые блага; он не может вместить в себе и удовлетворить местности, где кочевое племя, отсюда является необходимость извлекать все средства пропитания из определенного пространства земли; необходимость участвовать в самом производстве, воздействовать на природу; от простого первобытного скотоводства человек переходит к земледелию и скотоводству улучшенному. Земледелие, следовательно, предполагает труд упорный, специализированный; земледелец не может легко переходить от земледелия к другому занятию, как напр. кочевник, которым легко может сделаться воином, который сам должен защищать свои кочевья земли. Земледелец нуждается в защите, поэтому военные обязанности уже выделяются из сферы его деятельности. Одним словом, если мы обратимся к истории земледелия, то увидим следующее: земледелие остается источником богатства страны, но мало по малу являются побочные и добавочные занятия - приготовление орудий, приготовление одежды, утвари, мебели, военное

ремесло и т.д. Мало по малу занятія эти становятся самостоятельными, особенно по мѣрѣ того, какъ извѣстная страна входитъ въ сношенія съ другими народами, по мѣрѣ того какъ она обмѣниваетъ свои произведенія на произведенія другихъ. Рядомъ съ земледѣліемъ развивается промышленность мануфактурная, промышленность экстрактивная (добывающая) и т. п. Въ нѣкоторыхъ странахъ въ наше время народонаселеніе мануфактурное перерасло земледѣльческое (въ Англіи). Такимъ образомъ, мы видимъ, что рядомъ съ раздѣленіемъ труда происходитъ и специализація занятій въ томъ смыслѣ, что въ обществѣ образуются классы, избирающіе своимъ постояннымъ занятіемъ опредѣленную отрасль промышленности. Это обстоятельство, естественно вліяетъ и на видоизмѣненіе хозяйства каждаго отдѣльнаго лица, такъ какъ и цѣлаго общества. Въ состояніи первобытномъ общества каждое хозяйство производитъ все необходимое исключительно для себя. Этому принципу производства слѣдуетъ не только каждое отдѣльное лицо, но и каждая отдѣльная страна. Подобное хозяйство называется хозяйствомъ натуральнымъ. Съ раздѣленіемъ труда происходитъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, причемъ каждая отдѣльная личность посвящаетъ свои силы одному какому либо занятію и имѣетъ право пользоваться въ обмѣнѣ за свой трудъ услугами или произведеніями другихъ лицъ. Тоже можно сказать и относительно частей государства и наконецъ относительно цѣлой страны, производство которой обусловливается состояніемъ ея флоры и фауны. Послѣдствія этого явленія чрезвычайно важны для

общественных отношений. С переходом хозяйства в денежное, каждая отдельная личность не может удовлетворять всем своим потребностям своим личным трудом, а зависит от труда организующей мир. Скажем больше: ни один класс общества не в состоянии существовать без помощи других классов; из этого правила не исключается даже и класс производящий, который только также не мог бы существовать без целого ряда лиц, помогающих ему.

Если зависимость каждого отдельного лица от общества ясна, то, быть может, менее ясною покажется зависимость всего общества от труда отдельных лиц. Но и это, в сущности, вытекает уже из вышесказанного.

Действительно, при хозяйстве натуральном худшей или отдельного хозяйства имеет влияние только на него одного, тогда как при разделении труда, при специализации занятий, при переходе хозяйства от натурального к денежному, неправильно ведение дела одного лица или учреждения отражается на многих, часто даже влияет на торговлю и благосостояние целого края.

Каждое экономическое занятие находится в тесной связи со множеством других, что легко проследить во всех родах промышленной деятельности. Производство машин не может обходиться без горного дела, в свою очередь бывшего бы в застое, если бы не находилось желающих приобретать добытые или продукты.

Идя далее, мы увидим несомненную связь даже между такими родами деятельности, как искусство живописи и фарфоровая фабричная про-

мышленность, то же искусство и промышленность книгопечатание и т.п., не говоря уже о той, какую тесную связь имеет развитие чистых (точных) наук, как напр. математика, теория механики и др. с развитием прикладных знаний, необходимых для совершенствования и улучшения промышленности.

Таким образом, это тесная связь между всеми отраслями производства, всеми видами человеческой деятельности, устанавливает всестороннюю зависимость одного человека от другого, одной части общества от другой, зависимость, на экономическом языке носящую имя солидарности.

Эта система всесторонней зависимости выражается в двух положениях:

1) Каждое лицо в удовлетворении своих потребностей зависит от множества других.

2) Общий уровень общественного благосостояния зависит всегда от труда отдельных лиц.

Вследствие этого, в современной общественной деятельности труд каждого отдельного лица имеет общественное значение. Поэтому, если каждая отдельная личность имеет основание дорожить общими соединениями людей, то, наоборот, целое общество имеет основание дорожить каждым отдельным своим членом. Отсюда ясно, почему ограждение жизни, здоровья, имущества, чести каждого отдельного лица берет на себя все общество, тогда как, прежде, при господстве натурального, отдельная личность не была поставлена под общую защиту и должна была сама заботиться об ограждении своих прав.

С этой точки зрения должны мы, в сущности, рассматривать все общественные явления. Но, обращаясь к процессу развития общества, мы находим, что общество, или, лучше сказать, общественные группы, сами по себе взятые, не только не имеют солидарности, но по своим стремлениям приходят скорее к отрицанию этой солидарности. На этой то почве мы должны будем рассмотреть роль государства. Но ранее того, рассмотрим в кратких словах, построение общественных отношений на вышеуказанных началах.

Непосредственным следствием разделения труда в обществе является разделение на отдельные группы, разнящиеся между собою по интересам своим, но члены которых связаны между собою одним общим интересом. Разделение труда в сущности приводит к двум фактам: 1) разделению общества по занятиям и 2) к распределению богатств, что все вместе порождает различные общественные группы.

а. Разделение занятий, очевидно, образует отдельные общественные классы, из которых каждый имеет свое определенное призвание. Из этого, конечно, не следует, чтобы это разделение было раз навсегда предопределено; напротив, отдельные лица имеют полное право избрания себе рода занятий, но вместе с тем эти роды столь различны, что люди, принадлежащие к данной отрасли промышленности, непременно образуют отдельные группы с определенными интересами и призванием.

Различие этих групп устанавливается на следующих основаниях:

1) По роду труда; – труд умственный и физический и т.п.

2) По размеру тех объектов, на которые направлен труд; – труд земледельца и фабриканта; труд в деятельности мануфактурной и экстрактивной; труд умственный и промышленный и т.п.

3) Размер по той роли, которую каждый отдельный класс имеет в той или другой отрасли промышленности; – предприниматель и работник, руководитель и подчиненный, капиталист и человек, ведущий дело под чьим-либо надзором своим и т.п.

Таковы размеры, вытекающие из несходства занятий; вместе с ними устанавливается и несходство состояний.

6. При вопросе о распределении богатств необходимо иметь в виду два момента собственности, влияющие на положение и характер общественных классов, а именно: момент характера собственности и момент ее величины.

Распределение собственности по ее качеству есть без сомнения один из первоначальных фактов, предписывающих установление общественного равновесия по величине собственности, так как размер общественных классов по качеству собственности устанавливается в связи с разделением занятий. Очевидно, что с разделением общественных классов по предметам занятий должно произойти и разделение между этими видами собственности, которыми они владеют, размер между собственностью поземельной (у земледельца) и собственностью движимой (капиталом) у промышленника или купца.

И так, это различие между собственностью по качеству, собственностью поземельною и движимой устанавливается еще при самом зарождении разделения труда. В свою очередь оно влияет на образование особых общественных классов, с особыми политическими стремлениями, не говоря уже о других стремлениях. В странах Западной Европы, где это различие проведено гораздо резче, представители поземельной собственности отличаются резкими различиями политических стремлений от представителей собственности движимой. Представители земледельческого класса оказываются более склонными к устойчивости, к охранению существующих учреждений; напротив того, представители движимой собственности являются представителями и поступательного движения, защитниками либеральных учреждений и прогресса в социальном смысле.

Второй момент, влияющий на образование общественных классов — момент величины собственности — может быть отнесен и к собственности земельной и к собственности движимой: и там и тоже мы видим неодинаковое соединение капитала или земельных участков. Распределение собственности в этом отношении представляет чрезвычайное разнообразие; ни одна страна не является точным снимком с другой, ибо количество лиц, владеющих наибольшими суммами капитала или наибольшим количеством земли не одинаково в различных странах, вследствие множества исторических причин. Так земледельческие двух соседних стран — Англии и Франции представляется диаметрально противоположным. В Англии господствует

крупное землевладение, во Франции – мелкое, земля распределяется между большим числом собственников средней руки.

И этот момент играет такую весьма важную роль в образовании общественных классов, причем роль его в политическом, государственном отношении является такой же официальной. Крупные собственники являются элементом консервативным, охраняющим существующий порядок вещей, ибо сознают, что всякий переворот в государстве может вредно отразиться на их благосостоянии; в противоположность этому элементу часто застоя, который можно найти на высотах собственности, лица, лишенные ее, являются элементом разрушительным, что особенно ярко выражается в городском пролетариате.

Отсюда ясна и роль средних классов населения, не достаточно богатых, чтобы не желать перемены, не достаточно бедных, чтобы предпринимать разрушительные попытки; отсюда ясно и то, что в государства являются наиболее устойчивыми, в которых преобладает собственность средней руки.

И так, общественные классы устанавливаются под влиянием собственности. Под тем же влиянием устанавливается и иерархия их, т.е. степень их общественной и государственной власти. Эта иерархия может быть установлена с различных точек зрения и под различными историческими условиями, поэтому об общей иерархии говорить невозможно.

в. Во всемирной истории, человеческое общество прошло через три формы иерархии: <u>касты</u>, <u>сословия</u> и <u>классы</u>.

I. Форма кастовая соответствует географическому состоянию общества. Касты являются общественными соединениями, построенными или, лучше сказать, освященными религиозными началами. Въ сущности, мы не можемъ признать кастовое устройство построеннымъ на началахъ религіи, ибо тогда намъ пришлось бы согласиться съ тѣмъ, что брамины, кшатріи, вайсіи и судры, напр., дѣйствительно сотворены были Богомъ, какъ растенія, животныя и камни и, подобно этимъ послѣднимъ, не могли выйти изъ своего состоянія и перейти въ другую касту. Но мы видимъ напротивъ, что историческая подкладка кастъ совершенно не та; есть основаніе думать, что образованіе ихъ коренится въ завованіи чернаго автохтоннаго племени бѣлыми Арійскими, явившимися и первенствующими кастами – браминовъ, кшатріевъ и вайсіевъ; черные судры образовали послѣднюю, всѣми презираемую касту. Даже самое слово каста-чувствъ-дастъ основаніе предполагать, что подобное происхожденіе кастъ дѣйствительно существовало.

Въ основаніи кастоваго устройства лежитъ первобытное раздѣленіе труда въ самой простой, грубой его формѣ. Существованіе кастъ и трудность перехода изъ одной въ другую является весьма понятными, если мы вспомнимъ, что въ первобытномъ обществѣ при сравнительной трудности подготовки къ труду, при отсутствіи образованія, занятія естественно переходили отъ отца къ сыну, какъ наслѣдственныя.

Кромѣ этой естественной наслѣдственности занятій, являлось еще стремленіе усвоить извѣстныя занятія для извѣстнаго разряда людей – монополизировать ихъ. Понятно, что такая выгодная

занятія, какъ жреческое и военное, были укрѣплены за двумя первенствующими разрядами общества.

II. Сословія являются разницами чисто государственнаго характера. Въ чемъ же заключаются они?

Сословными разницами мы называемъ разницу въ правахъ и обязанностяхъ людей. Такъ, человѣкъ податного сословія разнится по правамъ и обязанностямъ своимъ отъ человѣка сословія привилегированнаго. Первый платитъ подати, послѣдній не платитъ ихъ; первый съ большими трудностями достигаетъ государственныхъ должностей, послѣдній имѣетъ право занимать ихъ и т. п. Въ принципѣ права эти являются наслѣдственными, передаваясь путемъ брака и рожденія. Слѣдовательно, сословныя разницы есть разницы юридическія; въ каждомъ государствѣ они составились совершенно особымъ путемъ: въ Западной Европѣ они являются остатками феодальнаго строя; въ Россіи они возникаютъ вмѣстѣ съ созданіемъ государственной власти, налагавшей на различные классы различныя тягла, соединяя съ этимъ и извѣстныя права. Поэтому и іерархія сословій соотвѣтствуетъ тѣмъ государственнымъ соображеніямъ въ чемъ и заключается разница ея отъ іерархіи, существовавшей во время оно.

Въ оную пору выше всѣхъ стояли люди, наиболѣе близкіе къ божеству — браминъ въ Индіи, жрецы въ Египтѣ и т. п. За ними слѣдовали тѣ лица, которыя предназначались для занятій военныхъ, для защиты страны отъ враговъ. Затѣмъ уже слѣдовали представители занятій матеріальныхъ — торговцы, земледѣльцы, ремесленники. Напротивъ

того, в этому государственному, первенство отдается тѣмъ лицамъ, которыя являются наиболѣе полезными для государства: на первомъ планѣ стоитъ дворянство, военная знать, затѣмъ духовенство, затѣмъ уже лица торговаго и промышленнаго сословія. И хотя юридическія различія до извѣстной степени совпадаютъ съ экономическими соображеніями.

III. Этотъ классовъ предполагаетъ юридическое равенство между всѣми гражданами. Всѣ пользуются одинаковыми правами и обязанностями, одинаково несутъ повинности, сословія, происхожденіе не имѣетъ вліянія на юридическое положеніе лица. Но если не существуетъ различія юридическаго, то самое образованіе классовъ предполагаетъ уже фактическое различіе между ними – различіе по занятіямъ, собственности, степени образованія и т.п.

Этимъ объясняется и іерархія общественныхъ классовъ; понятно, что послѣ того, какъ были устранены различія религіозныя, юридическія и политическія, основаніемъ въ общественной іерархіи явился моментъ количества собственности – Европейское общество вступаетъ въ моментъ олигархическій, въ эпоху господства нѣкотораго количества людей, стоящихъ высоко въ экономическомъ отношеніи.

Такова общественныя группы, образующіяся подъ вліяніемъ раздѣленія труда и распредѣленія богатствъ.

Б. Второй фактъ, вліяющій на образованіе общественныхъ группъ, есть различіе осѣдлости, которое совершенно не совпадаетъ съ первымъ: въ одной и той же мѣстности – городѣ, уѣздѣ, губерніи – могутъ быть соединены люди самыхъ различныхъ сословій или классовъ.

Основаніемъ для образованія подобныхъ группъ

является только общность оседлости, в таком случае союзы эти являются союзами политическими, как уже было сказано выше, напоминающими государство, и, как указано выше, по большей части фактически бывшими первоначально самостоятельными политическими единицами.

Влияние местности на образование общественных групп представляет несколько условий:

1, Естественные рамки местности, с рамками степенно орошения, рамками климата, почвы и т. п. Все эти условия придают местности свой особый оттенок, порождают ей одни свойственные занятия и населяют общественными группами разные интересы, словом — рамки географическое влечет за собою рамки экономические.

2. При обыкновенно сложной происхождении народности, населяющей каждое государство, в различных местностях остаются племенные оттенки, каждая местность этнографически разнится от другой, что несомненно замечается в каждом государстве.

3, Не следует забывать, что все современные Европейские государства сложились из местностей, бывших когда-то самостоятельными политическими целями. Большинство провинций были герцогствами, графствами, маркграфствами, княжествами и т. п.; города были также самостоятельными политическими единицами и традиции об этом сохраняются очевидно и до настоящего времени.

Вот тройной факт, под влиянием которого образуются местные рамки, поддерживаемые общностью оседлости, ведущею в свою очередь к общности интересов, как в порядке материальном, так и в порядке духовном. Общественные интересы,

Лит. Пазовского-Казанский. № 18.

касающіеся мѣстнаго благоустройства – основаніе школъ, библіотекъ, больницъ, устройство дорогъ, улицъ, торговъ – всѣ эти интересы роднятся сами собою подъ вліяніемъ общности осѣдлости, соединяющей данныхъ людей въ одно цѣлое.

Наконецъ, третій фактъ, вліяющій на распредѣленіе общественныхъ группъ, есть общность духовныхъ интересовъ.

Первое мѣсто занимаетъ тутъ вѣроисповѣданіе, религіозное. Какъ извѣстно, церковь есть союзъ вѣрующихъ, т.е. лицъ, соединенныхъ въ двухъ отношеніяхъ – 1) въ исповѣданіи извѣстныхъ догматовъ и 2) въ выполненіи извѣстныхъ обрядовъ этого исповѣданія, т.е. въ богослуженіи. Какъ подобный союзъ, церковь въ сущности, не имѣетъ соприкосновенія съ землей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ цѣлое ниже, она нуждается въ извѣстныхъ земельныхъ и матеріальныхъ средствахъ. Самое богослуженіе требуетъ, чтобы церковь имѣла храмы, слѣдовательно, земельное имущество; кромѣ того, устроивая школы, больницы, пріюты и т.п. церковь, очевидно, нуждается въ средствахъ матеріальныхъ. Словомъ, за церковью должно быть признано право пріобрѣтать собственность, отчуждать ее, пользоваться всѣми тѣми правами, которыя имѣетъ въ данномъ случаѣ каждое юридическое лицо.

Церковь, образуя общество, необходимо должна быть въ такихъ отношеніяхъ признана государствомъ: оно должно защищать ее, установить извѣстныя правила, которыми опредѣлялись бы отношенія ея къ ней; и тогда, слѣдовательно, возможно и необходимо существованіе церковнаго права, которое соотвѣтствовало бы этой формѣ человѣческаго общества.

Заключеніе. Такимъ образомъ мы видѣли три ряда условій, подъ вліяніемъ которыхъ образуются

Литогр. Здановскаго. Казанская, 18.

общественные группы. Каждая из них имеет свои особые интересы, имеет право на признание и осуществление их. Когда мы говорим, что известная группа имеет право на признание своих интересов, то это значит, что она имеет право и на организацию. Мы говорим, напр. о корпорациях торговцев, рабочих, предпринимателей и т.п. Каждый из этих интересов, воплощается в известной группе, которая должна иметь средства к осуществлению его. По-этому, с этой каждая местная корпорация только тогда и может осуществлять свои интересы, когда она приобретает возможность защищать себя; в силу этого то мы имеем право сказать, что каждая отдельная группа, также как и каждый отдельный человек, в круге своих интересов может руководиться только своекорыстием. Вот в каком смысле мы говорим об общественных противоположностях, когда утверждаем, что интересы землевладельца противоположны интересам труда, интересы капиталиста интересам рабочего и т.п.

Каждая отдельная группа имеет естественное стремление считать свои интересы за единственные интересы, каждая будет стремиться подчинить себе другие интересы, обратить в свою пользу всю общую силу; поэтому то отдельным группам не может быть присуще сознание общей солидарности, которое не выпускает ни одного общества или отдельную группу из представления. Напротив этого интересы каждой отдельной группы противоположны другой, и вместе с тем операции каждой из них так тесно связаны с прочими, что прекратив одну, тотчас же мы замечаем вредные последствия этого на другие.

Но, повторяем, что сознание солидарности, взаимной зависимости всех отраслей человеческой деятельности не принадлежит каждой отдельной группе людей, ставящей всегда свои интересы выше всех прочих. На этой то почве и вырастает деятельность государства, являющегося в данном случае органом общественной солидарности.

Глава третья.
Задачи государства.

Цели государства могут и должны быть определены условиями трояко рода:

1) Мы уже видели, что государство есть союз территориальный и национальный, следовательно, союз, представляющий из себя известное внутреннее единство, при сохранении которого он только и может существовать.

2) Государство слагается из подчиненных и им общественных групп, рассмотренных нами выше, следовательно на государство возлагается обязанность обеспечения сосуществования (coexistence) этих подчиненных и общественных групп, живущих под его властью.

3) Осуществление различных целей, как подчиненных, так и общественных групп возможно только при обеспечении известных общественных условий, которые не могут быть установлены деятельностью частных лиц или даже всех других общественных союзов, а требуют коллективной деятельности всего государства.

Сообразно со всеми этими и задачи государства разделяются на три отдела:

1) В качестве союза территориального и национального оно имеет известные политические за-

дачи, существование которых определяется целью обеспечения государственной безопасности и могущества в ряду других народов.

2) Обеспечение сосуществования частных и общественных групп сводится к так называемым юридическим целям государства.

3) Обеспечение условий внутреннего благосостояния определяет совокупность культурных целей государства.

И так, цели политические, юридические и культурные — вот три задачи государства. Из этого однако не следует, что эти три разряда целей не находятся в постоянной зависимости, не влияют друг на друга. Обеспечение внешней безопасности, упрочение государственного могущества содействует развитию внутреннего благосостояния, помогает государству осуществить известные экономические и финансовые цели, которые государство безусловно осуществить не в состоянии. Точно также и развитие экономического благосостояния страны ведет и к политическому усилению. Подобно тому, обеспечение сосуществования частных лиц и общественных групп в пределах государства содействует как экономическому развитию страны, так и ее политическому могуществу. И так, эти три разряда целей в своей практической деятельности связаны между собою. Но для удобства рассмотрения, мы расположили их по указанным выше категориям.

А. Рассмотрим прежде всего, в каком смысле государство является осуществителем известных политических общенациональных целей. Цели эти должны быть рассматриваемы в двояком направлении: 1) в отношении внешнем,

2) в отношении внутреннем.

В отношении внутреннем государство дает: 1) пространственное определение известному народу, т.е. оно одно имеет характер союза территориального; только благодаря существованию государственных границ возможно определенное (в государственном смысле) существование одного народа среди других. 2) Государство, как территориальный союз является единственным условием политического существования нации, ибо вне политического авторитета, могущего собрать в одно целое части государства, оно представляло бы только отдельные группы (города, сельские общины, церковь и т.п.) но не было бы единым политическим организмом, которым обязан быть каждый более или менее развитой народ. Этим объясняется значение и другого разряда государственной деятельности, т.е. того средоточения политических прав в руках центральной власти, о котором было говорено выше. Со сосредоточением политического суверенитета страна представляет одно целое не только в физическом, но и в юридическом отношении; главные отправления политической жизни получают известное единство, выражающееся не только в администрации, суде, финансовой системе и т.п. но даже в деятельности отдельных лиц, поскольку они имеют отношение к политике. Начать преобразование общенационального оттенка, является возможность народного представительства, выражающего права и желания нации как целого, оформленные словом, является возможность проявления народной силы в общеполитическом смысле. Но эта политическая жизнь нации предполагает предварительное существование той силы, которая бы соеди-

няла в одно целое отдельные части нации.

Отсюда ясно, что деятельность государства необходимо должна быть направлена к поддержанию этого единства. Цель эта особенно ясна в государствах централизованных (напр. Франция, Англия, Италия) но не может быть исключена даже в государствах, представляющих федеративное устройство, хотя в подобных государствах отдельные части или являются самостоятельными политическими организмами. Мы знаем, напр. что в эпоху Американской войны 1861-63 г. понятие Южных Штатов разрушить Союз рассматривалось, как противогосударственное действие, как мятеж и были подавлены вооруженными силами Севера, после чего союз сделался вновь во всей своей полноте.

Таким образом, поддержание внутреннего государственного единства является первою политическою целью государства.

Затем, во внешних отношениях система политических целей может быть подразделена: 1) на цели внешней безопасности, причем прежде всего является забота об охранении территории от насилия других держав.

Цель эта может быть осуществлена разными путями:

1) мирными путями – совокупностью учреждений, являющихся средствами для предохранения отношений столкновений;

2) организацией военных сил, имеющей в виду защиту государства от внешних врагов.

Наконец, политические цели выливаются в ряд действий, имеющих в виду увеличение могущества государства. Сюда относятся: приобретение выгодных морских стоянок, занятие стратегических пун-

тов, обеспечивающая безопасность и влияние государства, совокупность мер, обеспечивающих интересы народа в совете народов, словом, весь мирь, сводящийся к обеспечению народной власти и защите его интересов в случае как международных столкновений, так и простых ссылок. Причина, по которой в международных отношениях имеет особое влияние государственное могущество объясняется весьма просто. Отношения отдельных лиц и объективных групп, живущих подь одним законом, гарантированы государством и могут быть регулированы по началам юридической справедливости и охраняемы органами этой справедливости - судами. Но судебная деятельность суда предполагает подчинение одной верховной власти и одному общему закону. В международных сношениях ни во что подобного нет; надь государствами не существует общего закона, общей верховной власти; отношения их между собою регулируемы главным образом свободными соглашениями, различными трактатами, конвенциями и обычаями, но не имеют гарантий в сильном и беспристрастном органе правосудия, каким является суд внутри каждого государства в отдельности. Вот почему понятно, что дело обеспечения интересов каждого государства рядом с началами справедливости необходимы и хорошо организованная военная сила.

Естественно, что рассматриваемая с точки зрения международных отношений государство должно направлять свою деятельность на обеспечение и поддержание своего могущества. С другой точки зрения должны быть рассматриваемы тех отношения, в которых государство стоит к

к частным лицам и общественным группам. В этом отношении оно должно быть прежде всего органом справедливости, ибо с точки зрения субъективной, оно прежде всего является юридическим порядком, условием осуществления прав каждого и обеспечения его законных интересов; по отношению к личному интересу каждого отдельного члена государства справедливо то положение что Гоббсъ недочет фундаментум – справедливость есть основа государства. Сам он не достигает эту цель, то не может рассчитывать на долговременное существование. Если личные интересы каждого не имеют прочной гарантии в государственном порядке, то все общество переходит в состояние анархии, в то состояние, в котором сила является правом – и государство необходимо распадается и падает.

Б. Рассмотрим теперь, в чем выражается деятельность государства в юридическом отношении?

1) Прежде всего, деятельность эта выражается в установлении общих и равных для всех юридических норм, одинаково обязательных для каждого члена государства. Государство обязано обеспечить сосуществование отдельных лиц и общественных классов одинаковым покровительством обязано и равно для всех закона. Общность юридических норм вытекает прежде всего тем, что само государство предполагает внутреннее единство. Для обеспечения его необходимо, чтобы условия приобретения, пользования и т. п. были одинаковы во всем государстве, словом, чтобы та доля гражданских прав, которою могут пользоваться члены государства, была

одинакова во всем пространстве его.

Следовательно, общность закона является с одной стороны условием государства, с другой – условием равноправности всех лиц, живущих в государстве. Это второе положение тесно связано с идеей общности государства. Но что называем мы равноправностью?

Равноправностью называется одинаковость условий, при которых известные лица, живущие в государстве, могут быть субъектами прав, т.е. приобретать те права, которыми государство вооружает человека для исполнения его целей – равные права по собственности, по договорам и обязательствам, равные права участия в общественной деятельности и государственной службе, равные права обеспечения имени, чести, личной свободы, словом, те права, без которых немыслимо юридическое понятие личности (persona). Таким образом под именем равноправности мы разумеем: 1) равенство в условиях приобретения прав и 2) равенство содержания прав, и отсюда, как естественное следствие этого положения – отсутствие привилегий для отдельных лиц или сословий. Это равенство прав, подобно единству закона, ведет к той же результату – к единству государства. Чем менее полным является равенство прав, тем менее полно и единство государства, тем более разнообразны его части; тем более полно равенство прав, тем более крепко и единство государства, которое превращается таким образом действительно в народ (Volk), связанный единством положения и приобретения прав, предоставляемых каждой человеческой личности. Таким образом юридические лица

имеющая в виду сосуществование отдельных лиц и общественных групп дает и политические результаты – установление единства через пользование одинаковыми правами.

Мы заметили уже, что юридическая роль государства одинакова и для отдельных лиц и для общественных союзов, составляющихся под влиянием указанных выше условий. Но из этого еще не следует, чтобы в области общественных отношений государство не должно было идти дальше, чем в области отношений частных. Мы видели уже, что государство признает законными и берет под свою защиту те гражданские акты, в которых обнаруживается свободная воля, свободное соглашение договаривающихся лиц. Но, в виду общественных различий, оно должно итти здесь несколько дальше, вводя требования публичного права в такие отношения, которые по-видимому представляются чисто-частными, основанными только на свободном договоре и воле двух или нескольких лиц.

В доказательство этого мы приведем один существенный пример, а именно рабочий контракт, заключаемый при различных промышленных операциях между предпринимателем и рабочими. В точки зрения частного права, рабочий контракт является результатом свободного соглашения между двумя лицами, из которых одно предлагает труд свой, другое – вознаграждение за этот труд. Следовательно, если контракт составляется под влиянием обоюдного соглашения, если он не противен общественной нравственности, то он может быть определен контрактами и государство не имеет

повода вмешиваться в содержание его. Но в западных государствах мы видим однако, что государство старается вмешаться в эти отношения и по возможности определить сущность самих контрактов. Так, строго-определенными правилами, государство договорам хозяину рассчитывать своих рабочих не иначе как деньгами, отнюдь не допуская расчета натурою, съестными припасами, одеждою и т.п. В сущности, здесь является как бы стеснение свободы договора; на чем же основывается государство, вводя подобные ограничения?

1) При неравенстве условий, в которых находятся предприниматель и рабочий, они в сущности являются не одинаково-свободными в самом заключении договора.

2) Рабочий отдает в распоряжение предпринимателя не только труд свой, но и личность, ибо труд не может быть отделен от личности.

Следовательно, рабочий контракт устанавливает власть не только над трудом рабочего, но и над личностью его, и предприниматель получает таким образом возможность злоупотреблять личностью рабочего, что случается нередко в промышленной практике. В данном случае закон стремится защитить рабочего от той слабости, в которой он находится относительно предпринимателя-хозяина.

Вот почему элемент публичного права вносится в частные отношения, которые в подобных случаях не могут быть рассматриваемы как результат вполне свободного соглашения двух договаривающихся лиц. В таких случаях задача государства двух сторон высокою целью, захватывая,

кроме юридических и культурных целей.

В. Деятельность государства по отношению к культурным задачам состоит в обеспечении тех условий, которые необходимы для внутреннего благосостояния страны.

Под именем благосостояния мы разумеем соответствие между потребностями и средствами к их удовлетворению. Определение это, хотя и является несколько формальным, но дает все же ясное понятие о той деятельности, которая имеется в виду при обеспечении этого благосостояния.

И так внутреннее благосостояние страны есть соответствие между ее потребностями, непрерывно развивающимися, постоянно прогрессирующими, и средствами к их удовлетворению. Таким образом мы рассматриваем теперь потребности не как величину постоянно себе равную и неизменную, а как величину беспрерывно развивающуюся.

Этим объясняется и тот факт, почему деятельность, имеющая в виду обеспечение этого благосостояния, должна также развиваться из поколения в поколение, почему те средства, которыми располагало для этого, напр. прошлое столетие, не годны для настоящего и т. д. Скажем более: отношение между потребностями и средствами к их удовлетворению никогда не находится в соответствии, ибо первые развиваются быстрее, чем совершенствуются последние.

Рассматривая деятельность государства в этом отношении, мы должны иметь в виду, что средства эти создаются трудом как отдельных единиц, так и общественных групп; — деятельность государства ограничивается деятельностью

отдельных лиц. Государство не должно становиться на место предпринимателя и производителя, а должно заботиться об обеспечении внутреннего благосостояния, на сколько оно может быть создано трудом отдельных лиц. При рассмотрении этих условий общественного благосостояния, мы можем подразделить государственную деятельность на несколько отдельных разрядов.

1) Деятельность эта может быть направлена к сохранению известной наличности общественных сил, к предотвращению тех бедствий, которые могут уменьшить или то количество необходимых для производства сил, которыми страна располагает в данную минуту или количество уже накопленных богатств. Сюда относятся общие меры, имеющие в виду обеспечение страны от пожаров, наводнений, болезней и т.п. общественных бедствий. Следовательно в деятельности правительства должны иметь в виду: а) меры предупредительные; - цель эта достигается законодательною деятельностью государства, известными постановлениями и правилами для предохранения от различных подобных несчастий; б) организацию сил для борьбы с уже наступившим бедствием; с) различные приспособления для спасения того, что уже готово сделаться жертвою бедствия.

Выше мы уже сказали, что эти действия имеют в виду охранение известных сил, необходимых для поддержания в стране определенного уровня производства. При этом мы должны иметь в виду два случая: 1, когда государство охраняет производительные силы, т.е. самую природу; 2) когда оно охраняет производителей, т.е. на-

семие. К первому разряду случаев относятся общие постановления государства (и меры направленные к исполнению его) которые имеют в виду регулирование пользования известными силами и элементами природы — постановления о вырубке лесов, времени охоты, способов рыбной ловли и т. п. Под вторую рубрику можно подвести самую разнообразную деятельность государства. Сюда относятся меры направленные против вырождения населения, меры, имеющие в виду регулирование брачных союзов, медицинская и санитарные меры*) и т. п.

2) Деятельность государства может также вытекать из потребностей не настоящих, а будущих, т. е. в таком случае деятельность государства определяется нарастанием новых потребностей, возможностью удовлетворить еще не развившиеся, но уже начинающие сознаваться потребности.

Следовательно, эта деятельность направлена к развитию производительных сил страны. При этом развитии мы имеем дело с самыми разнообразными мерами смотря по их объекту. Прежде всего мы встречаемся здесь с совокупностью мер, необходимых при развитии производительных сил страны в экономическом от-

---

*) Необходимо различать меры собственно медицинские от мер санитарных. Под именем мер медицинских разумеется организация помощи лицам уже заболевшим, обучение медицинского персонала, устройство аптек и т. п. Санитарные меры направлены к предотвращению зараз и различных повальных и других болезней; сюда относятся: осушение (дренаж), меры строительного надзора, меры надзора за пищей и т. п.

ношение, напр. в отношении частном. Здесь деятельность государства принимает уже совершенно новый оттенок. Мы видели уже, что в известных случаях государство должно становиться на место производителя; здесь же, наоборот, оно должно часто обязано брать на себя известные предприятия или, лучше сказать, инициативу их, ибо каждый частный предприниматель соизмеряет выгоды свои в ближнем будущем, государство же способно брать на себя предприятий, не руководясь такими экономическими соображениями, не получая даже никакой выгоды, но рассчитывая только на повышение общественного благосостояния в будущем. Такого рода государственные предприятия могут быть самыя разнообразныя; - устройство гаваней, урегулирование площади, на которой развивается известное производство, осушение болот, ирригация сухих местностей, и т.п. Государство даже должно брать на свой страх инициативу известных предприятий; так напр. в местности, где не было земледелия, но по климатическим условиям оно может существовать, государство должно примером своим вызвать производительность.

Конечно, подобного рода деятельность государства не нужна там, где народ достаточно предприимчив и энергичен; так напр. было бы совершенно излишним чтобы правительство Америки принимало на себя подобную работу; но в других государствах, как напр. во Франции, государство явилось инициатором массы предприятий, вызвавших потом целыя отрасли частной промышленной деятельности.

Упомянем еще о другой отрасли деятельности государства несомненно способствующей

развитию экономических сил страны, а именно, совокупность тех мер, которые облегчают обмен продуктов производства между разными частями и местностями государства. Сюда относятся: сооружение железных дорог, устройство каналов, телеграфное и почтовое сообщения, установление единства монетной системы, мер и весов и т. п. Этого рода предприятия имеют в виду содействие экономическому развитию страны; они имеют в виду будущее, а не настоящее; так, железных дорог иногда проводятся в таких местностях, которые в данное время как бы не нуждаются в них, но они нужны потому, что вызывают промышленность, создают ее даже там, где ее совершенно не было.

В области умственной мы прежде всего должны говорить о народном образовании, которое содействует развитию и прогрессу государства, а стало быть и его экономическому благосостоянию. Потребность народного образования весьма рано могла быть названа современною, в том смысле, что потребность эта не принадлежит обыкновенно к числу тех, неудовлетворение которых в данное время повлекло бы за собою существенное расстройство. Сказали более: потребность эта существовалась обыкновенно так мало, что необходимо было привлекать к образованию даже высшие слои общества путем государственных постановлений.

И так, потребность в умственном развитии является позже других и в этом случае обыкновенно государство становится во главе народа, ибо, принимая в свои руки управление страною, оно делает его настолько сложным, столь

А. Грузбей.

требующими предварительной подготовки. Для функции его могут быть ~~открываемы только~~ лишь образованные. И ~~как~~ государство прежде всего принимает вопрос для себя и с самой грубой точки зрения: оно подготовляет себе администраторов, техников, юристов и т.п. Но это не есть образование специальное, имеющее мало общего с образованием, потребность которого является в самом обществе и которую государство впоследствии старается удовлетворить. Условия, под влиянием которых слагается потребность в общественном образовании находятся в связи с развитием гражданских и политических прав в массе. Пока образование является только принадлежностью высших классов общества, государство не предпринимает никаких мер в этом направлении. Так, в Англии, до начала нынешнего столетия не было и намека на то, что называем мы министерством народного просвещения. Образование сосредоточивалось только в высшем обществе и народного образования совершенно не существовало. Как только явилась потребность в нем, правительство взяло на себя инициативу дела и теперь система народного образования в Англии уже разработана довольно удовлетворительно. Причины, по которым выливается в данном случае деятельность правительства, состоят 1) в том, что развиваются гражданские и политические права массы. Естественно, что пока масса не имеет гражданских прав, она даже не должна быть образована, ибо это сделало бы ее тяжелое положение совершенно невыносимым; 2) Участие масс в общественных и политических делах, призвание их

Лит. Пазовского, 18.

к участию в администрации, в суде и т. п. должна необходимым известную долю умственного развития для того, чтобы сознательно относиться к правам и обязанностям своим. Вот почему с развитием гражданских и политических прав в массе является необходимость дать ей хотя минимум знаний, благодаря которым человек может сознательно относиться к окружающим его предметам. В этом и состоит задача народного образования, которое, как показывает система европейских государств, может быть и обязательным и даровым. Обязательным - потому что родителям согласно закону должно посылать детей с известного возраста в школу; даровым, в том смысле, что лица, посещающие школу, не платят ничего. Школу содержит или само государство, или же сельская или городская община; иногда существует смешанная система, т. е. правительство выдает единовременные субсидии общине или городу на содержание школ. Такими образом постепенно создается подготовка поколений образованных, необходимая в новое время в виду безостановочного развития гражданских и политических прав в массе.

Г. Новый разряд задач, которые вызывают деятельность государства, возникает из соотношения общественных классов. Эти задачи, о которых было говорено выше, относятся ко всем гражданам одинаково, и государство не имеет в виду какого либо одного класса общества; задачи эти вызываются потребностями всего государства. Скажем теперь о тех задачах, ко-

торыя вызываются неравенствомъ положенія общественныхъ классовъ и соотношеніемъ ихъ въ экономическомъ смыслѣ. Задачи эти могутъ быть названы социальными.

И такъ, они вытекаютъ изъ отношеній общественныхъ классовъ, т.е. извѣстныя общественныя явленія предполагаютъ, что причина ихъ коренится именно въ экономическомъ, умственномъ и т.п. различіи общественныхъ классовъ. Между тѣмъ мы указали, что конечная цѣль государства есть возможное развитіе и благосостояніе всѣхъ его участниковъ, что оно не можетъ быть связано съ какими либо частными интересами, что по своей-ро-ли не можетъ быть никакимъ классомъ, какъ органомъ всеобщаго благосостоянія. Вотъ почему на немъ лежатъ извѣстныя задачи, возникающія изъ общественныхъ отношеній. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на историческомъ разсмотрѣніи государства въ тѣ эпохи, которая предшествовала образованію современныхъ государствъ. Старинныя государства были государства сословныя; нынѣшнія – должны разлиѣ классовъ, а не разлиѣ сословій. Но и въ эпоху преимущественныхъ, государственная дѣятельность стремилась къ уничтоженію сословныхъ разлиѣй, къ устраненію тѣхъ бѣдствій, которыя были связаны съ этими юридическими принципами.

Остановимся только на одномъ примѣрѣ: старинныя государства, существовавшія до конца XVIII ст. знали промышленныя монополіи, т.е. право промышленности было сосредоточено въ рукахъ извѣстныхъ корпорацій,

(цехов) члены которых не допускали других мастеров к занятиям этой промышленностью и выведенных этого другими в постоянной зависимости подмастерьев, учеников, не давая им возможности возвыситься до самостоятельного значения в ремесле. Таким образом причина неудовлетворительного состояния промышленности была главным образом юридическая и коренилась в неравенстве прав, в монопольных уставах, в силу обычая и давности другим.

Отсюда ясно, что и декларация прав 1789 г. и конституция 1791 г. направили свои удары на уничтожение привилегий, обусловливавших экономическую зависимость низших слоев населения от высших и средних. И так, когда мы обсуждали различные мероприятия и юридические акты конца XVIII и начала XIX ст. мы не имели права сказать, что деятели и государственные люди того времени не понимали экономических вопросов. Напротив, они хорошо понимали все это, но выяснилось потом впоследствии, что главная причина ненормальных соотношений классов между собою была чисто юридическая. Когда эти отношения были уравнены, тогда легче и рельефнее выразилось и экономическое неравенство, вызвавшее в свою очередь определенные законодательные меры в Западной Европе.

Постараемся подвести социальные задачи государства под известные категории, которые соответствовали бы различным сторонам государственной деятельности, различным формам помощи, которую государство

могут оказывать этим членам и классам общества, которые поставлены в ненормальное положение.

Мы употребили слово помощь и действительно, к этому сводятся основные признаки социальной деятельности государства. В этом отношении можно было бы сделать возражение, что государство едва бы взяло на себя не подчиненную ему роль, ибо задачи государства заключаются в том, чтобы предоставить каждому возможность пользоваться своими силами, охраняя его только от посторонного насилия. Но эта деятельность государства была бы достаточна, если бы не существовало общественного неравенства, которое заранее определяет права лиц, сходящихся между собою в различных гражданских отношениях и различных экономических предприятиях. Поэтому если мы признали, что конечная цель и назначение государства заключается именно в развитии всего политического организма, то нельзя не согласиться, что оно обязано принимать на себя помощь таким общественным классам, которые поставлены в ненормальное положение. В какой же форме должна выражаться эта помощь?

Формы эти могут быть весьма различны, что вполне зависит от тех положений, в которых могут стоять лица, принадлежащие к обделенным общественным классам. Рассмотрим последовательно, эти положения различных классов, требующих помощи, из этого уже сами собою будут вытекать и различные формы социальной дея-

тельности государства.

I. Положение самое трудное, заключающееся в том, что известные лица или даже совокупность лиц приводятся в такое состояние, что бывают лишены возможности существовать своим трудом или вообще существовать независимо. Это положение называется бедностью или нищетою. Понятия эти совершенно различны, так как бедность есть только недостаток средств, который может быть временным, вследствие прекращения работы или экономического кризиса, или только недостатком в том смысле, что не весь годовой бюджет может быть покрыт собственными средствами известного лица; нищета же есть полная экономическая беспомощность, когда человек не может существовать самостоятельно, а нуждается в постоянной помощи других. И так бедность есть только недостаток средств, нищета — полное отсутствие их.

Сообразно с этим может быть организована и общественная и государственная помощь в отношении к этим классам населения. Положим прежде всего, как должна быть поставлена эта общественная и государственная благотворительность.

Она может быть поставлена правильно только при двух условиях, чтобы она не имела характера случайной помощи, не была руководима филантропическими соображениями. Филантропический характер деятельности предполагает совершенно неправильный взгляд на такие явления, как бедность

или нищета; они определяются прежде всего чувством сострадания к отдельным лицам, нуждающимся в помощи. Мотивы этих мимолетных и не могут послужить основой деятельности, поставленной разумно и целесообразно. Напротив, государство обязано относиться к подобным явлениям, как к серьезному общественному злу, могущему иметь важные последствия; оно должно относиться к бедности и к нищете как к условиям, при которых образуются различные ненормальные явления – умственное расстройство, извращение нравственности, развитие пороков, преступлений и т.п.

Поэтому то филантропическая деятельность является по существу своему совершенно свободной; напротив, деятельность государственная и общественная не могут быть произвольны. Государство принимает на себя серьезные обязанности и налагает на плечи общественные союзы. Вспомоществование государственное и общественное может выражаться в различных формах:

1) Временною помощью лицам, впавшим в бедность.

2) Постоянною помощью, когда известная категория лиц по необходимости берется на содержание государства или общественных союзов.

Следовательно, помощь эта может осуществляться: 1) при существовании определенного налога в пользу бедных; 2) при помощи постоянных благотворительных учреждений

хал то: приютов, больниц, богодельных, рабочих домов и т.п. 3) при помощи официальных лиц, облеченных со стороны государства обязанностью заправлять этими домами.

II. Второй род помощей, выливающих государственную и руководимую государством общественную деятельность заключается в следующем. Помощью известный класс лиц находится в таком состоянии, что может существовать и поддерживать свое потомство, не не имеет средств возвыситься над своим положением, стать в более благоприятные условия жизни. Результатом этого являются такие вредные последствия для всего общества, потому что целый разряд сил, могущий быть весьма полезным для промышленности, остается на степени механического, служебного труда и не в состоянии возвыситься до предпринимательской деятельности. Отсюда понятно, что необходимо установить целый ряд условий, которыя бы помогли известным лицам возвыситься над их настоящим положением. Сюда относится организация кредитная, установление т.наз. мелкого и дешевого кредита, организация сберегательных касс, вспомоществование при самом начале предприятия, осуществляемое лицами рабочаго сословия и т.п.

III. Третье обстоятельство, такое весьма важное, заключается в том, что известные классы общества не могут быть приобщены к культурной деятельности государства, не могут воспользоваться теми благами, которыя выработала деятельность общественная

группы - ни в умственном, ни в религиозном, ни в эстетическом смысле. Отсюда ясны тот вредные последствия, которые могут иметь для жизни общества и государства. Во время варварства, когда уровень образования приблизительно был одинаков, это различие между общественными классами чувствовалось в гораздо меньшей степени; но по мере того, как накоплялись умственные и художественные богатства, по мере того, как развивалась церковная жизнь все более и более чувствовалось это разграничение между высшим и низшим классом общества. Оба эти класса сделались представителями совершенно противоположного общественного элемента. То, что для человека высшего класса явилось потребностью, стало представлять роскошь, праздное препровождение времени для человека класса низшего. Результаты этого отчуждения, этого разделения общественных классов являются весьма тягостными для страны: она теряет возможность правильно развиваться, если масса низших слоев общества не подготовлена к улучшенным формам законодательства, судопроизводства и т. п., если она не сознает необходимости улучшения их и придерживается по своей неразвитости родной старины.

Отсюда ясно, что интересы целого государства требуют, чтобы низшим классам постоянно открыта была возможность участвовать в жизни умственной, религиозной и эстетической, словом, во всех тех сферах, которые составляют духовную жизнь человека, чтобы среди них распространялись известные

уровень ежедневный и возможность поддерживать эту умственную жизнь.

Выше мы говорили уже о народном образовании, говорили, почему государство выступает с принудительными мерами и устанавливает обязательное и даровое обучение. Но и этого обучения не достаточно еще для образования масс, если по выходе из школы они не будут иметь возможности поддерживать свою умственную жизнь, если государство не будет устраивать читальни, общедоступные музеи, картинные галереи, народные театры и чтения, словом, всего того, что открыто для просвещения народа в образованнейших государствах Западной Европы.

Совокупность вышеизложенных задач мы и называли социальными задачами государства, т.е. вытекающими из положения известных классов населения и их отношения к другим классам.

Таковы в общих очерках важнейшие из задач, которые мы называли государственными. Мы рассмотрели их по содержанию, рассмотрим теперь их по форме их осуществления для того, чтобы окончательно охарактеризовать природу этого учреждения, называемого государством.

Государственные задачи отличаются двумя признаками: 1) тем, что они предполагают непрерывное осуществление их и 2) тем, что это осуществление принудительное. Остановимся на этих двух терминах.

Мы говорили: „непрерывное" осуществле-

ние; этим мы хотим сказать, что тп задачи, которые должны быть приняты на себя государством, должны выполнп с тем быть осуществлены безусловно. Принцип безусловности мы противополагаем принципу условности или факультативности. Деятельность государства отличается от деятельности частной и общественной именно тем, что все т. наз. общественные предприятия (не говоря уже о частной деятельности) носят на себе отпечаток этой факультативности, государственные задачи не осуществляются безусловно. Государство, взяв на себя, напр. охрану общественной безопасности или отправление суда, должно непременно, безусловно осуществлять их. Вся совокупность этих задач в сущности такова, что осуществление их предполагает возможность осуществления целого ряда других задач. Очевидно, что если границы государства не будут в безопасности, если внутренняя охрана будет дурно организована, если не будет путей сообщения и т. п. то целый ряд деятельности частных лиц сделается совершенно невозможным.

Таким образом осуществление государственных задач является условием успеха всей общественной и частной деятельности.

В тесной связи с непрерывностью этих задач стоит и непрерывность их осуществления. Она означает, что деятельность государственного организма не должна быть прекращена ни на одну минуту. Раз что государственное учреждение признано не-

обходимым, оно должно действовать непрерывно, в противоположность частным лицам, могущим видоизменять свою деятельность, прерывать ее и т. п.

Из этих двух признаков вытекает и третий – принудительность осуществления государственных задач, т. е. тех задач, которые берет на себя государство, осуществляются в принудительных формах, в противоположность остальным общественным союзам, которые не должны прибегать к таким принудительным формам. Государственная воля в осуществлении этих задач выражается: 1) в том, что оно устанавливает известные законодательные нормы; 2) охраняет эти законы путем принудительным, путем правосудия; 3) материальные средства, путем которых государство осуществляет свои задачи, получаются от налогов, т. е. также от принудительного сбора с масс.

Эти формы деятельности видны во всех государственных предприятиях, даже в таких, где государство действует, повидимому, на наиболее свободных основаниях.

Вообще все виды государственной принудительной деятельности или так называемого государственного управления подразделяются на два вида: 1) управительство авторитетное и 2) управительство свободное.

Первое заключается в том, что государство не только берет на себя осуществление разных задач, но делает их своею монополией. Так, монетная регалия, право войны и мира, право устройства почтовое, телеграф-

пало сообщения, устройство таможень и т. п. все это составляет монополию государства.

Во втором случае оно не исключает частной и общественной деятельности, а является только конкурентом ей. Так, государство учреждает банки, школы, больницы и т. п. но рядом с этими государственными учреждениями существуют общественные и частные.

Но даже и в этой, сравнительно свободной форме деятельности есть одна черта, дающая государственной деятельности характер принудительный, а именно - тот принудительный материальный средства (налоги), помощью которых государство получает возможность осуществлять свои предприятия; эта то черта и отличает нам от подобного же рода предприятий частных.

Отсюда мы видим, что и государственная деятельность и само государство есть элемент принудительный и авторитетный, вооруженный правами законодательства, суда и управления в обширном смысле. Этот признак, который является прямым выводом из указанных выше целей государства и форм его деятельности определяет вообще задачи государственных наук.

Отдел третий.

Постараемся прежде всего представить общий предмет этой отрасли знания, именуемой государственными науками вообще и укажем на специальные задачи собственно государственного права, как одной из государственных наук.

Задача всякой науки вообще определяется 2-мя условиями:

1) природою тех явлений, которые изучает наука;

2) той точкой зрения, с которой эти явления изучаются.

Государственные науки вообще относятся к разряду наук общественных и нравственных (scientes morales et politiques) 1) Они имеют дело с явлениями, которые суть результаты взаимодействия людей, живущих в общественном соединении; они не имеют дела с единичною личностью человека. 2) Они рассматривают главным образом те явления, которые суть результаты действия нравственных сил и способностей людей, живущих в обществе. Они имеют дело не с физическою стороною деятельности человека, а с учреждениями, которые являются результатом идеальных сторон человеческой жизни, его духовных стремлений. И так, высказанное является общим кругом явлений, изучаемых государственными и общественными науками; но науки эти имеют еще и специальную точку зрения, именно ту точку зрения, с которой они рассматривают общественные явления. Предметом государственных наук может быть все то, что составляет предмет принудительной деятельности государства. Государственные науки вообще являются учением о государственном авторитете, о государственной власти, в обширном смысле этого слова.

Общественные явления могут быть изучаемы с различной точки зрения; одни и те же

явления могут быть предметом политической экономии, гражданского и государственного права, смотря по тому, с какой стороны они рассматриваются. Если мы напр. будем разбирать понятие собственности с точки зрения ея роли в производстве, в распределении богатств, и если при этом мы будем оставаться на точке зрения естественно законов, рассматривать условия и влияния, при которых происходит накопление и распределение богатств, то собственность с этой точки зрения явится предметом политической экономии. Далее, мы можем рассматривать собственность как власть, как совокупность прав, дающих известному лицу; мы разбираем, из каких элементов слагается право собственности и находим элементы владения, пользования, распоряжения; из совокупности этих признаков составляется совокупность прав, принадлежащих частному лицу; с этой точки зрения собственность будет предметом государственных наук. Они рассматривают, как должно государство относиться к собственности, если известный предмет ея отчуждается на всеобщее употребление (экспропріація), как субъект частного права и субъект государственной власти должны действовать в данном случае; все эти вопросы должны решаться государственными науками. Точно также, рассматривая вопрос о народном образовании, об общественной гигиене и т. п. вопросах, которые в сущности составляют предмет частных наук, с точки зрения государственного вмешательства, мы включали их в круг вопросов, составляю-

имеет предметом науки государственные. Таким образом, науки эти имеют специальную точку зрения, с которой они рассматривают общественные явления. Следовательно, государственные науки имеют дело с такими явлениями, которые должны быть разрешаемы действием государственной власти и с самою властью, и в этом отношении они близко соприкасаются с науками юридическими, ибо рассматривают тех отношения, в которые государственная власть поставлена к подданным, известные нормы, которые определяют меру обязанностей государства по отношению к управляемым и меру прав, которыя имеют подданные по отношению к государственной власти. Наличность этого юридического элемента составляет отличительную принадлежность всякой государственной науки. Этим не признаком — наличностью известных юридических положений — науки государственныя отличаются от наук общественных, которыя совершенно не имеют его. Так, политическая экономия, рассматривая производство, накопление богатств, распределение их и т.п. имеет в виду только естественные законы развития общества; говоря о собственности, она рассматривает влияние ея на производство, на отношения общественных классов и т.п. оставляя совершенно в стороне рассмотрение того, как государство должно относиться к собственности, как юридически конструировать понятие о конфискации, об экспроприации и т.п.

Вообще, науки общественныя являются

Лабзина

полезным вспомогательным средством для государственных наук, но не должны и не должны быть смешиваемы в одно понятие с последними.

Государственныя науки сами распадаются на отдельныя дисциплины, смотря по вопросам, которые они решают. Постараемся указать общие признаки государственных наук, рассмотрим, как они подразделяются. В настоящее время в области государственных наук произошла значительная специализация. Во время Аристотеля под именем политики разумелось и гражданское, и уголовное право (отчасти), и политическая экономия и государственное право и др. Но с развитием наук юридических, они выделились из этого круга; сами государственныя науки распределяются по тем вопросам, которые могут быть предметами при изучении государства.

Постараемся представить хотя краткое определение различных наук, которыя входят в разряд государственных, для того, чтобы показать, что является специальным предметом государственного права, как политико-юридического учения.

Государство прежде всего должно быть изучаемо со стороны его организации. Что же такое организация государства? Вопрос об организации государства заключает в себе в сущности два вопроса: 1) вопрос об устройстве самой власти, т.е. кому должна принадлежать она, какова ея объем и содержание, чрез какие органы функционирует государство при осуществлении своих прав; и во 2) вопрос об известных юридических нормах, ста-

Библиотека Лазовского Казанского, 18.

вящей государственную власть в известных отношениях и управляемых. Без этих определенных юридических норм сама государственная власть не будет учреждением юридическим, ибо власть без права есть деспотизм, потому что в деспотическом государстве не может быть и речи о государственном праве. Для уяснения этого положения приведем несколько примеров. Возвратимся к тому же вопросу о собственности. Право собственности может быть нарушено двумя способами: 1) насильственными действиями других частных лиц – грабежом, разбоем, кражею и т. п. и 2) произвольными действиями самого государства (конфискацией). Для юридического бытия собственности необходимо обеспечение ея с этих двух сторон. Меры, принимаемые государством для защиты от насилий частных лиц приводят к тому, что мы называем безопасностью (sûreté). Совокупность тех мер, которыя обеспечивают частную собственность от произвольных действий государства, называются свободой. Уже один этот пример может показать, что права личныя должны быть рассматриваемы с этой двоякой точки зрения – по отношению к насильственным действиям других лиц и по отношению к произвольным действиям государства. Там, где личныя права обеспечены от насильственных действий других частных лиц, мы имеем безопасность, там, где личныя права определены известными юридическими нормами, устанавливающими правильное отношение к правам органов государственной власти, мы имеем свободу. Следовательно состояние свободы предполагает юридическое обеспечение права частных

лицо отношения государственной власти. Иного мало: вопрос об отношении частных лиц к государству не исчерпывается еще вопросом об обеспечении личных прав подданных. Может также идти вопрос об участии частных лиц в управлении, в законодательстве, в государственной деятельности вообще. С этой точки зрения лица, подчиненные государственной власти, носят различные названия: по отношению они подчинены государству, они носят название подданных; поскольку участвуют в государственном управлении носят название граждан. Право участвовать в государственном управлении называется политической свободой, в отличие от свободы гражданской.

Отсюда следует, что государственное право есть наука об устройстве государственной власти и об ее отношении к управляемым. Поскольку оно трактует об устройстве политической власти, оно является наукой политической, ибо устройство государственной власти должно быть рассматриваемо с точки зрения целесообразности. Все вопросы, какие-то: что должна быть субъектом государственной власти, какими путями она осуществляет, посредством каких органов производит это осуществление и т. п. суть вопросы целесообразности, в смысле соответствия государственного устройства с целями экономическими, духовными, нравственными, умственными, которые оно призвано осуществлять. Этот же вопрос о соответствии государственной власти и назначения государства есть вопрос политический. Но поскольку государственное право рассматривает вопрос об отношении этой власти к управляемым, поскольку оно говорит о нормах,

которыми определяется государственная власть - она является наукой юридической. Таким образом, государственное право, как заключающее в себе политическую и юридическую сторону, может быть названо политико-юридической наукой.

Государственное право исчерпывает в сущности вопрос об организации государства, но тем элементы, которые мы указали выше, являются только важнейшею частью той науки государственного права, которая существует фактически в настоящее время у разных народов. Кроме этой части есть еще другая, о которой мы сейчас скажем ниже.

Выше упомянутая часть у Французов известна под именем Droit public или Droit constitutionnel; в нем излагаются учения о субъектах прав и об отношении власти к управляемым. Ему Droit public Французы противопоставляют Droit administratif, под именем которого разумеется учение об органах, посредством которых государство действует в различных отраслях своей деятельности, их функциях и правах. Под именем Droit administratif Французы соединяют таким образом то, что у Немцев разделено на два отдельных дисциплины. Французское Droit administratif заключает в себе и учение о государственных правах (Verwaltungsrecht) и науку об управлении (Polizeirecht). В данном случае, Немцы являются наиболее последовательными по следующим трем причинам:

1) Учение об органах государственной власти или учение об управлении может быть изложено в самостоятельную научную дисциплину, ибо оно, в сущности, не имеет никакого отношения к учению о государстве, как о субъекте гражданских прав.

2) Учение об органах государственного управления и их компетенции совершенно не определяет форму государственного устройства. Так, если мы скажем, что в известном государстве существует столько то министерств с определенною сферою деятельности, то этим мы совершенно еще не определяем форму его устройства. Скажем более: даже наличность органов самоуправления еще не дает понятия о форме государственного устройства страны; так в монархической Англии эти органы развиты в высшей степени, - в республиканской Франции встречаем их гораздо менее. Словом, формы управления не определяют еще форм правления и это составляет второй повод к отделению Verwaltungsrecht от Polizeirecht

3) Наконец, некоторые ученые справедливо замечают, что органы управления не являются целью, а только средством для осуществления других государственных целей и это составляет третью причину отделения и самостоятельного существования двух вышеназванных научных дисциплин.

Таким образом, первая из них — учение о государственном праве (Verwaltungsrecht) является общею, основною частью государственного права, вторая же — прикладною его частью, а вместе они образуют одну науку о государственном управлении в обширном смысле слова. Второй вопрос, который возникает при изучении государства, есть вопрос о его деятельности, т.е. об употреблении тех сил, которыми располагает государство для осуществления своих целей, словом, вопрос о деятельности государства. Эта задача в общем и обширном является предметом науки, называемой политикой. Слово это теперь не должно быть понимаемо

в том смысле, в каком его понимала древность, т.е. в смысле совокупности всех учений, относящихся к государству. Теперь оно сузилось: государственное право стало или наук чисто политическим, рассматривающим вопрос о государстве с точки зрения целесообразности. Политика является общим учением о целях государства и деятельности его сообразно с его целями, определяемая немецким словом Staatskunst (учение о государственной мудрости), она рассматривает цели государства и способы осуществления их и является таким образом до некоторой степени философской наукой, в сравнении с теми практическими науками, которые рассматривают деятельность государства, как направленную к двум различным целям: 1) написание практических способов достижения целей и 2) на вопрос о материальных средствах существования государства. Отсюда две науки:

1) Наука об управлении или Полицейское право – учение о совокупности тех мер, которыми обеспечивается внутреннее благосостояние государства.

2) Финансовое право – учение об изыскании способов обложения податью, о целесообразном распределении доходов государства, о государственном кредите и т.п.

Все вышеназванные науки рассматривают деятельность государства главным образом в нем самом, в его внутренних отношениях, хотя политика должна иметь в виду и отношения внешние. Эти отношения рассматриваются Правом международным (Droit public externe), которое имеет в виду две различные задачи: 1) оно исследует задачу

юридическую – вопрос о взаимных отношениях государств между собой с точки зрения их самостоятельности и независимости; 2) она предполагает совместную деятельность государств для осуществления таких целей, которые превышают силы и средства одной державы. Так установление общей международной корреспонденции, возможность пользоваться всею телеграфною сетью, железнодорожными сообщениями, наконец, мирные для определения литературной собственности, словом, целый ряд вопросов, имеющих в виду обеспечение интересов торговых, промышленных, литературных и др. может быть осуществлен не иначе, как совместными действиями государств, по заключении с ними конвенций*).

Таким образом возникает целый ряд вопросов, разрешение которых находится еще в области вопросов – вопросов по международной администрации.

И так, международное право рассматривает двоякие вопросы, или те, которые составляют предмет права государственного – вопрос о взаимных отношениях государств и вопрос международной администрации. –

Государственное Право может быть излагаемо в двояком виде: в виде государственного права данной страны и в виде государственного права общего. Рассмотрим сначала, в какой мере возможно общее государственное право и какое значение может иметь этот отдел его?

Между всеми видами юридических учреждений

---

*) Конвенция – в отличие от трактата, которым определяются юридические отношения государств.

наиболее национальными представляются именно государственные, потому что на отношениях между народами и его верховною властью отражаются все оттенки выработанных народных воззрений, все политическое мировоззрение данного народа. Отсюда то и зависит тот факт, что государственные учреждения, процветающие в данной стране, при перенесении на несвойственную им почву, вымирают, теряют совершенно свой смысл. Поэтому то говорить об общем государственном праве, как о совокупности начал, применимых везде и всегда — нет возможности. Задача общего государственного права не может заключаться в создании таких принципов государственного устройства, которые были бы применимы во всех национальных и исторических условиях; но это право имеет свою определенную задачу, свое важное практическое значение для изучения всякого государственного устройства. Справедливость вышесказанного будет ясна из следующих соображений:

1) Положительное право каждой отдельной страны составляется из определений, имеющих лишь практическое значение, значение правил, по которым должны поступать органы государственной власти и граждане государства в их взаимных отношениях. Но ни одно положительное право не затрагивает общих вопросов, без разрешения и уяснения которых были бы непонятны институты всякого положительного права. Так, положительное право провозглашает, что субъектом государственной власти в такой-то стране, является такое-то лицо, юридическое или физическое; государственное самодержавие принадлежит или монарху, или народу, или, наконец,

группы лиц высшего сословия, но ни одно положительное право не определяет, что такое самый суверенитет, самая государственная власть. Только такое положительное право, говоря объ органах исполнительной или законодательной власти и т.п. не дает совершенно тех основных, предварительных понятий, безъ определения которыхъ невозможно приступать къ изучению какого бы то ни было права. Следовательно, вотъ первое соображение, приводящее къ необходимости изучения общаго государственнаго права: оно содержитъ въ себе основные, предварительные вопросы всякаго государственнаго устройства, вопросы, которыхъ не разрешаетъ никакое положительное законодательство.

2) Второе, также довольно существенное соображение заключается въ следующемъ:

Для изучения всякаго положительнаго материала необходимо привести его въ известную систему, имея ихъ него заключающуюся въ немъ основныя начала, и затемъ сгруппировать подъ ними всѣ частныя постановления, съ ними связанныя, указавъ исключения и изъятия изъ общаго правила. Въ этой то систематизации и заключается главная задача при изучении положительнаго материала; только при этомъ условии возможно овладѣть имъ, ибо безъ определенной системы изучение всей массы положительнаго законодательства представляется совершенно невозможнымъ. Только тотъ, кто знаетъ принципы, на которыхъ построено данное положительное право, можетъ сгруппировать и обозрѣть его во всей его полнотѣ. Но для подобной систематической работы необходимо уже хорошо владѣть вышеуказанными

основными началами, которыя могут быть даны только путем абстракции от положительнаго материала, путем того метода, которому следует общее государственное право. Оно устанавливает общия принципы, при помощи которых является возможной систематизация общаго государственнаго права, выяснение основнаго института каждаго государственнаго устройства. И таким общее государственное право является необходимым для систематическаго изучения каждаго отдельнаго положительнаго законодательства. Но значение общаго государственнаго права не исчерпывается еще этой вспомогательной ролью при изучении положительных прав отдельных стран. Оно имеет и свое самостоятельное значение.

Выше мы уже сказали, что между всеми отраслями права, право государственное представляется наиболее национальным; потом мы видим, история показывает, что народы не развиваются исключительно сами из себя, но находятся под взаимодействием других народов, влияющих на них и на которых они влияют в свою очередь. Влияние это может выражаться в различных формах. Самой первобытной и почти всегда местностью является форма заимствования, соответствующая младенческому состоянию народа, когда он берет учреждения другаго народа и переносит их в себя, удержавая более форму, нежели содержание. Судьба подобных заимствованных учреждений оказывается обыкновенно весьма печальною, ибо они почти никогда не приживаются в заимствовавшем их народе.

Иная форма влияния, форма необходимая и

полная, заключается в том, что законодательство каждого народа усваивает себе известные начала различных учреждений и перерабатывает их по своему, дает им ту форму, которая соответствует потребностям данного народа. Такими заимствованными и переработанными формами являются в европейских государствах суд присяжных, начала состязательного процесса, начала гласности и устности в процессе и т.п., словом, чуждый ряд учреждений, не связанных национальностью, составляющих общее достояние всех народов и без затруднения могущих быть перенесенными в другое государство.

В этом отношении необходимо различать такие начала, которые могут быть заимствованы и усвоены известным народом от тех, которые являются его достоянием, не могут быть индифферентным действием и влиянием посторонних сил, так как они тесно связаны с его историческими и бытовыми особенностями. Эти начала необходимо также отличать от тех начал, которые не влияют на форму государственного устройства данного народа. Таких условий множество; так, постановление о свободе печати, постановление против произвольных арестов и т.п. могут быть допущены при самых формах государственного устройства; все эти постановления в национальном смысле могут быть назваы либеральными, но известны тем они выражают собою известные требования общественной культуры, общественного уровня развития целого круга народов.

Таким образом общее государственное право с этой точки зрения получает уже самостоя-

тельное значение, ибо имеет заранее шаблонов тип принципов государственного устройства, которые могут быть приняты общими для этого круга народов, положим, того круга, который входит в состав международного Европейского союза, т.е. для народов, связанных известного общностью культуры.

Начала этих изучаются общими государственными правами и сходных объектов не получается для положительных прав отдельных стран. Так, чтобы познакомиться с правом свободы печати, вероисповедания, правом сходок, ассоциаций и т.п. необходимо знать начала, выведенные путем сравнительного изучения учреждений различных народов, что и составляет задачу общего государственного права. В этом заключается первая часть его самостоятельной роли; затем, изучение государственного права имеет свое самостоятельное значение еще в одном отношении. Юристы изучают положительное право с чисто практического его применения, отстраняя при этом совершенно рассмотрение вопросов основ всякого положительного законодательства. Но изучение права вообще и государственного права в особенности есть труд не только практических деятелей; другими словами, изучение права не исчерпывается только тем, что случаем, когда речь идет de lege lata, т.е. об уже изданном законе; оно необходимо и для тех деятелей, которые издают или имеют влияние на издание законов, т.е. необходимо и тогда, когда дело идет и de lege ferenda, т.е. о законах, которые еще необходимо издать. Государственные люди, издающие законы, общественные деятели,

влияющей на издание их, необходимо должны быть приняты в практическое отношение, а для этого нужно точки опоры в самом положительном законодательстве, говорящем только то, что есть, а не то, что должно быть. Очевидно, что чтобы иметь взгляд государственного деятеля, чтобы более или менее ознакомиться с выводами из сравнительного изучения учреждений различных стран, нужно благоприятное отношение, это на его законодательной деятельности.

Наконец в пользу вышеизложенного, существует еще одно соображение. До сих пор мы говорили только о практических задачах, о тех требованиях, которые должны быть удовлетворены немедленно. Речь шла о том, чтобы овладеть мотивами для познания положительного права или издания законов, необходимых для данной практической потребности. Но этого задачею не исчерпывается ни деятельность практического деятеля, ни деятельность государственного человека. Мы уже указали выше, что само государство есть форма изменяющаяся и прогрессирующая. Поэтому оно должно в государственном отношении иметь данные потребности. Каждый государственный деятель достойный этого названия, должен иметь в виду будущее, известный определенный идеал. Под именем идеала мы разумеем в данном случае не определенный проект лучшего государственного устройства, но известные тех изменений, которые должны произойти в государственном устройстве, в виду постоянно возрастающих потребностей.

Есть потребности, которым необходимо удов-

литературе только две, но есть и такие, которые дают мне только недостаточно, но две они должны быть приняты в расчет для будущего благосостояния страны.

Для этого то и необходимо владеть новыми данными, помогающими осуществить это в будущем. Каким же образом общее государственное право может помочь государственным людям в этом случае?

Выше уже было замечено, что общее государственное право строит свои определения на сравнительном изучении учреждений разных народов. Оно берет их не статически (в такие, каковы они в данную минуту) но динамически, в их постепенном движении; другими словами: государственное право изследует не только то, до чего дошел известный круг народов, но и то, к чему они стремятся. Общие же стремления известного круга народов могут быть изучены путем сравнительного рассмотрения учреждений различных народов в их историческом, преемственном развитии. И так, общее государственное право не только дает описание существующего, но и указывает, куда идет известный народ, на сколько это возможно сделать при современном состоянии научных данных. В этом случае государственный человек может и должен опереться на данные науки, ибо он обязан постоянно находиться в уровень требований своего времени, принимать в расчет эти требования и предугадывать перспективы, чтобы открыть и наметить пути для их последующего удовлетворения; он должен иметь в виду не свой собствен-

ным идеям, но тем идеям, к которому идет народ, идет медленно.

Общее государственное право таким образом является самою лучшею частью фактических учреждений и тем будущим, к которому идет народ. С этих двух диаметрально точек зрения и необходимо изучение государственного права.

Обозрение государственного права может быть разделено на следующие отделы:

I. Учение о государственной власти.

II. Учение о свободе или учение о тех принципах, которыми определяется отношение государственной власти к управляемым.

III. Обозрение различных учреждений, форм правления, для того, чтобы показать, насколько осуществляются те принципы, о которых будет речь в первых двух основных отделах.

Общее Государственное Право.

Отдел I.

Учение о государственном верховенстве.

Первый отдел может быть назван учением о государственном верховенстве (souveraineté, sovereignty) ибо, как мы уже видели выше, первый основной вопрос права есть вопрос о политической власти, осуществляющей общие цели и действующей принудительными и обязательными мерами для осуществления целей всего народа.

При изложении учения о государственном

верховенство, мы должны иметь в виду следующие вопросы:

1) Вопрос об общем юридическом положении государственной власти.

2) Содержание этой власти, т.е. совокупность прав, принадлежащих государственной власти.

3) Вопрос о субъекте верховной власти.

Глава Первая.

Юридическое положение государственной власти.

Займемся прежде всего, что мы назвали в которой будет идти речь, относится ко всякой юридической государственной власти, в каких бы рамках она ни находилась. Для определения положения государственной власти мы примем следующее соображение: В круг тех дел, которыми осуществляет государство, государственная власть противополагается, как представительница воли общей, — воли единичной, воли отдельных частных лиц. Под именем частных лиц мы предполагаем здесь как индивидов, так и общественные союзы. По отношению к воле государственной отдельным лицом является и церковь, и сословие, и различные корпорации и ассоциации. Следовательно, в круг прав, принадлежащих государству, каждая корпорация, равно как и каждое отдельное лицо противополагается государству, как представитель воли частной.

Эта идея общей воли, выражаемой государством, имеет свою историю. Формулировка этого положения явилась уже давно и принадлежит представителям политических наук, какого бы толка они ни были направления. Первый сравнительно новый писатель формулировал это

Гоббсъ (1588-1679 г.), въ своемъ „Elementa philosophica de cive", опредѣляетъ государство слѣдующимъ образомъ: civitas est persona una, cujus voluntas ex pactis plurium hominum pro voluntate habenda est eorum hominum, ut singulorum viribus et facultatibus uti possit ad pacem et defensionem communem", т.е. государство есть единая личность, воля которой, вслѣдствіе договора многихъ людей, считается за волю всѣхъ этихъ лицъ, для того, чтобы она могла располагать силами и способностями людей для общаго мира и защиты (Эрне, гар. V).

Подобное же опредѣленіе находимъ мы у Пуффендорфа въ его „De jure naturae et gentium."*)

Еще болѣе широко опредѣлилъ это Руссо (1712-1778) въ своемъ Contrat Social," написанномъ въ 1762 г. По словамъ его „volonté générale" - общая воля - составляется путемъ согласія всѣхъ участниковъ государства, полагая въ основаніе всѣ государственныя учрежденія.

Наиболѣе философское основаніе этому ученію, на основаніи, впрочемъ, положеній Руссо, далъ нѣмецкій ученый Fr. Wilh. Hegel (1770-1831), въ своемъ „Grundlinien der Philosophie des Rechts"**)

Перейдемъ теперь къ тѣмъ выводамъ, которые мы должны сдѣлать изъ этихъ общихъ положеній. Если государственная воля въ смыслѣ воли общей противоположена всѣмъ единичнымъ, т.е. тѣ акты государственной власти, которые она обязана совершать въ кругу своихъ обязанностей, должны быть признаваемы за выраженіе общей воли всего государства. Изъ этого положенія вытекаютъ слѣдующіе практическіе принципы:

+) Civitas est persona moralis conjuncta, cujus voluntas, ex plurium pactis implicita et unita, pro voluntate omnium habetur, ut singulorum viribus et facultatibus ad pacem et securitatem communem uti possit".

++) См. А.Д. Градовскаго: „Политическая философія Гегеля". Ж. М. Н. Пр. 1870 г. Іюнь.

Лит. Калѣдинаго. Вознесенская 18.

1) Государство в праве объявлять неисполнимыми, не имеющими юридических последствий такие акты воли единичной, такие требования, которыя не согласны с выраженными в законах постановлениями. Так напр. в государстве, не признающем института рабства, никакой договор, делающий одного человека рабом другого, не может пользоваться юридической защитой государства. Точно также брак, заключенный в известной степени родства, не признается законными и т.п. В этом и заключается юридическая неисполнимость актов, противоречащих государственным постановлениям.

2) Государство не только в праве объявлять неисполнимыми известные акты частных лиц, но и воспрещать их под страхом наказания. Это положение приводится в жизнь целой области права, называемого Правом Уголовным. Основныя положения его формулируются на началах, установленных Государством в его учении о противоположности воли общей воли единичной. Сюда относятся и определения, данныя знаменитыми криминалистами Костомаром и Бернером.

3) Государство в праве объявлять известныя акты исключительно своим аттрибутом, брать на себя их осуществление, устраняя всякую конкурренцию частных лиц: так чеканка монеты, установление мер и весов, почтовыя сообщения, телеграфная и почтовая корреспонденция и т.п. составляют исключительную принадлежность государства.

4) Государство, допуская к осуществлению известных целей частныя лица и общественныя союзы, устанавливает известныя условия, с которыми они должны сообразоваться. Государство берет на себя право надзора за действиями известных частных учреждений, право, которое вызывается и государственными соображениями и частными интересами. Так напр. государство оставляет за собою право надзора за делами частных банков, дозволяя им выпускать только определенное количество облигаций, закладных листов и т.п., имея при этом в виду обеспечение их известным капиталом, которым владеет банк; в противном случае, очевидно, что выпуск

бо́льшего количества названных выше есть суще посягательство на капиталы владельцев и от этого то посягательства государство и хочет обеспечить нас. Отсюда ясно, что во всех вышеназванных случаях, государственная воля подчиняет волю единичную и считается выражением воли всех и каждого. Объявляя войну, заключая мир, различные трактаты, конвенции и т. п. государство действует от имени всех участников его. Этими основными принципами определяется и юридическое положение государственной власти. Являясь представительницей воли общей, она является властью верховною. Верховенство понимается здесь: 1) как независимость во всех отношениях, являющаяся необходимым условием самостоятельности государства. Не имея верховной власти, народ не может быть самостоятельным политическим организмом. Отсюда являются государства вполне суверенные (Англия, Франция, Италия, Россия, Германия и т. п.) государства полу-независимые „вассальные", как напр. Сербия и Румыния до последней войны относительно Порты, Болгарское княжество в давнее время и т. п. Зависимость выражается в большей или меньшей степени в границах определенной дани; полузависимость выражается в свободе правления, законодательства и администрации внутри страны.

И так, верховенство государственной власти выражается в полнейшей независимости по отношению к другим государствам. В отношении внутреннем верховенство выражается в том, что государственной власти принадлежит право решения в последней инстанции вопросов внутренних и законодательства и управления.

Эти два признака государственной власти находятся в тесной связи с условиями жизни самого государства, являющаяся независимым и единым политическим союзом.

2) Второй атрибут государственной власти заключается в том, что, подобно государству, которого она является представительницей, она подлинна или, лучше сказать, обладает государственным правом подлинности. Прежде всего подлинною яв-

ется сама территория, в чем и заключается разница между наследственностью в государственном праве и наследственностью в праве частном; в последнем случае наследство делится для обеспечения всей семье, в первом наследство является неделимым, ибо только при этом условии и может существовать единое государство.

3) Если же власть является неделимою и единою, то отсюда ясно, что она и повсеместна, что она распространяется на все государство и ни один член его не может выделиться из этой власти, ни одно сословие не может объявить себя независимым от нея, ибо тогда это было бы государство в государстве, status in statu. Вот почему современные государства не признают и стараются уничтожить такия учреждения, которыя подчиняются верховной власти или государства. Такие напр. ордена Иезуитов преследуются всеми государствами Западной Европы, ибо они не признавали верховенства государственной власти над собою, а подчинялись римскому первосвященнику, как своему государю. Точно также никакая провинция не имеет права объявить себя независимой и самостоятельной, ибо и тогда она нарушала бы единство государства. Это положение нисколько не противоречит местным особенностям в праве, ибо, как известно, особенности эти держатся только государственной властью и существуют постольку, поскольку она их признает и допускает.

4) Из этих трех признаков - верховенства, единства и повсеместности, вытекает четвертый признак государственной власти - ее несоответственность. В качестве верховной власти, по самому существу своему, она несоответственна, т.е. юридически говоря, нет такой власти, по отношению которой можно было бы привлечь ее, иначе она не была бы властью верховною. Между управляющими и управляемыми могут возникать споры, но существуют юридические средства к разрешению могущих возникнуть между ними столкновений.

5) Наконец, последний признак государственной власти есть ее непреодолимость (в смысле юридическом), т.е. предписа-

ние его законы не могут быть отличными исполнения и воли другого лица.

Вот тот принцип, которым определяются отношения государственной власти к ряду лиц и задач, которые ей принадлежат. Итак мы увидели, что несмотря на эти признаки, государственная власть не является вполне неограниченной. Здесь мы говорили только о типе правах, в которых она является представительницей общих интересов, определяющих только формальную сторону государственной власти.

Глава Вторая.

Права государственного суверенитета.

Для облегчения предстоящего нам рассмотрения прав государственного верховенства, мы расположили их в известной системе, заключающейся в следующем:

1) Мы рассмотрим объект прав государственной власти, то, на что простирается эта власть.

2) В чем состоит ея власть, содержание прав ея. Этот вопрос в свою очередь будет подразделен на два следующих:

1) Вопрос о непосредственных правах государственной власти, т.е. о тех правах, которым непосредственно выражается тот тип группы, которую она представляет.

2) Вопрос о посредственных правах государственной власти, т.е. о тех правах, которые являются средством к осуществлению данных прав.

А. Обратимся теперь к рассмотрению самого объекта прав, того, на что простирается власть государственная. Объектом прав государственной власти является территория и народ. Употребляя здесь слово „объект", мы разумеем его не в том смысле, в котором употребляется его по отношению к праву гражданскому, подразумевающее под объектом прав известный предмет, который может составлять собственность частного лица. Очевидно, что в гражданском праве объектом прав может быть только вещь, все то, что может быть целою частного лица. В государственном праве об этом не может быть и речи: ни территория, ни народ, очевидно, не могут быть объек-

только частного права. Под именем объекта здесь мы подразумеваем то, на что простирается законодательное господство государства.

Для правильного понимания территориального элемента государственной власти, необходимо иметь в виду следующие условия, которыми современное государство отличается от государства средневекового, феодального, построенного на вотчинном начале.

Государство патримониальное (вотчинное) основано на территориальном праве владения. Все политические права, которые имеет государь, вытекают из его землевладельческих прав. Так, по средневековым воззрениям и даже позднее понималось, что государственная власть передана, что она имеет право отдавать законы и т.п. только потому, что владелец известного земельного. По подобным вотчинным взглядам должны были измениться с развитием воззрений на народонаселение и расширением его гражданских и политических прав. Государственная власть является теперь представителем народа, а не владетелем земли. Вследствие этого и права, принадлежащие государственной власти, должны быть выведены из тех прав, которые государство осуществляет, а не из его территориальных прав. На этом же основании, по Французской конституции 1791 г. титул короля Французского подвергся изменению. До сих пор он носил имя „roi de France et de Navarre", т.е. имя территориальный титул; теперь, он получил титул „roi des Français" - короля Французского народа. Следовательно, если территориальное право не является истинным основанием всех государственных прав, какое же значение имеет оно в современном политическом праве?

Оно является условием для осуществления всех других прав. Чтобы государство было признано в своих действиях, чтобы оно могло законодательствовать, судить, управлять, необходимо, чтобы оно было пространственно определено, чтобы были устроены границы, у которых прекращалась бы сила иностранных законов, иностранная власть. Вследствие этого самое понятие о

государственной территории должно быть построено на принципе не частном, а политическом. С точки зрения права государственного и международного, государственная территория есть то пространство земли, на которое государство имеет право международной собственности и внутреннего самодержавия. Здесь видим мы два понятия: 1) понятие международной собственности, под которым разумеется право исключать от собственности государственной территории всех иностранных правительств, т.е. другими словами употреблять всех силы своей территории на собственную пользу. Так, иностранные государства не могут прокладать телеграфные линии, проводить железные дороги, разрабатывать рудники и пр. чужого государства и т.п. Следовательно, территория является средством для удовлетворения нужд данной страны.

Из этого, однако, не следует, чтобы иностранцы, как частные лица, не имели права приобретать земельные участки или вообще земельной собственности в чужом государстве; но в данном случае они являются частными лицами, а не правительством иностранным, и как частные лица подчиняются всем законам данной страны. Государства же, как таковые, не имеют никакого права располагать чужою территорией.

2) Мы говорили: право внутреннего самодержавия. Это значит 1-е, что государство является независимым в отправлении всех своих прав; чужое правительство не имеет права приказать ему издать такой-то закон или ввести такую-то полицейскую меру и т.п. 2-е, это значит, что у пределов данной страны прекращается власть иностранных государств и действие их законов. Из этого принципа, впрочем, могут быть некоторые необходимые изъятия, которые с точки зрения формальной, юридической, несомненно не колеблют самого принципа, ибо сами государства являются заинтересованными в них. Следовательно, если действие иностранных законов не прекращается у пределов данного государства, то это является от его доброй воли, и фактически выполняют

кроме того для международных сношений. Так при ведении международных сношений, невозможно было бы подчинять иностранных законам иностранных государей. Сюда же относятся и дипломатические агенты, как представители государства. Они должны пользоваться полною неприкосновенностью, ибо они подлежат иным иностранных законов, правом экстерриториальности или выключительности. В сущности - понятие экстерриториальности есть ничто иное, как юридическая фикция; в науке устанавливается предположение, что эти лица не оставляли свой почвы, что они находятся на своей земле, поэтому на них и распространяются законы их отечества. Эта фикция выключительности простирается и на военные корабли иностранных государств.

Понятно, что все эти лица подлежат этому праву только до тех пор, пока они являются законными представителями своих государств и пока они не выступают за пределы своих полномочий; в противном случае, они теряют право на свою неприкосновенность. Иностранные государи пребывая даже инкогнито в чужую страну, сохраняют право экстерриториальности; равным заключается только в том, что им оказывается менее выгодных почестей.

Право это, впрочем, простирается иногда и на частных лиц. В сущности, признание территориальности права построено на взаимном соглашении государств; но существуют такие государства, которые своею культурою, учреждениями, порядками, правами, законами, так резко различаются от остальных государств, что в виду защиты своих подданных, иностранные государства не допускают подчинения их учреждениям данных государств. Таковы, напр. Турция, где всякий иностранец пользуется личностью права, стоящей по своим отечественным законам.

В некоторых случаях, впрочем, государства Европейского союза признают действие иностранных законов на своей территории. Так, положим, что в одной стране срок давности совершеннолетия считается 20 лет, и в другой, поло-

ными 21 год. Иностранец, совершивший по своим законам и являющийся в последнего для совершения торговой сделки, находился бы в весьма затруднительном положении, если бы сделка его не была признана законной, на основании того, что он еще не достиг гражданского совершеннолетия по последним законам. Поэтому-то, в данном и многих подобных случаях, государства признают у себя действие иностранных постановлений, в видах облегчения торговых сделок и международных сношений.

Из вышеизложенного ясно, что правило, по которому всякое лицо, вступающее на известную государственную территорию, подчиняется законам этого государства, имеет известные исключения; другими словами, начало территориальности законов представляет значительные градации в своем применении. В этой части группа постепенности, в которой применяются территориальные законы, они должны быть разделены на следующие группы:

1) Законы политические.

2) Законы уголовные

3) Законы гражданские, регулирующие частные права.

Само собою разумеется, что законы политические, совокупность норм, устанавливающих права и обязанности граждан по отношению к государству имеют территориальное значение с одной стороны в том смысле, что иностранцы не могут пользоваться политическими правами, не только в отношении к управлению государством, но и в отношении к общественному управлению (в смысле выборных должностей), с другой в том смысле, что они не несут обязанностей, возлагаемых на подданных государства, напр.: воинской повинности, отбывания очереди при исполнении присяжными и т. п. Уголовные законы имеют также территориальное значение, а именно потому, что взгляд на преступление тесно связан с общественными и нравственными воззрениями, господствующими в данном государстве. Отсюда вытекает, что множество фактов, которые считаются преступлением в одном государстве, не

считаются таковыми в другом, или же известное действие считается более преступным в одной стране и менее в другой.

По отношению к гражданскому праву, необходимо различать несколько категорий или статутов законов (Statuta). С давних пор установлено различие между тремя категориями законов. Принципы этого окончательно выяснил знаменитый юрисконсульт Фр. Карл. Савиньи, в его сочинении „Трактат Римского права". С этой точки зрения Савиньи разделяет все гражданские законы на 3 разряда.

К первому относятся законы или статуты реальные - совокупность тех законов, которые определяют права и обязанности по собственности недвижимой. Весьма естественно, что так как недвижимая собственность составляет часть территории государства, то в отношении ея применяются гражданские законы данного государства; так напр. в вопросах приобретения, пользования, наследства и т. п. недвижимая собственность подлежит действию местных законов. Ко второму разряду относятся законы, которыми определяется гражданское положение гражданского лица: законы, относящиеся к браку, рождению, вопросу о совершеннолетии, словом, правила, определяющия все факты и условия, которыми определяются гражданския права гражданского лица. Этого рода законы тесно связаны с личностями, которыя живут под их действием, иначе было бы совершенно невозможно международное общение. Так, положим в одной стране признается только церковный брак, в другой - законным считается и брак, заключенный перед гражданской властью. Понятно, что если иностранец, принадлежащий к стране, в которой признается гражданский порядок заключения брака, приезжает в страну, где только существует брак церковный, он все же должен быть признан в своих семейственных правах; жена и дети его должны считаться законными. Этого рода законы гражданского лица, так сказать, носятся с собою всюду, где бы ни находилось оно.

К третьему разряду, по определению Савиньи, принадлежат

смешанные законы (statuta mixta), касающиеся порядка составления и осуществления обязательств, договоров по различным действиям отдельных лиц. Сюда по преимуществу относятся различные торговые сделки и т. п.

Здесь необходимо различать два вопроса: 1) вопрос о порядке заключения договора. Так, предположим, что русский купец заключает известную торговую сделку, известное обязательство с купцом Парижским; естественно, что договор этот должен быть заключен по законам того места, где находились договаривающиеся. Это выражается в следующей формуле: locus regit actum – договор заключается по местным законам.

2) Необходимо иметь в виду место осуществления договора. Предположим, напр. что тот же купец, тамь же заключает договор; но местом его осуществления должна быть, напр. Нижегородская ярмарка. В случае неисполнения договора, каким порядком будут судить и разбирать дело обеих сторон? Для правильности, очевидно, необходимо принять во внимание место заключения договора, но вместе с тем судебное разбирательство должно производить по законам той страны, где должен был осуществиться договор, т.е. в данном случае, по русским законам. В этом то и заключается смешанный характер этих законов, ибо по ним должны применяться часто к одному данному факту законы разных стран.

Вот главнейшие модификации того начала, что каждое лицо подчиняется территориальности закона.

В. Вторым объектом, на который простирается власть государственная, является народ, могущий носить различные названия: подданных – поскольку они подчиняются законам государства и граждан – поскольку они участвуют в государственном управлении. Поэтому прежде всего необходимо разрешить вопрос, при каких условиях известное лицо должно считаться подданным страны или ее гражданином. Определить это тем более необходимо, что понятие подданства или гражданства

понятие об исключительной связи, которая соединяет государство и подданного его. Одно и тоже лицо не может быть подданным двух государств, по крайней мере, в известных отношениях. Это является совершенно ясным из самого существа тех прав и обязанностей, которыя принадлежат человеку как подданному или гражданину. Возьмем для примера совокупность тех прав, которыя принадлежат гражданину - участие в той или другой форме в управлении государственном, право быть избранным на известныя должности, право на части политической власти в государстве - все это составляет лицо, обладающее этими правами связывает всех своих интересов с интересами данного государства. Это обстоятельство объясняет и тот факт (существующий везде), что тем более развита политическая свобода в стране, тем труднее сделаться гражданином ея и наоборот. Все тот государства, которыя допускают их участие в политических делах своих граждан, затрудняют вместе с тем и получение прав гражданства. При этом, впрочем, существуют различныя модификации; так, например, право натурализованных иностранцев участвовать в выборах и самим занимать известныя должности. Право участвовать в выборах должен тоже, но, напр. сделаться президентом Северо-Американских Штатов может только лицо, пробывшее не менее 14 лет гражданином Штатов. В Англии напр. для доступа в совет необходимо быть природным Англичанином. Далее, многие известныя обязанности предполагают неразрывную связь лица со страной, в подданстве которой оно состоит; так, отбывание воинской повинности во время войны между двумя государствами, исключает всякую возможность быть подданным того и другого.

Следовательно, двойного подданства нет и быть не может, и то, что называется в науке международного права двойным подданством касается только особого рода отношений, которыя будут подробно рассмотрены ниже, а именно, касается лиц, владеющих имением (недви-

жительство) в различных государствах и подлежащих по отношению к этим законам различных государств, но только по отношению к этой собственности, а не в смысле прав и обязанностей своих.

Вот где объясняется важность вопроса о том, при каких условиях лица могут считаться подданными или гражданами государства. При определении условий этого и имеются в виду известные принципы, при которых развивается учение о подданстве. Современные законодательства не отличаются в этом отношении единством законов, но нижеследующими признаками. Здесь мы имеем дело с двумя принципами, из которых первый мы назовем личным, второй территориальным. Личный принцип заключается в следующем: принадлежность лица к известному политическому типу определяется исключительно его происхождением. Действие этого принципа по совершенно различным основаниям мы видим в государственном праве древних классических государств – Греции и Рима и затем в варварских государствах, в начале средних веков. Мы рассмотрим эти два этапа, ибо и там, и здесь основания для господства личного принципа были различны. По началам, господствовавшим в древне-классических государствах, политическая власть в последней инстанции сосредоточивалась в руках народного собрания. Под именем народного собрания разумелась совокупность граждан, которые издали, по происхождению своему, принадлежали к известному политическому типу; следовательно, право участия в политических делах данного государства определялось происхождением лица от известного рода, принадлежавшего к числу граждан. Вследствие этого, каждое классическое государство представляло замкнутую общину, которая в юридическом отношении не сливалась с другими государствами, им подвластными. Так в Риме мы необходимо должны различать два элемента: 1) сам Рим с его гражданами, это был civitas-город Рим, как отдельная личность. 2) Те страны, которые находились

под властью Рима (sub imperio Romanum); они были подданные, но не граждане, находились под властью Рима, но не имели прав и обязанностей гражданина Римского. Следовательно, в Римском праве должно различать два различные категории: 1) cives; 2) peregrini.

Cives, граждане Римские, пользовались различными правами, которые могут быть подведены под следующие 3 категории:

1) Jus suffragii - право участвовать в народном собрании. С этим было право занимать общественные должности.

2) Jus connubii - право вступать в брак по Римским законам, т.е. по Римскому праву (ex jure civile), со всеми юридическими последствиями подобного брака. (Так напр., законным браком в Риме признавался только брак полноправного гражданина с такою же гражданкою. Брак патриция с дочерью плебея и наоборот долго Римом не признавался законом.

3) Jus commercii - право приобретения собственности по Римскому праву (ex jure civile), право заключения контрактов, торговых сделок, право покупки и продажи, право законных завещаний.

Правами этими соответствовали и обязанности, которые не были иностранцы; так обязанность служить в войске признавалась исключительно только гражданам Римским.

Те лица, которые находились под властью Рима или совершенно были вне действия Римских законов, или только до некоторой степени находились под покровительством их. Таким образом необходимо установить разницу между peregrini и latini. Первые не пользовались никакими из прав Римских граждан; latini назывались Италийские народы, которые первые были признаны союзниками Рима и затем вошли в состав Римского государства; на них были распространены jus connubii и jus commercii, также как и некоторые по-

личные права. В цветущую пору Римской республики права Римских граждан ограничились весьма редко и редко распространялись на новых лиц; но с упадком политической свободы, во время Цезарей доступ в гражданство Римское сделался весьма легок, кроме того, стали там гражданам Римским обманы были платить известные подати, то наконец, с целью фискальною цель, император Каракалла (211-218) распространил это право на всех, входивших в состав империи Римской. Коренной недостаток этого Римского принципа заключался в том, что юридическая связь, связь в правах и обязанностях между лицами, подчиненными одной государственной власти, являлась второстепенным. Прочная опора господствующей власти Рима от правителя, находящегося под властью над народных масс. Из всех Европейских королевств в Англии до сих пор наиболее строго проводится этот-то принцип; и горе проведена строгая граница между собственно Англичанами и подданными их в Индии или в доминионах.

Далее мы замечаем присутствие того же самого личного принципа и в начале средних веков, когда Германцы заняли области древней Римской Империи и находились еще в племенном быту, не имели оседлости. Отсутствие оседлости и территориальной связи между известным племенем и данной страной вело к тому, что при определении, каким законам должно быть подчинено частное лицо, руководились не тем соображением, где оно живет, а тем, кто оно. Таковы были все варварские законы (leges barbarorum), признававшие только личность права.

С установлением феодальной системы, построенной на территориальных отношениях, совершенно изменился этот личный принцип. Народ сделался как бы частью земли, следовательно, каждое лицо, вступившее на известную территорию и проживавшее на ней известный срок, делалось подданным государства. Достаточно было провести определенное время на земле, с согласия ее владельца, чтобы сде-

лицо подчиненным ему, получить известные права и нести известные обязанности. Принцип этот, имевший свое благодетельное сторону, привел вместе с тем и ко весьма вредным последствиям. Выгода его заключалась в том, что при образовании государств — Франции, Испании, Англии и др., являлась возможность слить всех людей, входивших в состав их, под единое законодательство, установить некоторого рода юридическую равноправность по отношению к правам и обязанностям. Невыгодная сторона применения этого принципа заключалась в том, что по этому принципу каждое лицо, родившееся не на земле своего государства, считалось подданным той страны, где родилось. Так, знаменитый Черный Принц (сын Эдуарда III), родившийся не на Английской территории, не был признаваем Англичанином до тех пор, пока актом парламента не был натурализован.

Несообразность этого принципа повела к ограничению его. Первый пример в отношении гражданства и приобретения подданства подал был кодексом Французского Code civil des Français, 1803 г. послужившего образцом и для других народов. *)

Начала, которыя положены в основании приобретения прав Французского гражданства по Code civil des Français, заключаются в следующем:

1) а. Основным способом приобретения гражданства является событие его от своих родителей; все лица, родившиеся от Французского гражданина в его законном браке считаются Французами, где бы они не родились. Естественно, что принимая подобный принцип для Французов, нельзя было не признать его и для других народов; таким образом согласно ему, всякое лицо, родившееся на Французской территории

---

*) Code civil был составлен комиссией, состоявшею из юристов: Tronchet, Portalis, Bigot de Préameneu и Maleville. Последний был секретарем комиссии.

от иностранцев не считается Французом, хотя после 21 года ему предоставляется право реклamировать (requérir), требовать права Французского гражданина.

в, Всякая иностранка, вышедшая замужем за Француза становится французскою подданною, право это не распространяется на вдов, если она была в первом браке за иностранцем; дети от брака с Француженкой, очевидно, делаются подданными Франции.

2) Второй способ - искусственный, носит имя натурализации и представляет род политического усыновления. Известному лицу, не по рождению, не вследствие брака, не имеющему права быть Французским гражданином, сообщается это право известным правительственным актом, называемым актом натурализации. Натурализирование обставляется известными условиями, ибо правительство, предоставляя право гражданства, отказывает, так сказать, элементы, входящие в состав его и заранее уже допускает их. Поэтому всякое лицо, желающее получить право французского гражданства, должно подвергаться известному испытанию, которое выражается в так наз. форме предварительного водворения; правительство дозволяет известному лицу основать свое местопребывание во Франции с тем, чтобы впоследствии требовать прав Французского гражданина. Срок предварительного водворения полагается обыкновенно трехлетний; по истечении его, если правительство убедится, что лицо требующее прав гражданства достойно их, то ему даются эти права.

Здесь французские законы представляют сильное отступление от территориального права, за которое должна всегда держаться Англия. Так как у нея было более всего столкновений с Америкой, то наконец в 1863 г. был заключен трактат, перешедший в законы 1870 г., по которому было постановлено:

1) Известные иностранцы, причисленные на основании прежде действовавших законов к разряду Английских подданных, получают право возстановить свое природное гражданство посредством декларации виновности пред мировым судьей.

Обоз. Госуд. Учреж. Листъ 8.

Лит. Павленкова, Юлиана, 13.

2) Установили особый порядок натурализации, напоминающий французский.

Что касается Германии, то в законе 1870 г., дополнившем Империальным законом в 1871 г. правила о приобретении прав германского гражданства установлены на основаниях, аналогичных с вышеуказанными. Но здесь мы встречаемся с одним различием, вытекающим из самого свойства Германской империи. Она, как известно, представляется из себя союз нескольких государств, имеющих в своей пределах политическую самостоятельность. Следовательно, необходимо было установить порядок перехода из одного имперского государства в другое, имперское же, за исключением права приобретения или утраты имперского гражданства вообще. Здесь, следовательно, необходимо было установить, кроме натурализации, еще Индигенат – прием в гражданство одного имперского государства из другого.

Заметим, что германский закон 1870 г. так и Австрийский закон постановили, что принятие иностранца государственными должностями, непосредственными или посредственными[1], сопряжено с принятием подданства.

Что касается натурализации, то срок предварительного водворения, принятый и в Германском законодательстве, может быть сокращаем, если иностранное лицо оказало государству какие либо услуги на научном, торговом и т. п. поприще.

Вот те основные положения содержатся и в русском законодательстве 1864 г. относительно натурализации, которая также разделяется на обыкновенную и чрезвычайную; обыкновенная с установленным сроком предварительного водворения (5 лет); чрезвычайная – с сокращением этого срока, применимого для лиц известных категорий, в том числе и для состоящих на государ-

---

[1] Посредственными государственными должностями называются такие, на которых лица получают некоторые права государственной службы, но которые не прямо замещаются правительством; непосредственными должностями называются такие, в которых лица прямо назначаются от верховной власти.

ленной службы.

Таким образом совокупность лиц, происходящих от природных подданных или натурализированных, считается природными подданными государства, в противоположность тем, которые не считаются таковыми — иностранцами. Последние не несут обязанностей, лежащих на природных подданных и не пользуются их правами, хотя из этого не следует вовсе, чтобы эти лица были бесправны. В государствах Греческом и Римском иностранцы действительно были бесправны вполне и только природные подданные пользовались защитою и покровительством местных законов. Часто в древности это невыгодное положение смягчалось тем, что иностранцы поступали под покровительство местным полноправным гражданам, оказывавшим им защиту на суде. Только впоследствии, с расширением претория прав, на перегринов были распространены некоторые частности права, совокупность которых составила то, что известно под именем jus gentium, в противоположность Римскому праву.

Современные государства не признают в среде своих лиц совершенно бесправных. Это было бы совершенно неправильно уже потому, что иностранцы подчиняются территориальным законам, и, очевидно, должны пользоваться покровительством этих законов относительно собственности, приобретенной или на основании местного права.

Круг прав, которыми иностранцы могут пользоваться в государстве, определяется кругом его гражданских прав, совокупностью того, что называется частным правом (droit civil) — Таким образом мы имеем два разряда лиц, составляющих государство — природные подданные и иностранцы. Последние разделяются на имеющих постоянное водворение в стране, подчиняющихся в отношении своих имущественных прав местным законам и временно пребывающих, путешествующих и т.п., которые пользуются охраной местных законов в своих семейных правах, правах лиц, чести и т.п.

Таковы две категории лиц, установившиеся в европейских

государствах. В России, кроме того, есть особый разряд лиц, занимающих среднюю между подданными и иностранцами, а именно - инородцы. К ним относятся такие племена, которые по степени развития, образу жизни, племенным началам и различным другим условиям, не могли быть сразу подчинены действию государственных законов и оставлены большею частью по своим прежним обычаям. Сюда относятся народы восточные и северные - Самоеды, Башкиры, Киргизы и т.п. пользующиеся от государства многими льготами.

Кроме того, есть разряд инородцев, для которых, наоборот, устроено много невыгодного характера - это именно Евреи. Главное невыгодное для них постановление - это определение черты оседлости их, определение мест, где они могут селиться.

Глава Третья.

Содержание прав государственной власти.

Права непосредственные.

Мы рассмотрели те два объекта, на которые простирается государственная власть - территорию и народ; рассмотрим теперь содержание прав, принадлежащих государству.

Содержание этих прав выводится из тех целей, которые мы приписываем государству, целей политических, юридических и культурных. Разберем, какие права соответствуют этим целям.

1. Первым из этих прав является право на установление и охрану юридических норм.

Выше уже мы заметили, что государство само по себе является юридическим порядком и это качество обусловливает его существование. Отсюда вытекает, что права верховной организации принадлежащие государственной власти, из него и выводятся и главное право и главная обязанность верховной власти. В чем же заключается это право и где предел его?

Законодательная деятельность государства заключается в том, чтобы установлением юридических норм, определить права и обязанности, вытекающие из всевозможных отношений. Всякое отношение, имеющее за собою установление прав и обязан-

ностей, подходят под действие закона. Поэтому мы и законом мы можем назвать такие общие правила, которые исходят от верховной государственной власти и которыми определяются юридические права и обязанности лиц, живущих в государстве.

Это определение закона самое точное, ибо можно указать массу государственных постановлений, которые хотя и не могут быть названы законами, ибо не определяют права и обязанности.

Так напр. установление государственного бюджета, введение порядка в употребление сумм и строгий контроль над ними, является фактом до того важным, что рассмотрение бюджета совершается обыкновенно в законодательном порядке и принадлежит законосовещательному собранию. Но все же установление бюджета не есть закон, ибо они не определяют ни права, ни обязанности.

Можно указать и на различие законов, существующих в разных государствах. Различие это определяется формами правления, под действием которых живут государства. Различают двоякие законы:

1) Законы конституционные или основные.

2) Законы органические.

Они различаются между собою:

1) По содержанию

2) По степени их обязательной силы.

3) По способу их издания.

Различие между законами конституционными и органическими по их содержанию весьма многосложно.

Конституционные законы определяют:

1) Формы правления, указывают субъект, которому принадлежит государственная власть.

Если данное государство - монархия, то указывают порядок престолонаследия.

2) Основные права государственной власти и основные начала ее устройства; разделение власти между органами законодательными, судебными и административными.

3) Сюда же включаются и основные права-граждан, которые конституция гарантирует лицам, живущим под властью известного государства - свобода вероисповедания, печати, право собственности и т.п. В некоторых конституциях определяется религия, которую должен исповедовать глава государства; таковы, напр. конституции Англии, Швеции, Италии и т.п. Законами органическими устанавливаются подробно нормы, касающиеся отдельных институтов права. Так напр. в конституции определяется, положим, что собственность граждан неприкосновенна, что в случае экспроприации государство должно дать законное вознаграждение; но самое понятие собственности не определяется конституцией, ибо это определение находится в органических законах.

В основных законах, в отличие от органических, мы замечаем однако сильную разницу в следующем отношении: не все законы конституционные имеют положительное содержание, не всеми ими определяются институты прав.

Вторая часть законов конституционных содержит статьи, налагающие известного рода запрещения на законодательную власть. Так если конституция утверждает свободу вероисповедания, свободу печати в известном государстве, - этим самым ограничивает законы, идущие прямо против этого закона.

Отсюда ясно и различие этих двух родов законов по степени обязательной их силы. Что такое в сущности конституционные законы? Законы, стоящие над законодательною властью, законы основные, которых она или вовсе не может изменять, или при известных условиях, изменяет только некоторые. Это то свойство и определяет сущность конституционализма, который является изобретением новейших Европейских государств, ибо древний мир и средние века не знали этого различия. Взглянем на различие между демократическими республиками древнего мира и средних веков и нынешними республиками Швейцарии и Америки. В древности законодательная власть принадлежала народу вполне, в Шве-

царит теперь невозможность издания нового закона до тех пор, пока существует известная статья конституции; таким образом отдельная личность и все государство является гарантированными против самого демоса, чего не знал древний мир и средние века, хотя там были демократические республики. Отсюда ясно, что все законы в сущности должны быть конституционные, что они имеют юридическую силу только постольку, поскольку согласны с конституцией и держатся в пределах ея указаний.

Все постановления государственной власти должны быть согласны с конституцией, за исключением тех случаев, когда статьи конституции могут быть изменены законодательною властью. Так напр. Прусский Landtag имеет право, для издания известного закона противоречащего или несогласного с конституцией, изменить предварительно статьи этой последней.

Отсюда вытекает и то положение, что конституционные законы должны быть иначе изданы, чем законы органические; последние могут быть изданы законодательным собранием, главою государства и т. п.; конституционные законы предполагают чрезвычайный порядок их издания. В некоторых странах, впрочем, законы эти могут быть изданы законодательною властью; сюда относится Англия, где до сих пор господствует фикция всемогущества парламента, могущего, по определению английских юристов (Блакстон, Дайси), сделать все, за исключением физически невозможного. Но далее это всемогущество парламента не исключает и в Англии признания постоянными, неприкосновенными известных постановлений; так к числу таких основных, неприкосновенных статей относятся: Habeas corpus (1679 г.) Magna charta libertatum (1215), Прошение о Правах (1627), Билль о Правах (1688) и Акт утверждения (1701).

Даже в Пруссии, где, как сказано выше, законодательная власть имеет право изменять конституционные законы, и тут существует известное ограничение: при изменении

какой либо статьи в конституции между первым и вторым чтением измененной статьи должно пройти не менее 21 дня.

Затем существуют еще две другие системы, заключающиеся в следующем:

1) Или законодательная власть совершенно не может издавать и изменять конституционные законы; для издания конституционных актов необходима другая власть - учредительная,

2) Или же, если законодательной власти предоставляется право изменять конституционные акты, то не иначе, как по особому большинству голосов. ($^2/_3$ или $^3/_4$).

В главных европейских государствах, кроме Англии и Пруссии изменение законов конституционным совершается иным порядком нежели издание законов обыкновенных или органических. В этом отношении должно различать две системы.

а) Первая система заключается в том, что конституция не может быть изменена иначе, как с согласия всего народа, т.е. всех полноправных граждан, принимающих участие в голосовании. К этой системе относятся по конституции: Северо-Американских штатов и Швейцарии.

Особенность этих государств заключается в том, что они представляют устройство федеративное, т.е. такое, которое предполагает известную политическую самостоятельность частей, составляющих союз или унию, вследствие чего конституционный акт является общим соглашением этих отдельных частей. На этом основании правила пересмотра конституции в С. Америке заключаются в следующем:

1, пересмотр конституции и инициатива вопроса о необходимости его могут исходить: 1) от конгресса, 2) от отдельных штатов. Конгресс, (состоящий из двух выборных учреждений - сената и палаты депутатов), большинством двух третей голосов в обеих палатах, может предложить изменение конституции; тоже право имеют при одинаковом

большинством голосов и законодательным собранием остальных штатов, таким имеющим двух палатную систему. Если в пользу поправки высказается законодательное собрание в 2/3 штатов, то конгресс обязан выработать формулу поправки и предложить ее на утверждение штатов. Когда предложение этой поправки идет от конгресса, оно предполагается на утверждение штатов, где рассматривается или в обыкновенном законодательном собрании, или же в конвентах (собрания равные в числе обыкновенным законодательным собраниям, но только созванные с одною лишь специальною целью). Поправка принята, если три четверти всех наличных штатов высказуются в пользу ее. Так 13-е дополнение конституции 1865-го г., касающееся отмены рабства, было предложено конгрессом и, по принятии его 27-ю собраниями из 36-ти внесено в состав конституции. В том случае, когда инициатива вопроса и поправки шла от двух третей штатов, то конгресс по требованию их обязан созвать конвент, которому поручается выработать формулу поправки предлагаемой на утверждение штатов. По конституции швейцарской инициатива пересмотра принадлежит союзному собранию (assemblée fédérale), состоящему также из двух палат, причем американскому сенату соответствует conseil des états (по-русски это ошибочно переводят государственный совет, тогда как в сущности следовало бы говорить — совет государств (des états.) Этот conseil des états составляют выборные депутаты избираемые от каждого кантона по два: полу-кантон в этом случае считается за кантон. Вторая палата носит название conseil national (национальный совет). Поправка принятая союзным собранием, предлагается на всенародное голосование и принимается при большинстве голосов и кантонов. Этими двумя условиями — абсолютным числом граждан и кантонов — устраняется давление большинства густо-населенных кантонов на маленькие малонаселенные кантоны, которые могут стать в оппозицию, если на их сторону станется

большинство других кантонов. По праву инициативы пересмотра конституции не принадлежит исключительно ни одной стране. Если в союзном собрании произойдет раздельное или же 50 граждан потребуют пересмотра конституции, то вопрос о необходимости этого пересмотра решается всенародным голосованием. В случае решения утвердительного палаты распускаются и заседания вновь созываются, чтобы выработать новый проект конституции.

Очень близко к этому роду систем подходит конституция бельгийская, послужившая образцом многим другим. Основной ее принцип заключается в том, что субъектом государственной верховности является народ, которому принадлежит Учредительная власть. Ни палата, ни король не имеют права изменять конституцию ни в объеме, ни в частностях ее; изменение может произойти лишь по воле народной посредством сената и палаты депутатов, которые должны довести это желание до сведения короля. Тогда палаты распускаются и созываются вновь для формулирования предложенных изменений. Постановление по этому предмету имеют силу, если предложение принимается большинством двух третей голосов.

Аналогичные постановления встречаются в румынской конституции (статья 129), в датском статуте (ст. 95), в нидерландском (ст. 196) в португальском (ст. 139-143), Греческая конституция представляет ту особенность, что в ней допускается лишь частное изменение конституции, объем которой остается неприкосновенным. (ст. 107)

в) Вторая конституционная система заключается в том, что допускается изменение конституционного акта, путем обыкновенного законодательного порядка, причем для решения конституционных вопросов требуется большинство двух третей голосов, входящих в состав палаты. Для законных постановлений обыкновенным законодательным порядком требуется присутствие абсолютного большинства членов: если большинство за или против, то решение считается

окончательным.

В Германской империи конституционная поправка считается отвергнутой, если в Bundesrath'е (в союзном совете, в отличие от Reichstag'а) их 58 голосов 14 окажутся против нее.

В литературе конституции существует постановление, что конституционные поправки не могут быть дебатированы палатой предложившей их; их должны рассматривать палаты следующего созыва. Депутаты избираемые обыкновенно на известный срок, не могут прекратить и рассмотрение предложенных изменений, пока весь срок их полномочия. Во всяком случае здесь требуется большинство наличного состава. В Гаити оно должно доходить до ¾, в Гаити и Вюртемберге до ⅔ всех голосов.

Относительно того, что палаты не могут рассматривать предложенные им поправки существуют постановления в норвежской конституции (параг. 112) и в шведской (п. 104). Во Франции вопрос о пересмотре конституции может быть предложен каждой из двух палат, состоящей из народных представителей, — сенатом и chambre des députés. Независимо от этого тоже право принадлежит и президенту республики. Если предложение это принимается обоими собраниями в их отдельных совещаниях, то для окончательного решения вопроса о пересмотре конституции сенат и палата депутатов собираются в Assemblée nationale и решают это дело совместно. Согласно этим постановлениям 1879 г. ст. 8 ая был изменен закон об организации государственной власти и ст. 9 ая закона, гласящая о том, что местопребывание правительства должно быть в Версале. По предложению палаты депутатов статья эта была изменена и местопребыванием правительства назначен Париж. Целый ряд постановлений указывают на то, что конституционные законы не могут быть изменены обыкновенным законодательным порядком; следовательно конституционный закон стоит выше закона обыкновенного и ему соответственно-

бенная обязательная сила следующими двумя положениями:

1) Всякий конституционный закон должен держаться в пределах конституции.

2) В случае столкновения закона конституционного и обыкновенного первый должен иметь преимущество. - Это положение бесспорное.

Но не все государства выработали средства, чтобы гарантировать конституционные законы, исходящие от обыкновенной законодательной власти. В этом отношении только для конституции некоторых штатов определительными гарантиями своих законов. Это федеральные республики Америки и Швейцарии, уже упомянутые нами выше. Что касается прочих государств, то вопрос о гарантировании в силу конституционных законов до сих пор остается открытым и общей гарантии для ограждения этих законов не существует; трудно впрочем предположить, чтобы палаты, служащие выражением принципа конституционной власти, могли бы пойти против него. По крайней мере таких примеров в государственной европейской практике до сих пор еще не встречалось. Относительно Америки и Швейцарии вопрос о гарантии конституционных законов представляет большой практический интерес в силу их принципиального устройства; будучи государствами федеративными они представляют гораздо большую возможность столкновения между федеративным правительством и местными властями, что, впрочем, и встречается довольно часто, вследствие того, что отдельные части всего государства пользуются значительной самостоятельностью и сама власть построена на принципе строгого разделения. Общей гарантией конституционного закона является федеральный суд, который поставлен для того, чтобы рассматривать все вопросы возникающие из применения конституционных законов местными властями. Так напр., если закон штата или распоряжение его местной власти противны закону власти союзной, то каждый гражданин чье это касается, имеет

право обратиться в федеральный суд с просьбой применить по нему союзный закон. Вслед гласности главная гарантия конституционного закона. Так напр. действия главы государства не могут быть никаким образом ограничены, кроме того, никакая власть не может издавать закона с обратным действием и никакой закон не может нарушить обязательства контракта между частным лицом и государством. Таким образом, федеральный суд имеет право отменять действия местной власти. Никакой штат не может издать закона относительно религии, запрещающего исповедание той или другой веры. Положим, что штат издал подобный закон. Каждый, кого он затронет, имеет полное право жаловаться в федеральный суд, который примет его под свое покровительство, разрешит ему исповедание или проповедь той или другой религии. В таких случаях федеральный суд гарантирует граждан против действий исполнительной власти. Так в 1866 г. американским союзным судом было рассмотрено дело одного гражданина штата Индиана. Пограничная местность этого штата во время войны севера с югом осталась верна союзу, но была объявлена на военном положении. Одного из граждан — Миллигана — за какой-то проступок военным судом военный суд, наложил ему строгое наказание; недовольный решением суда, Миллиган подал жалобу в федеральный суд округа, откуда дело было перенесено в верховный федеральный суд, который постановил, что кроме случаев объявления, исходящего из палаты депутатов, какое уголовное дело должно быть решаемо присяжными (т.е. судом присяжных) вследствие этого ~~приговор~~ Миллигана военной комиссией потерял свою силу и он был объявлен от суда свободным.

Аналогичные постановления встречаются также в Швейцарии: союзный суд и здесь имеет право принимать в разбирательство жалобы лиц на противозаконные действия местной власти.

В других государствах, где нет такого строгого разделения власти и федеративного устройства не может быть речи о таком виде, как федеральный суд напр. Тем не менее и здесь в праве суда существуют известные гарантии.

1) Суд имеет право формально удостовериться в подлинности закона, который ему приходится применять и рассмотреть, действительно ли закон был издан по установленной форме, прошел ли он палаты представителей, были ли последния созваны, когда его издавали, был ли он наконец обнародован согласно установленным правилам.

2) Независимо от этой формальной проверки закона, суд должен рассматривать его постольку, поскольку он противоречит конституции. Если суд имеет несколько к одному относящихся законов, то он выбирает тот закон, который наиболее прямо к нему относится, оставляя другие в стороне. Таким образом суд применяет закон с известным выбором и полагает наказание согласно с принципом конституции, так согласно прямому конституционному акту напр. никакими уголовными законодательством не может быть допущена конфискация имущества; при постановлении наказания суд непременно должен иметь это в виду. В этом заключается отчасти почва опоры для конституционных законов. При обыкновенных условиях государственной жизни этих гарантий, конечно достаточно. Но бывают случаи, когда мирное течение вещей нарушается, тогда между массой и властью начинается конфликт, тогда был сомнения вся юридическая мера совокупно с ее представителями становится бессильна.

Для времени мирного американская конституция представляет достаточно гарантий; но один из американских юристов - Story - сделал верное замечание, сказав, что в каждой власти нужно различать два элемента: 1) власть мирную, действующую в мирное время 2) власть военную во время войны. Обе власти различны и несоизмеримы. В обыкновенное время члены сената и палаты депута-

тов мирно заседают в Вашингтоне, представляя собою граждан, деятельность которых строго очерчена конституцией, власть их значительно ограничена, но с наступлением войны положение дел изменяется и сенаторы представители американской нации превращаются в настоящих диктаторов. Пример тому мы видим на бывшем президенте Линкольне, который и правил, и царил, миролюбивых человека сделался диктатором, задушившим во время войны весь юг. По окончании войны закон опять вступает в прежние права и все конституционные законы более не применяются и выходят из употребления; сенат, так сказать, забывается. В этом смысле роль сената в федеративных государствах имеет важное политическое значение, так как вследствие непримирения или многих законов, последние выходят из употребления. Таковым был прав, говоря, что на 7 или 8 веках федерального сената держится все развитие и политическая свобода Америки.

Указав на форму законодательной деятельности государства, рассмотрим теперь пространство, на которое эта деятельность распространяется.

В принципе предметом законодательных актов может быть все: не только всякое отношение, вытекающее из юридического обязательства или выраженное в юридической форме, но и отношения не имеющие в существе своем юридического. Таким не может законодательная власть в действительности далеко не распоряжается. В этом отношении можно указать на ее ограничения сводящиеся к двум основным принципам.

1) Первый принцип заключается в том, что не все явления и отношения подлежат законодательному определению.

2) Второй – что законодательство государства не является единственным источником права, но таким, рядом с которым могут существовать все другие.

Касательно того, что государственные законы простираются не на все предметы, сошлемся на несколько примеров..

Так, все человеческие отношения определяются законами нравственными и не должны подлежать законодательному определению, которое в этом случае не будет иметь юридического значения. Законом можно напр. вменить исполнение юридического обязательства и законы относящиеся к такому роду условий найдут себе санкцию в уголовном кодексе; но каким образом вменить исполнение нравственных обязательств? Какими полицейскими мерами можно достигнуть напр. того, чтобы каждый человек любил своего ближнего, как самого себя? Тоже самое можно сказать относительно обширной области религиозных отношений. Законом можно предписать вход в тот или другой храм и за несоблюдение этого постановления положить то или другое наказание; но этими мерами, конечно, заставить человека фактически войти в то, что противно его убеждениям. Таким образом мы видим, что все отношения нравственные, область которых достаточно обширна, не могут и не должны подлежать законодательному определению.

Мы сказали выше, что государство не есть единственный источник права. Вследствие этого отношения между частными лицами не должны быть регулируемы исключительно государственными законами, т. е. рядом с ними существуют еще и другие юридические права, другие источники права, под которыми разумеются тот элемент, та сила, которая образует это право. Эта сила — есть для данного общественная, духовная деятельность народа, выражающаяся в форме обычая. Обычай не является в форме государственного предписания или писаного закона; он устанавливается постепенно путем постоянного соблюдения известного правила, которое ведется уже давно. Удостоверить обычай можно подтверждением историков и повсеместностью его соблюдения. Посмотрим теперь, чем определяется существование обычая, почему он должен иметь силу и быть источником права, как закон. Это объясняется следующим: а) государственное законодательство, каким бы

Лит. Позвоночн. Коганова, 18.

совершенно выражения они бы не было, составляют выражение мировоззрения, понятий, отношений лишь господствующего класса общества, рядом с которыми существуют другие, руководящиеся иными правилами, иными обычаями. Сюда особенно относятся низшие классы, крестьянство, так напр. без первой части нашего X т. Свода законов написанной для высших привилегированных. Организация семейная, организация наследства, преимущественно рассматриваемая в ней, определяются в крестьянском быту совершенно иными началами, в некоторых случаях прямо отличающимися от принципов дворянского быта; примеров тому можно найти очень много. По гражданскому закону, применяемому к классам высшим, усыновление не ведет за собою права на наследство: лицо, усыновляемое может носить только герб и фамилию усыновившего его; в крестьянском быту, наоборот, лицо усыновленное становится полноправным членом семьи. Для дворянина усыновление может иметь место лишь в том случае, когда он выдуман, для крестьянина эти условия не существуют.

Таким образом государство не может не признавать отношений возникающих под действием обычного права и в самой массе оно совершило бы постоянное противозаконие, если бы оставило их без внимания. Обычное право применимо особенно тогда, когда оно не противоречит ни доброй нравственности, ни общим государственным законам. Вследствие этого закон должен допускать действие обычая т.е. дозволять местному суду руководствоваться обычаем господствующим в данной местности; особенно тогда когда для подлежащего его вопроса нет определенного закона. Волостные суды руководствуются чаще обычаем, мировые судьи должны принимать его в соображение в случаях, указанных в законе. Различная культура классов общества ведет также к тому, что местные классы судятся по правилам, не содержащимся в письменном

законам.

b. Другим источником существования обычая служит то обстоятельство, что под властью государства находятся племена, не слившиеся с коренным населением, размещенные с ним и для которых не существуют не только правила писаного закона, но и обычного права массы господствующего населения. Сюда относятся напр. наши инородцы и индусы в английских владениях. В этих случаях закон должен признать их правила и обычаи господствующими, поскольку они не противоречат государственным законам.

c) Третьим пунктом, объясняющим существование обычая служит то, что есть целые сферы отношений, в которых государство не может следить за развитием этих отношений и определением или прав и обязанностей. Между тем эти отношения в силу их интереса так важны, что требуют гарантии. Сюда относятся целые рода торговых обязательств и оборотов, часто принимающие такие размеры, что закон не может уследить за ними. Т. о. сюда законов в этом отношении представляется очень мало гарантии, так что большое разнообразие форм торговых сношений не может руководствоваться исключительно его наставлениями. Поэтому торговые суды очень часто прибегают к обычаям торгового быта, причем они имеют право обращаться не только к своему законодательству, но и законодательству иностранному, в особенности тогда, если дело о торговых сделках с иностранцами.

К числу важных видов обычая должны быть отнесены обычаи судебные. До сих пор мы говорили лишь об обычаях выработанных самим обществом: теперь же мы имеем дело с обычаем возникающим под влиянием деятельности органов государства. Каждое законодательство, каким бы совершенным оно ни было, представляет некоторые пробелы, которые при применении правосудия должны быть пополнены судом. В этом случае этот суд проче-

годять по аналогии или путем толкования закона; таким образом устанавливаются правила, которыя потом становятся для суда фактическими обязательствами, руководящими его действіями и служащими предметами для [illegible] дел, по которым нет определенных законов.

Такого права, имеющаго источником свои обычаи.

Кроме права обычнаго существует еще право автономическое, представляющее совокупность правил определяющих общественную корпорацію; правилами этими регулируются внутреннія отношенія членов корпорации и в то же время они являются для суда обязательными, когда дело идет о разбирательстве членов мира, входящих в состав корпорации, так как то, что принято ею, имеет значіе для судебных решений.

Примером автономическаго права могут служить уложенія, городскія учрежденія, постановленія которыя считаются обязательными. Права эти гарантируются тем, что суды должны взыскивать по установленному закону с тех, кто не исполняющих требований общественной власти, основанных на постановленіях корпорацій; права эти признаются обязательными самим государством. Но эти два обстоятельства – существованіе права обычнаго и права автономическаго – не делают однако же только верховнаго права государства, которое всегда остается основным юридическим установленіем в том отношении, что и обычное и автономическое право существуют только постольку, поскольку оно допускается им в границах верховною властью предела. Так напр. обычаи преступнаго сословія допускаются лишь в области гражданских отношений, тогда как для иностранных обычай гораздо более обширная область отношений уголовных. В области публичнаго права обычай допускается лишь в слабой степени и совсем не допускается там, где он может конкурировать с государственными законами, касающимися главных отношений управляющих и управляемых. По отношению к гр-

равенство они могут быть впрочем допущены в некоторой подробностях его. Если известный орган управления соблюдает тайно то или такие правила, то описав их, они дают право любым лицам, по отношению к которым они правила не были соблюдены.

И так, государство устанавливает пределы и меру обязанности и тех случаях, в которых они могут быть допущены. Во всех случаях, когда тот или другой отношения законом не предусмотрены, действия обычая признаются безразличными. Таковы отношения, подлежащие ведению частных сфер и для которых законы не установлены. Мировые сферы допускают обычай только тогда, когда нет закона и тогда сам обычай не противоречит началам государства. Таков предел законодательной деятельности государства, действию которой подлежат отношения права публичного и частного, которыми определяются все юридические институты.

Во всех этих случаях находится вопрос об охранении права юридическим порядком, ибо всякое юридическое отношение [illegible] в силу того, что оно становится таковым, предполагает возможность его внешнего охранения. Если бы обязательство не имело гарантии в деятельности органов государства, то оно не было бы юридическим отношением. (Долг на честное слово напр.) Поэтому всякое юридическое отношение непременно предполагает определительную его гарантию, т. е. право без гарантии ничто. Итак более общее основание юридического порядка должно быть гарантировано государством. При рассмотрении условий этой гарантии должно иметь в виду две формы их: 1, охранение права государством вообще, т. е. охранение его путем правосудия, которое есть мера того, дать восстановление нарушенного права в прежнем его виде; 2, предупреждение государством нарушений права. Отсюда два рода государственной деятельности: а, судебная; в, полицейская.

а, Судебная деятельность.

При рассмотрении этого рода деятельности государство должно иметь в виду разницу между двумя видами ея: деятельностью уголовной и 2., гражданской. Уголовное правосудие исходит от сущности уголовного кодекса, который имеет в виду воспретить всякое действие считающееся вредным для всего государства или колеблющее основы уголовной общественной жизни. Действия преступника не только нарушают конкретное, личное право лица, но и объективное право целого общества, от которого никогда отдельное лицо не может отказаться. Сюда относится законом карающий под страхом наказания всякое умерщвление. Убийство человека, будь оно совершено по его желанию, считается уголовным преступлением и преследуется независимо от условий, в которых находился пострадавший, так как оно нарушает право на личную безопасность, которой, конечно, может отказаться от него для себя, но во всяком случае не для других. Вследствие этого обвинение и преследование такого рода действий исходит от лица государства. Публичным обвинителем может явиться и частное лицо. Так бывает в Англии, где прокуратура долго не была развита. Становясь публичным обвинителем, частное лицо должно поддерживать свое обвинение перед судом и не имеет права отказаться от него. Во всяком случае лицом пострадавшим является все общество, а обвинение исходит от лица государства. В этом заключается особенность уголовного правосудия.

Публичный характер уголовной кары заключается в следующем:

1) В том, что определение круга действий, воспрещаемых уголовным законодательством под страхом наказания, вполне определяется законодательною властью, т.е. только те действия могут быть воспрещаемы под страхом наказания, только те действия имеют уголовный характер, которые предусмотрены законодательством. В этом смысл

и сложилась поговорка у Римских юристов – Nullum crimen sine lege – нет преступления без закона, т.е. другими словами закон творит преступление, объявляя известные деяния запрещенными под страхом наказания. Отсюда видно, что если уголовное законодательство воспрещает известные преступления под страхом наказания, то мера наказания зависит также от уголовного законодательства. Следовательно, всякая статья уголовного кодекса состоит из двух частей:

а) части диспозитивной, в которой устанавливаются признаки деяний, воспрещаемых законодательством; так напр. кто тайно похитит что либо, тот подвергается и т.п.; до слов „тот и т.д. это и будет диспозитивная часть уголовной статьи.

в) санкция, которая содержит в себе определение меры наказания. Если бы закон не содержал в себе уголовной санкции, то часть диспозитивная не имела бы такого строго-юридического последствия. Так напр. в отделе, устанавливающем меры для предупреждения и пресечения преступлений воспрещается такая статья: „Всякое и каждому воспрещается убийство." Но что же выводится из этого, какие юридические последствия?

Отсутствие определенной санкции может иметь вредные последствия, ибо в таком случае лишает действующий и применяющий закон, открывается широкий путь для произвольных действий.

Санкция может принимать форму безусловно-неопределенной санкции, которая почти всегда встречается в правилах государственных; так напр. в Уложении Царя Алексея Михайловича встречается: „Наказать по вине", „чинить жестокое наказание, дабы, глядя на то, другим не повадно было так делать". Очевидно, что здесь открывается широкий простор судье, который по своему усмотрению может назначить более или менее „жестокое" наказание. И так санкция не должна быть неопределенною, а напротив, отрешаться каждой статьи уголовного законодательства.

Весьма подробного изложения и другого рода санкция – безусловно-определенная, т.е. такое определение меры наказания, которое не допускает никаких степеней, никаких подразделений. Так напр. если сказано в статье закона, что „лицо, совершившее известное деяние, подвергается тюремному заключению на 10 лет", то безусловное применение этой статьи повлекло бы за собою несправедливость, так как перед судом случаются при совершении преступления, известные условия, могущие послужить к смягчению вины до минимума, или наоборот, к усилению наказания до максимума. Вследствие этого, развитие законодательства прибегает к условно-определенной санкции, которая дает судье право выбирать между максимумом и минимумом и определять таким образом меру наказания. Так, закон определяет, что за известное деяние человек, подвергается, положим тюремному заключению от 3 лет до 1 года; при наличности такой санкции, судья имеет возможность выбора между более строгой или легкой мерой наказания.

Но этого мало: при наличности смягчающих обстоятельств, суду предоставляется еще право смягчить наказание на одну или две степени, определить наказание по другой статье уголовного кодекса, где указывается, на сколько может быть смягчено наказание за известное преступление, совершенное при смягчающих обстоятельствах.

Во всем предыдущем, следовательно, суд может колебаться. Но бывают примеры, когда применение наказания является совершенно несправедливым; оно бывает законно, но вместе с тем противно началам справедливости.

Различение, что в данном случае следует разуметь под началами справедливости и несправедливости. В сущности, понятие это не юридическое, оно относится к области нравственной, но, однако, не должно быть чуждо им юридическим и юридическим отношениям. В таких же случаях можно говорить о несправедливости в применении

известного уголовного кодекса? Об этом можно говорить в тех случаях, когда обстоятельства дают индивидуальный случай такой, что применение постановлений уголовного кодекса не будет соответствовать условиям преступного действия. Для преступного действия требуется преследование злой воли лица. Так напр. представим себе человека, совершившего в состоянии крайней нужды, при отсутствии воспитания, образования, смягчающих семейных обстоятельств, и мы получим тип лица, которое невозможно наказывать, ибо в преступлении по нет присутствия злой воли. Понятно, впрочем, что сфу недоступна эта сфера высшей справедливости; он обязан приговорить лицо, совершившее преступление, к наказанию предусмотренному в уголовном кодексе. Он может смягчить это наказание не более, как на две степени. Этим приговором исчерпывается предоставляемая ему власть, как представителю закона. Что же остается ему делать? Ему остается обратиться к милосердию, которую сам он оказывать не может, право на которую принадлежит главе государства, что бы он ни был, народ или монарх. Это право помилования может простираться, очевидно, только на такие случаи, которые подлежали действию уголовного суда, которые влекут за собою уголовные последствия. Помилование того бы то ни было не может устранить гражданских последствий, которые влекут за собою преступления. Лицо, совершившее известное преступление, может быть помиловано в том смысле, что к нему не применяется уголовный закон, но вместе с тем с него не снимается обязанность возвратить за ущерб лицу, потерпевшему от его преступления.

И так право помилования действует в области отношений, которые принадлежат общественному, публичному праву. Оно может принимать различные формы. Сюда относятся:

1) Смягчение наказания. Оно может иметь место тогда,

когда лицо приговорено к наказанию и обязано исполнить его. Лицо, имеющее право помилования может смягчить наказание на большее количество степеней, чем на то имеет право судья. Иногда судья, в решении о помиловании, может даже назначить тот степень смягчения, о которой они просит. Так напр. известное лицо, по законной степени наказания, приговорено на 1 год тюремного заключения, а обстоятельства его дела таковы, что оно могло бы подлежать только аресту при помощи на 3 недели, то в подобных случаях судья может указать именно этот мерой в своем решении. Смягчение наказания может иметь место и в том случае, когда лицо, приговоренное к нему, уже отбывает его. Положим, известное лицо приговорено к принудительным работам (Zwangsarbeit) на шесть лет. Оно уже отбыло один год своего наказания и помилование может выразиться в смягчении определенного срока, положим, на два года.

2. Далее, вторая форма помилования есть <u>абсолюция</u> (absolution), совершенное уничтожение наказания, или, лучше сказать, избавление известного лица от отбытия определенного наказания. Абсолюция также избавляет только от самого наказания, а не от других, гражданских последствий, которые влечет за собою судебный приговор; так напр. она не возвращает права вступать на государственную службу, права быть свидетелем, опекуном и т. п. Эти последствия считаются в своей силе, и абсолюция избавляет осужденного только от назначенного ему наказания.

3. Этим признаком абсолюция отличается от <u>амнистии</u> (Gnade), которая имеет последствием своим не только избавление от наказания, но и уничтожение последствий, которые оно может повлечь за собою; амнистия имеет последствием своим in integrum restitutio – восстановление в правах. Амнистия имеет разные формы:

а) форму индивидуальную, когда совершенному непосредственно подлежат отдельные лица, как в отношении отбывания наказания, так и в отношении ограничения гражданского и

политических прав. В этом случае амнистия имеет дело с отдельными лицами, с такими, которые уже приговорены к наказанию, но она может иметь и другую форму, она может иметь дело с массою лиц, и не только прекратить наказание, к которому они приговорены судом, но и предупредить самый суд, остановить его и предать дело полному забвению. Это бывает именно тогда, когда амнистия имеет дело с целою категориею лиц, тогда она является прекратительницей следствия и суда в виде чисто политическом. Положим, напр. что целая страна в восстании. Количество лиц, подлежащих суду, громадно, между тем продолжительность следствия несомненно была бы сопряжена с продолжением волнения внутри страны. Таким образом, иногда является совершенно целесообразным (не говоря уже о справедливости) прекратить следствие, оставить преследование лиц, которые могли бы подлежать суду и предать дело совершенному забвению; известные факты признаются в таком случае как бы не совершившимися (nul et non avenu). Но амнистия не может быть, впрочем, делом одного главы государства. По некоторым конституциям амнистия может быть дарована только законодательным порядком. Так, по французской конституции президент республики имел право даровать амнистию отдельным лицам; он пользовался действительно этим правом по отношению к лицам участвовавшим в коммуне 1870 г. Но когда по этому же вопросу дело шло о массе лиц, то амнистия уже могла быть дарована только законодательным порядком. Подобная статья имеется в конституции Бельгийской, Румынской и др.

И так мы видим, что вся область уголовной охраны проникнута началами права публичного. Она находится вся во власти государственной, и в отношении круга преступных действий, и в отношении меры наказания, применения закона и применения строгого приговора. Отсюда понятно,

что и возбуждение подобного рода преследований имеет публичный характер, совершается от имени общественной, народной, государственной власти.

Этот принцип имеет тот смысл, что преследование уголовных преступлений совершенно независимо от желания пострадавшего лица, хотя бы лицо потерпевшее и не желало начать иск, но государство обязано сделать это. Впрочем, из этого правила существуют исключения: государство, в своем уголовном законодательстве, делает уступки некоторым личным чувствам оскорбленного лица, потерпевшего от известных преступлений. Так иски об оскорблениях между мужем и женою никогда не возбуждаются преследования иначе, как по жалобе самой обиженной стороны.

Сюда же относится оскорбление чести женщины, когда преследование возбуждается только по жалобе потерпевшего лица.

Второй важный признак уголовного преследования заключается в том, что оно не может быть прекращено примирением. Это, впрочем, ясно уже из вышесказанного, ибо законом в данном случае имеет в виду не интересы оскорбленного лица, а общее благо - дать ревнителям публичного права potest.

Вот начала, на которых применяется уголовная охрана. На других началах построена так называемая охрана гражданская, что вытекает впрочем, из самой сущности гражданского права.

Всякое гражданское право в сущности своей есть право конкретное, ибо никакое гражданское право не может реально существовать без того, чтобы кто либо его не нарушил, не создал его субъектом. Так напр. право собственности в существе есть отвлеченное понятие и для его реального существования необходимо, чтобы сама собственность была уже известным лицом. Вследствие этого, гражданское право сросшается с лицом, которое обладает ими; ему принадлежит право безконтрольной свободы распоряжения ими и

ничто не может принудить его к пользованию своим правом; для него нет interdictum. Вследствие этого понятно само собою что и защита права частного вещного принадлежит инициативе частного лица, обладающего им, ибо защита права есть одна из форм пользования им. Так, если бы кто либо самовольно занял мою дачу, вспахал мое поле и т. п., то не дело общественной власти вторгаться в эти отношения и подавать на него иск, а дело личное дело оскорбленного в своем гражданском праве лица.

Причины большинства гражданских исков, впрочем, возникают не из так наз. правонарушения, но из того случая, когда отрицается или уничтожается право частного лица на вещь, гражданский иск обыкновенно возникает из следующих случаев:

1) Когда самое право спорно - когда два лица предъявляют свои права на одну и ту же вещь;

2) Когда одно лицо задерживает осуществление чужого права, но не отрицает его. Так при залоговом обязательстве, лицо не платящее в срок, не отрицает чужого права на вещь, но только препятствует, задерживает осуществление его.

3) Когда посторонними действиями другого лица уничтожается объект чужой собственности, хотя бы и без намерения на чужое право. Так, утрата данной в пользование чужой вещи, невольное уничтожение ея, может возбудить гражданский иск, если лицо, виновное убытком, не желает возмездить пострадавшего.

Во всех этих случаях возникновения гражданского иска нет даже повода к вмешательству публичной, государственной власти, ибо ни общественная безопасность, ни какие-либо другие общие интересы не страдают от этого.

Если в данном случае инициатива иска принадлежит частному лицу, то отсюда следует, что гражданский иск может быть во всякое время прекращен примирением.

Тяжущиеся стороны могут примириться и при разборе дела, полюбовно, окружным судом, и при подаче кассационной жалобы в Сенат, словом, во все моменты развития гражданского процесса могут быть совершены примирения.

Спрашивается, почему же государство сосредоточивает в своих руках гражданское правосудие, если оно является далеко совершенно не заинтересованным в гражданских делах?

1) Оно бывает побуждаемо к этому интересом публичным, общественным: государство является всегда защитником общественного интереса, а в данном случае оно очевидно. Сосредоточивая в своих руках гражданское правосудие, государство устраняет самоуправство; самовольную расправу между сторонами сторонами, не допускает осуществление частного права посредством силы. Это есть первая цель, которую имеет в данном случае в виду государство — охранение общественной безопасности.

2) Государство вообще призвано охранять существующие фактические отношения; оно охраняет и владение, как фактическое обладание вещью, в чьих бы руках и по какому бы праву она не находилась. Суд может решить потом дело и констатировать неправильность известного владения, но до тех пор, пока приговор не совершен, всякий владеет тем, что есть у него. Следовательно, второй публичный интерес, который имеется в виду при сосредоточении гражданского права в руках государства — есть охранение спокойствия владения, охранение фактического отношения лиц к предметам, которыми первые обладают в данную минуту.

И так мы имеем две формы охраны прав: форму уголовную и форму гражданскую; скажем теперь несколько слов о полицейской деятельности государства в тесном смысле.

В. Полицейская деятельность государства.

Полицейская деятельность в широком смысле может

быть понята, как деятельность общегосударственная, но под этими словами мы привыкли понимать теперь только полицию охранительную (police de sûreté)

Установим прежде всего:

1) Объект полицейской деятельности

2) Формы ея.

Предметом полицейской деятельности государства является тот или другой людей, поскольку они могут быть нарушены известныя права. Вследствие этого, под понятие полицейской охранительной деятельности не подходят меры о предупреждении пожаров, наводнений и т.п. и в данном случае, подобно всякой деятельности сама природа не нарушается чьи-либо права.

Полиция не в смысле организации, призванной к охранению прав, имеет дело с человеческими действиями, но только они нарушают право частное или общественное.

Деятельность полицейская резко отличается от деятельности судебной. Последняя имеет дело с совершившимся фактом, имеет в виду восстановить действие нарушенного права, применить известное постановление уголовного кодекса к лицу, совершившему уже что-либо, воспрещаемое этим кодексом под страхом наказания. Напротив, деятельность полицейская имеет дело не с фактами, а только с возможностью их совершения. Этим и объясняется то особое положение полицейской деятельности, в котором она находилась во всех государствах Европы в ея историческом развитии.

В высшей степени трудно было свести полицейскую деятельность к деятельности предупредительной в собственном смысле, т.е. чтобы она имела дело только с такими явлениями, которыя могут породить совокупность преступных действий. В виду этой трудности, полицейская деятельность является и <u>отрицательной и положительной</u>. Отрицательной - потому, что стараясь предупредить известныя

преступные действия, она воспрещала такие действия, которые были совершенно нормальные и законные. Так например, что путем печати могут быть совершены некоторые преступления. Из этого следует, очевидно, только то что если подобные преступные действия совершены, то к совершившему их следует применять известную статью уголовного кодекса, но никоим образом не вводить обязательную предварительную цензуру.

Идя по этому совершенно неправильному пути, полицейская деятельность стеснила, в историческом своем развитии своем, обнаружение и проявление самых нормальных человеческих сил. Возьмем другой пример. Лицо, не имеющее определенного места жительства и постоянных занятий, скитающееся из одного места в другое, может по недостатку средств или иным причинам совершить преступление. Но из этого не следует еще допускать обычай не постоянного места жительства только по подозрению, вводить паспортную систему и т. п.

В историческом своем развитии полицейская деятельность принимала и противозаконные формы, она становилась на место суда, применяла известные наказания не домогаясь судебного разбирательства, своею собственною властью.

После основных преобразований государственного строя, после установления строгих государственных форм, и полицейская деятельность сводилась мало по малу и сводится еще теперь к деятельности предупредительного в собственном смысле этого слова.

Постараемся точнее определить признаки этой деятельности.

Предупредительная деятельность полиции имеет дело с такими явлениями, которые она в строгом смысле запретить не может, которые сами по себе являются законными, дозволенными, но которые, однако, могут, при известных условиях, подать повод к совершению преступления.

В этих случаях следовательно, полиция должна быть вооружена средствами во время предотвращения этих действий. Так напр. Западно-Европейская законодательства признают право сходок, собраний (droit de réunion, Versammlungsrecht.) Полиция, очевидно, не имеет права воспретить их; но понятно, что если несколько сот или тысяч человек находятся вместе, что собрание может перейти в толпу, которая вскоре теряет способность рассуждать, которая превращается в стихию, всегда грозную на всякое дело. Собрание, таким образом, может уклониться от своей основной цели, которая обыкновенно состоит в обсуждении известного вопроса или подачи петиции кому либо из правительственных лиц; в стихийном состоянии масса может поступить агрессивно, перейти от слов к насильственным действиям и нарушить общественный порядок и безопасность. Кроме того она может даже прекратить то право на выражение своего мнения, которое имеет каждый из членов, не признавая за ними права голоса, произвести насилие над отдельными личностями. Отсюда понятно, что в подобных случаях для полиции своей власти, как государственного органа, предупреждающего преступления, являются и права и обязанности.

Право ее заключается в присутствии на подобных собраниях. Все Европейские законодательства постановляют, что на митингах и народных сходках должны присутствовать агенты полицейской власти.

Обязанность заключается в принятии мер в тех случаях, когда дело принимает угрожающий характер; полицейская власть имеет в таких случаях право распустить собрание, объявить его закрытым и попросить участвующих в нем разойтись по домам.

Виновен, если уже совершено какое либо преступное действие, на органах полицейской власти лежит обязанность возбудить об нем дело на суд, задержать виновных,

препроводить ихъ въ судебной власти, составить протоколъ и т. п.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія, Полиція имѣетъ различные виды:

1) Существуетъ такъ называемая общая полиція, которая имѣетъ дѣло съ явленіями, могущими нарушить общественную безопасность; она имѣетъ дѣло съ собраніями, при которыхъ могутъ произойти что либо опасное, съ отдѣльными лицами, которыя по своему индивидуальному положенію могутъ внушать опасность.

2) Существуютъ виды спеціальной полиціи, проникающіе во всѣ почти органы администраціи. Такъ напр. хотя часть санитарная, медицинская, является отраслью государственнаго управленія, но въ ней есть элементъ полицейскій, заключающійся въ наблюденіи за продажею ядовитыхъ веществъ для предупрежденія преступленій и т. п.

Въ области печати имѣется такая же доза полицейскаго элемента; каждая книга, какъ извѣстно, обязана носить имя автора или изданія и типографіи, гдѣ она напечатана, для того, чтобы государственная власть имѣла возможность возбудить преслѣдованіе, въ случаѣ, если книга заключала бы въ себѣ что вредное или преступное.

Вообще было бы излишнимъ перечислять всѣ виды спеціальной полиціи, ибо каждая отрасль администраціи имѣетъ ту или иную долю предупредительно-полицейскаго элемента.

II. Вторая отрасль правъ, входящая въ содержаніе правъ государственной власти, есть право внутренняго управленія — администрація въ обширномъ смыслѣ слова. Если мы различаемъ и отдѣляемъ эти права внутренняго управленія отъ установленія и охраны юридическихъ нормъ, то, слѣдовательно, есть какая либо граница въ задачахъ.

Дѣйствительно, установленіе и охрана юридическихъ нормъ является необходимымъ при предположеніи дѣятельности от-

Литография Головкина. Гороховая № 18.

дальнейшем мире и целого государства, ибо само государство, как мы уже знаем, есть юридический порядок. Здесь мы в области внутреннего управления, мы имеем дело с полицейскими задачами, на которые направлена деятельность государства.

Выше мы уже изложили учение о целях государства. Напомним только теперь, что внутреннее управление имеет в виду обеспечение и установление условий благосостояния, тех задач, которые мы назвали общественными.

Рассмотрим тех формы деятельности, в которых обнаруживается роль государства.

Эти формы могут быть сведены к двум следующим:

1) Форма Полицейская

2) Форма Попечительная (Fürsorge)

Полицейская деятельность в данном случае должна быть отличаема от полиции благополучия (police de santé) в (Широком смысле слова. В свою очередь, полицейская деятельность в области внутреннего управления, полиция благосостояния должна быть отличаема и от деятельности попечительной, ибо она имеет в виду особые задачи, о которых будет сказано ниже.

Задача полицейской деятельности внутри государства в области внутреннего управления выражается в том, что государство имеет право регулировать известные отношения, известные виды деятельности частной и общественной. Отсюда вытекает право наблюдения за исполнением постановлений, оказавшихся необходимыми для такой регулировки. В этом смысле полицейская деятельность заключает в себе известный элемент принуждения (Zwangsrecht). Так для полицейства лесного, для рыбной ловли, охоты и т. п. существуют правила, определяющие сроки и даже способы пользования различными благами природы. Для соблюдения этих правил, очевидно, необходимо известный надзор, которого обязанность была бы или привлекать виновных к ответственности, или обязать их полицейским штрафом. Поэтому, когда органы государства привлекают к ответственности лиц, нарушающих чьи-либо

ленной, горной и т. п. по улицам они существуют полицейски.

Другая форма деятельности, которую мы назвали попечительной, состоит в том, что государство принимает на себя выполнение различных предприятий, необходимых для общественного благосостояния, хотя при этом не принуждает подданных пользоваться ими. Так напр. государство строит дороги, но не обязывает ездить по ним, учреждает школы, больницы, но не обязывает поступать в них никого, во всех этих формах, однако, государство является в роли общественного предпринимателя, который для общей пользы берет на себя попечение об известных предметах.

III. Третий раздел прав, принадлежащих государству, есть права международных сношений, соответствующие целям, которые назвали выше политическими. Следует определить, почему именно государству принадлежит право международных сношений? Определить это не затруднительно, если мы вспомним, что такое государство. Мы видели уже, что государство есть союз, существующий под условием внутреннего единства. Отсюда ясно, что всякое юридическое внешнее отношение этого целого к другим, подобным же целым может быть делом того, кто является представителем государства, выразителем союза в полноте его объема. И так, только государственная власть имеет право внешних отношений своего союза к другим подобным же союзам, ибо только она одна может и должна быть ответственна за последствия, могущие произойти от этих отношений. Так объявление войны, влекущее за собою открытие границ, наплыв чужеземного элемента в страну, иногда потерю провинций, платы контрибуции, может быть актом только верховной власти. Подобно тому, только актом этой же власти может быть и заключение мирного трактата, ибо они заключают в себе условия отношений, происходящих в данном государстве после войны и влекут за собой определенные обязательства, как для всего государства, так и для каждого отдельного его члена.

Заем, контрибуция, которую во многих случаях обязана ~~выплата~~ бывает уплатить государство, может быть получена только путем нового налога, который определяется государственною властью и уплачивается всеми подданными. Очевидно, что мирный трактат может быть заключен только государственною властью и гарантирован ею, ибо в противном он не может иметь международной гарантии. Поэтому не невозможно заключать трактатов со страною не имеющею правительства, или с такою страною, где правительство временно, ибо оно является неспособным к международным сношениям, не имея органа, который мог бы заключать международные акты и гарантировать их. Так, во время Северо-американской войны, когда страна не имела в сущности правительства, ибо все дело сводилось только на Вашингтона; невозможно было далее заключить заем, необходимый для ведения войны, потому что никто не верил государству, не имевшему правительства, не могущему серьезно гарантировать уплату этого займа. Только при помощи Франции и Людовика XVI, пославшего ей собственные суммы в мил. лив. и гарантировавшего голландский заем, Америка получила необходимые средства для военных действий. Впрочем, и в данном случае дело разрешилось личным доверием Людовика XVI к генералу Вашингтону, которому и были прямо отосланы эти суммы.

Международный акт только тогда является актом, имеющим юридическую силу, когда получает значение закона внутри данной страны.

Положение между двумя странами заключает литературная конвенция о правах литературной собственности. Подобная конвенция не может осуществляться без того, чтобы не существовало надлежащей надзора за этим со стороны местной власти. Поэтому каждый международный акт, являясь вместе с тем и внутренним законом, может быть заключен и утвержден только властью, которой принадлежит право издавать законы, властью верховною.

Глава четвертая.

Посредственныя права государственной власти.

Выше мы уже видели, что в числе прав государственной власти есть такія, которыя являются средствомъ къ осуществленію государственныхъ цѣлей, права, которыя мы назвали посредственными правами государственнаго суверенитета.

Для осуществленія своихъ цѣлей государство нуждается въ извѣстныхъ матеріальныхъ средствахъ и личныхъ усиліяхъ, оказываемыхъ ему подданными и гражданами. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою два права государственной власти:

1) Право на извѣстную долю имущества, принадлежащаго гражданамъ, изъ которой составляются средства государственныя.

2) Право на извѣстную долю личныхъ усилій, которыя для разныхъ цѣлей государство можетъ требовать отъ подвластныхъ лицъ лицъ.

Первое право есть право Финансовое въ тѣсномъ смыслѣ слова или финансовое верховенство.

I. Средства государства слагаются изъ источниковъ двоякаго рода:

1) изъ доходовъ съ имущества, принадлежащаго государству;

2) изъ извѣстной доли имущества, принадлежащаго частнымъ лицамъ.

Что касается перваго источника, то онъ болѣе всего соотвѣтствуетъ государству, находящемуся въ патріархальномъ состояніи. Такъ далеко мы должны въ древность, гдѣ малочисленныя государственныя, хозяйственныя земли, доходами съ которыхъ Король покрываетъ и свои собственныя издержки, и издержки по управленію, представляютъ государственной власти въ обществахъ мало развитыхъ принадлежащія земли, леса, подземныя имущества, которыми они владѣютъ на правѣ ли основанія, на которомъ владѣютъ частныя лица. Но чѣмъ развитѣе становится государство, чѣмъ сложнѣе экономическая жизнь

страны, путем более усиленной государственной власти и переходят во владение частных лиц. Государство в роли хозяина ограничится несостоятельным, потому что данному управлению не достанет той доли предприимчивости и умения вести дела, которыми располагают частные лица. Поэтому то государственное хозяйство на правах частного владения должно быть признано для многих менее, ибо опыт показывает, насколько это невыгодно; никогда почти доходы с земли не покрывают расходов, которые затрачивает на нее государство.

С течением времени все более и более выдвигается на первый план тип источника государственных доходов, которые до сих пор были добавочными, экстраординарными. Известно, что в средние века короли пользовались субсидиями, со стороны своих вассалов, вспомоществованиями, которые не были периодическими, не выражались в системе правильных налогов, но давались в виде единовременного пособия на каждый отдельный случай – войну, выдачу замуж дочери, посвящение в рыцари старшего сына и т. п.

Мало по малу эти субсидии или добавочные средства сохранились в постоянный источник государственных доходов, приняли форму правильных и постоянных налогов, устанавливаемых по общим правилам, по которым некоторая известная доля имущества в той или другой форме поступала в распоряжение государства.

Вместе с тем является и законодательство налогов. В настоящее время каждый налог существует по закону, устанавливающему порядок обложения, способ взимания и размер налога. Совокупность этих частных законов и образует финансовое право.

Естественно, что установление налогов может принадлежать только государственной власти, ибо налог является ограничением прав, принадлежащих каждому отдельному лицу. Налог есть доля имущества, принудительно-взимаемая

от массы населения. Налог предполагает право распоряжения частными лицами средствами, чтобы известная доля его поступала в распоряжение государства. Право это может принадлежать только государству и налоги могут быть устанавливаемы только законодательным путем, этим путем, которым устанавливаются права и обязанности лиц, живущих в государстве. Вот почему во всех государствах, какова бы ни была их форма правления, все налоги устанавливаются только законодательным порядком и в представительных государствах права законодательные и финансовые соединены в парламенте.

Против этого можно было бы возразить следующее: существуют налоги местные; отдельным корпорациям, отдельным сословиям предоставляется право так наз. самообложения. Но и это обстоятельство нисколько не противоречит указанному выше общему правилу, ибо право самообложения, предоставляемое городам и местным сословиям основано на определенной делегации от государственной власти, существует только по воле этой власти. С этой точки зрения и должно быть рассматриваемо право самообложения. По существу своему право это подходит совершенно под принцип налога, ибо оно не тождественно с составлением известного капитала путем добровольной складчины. Складчина составляется добровольно, т. е. по личному желанию каждого из ее участников; лица, не желающия участвовать в ней не могут быть принуждены к этому. Напротив постановления городской думы или определенной власти по поводу самообложения обязательны для всех членов местности. Далее, желание изъявленное на участие в добровольной складчине обязательно нравственно, а не юридически; лицо, обязавшееся участвовать в складчине и не исполнившее этого, не может быть принуждено к этому средствами порядком; напротив, местные налоги взыскиваются также, как и налоги государственные, т. е. принудительным

образом. Если они по самому принципу своему суть налоги, то естественно, что они могут существовать только на основании делегации государственной власти, дающей право самообложения местному общественному союзу. Но право это дано не безгранично.

Финансовое право в принципе безгранично: реального ограничения относительно размера и предмета налогов нет. Правда, в конституциях некоторых государств (напр. штатов Иллинойса, Мэна, Кентукки) определяются даже предметы, подлежащие налогам, но в принципе государственная власть не ограничена в этом отношении. Напротив, право местных налогов всегда ограничено и ограничение это вытекает из различных соображений.

1) Государство ограничивает предметы местного обложения. Могут быть обложены только предметы, специально исчисленные в отношении к этому предмету законом. Существуют предметы, имеющие общегосударственное, а не местное значение, и такие предметы не могут быть обложены местными налогами. Так напр. местная власть не может обложить сбором железные дороги, ибо они представляют собственность всей страны и должны существовать на равных основаниях для всех. Таким образом, само государство обязывает изъятием из местного обложения такие предметы, которые имеют общегосударственное значение.

2) Размеры налогов, которые могут быть взыскиваемы со стороны местной власти, определяются также общегосударственными законами, ибо этими самыми государство предохраняет имущество местных жителей от возможных злоупотреблений со стороны местной власти, что привело бы несомненно к истощению экономических сил страны. Давая право самообложения, государство должно соображать тягость местных налогов с той тягостью, которая уже лежит на плательщиках по платежам общегос-

дарственным. Вследствие этого местные налоги являются чем то добавочным и размеры их должны соизмеряться с теми размерами, которыми они обложены предметы для государственного сбора. Во Франции это называется centimes additionnels, т.е. добавочные деньги. Положим, напр. что известный предмет обложен государственным сбором в 1 пр. в местном департаменте дозволяется облагать его сбором еще в 25% против государственного сбора, т.е. в 25 сан. Centimes additionnels, очевидно, являются пропорциональными с общегосударственным налогом.

3) Предметы местного обложения должны быть указаны в законодательстве. Законодательство определяет на какие предметы может быть установлен налог, причем сообразуется с тем кругом ведомства, которой ввверен местным учреждениям. На предметы, не подлежащие местному ведомству, местные налоги установлены быть не могут. Следовательно, во всех случаях, местное обложение является делегацией государства; вопрос в каждом случае говорит, что финансовое право есть одно из атрибутов власти государственной.

II. Государство имеет право на известную долю личных услуг, которые оно требует со стороны граждан своих. Конечно, оно требует их тогда только, когда нужды его не могут быть удовлетворены иначе, как личными услугами граждан и подданных; так напр. сюда относится обязанность приложения застрахателя, воинская повинность и т.п., не могущие быть возмещены денежным взносом или иным каким бы то ни было способом.

Остановимся на этом принципе, которой мы указали выше, - что личные услуги требуются государством в том случае, когда они не могут быть возмещены чем-либо другим. Мы устранили из нашего рассмотрения множество повинностей, которые в прежнее время особенно обременяли всех мало развитые государства в финансовом и

экономическим отношениям. Мы выделили личные повинности из масс т. наз. повинностей натуральных, к которым причисляются гужевые и повинности земские.

Что касается натуральных повинностей, которыми были обременены государства в прежнее время, то они объясняются 1) слабостью средств государственных и общественных; 2) дешевизною труда и малым уважением к нему. Предполагалось, что было выгодно и для государства, и для частных повинности отработать известное для этого время, чтобы уплатить сумму денег. Отсюда эта масса натуральных повинностей, существовавших всюду и до последнего времени в России.

Возьмем для примера т. наз. дорожную повинность-обязанность содержать в исправности общественные дороги. Для законодательной власти не только с точки зрения правительственной, но и с общественной казалось более выгодным, чтобы крестьянин сам отбывал эту повинность. При этом 1°) не принималось в расчет, что таким образом повинность падает исключительно на земледельческий класс народонаселения; 2) не принималась в расчет убыточность труда, величина убытков, которые несет крестьянин, отрываясь для отбывания повинности от своей работы; 3) не принималось в расчет и то, что самый порядок отбывания повинностей не представляет обеспеченных от произвола местных властей, принуждающих иногда крестьянина к отбыванию ее в самую горячую рабочую пору. Однако было бы весьма удобным перевести эту повинность на денежную, привлекая к ней все классы населения одинаково и имея готовым наемным рабочим, а не крестьян земледельцев; к осуществлению этого государства пришли мало по малу; в настоящее время идет процесс этого перехода в России.

Но остаются те же повинности, которые могут быть отбываемы только личною службою; между ними первое

имело по тяжести и важности для государства занимает повинность воинская.

Воинская повинность установилась окончательно, в наполеоновской форме своей только в XIX ст.; она является теперь в форме повинности, распространяющейся на всех классы населения, без возможности избежать от нее посредством денежного взноса.

История воинской повинности тесно связана с историей развития самой государственной власти в Европе. В феодальную эпоху, повинность лежала только на высших классах населения, на вассалах крупных владетелей и короля. Они должны были являться в своему сюзерену, по зову его на войну, с вооружением и дружиной. Но эта феодальная повинность в своем первобытном виде, представляла значительные неудобства для королевской власти, усиливающейся все более и более. Она предполагала право местных владетелей держать вооруженную дружину, между тем как король, имевшая право частных войн, проводил совершенно новый принцип, выраженный в формуле: nul ne peut avoir et armée — sauf le roi et son fils. Необходимо было, следовательно, уничтожить права феодалов в этом отношении, сосредоточить права эти в руках короля. Но какими образом приняться за это? Повинность вассальная, феодальная вложилась в цепь, а между тем обязанность военной службы не распространялась еще на низшие классы населения. Тогда обратились к организации наемных войск; вся Европа покрылась наемными дружинами, некоторые народы, как напр. Швейцарцы, специально посвящали себя службе в рядах наемных войск. Однако эти вооруженные наемники представляли для него чрезвычайно неудобный: они не были воодушевлены патриотизмом, не имели связи со страной, сражались они за выгоды и только в рядах исключения

или личной храбрости и грабеж. В мирное время, этот беспокойный элемент, не находя себе дела вне страны, терзал ее внутри и и часто обрушивался на тех, кому обязан был служить.

Таким образом эти войска мало по малу утратили свое значение. Явилась система постоянных войск другого типа, т.е. постоянная армия, составлявшаяся из лучшего класса населения, отбывавшего воинскую повинность на основании рекрутской очереди. С населения взыскивался известный процент людей, которые должны были образовать постоянную армию, которые должны постоянными военными служителями государства. Эта система представляла гигантские более удобств, чем система войск наемных, но все же была не достаточно совершенна по следующим причинам:

При системе постоянной армии, составленной из лиц, которые взыскивались в виде процента с населения, боевая сила государства была организована лучше, но в отношительности чрезвычайно быстро могла истощаться. Так что данный состав армии был разбит, невозможно было скоро сформировать новый, тем более, что при прежних условиях обучения и строевой службы на подготовку войск требовалось не мало времени. Кроме того, совокупность тех лиц, которые брались из народа, не возвращались уже в народ; это были силы для навсегда оставшиеся в распоряжении государства, а запасы на случаи по в виде инвалидов, не могущих пополнять собой. Наконец, армия эта не была в строгом смысле национальною, она знала чести своего знамени, интересов патриотических интересов, которые могли жить только при постоянном общении с народом, у нея не было. Поэтому армия эта весьма скоро деморализировалась. Едва только колебалось правительство, едва утрачивалась власть в свои руки, и это войско как отторженное от страны,

переставало быть защитником ея. Следовательно, новая организация имела два существенные недостатка:

1) При этой системе боевая сила скоро истощалась.

2) Армія, отрѣшенная отъ народной массы и поддерживаемая въ ней искусственными понятіями военной чести, скоро демораливировалась, доказательствомъ чего служитъ исторія всѣхъ большихъ войнъ, гдѣ въ 2-3 сраженія рѣшалась судьба страны. Вотъ чѣмъ вызвано было развитіе особыхъ военныхъ новшествъ, явившихся въ Пруссіи, предъ 1814 г. и организаторомъ которыхъ былъ датскій уроженецъ, генералъ Шарнгорстъ. Для пониманія системы Шарнгорста необходимо обратиться къ послѣдствіямъ Тильзитскаго погрома, когда Наполеонъ уничтожилъ всѣ боевыя силы Пруссіи и предписалъ ей миръ на весьма тяжелыхъ условіяхъ: половина Пруссіи должна была отойти въ составъ организованнаго Наполеономъ Рейнскаго союза, Пруссія должна была заплатить военныя издержки, равнявшіяся весьма значительной суммѣ денегъ и наложено, обязалась содержать армію въ весьма ограниченномъ числѣ, а именно, въ числѣ 40.000 чел. Очевидно, что подобная малочисленная армія годна была только для внутреннихъ цѣлей, а не для внѣшнихъ войнъ, чего особенно опасался Наполеонъ.

Въ то самое время, когда приходилось исполнять условія этого тяжелаго мира, явился новый организаторъ Прусской арміи, заявившій мѣсто подлѣ другихъ реорганизаторовъ Пруссіи-барона Штейна, Гарденберга и др. Задача Шарнгорста заключалась въ слѣдующемъ: какимъ образомъ увеличить боевыя силы государства, не увеличивая дѣйствующей арміи выше размѣровъ, установленныхъ трактатомъ.

Отвѣтомъ на эту задачу получилась слѣдующая комбинація: Необходимо было уменьшить сроки военной службы съ тѣмъ, чтобы народъ, проходя черезъ дѣйствующую армію, какъ черезъ военную школу, по отбытіи шестилѣтняго срока у знамени, возвращался въ запасъ (Landwehr) могущій во всякую данную минуту быть призваннымъ къ дѣйствію.

Такимъ образомъ устранялось главнѣйшее неудобство преж-

ной военной системы, а именно, невозможность быстрого пополнения войска, в случае истребления его неприятелем. При системе действующей армии и Ландвера являлась возможность пополнять войска из запаса и тыла поддерживать боевые силы страны на надлежащей высоте. Вот главная цель, к которой Шарнгорст вел свои преобразования. Но при уменьшении срока военной службы, естественно, что очередь должна была обходить всех. При прежней системе прошлых военных людей было немного, теперь при системе Шарнгорста, уменьшавшей значительно срок военной службы (на 4, потом на 3 года), очередь эта должна была обходить большинство, другими словами, обратилась во всеобщую воинскую повинность, заключающуюся в том, что каждое лицо, достигшее призывного возраста, должно было в течение известного времени отслужить в армии и затем возвращаться в запас, к своим обычным занятиям; лица эти должны были вместе с тем быть постоянно готовыми пополнить возможную убыль действующей армии.

Вот чисто военная цель, вызвавшая учреждение всеобщей воинской повинности. Мы назвали ее всеобщей, но она не должна быть понимаема в смысле поголовной – не каждое лицо, достигшее призывного возраста обязано отбывать ее; 1) само государство устанавливает известные цензы для нее; 2) государство пользуется только в известном проценте подданных, проценте, определяемом государственным законодательством. Мы называем ее всеобщей только в том смысле, что она простирается одинаково на все сословия и обязана быть отбываема лично, а не заменяема денежным взносом.

Таково содержание прав государственного верховенства. Из вышеизложенного ясно, что права этого верховенства распространяются по столько, по сколько этого требуют цели государства, указанные выше. Принцип государственной власти, авторитет государства не уничтожается не только возможными, но и необходимыми существованием таких сфер, в которых как каждая

отдельная личность, так и общественные союзы имеют возможность действовать самостоятельно. Этот-то принцип, который ограничивает применение государственного вмешательства, и называется началом свободы.

Отдел II.
Учение о свободе.

При разборе начала свободы мы должны будем указать:
1) Содержание этого начала.
2) Связь этого начала с государственным авторитетом, пределы правомерности государственного устройства.

Постараемся прежде всего рассмотреть, в каком смысле употребляем мы здесь самое слово свобода. Сделаем вывод, в каких смыслах вообще может быть употреблено это слово, сообразно с различными отраслями человеческого знания. Приведем три формулы, в которых употреблено это слово:
1) Человек свободен.
2) Человеческая деятельность должна быть свободна в том или другом ее виде.
3) Человеческая свобода должна быть обеспечена в обществе.

К какому же разряду наук относится каждая из этих трех формул?

1) Говоря „человек свободен" мы, очевидно, хотим охарактеризовать природу человека, как существа нравственного, мы утверждаем, что он способен действовать по внутренним мотивам своей воли и разума. Способность эту мы называем свободой воли. Очевидно, что вопрос об этой свободе, долженствующей характеризовать природу человека, есть вопрос философии, а не юридический, ибо в науках юридических свобода имеет иное значение.

2) Мы говорили, что „человеческая деятельность должна быть свободна в том или другом ее виде." В этом случае мы совершенно оставляем в стороне вопрос о характере воли человеческой. Утверждая, что тот или другой вид чело-

ческой деятельности должен быть свободен, мы не говорили о его свободе с философской точки зрения; мы могли даже предполагать зависимость его от внешних условий, но вместе с тем утверждать, что в известных случаях человек будет действовать лучше, если будет предоставлен собственным побуждениям. Так напр. экономисты требуют свободы в хозяйственной деятельности человека, хотя вовсе не убеждены в свободной воле человека. В данном случае, следовательно, мы указали на отношения человеческой деятельности к общественной жизни, исследуем не природу человека, а условия, при которых могут быть лучше достигнуты известные цели его в общественной деятельности, - словом, находимся в области наук экономических.

3) Наконец, третья формула „человеческая свобода должна быть обеспечена в обществе" не заключает в себе указаний ни на природу человека, ни на цели его деятельности и относится к области наук юридических. Они предполагают цели, что известный круг целей представляется человеческой деятельности, какова бы она ни была. Необходимы только юридические условия, которые бы обеспечивали проявления свободы. Возьмем для примера самый крайний случай: предположим, что данное государство допускает свободу только в области гражданского права, в частных правоотношениях. Но и тогда общий строй государства должен заключать много гарантий для лиц и имуществ их. Права частные не будут ограждены там, где не существует ограждения права собственности, от акта суда и т.п. С юридической точки зрения вопрос о свободе формулируется следующими образом: какими средствами обеспечить свободу лица в обществе, в смысле законной неприкосновенности личности и беспрепятственной ее деятельности в разных направлениях.

Вопрос, следовательно, сводится к известным гарантиям свободы, к тому, как известные виды свободы могут и должны быть гарантированы.

Разсматривая этотъ вопросъ, мы должны подраздѣлить его на два: 1) чтобы личность была свободна въ обществѣ и государствѣ, необходимо, чтобы она была обезпечена сама въ себѣ, въ элементарныхъ условіяхъ своего юридическаго существованія; 2) чтобы была обезпечена свобода извѣстныхъ видовъ ея дѣятельности. Такимъ образомъ, ученіе о свободѣ распадается на двѣ части:

1) Вопросъ объ обезпеченіи человѣческой личности.

2) Объ обезпеченіи извѣстныхъ видовъ дѣятельности лицъ.

Глава первая.

Обезпеченіе личной свободы человѣка.

Прежде всего установимъ точное понятіе о томъ, что мы разумѣемъ подъ именемъ личности (реченія). Употребляя въ юридическомъ смыслѣ слово „личность", мы не отождествляемъ здѣсь понятіе человѣческой личности съ понятіемъ человѣка, какъ живого существа, ибо легко можемъ представить себѣ человѣка юридически безправнаго, но существующаго; но тогда онъ будетъ зоонъ, а не реченіе, т.е. личность въ смыслѣ юридическомъ, ибо мы разумѣемъ подъ этимъ понятіемъ совокупность правъ, обезпечивающихъ человѣческую правоспособность. Вслѣдствіе этого мы не отождествляемъ понятія личности юридической съ понятіемъ нравственной личности человѣка, личности мыслящей, создающей художественные образы, внушающей и т.п. ибо человѣкъ можетъ соединять въ себѣ все это и не имѣть ни личности юридической. Въ этомъ смыслѣ юридическая личность является необходимымъ предположеніемъ существованія самого права въ смыслѣ объективномъ т.е. совокупности извѣстныхъ юридическихъ нормъ, предполагающихъ отношеніе двухъ субъектовъ права. Въ этомъ смыслѣ и вопросъ о томъ, „имѣетъ ли право" и „имѣетъ ли личность" — одно и то же, т.е. пока не признана человѣческая личность въ смыслѣ право-

---

Бѣлинскій. Allgemeine Staatslehre. Т. 8.

Лит. Разовскаго, Казанская, №. 18. Обозр. Госуд. Учрежд. Листъ XIII.

способного субъекта, до тех пор не может быть речи о юридическом порядке, и наоборот — личность бесправная есть вещь, а не личность, она не имеет юридического бытия. Этим признаком определяется и юридический характер самого государства, ибо господство государства над массою управляемых есть господство правомерное, простирающееся на личности, а не на вещи, на субъектов, за которыми государство признает известные права и обязанности. Права эти выражаются прежде всего в совокупности тех условий, которые определяют бытие самой личности в смысле юридическом. Совокупность этих условий и называется правами личными.

Общий принцип, который определяет вообще пределы всех видов гражданских прав и государству, может быть выражен следующим образом: Каждое право, законно приобретенное известным человеком и необходимое для его существования, обязательно не только по отношению к другим частным лицам, но и по отношению к самому государству. Так, право собственности состоит не в том только, что известное лицо не в праве отнять у меня известную принадлежащую мне вещь, но в том, что и само государство не имеет этого права. Словом, известное право, которое получает личность в обществе, обязательно и для государства. Поэтому произвольные действия государства могут нарушить человека: 1) в его личности; 2) в его имуществе, ибо имущество есть совокупность средств, необходимых для существования личности.

Остановимся прежде всего на рассмотрении прав личных. Личность человека, как замечено выше, есть понятие как физическое, так и нравственное; поэтому неприкосновенность человеческой личности может состоять прежде всего в ограждении его от посягательства на его жизнь. Но человек может потерять свое значение в обществе,

момент, не умирая физически, перестает иметь юридическое, потерять свою гражданскую самостоятельность, свою правоспособность в следующих случаях:

1) Человек утрачивает свою самостоятельность вследствие потери возможности быть субъектом прав.

2) Его правоспособность ограничивается потерею свободы в тесном смысле слова, потерею права физически располагать своей свободой, - заключением.

3) потерею чести, влекущею за собою известные гражданские последствия.

Известно, что одним из необходимых условий существования человека есть его честь; под именем чести иногда разумеется совокупность всех гражданских прав, поэтому и потеря чести влечет за собою потерю всех этих прав, но в данном случае под именем чести мы должны разуметь то долю уважения и доверенности, которую каждый человек, не запятнавший себя преступлением имеет право требовать от общества и государства, ибо обладание ею является условием для пользования известными гражданскими и общественными правами - правом быть свидетелем, опекуном и т. п. Следовательно, утрата чести влечет за собою важные юридические последствия. Само собою разумеется, что вышеупомянутые права должны быть обеспечены для всех лиц государства полностью, ибо в противном случае, потеряв одно из них, лицо уже не существует, потому, не имеет только юридического значения. Вот почему Римляне характерно называли утрату какого либо из прав гражданской самостоятельности - capitis diminutio. Они так тесно связали с личностью, что не могут быть отделены от нея и называются личными правами в тесном смысле.

Государство может лишать лица этих прав, чтобы этому и состоялись главнейшие наказания, установленные в уголовном кодексе. Но государство не должно произвольно

распоряжаться этими правами, они должны быть неприкосновенными для него, пока нет достаточного основания лишить его известное лицо. Единственным основанием для этого является преступление, совершенное личностью. Но даже и в этом случае, когда личность совершила преступление, она не может быть лишена своих прав непосредственным, произвольным действием государства; необходимо, 1) чтобы деяние было признано преступным компетентною судебною властью, 2) чтобы кара максимально соответствовала важности преступления. Вышесказанное выражается в юридической формуле, воспроизведенной во всех Европейских законодательствах: „никто не может быть лишен своего права иначе, как за преступление и по суду". Сюда относится целый ряд соответствующих постановлений. Древнейшими являются постановления Англии, где гораздо ранее чем где бы то ни было, установились воззрения на личную свободу. Еще в 1215 г. в Magna charta libertatum, cap. 39, говорится: Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur nisi per legale judicium parium suorum, vel (et) per legem terrae. – ни один свободный человек не может быть взят и заключен иначе, как по законному осуждению себе равных и по законам страны.

Дальнейшее развитие этого положения видим мы в Habeas corpus, в Прошении о правах и в Билле о правах.

В континентальных государствах Европы принцип личной неприкосновенности установился позднее, чем в Англии и в сущности более провозглашался, чем устанавливался. Принцип этот провозглашен был на континенте в 1789 г. 7-ой статьей „Декларации прав человека и гражданина"; в этой статье говорилось, что никто не может задержан, обвинен или заключен иначе, как в случаях, предусмотренных законом и на основании законом предписанных форм. Эта статья представляет самую полную редакцию этого правила, воспринятого впоследствии во все Конституции Европы и Америки. В Американской Конституции, кроме того, есть постановление, что

Habeas corpus act не может быть отличным в этом законодательстве Америки резко отличается от Англии, где действие habeas corpus'а может быть приостановлено.

Таким образом принцип личной неприкосновенности проводится всеми конституциями, рассмотрели же, в чем заключается его обеспечение, практические способы его применения?

Приступая к разбору этого принципа с этой точки зрения, мы встречаемся прежде всего с тем нач. судебными гарантиями, т.е. принцип личной неприкосновенности обеспечивается судебными гарантиями. В чем же заключаются они?

Они вытекают всего из общих начал, установленных выше. Если никто не может быть лишен принадлежащих ему прав иначе, как за преступления и по суду, то отсюда можно вывести следующие два принципа:

1) Рассмотрение каждого действия, могущего повлечь за собою лишение или ограничение личных прав, может принадлежать только суду.

2) Сама судебная власть в действиях своего домена должна быть связана известными формами, обеспечивающими личность человека, подвергаемого суду.

Вот два главных начала, которым должно подчиниться наше рассмотрение.

И так 1-е рассмотрение каждого действия, могущего повлечь за собою лишение или ограничение личных прав, может принадлежать только суду. Это начало выражается в очень характерном постановлении конституции, а именно в том, что „никто не может быть изъят от юрисдикции своих законных судей" (juge naturel) - французское постановление, перешедшее потом и в другие конституции. Подд естественными судьями долж разуметь та инстанция, которой подведомственно известное дело на основании действующих законов.

Постараемся рассмотреть, какие причины побудили законодательство к установлению подобных гарантий? Судебная власть действует лишь только на основании общего закона, постановившего

одинаковой нормы для всех однородных случаев. Поэтому указанный принцип исключает возможность 1) всяких чрезвычайных, исключительных судов; 2) всяких наказаний, налагаемых не по суду.

И этот принцип устанавливается прежде всего в Англии. В истории этой страны мы замечаем сильную борьбу против чрезвычайных комиссий, действовавших по исключительным (военным) законам. Знаменитое прошение о правах (1627) открыто протестовало против военно-судных комиссий короля Карла I. Другую память оставила в Английском народе палата пал. Звездная палата, рассматривавшая политические дела и высокая комиссия, преследовавшая диссидентов. По окончании второй революции — в Билле о правах (1689) указывается, в числе прочих не законных действий короля Якова II, на то, что он учредил особую „палату комиссаров для духовных дел" и объявляется, что „эта бывшая палата и все другие подобные палаты не законны и вредны."

Современные конституции признают два принципа:

а) Никто не может быть лишен или юрисдикции своего законного суда.

в) Чрезвычайные исключительные суды для обыкновенных дел не допускаются (Прусская конституция ст. 7, Австрийская V. 2, 3. Венгерская V. 146. 150

Далее суд действует на основании общего закона, отправляя одного или конкретного факта; судебное преследование возникает от определенного действия и направлено против определенного лица. Правильно организованный суд не производит всеобщих арестов, домовых обысков и т. п., т. к. не посягает на неприкосновенность мирных жилищ. Поэтому правило, по которому каждое распоряжение суда должно содержать точное указание лица, до которого оно касается и дела, подавало повод к судебному преследованию, составляет важную гарантию для личной свободы.

И это правило установилось ранее всего в Англии и Америке. В Англии еще в XVII ст. были известны пал. общие предписания

(general warrant) об арестах и обысках. В последний раз эта мера была употреблена по делу Уилькса в 1763 г. Уилькс был избран членом палаты депутатов (commons), принадлежал к оппозиции и действовал против партии так наз. „друзей короля". В 45 № газеты „Северный Британец" он написал статью, заключавшую в себе резкие выходки против правительства. В Англии особенно в эти времена, господствовали строгие законы относительно памфлетов; поэтому правительству был открыт легкий путь для возбуждения преследования против Уилькса. Но правительство не посмело преследовать его обыкновенным порядком. В виду того, что статья Уилькса была не подписана, тогдашний министр внутренних дел в газетах мирного суда решился издать предписание об аресте автора, издателя и типографщика 45 № газеты „Северный Британец". Но в этом предписании не было обозначено ничьих имен и даже принципиальная мысль статьи не была указана. Агенты правительства арестовали более людей, чем было нужно; в числе арестованных был и Уилькс. Он обратился за действию habeas corpus'а и на основании его потребовал, чтобы его судили. Суд королевской скамьи (king's bank) под председательством лорда великого судьи Англии, лорда Кэмбдена издал предписание о представлении Уилькса в суд, нашел что он арестован незаконно и освободил его. Тогда Уилькс, типография и издатель предъявили иски против авторов, арестовавших их и против статс-секретаря - министра внутренних дел. Королевский суд приговорил их к уплате по нескольку тысяч ф. стер. каждому из неправильно арестованных.

Однако, не смотря на это, страна, распорядившаяся так в деле обеспечения личной неприкосновенности у себя, поступила совершенно иначе в Америке, находившейся в то время под владычеством Англии. В числе мер, которыми Американцы были особенно недовольны, была мера противозаконного установления податей; американцы утверждали, что английский парламент не имеет никакого права облагать их податями, так как в нем не заседают

представители отъ Америки. Парламентъ, желая стеснить ихъ если не прямыми мѣрами, то косвенными, установилъ крупную таможенную систему и вооружилъ чиновниковъ своихъ различными чрезвычайными полномочіями. Противъ этого возстали Бостонскіе купцы и черезъ нѣкоторое время адвокатъ Джемсъ Отисъ предъявилъ искъ въ судъ, жалуясь на незаконныя дѣйствія таможенныхъ надсмотрщиковъ. Судъ постановилъ, что дѣйствія этихъ чиновниковъ дѣйствительно незаконны и приговорилъ таможенныхъ чиновниковъ къ штрафу. Съ этого времени и начинаются революціонныя движенія, кончившіяся отпаденіемъ Америки отъ Англіи. Самый извѣстный и самый краснорѣчивый примѣръ такихъ произвольныхъ мѣръ представляетъ политика времени террора во Франціи (1793 г.), съ его закономъ о подозрительныхъ (loi des suspects); подъ именемъ suspects подразумѣвались тѣ лица, что своимъ образомъ мыслей, своими дѣйствіями и знакомствомъ казались подозрительными. Очевидно, что на основаніи этого закона можно было арестовать всѣхъ. Вообще, трудно сказать, въ какую эпоху этотъ принципъ, провозглашенный VII статьей деклараціи правъ, находилъ себѣ примѣненіе во Франціи. Такой фактъ можетъ быть объясненъ многими причинами, между прочимъ, какъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ выступаетъ борьба партій, принимавшая во Франціи весьма острый характеръ; въ борьбѣ этой каждая партія, очевидно, старалась завладѣть въ свои руки государственную власть и безконтрольно управлять страной. Всѣ партіи, существовавшія во Франціи со времени революціи, не могли существовать иначе, какъ путемъ террора. Но была можетъ не менѣе существенная причина лежала и въ самомъ міросозерцаніи Французовъ сравнительно съ Англичанами. Въ Англіи государство разсматривается болѣе или менѣе какъ средство обезпечить спокойствіе развитія личности; Англійскій народъ постоянно стремился обезпечить личность часто въ ущербъ общему благу, полагая, что это общее благо состоитъ изъ суммы частныхъ благополучій. Вслѣдствіе этого, Англичане чтутъ законъ, въ которомъ они видятъ обезпеченіе свободѣ всѣхъ и каждаго. Поэтому то они и не провозглашаютъ безграничнаго абсолютизма, какъ бы они не принадлежали. Далеко бы стремились,

что в этой земле, самой свободной в Европе, народное самодержавие никогда не было провозглашено, но и это происходило оттого, что в ней вообще нет самодержавия. Франция, напротив того, напоминает во многом строй древнего Рима; нигде преданий классического Рима не сохранилось в такой чистоте, как на почве этой галло-римской земли. В Риме мы встречаемся с чувствительным отношением отдельных личностей и народа – родины, которому принадлежала державная власть. Итак самодержавие народа Римского простиралось все отдельные личности. То, что мы называем droit Romain – Римское право есть в сущности гражданское частное право. Но итак власти не получила такого гражданского характера, ибо она не была так всесильна, как в Риме. И религия, которая в сущности была одним из выражений государственного управления, и литература и наука – не сходилось в политике, а политика в свою очередь во всемогуществе римского народа. Тоже самое видим мы и во Франции: нигде на континенте Европы абсолютная королевская власть не достигала такого величия, как во Франции. Германские потентаты подражали Людовику XIV, но нигде ограничения в дворянском сословии, не совсем превратившемся в придворное, как во Франции, в духовенстве, в интеллигентном классе общества, ограничивавшем чрезмерное развитие абсолютизма. В 1789 г. во Франции видим мы перемену: вместо абсолютного короля является самодержавный – правитель – народ и ему приписываются тот же атрибуты, которыми ранее обладала королевская власть. Власть народа также исходит от Бога и также не погрешима, как была власть короля. Руссо, в своем „Contract social" говорит, что власть общая – volonté générale – непогрешима; отсюда можно вывести заключение, что и власть, действующая по воле народа, также непогрешима. При переходе власти в руки Наполеона и во время Реставрации мы видим тоже не безконтрольную абсолютную власть, какой была при абсолютной монархии и во время народного правления. Очевидно, что в самом политическом миросозерцании Французов мыслим ничто противное свободе личности. Кроме того Англо-Саксонская раса обеспечивает свободу личности еще

особой администрацией - местными самоуправлениями. Личность гражданина отдельного человека гораздо более опасности от представителей власти центральной, чем от властей местных, ограниченных первою. Франция еще до сих пор не знает местного самоуправления; в ней наиболее господствует принцип централизации, чем в англо-саксонских странах, которые вполне децентрализованы, где в руках правительства сосредоточивается только функция политики, и где вся административная власть в руках местного управления. Так как эта местная власть - выборная и так как деятельность ее находится под контролем независимого суда, то видно, что личная самостоятельность должна быть более обеспечена при подобной системе управления. Напротив того во Франции, несмотря на присутствие палаты и полномочия ее, личность французского подданного гораздо менее обеспечена, чем личность гражданина Англии и Америки на том основании, что министерство, имея большинство голосов в палате, может действовать так, как ему угодно и кроме того располагает еще постоянными армиями на местах. Вот в чем коренится причина фразологии во Франции, в противоположность Англо-Саксонским государствам, страну где свобода личности развита несравненно менее. Напротив того в Германии, где более сохранились местные обычаи, городские сословия, самостоятельность и независимость личности, несмотря даже на королевские суды, развита более, чем во Франции. В отношении гражданских прав и уголовного вопроса, германское судопроизводство поставлено было даже в XVIII ст. несравненно лучше, чем французское.

2.) Суд только тогда будет надежною гарантией прав, когда он сам, в действиях своих, будет связан известными формами. Наибольшая потребность в этих формах является относительно власти следственной, ибо она имеет дело с неограниченным числом лиц. Суд имеет дело только с теми лицами, которые признаны заслуживающими того, чтобы быть судимы в другом мире, указанном в судебном акте. Но лица, производящие предварительное следствие, простирают свою власть на всех,

так каждое лицо должно быть привлечено к известному делу. Вот почему следственная власть пользуется в известных формах, которые бы обеспечивали граждан от неправильного привлечения к следствию и неправильного принятия против них различных предупредительных мер, носящих в строгом смысле название „способов предотвращения отклонений от следствия и суда". Способы эти различны — начиная подпиской о невыезде или данной известности до строгого заключения включительно. Правильное строгое производство необходимо должно установить, в каких формах судебная власть может прибегать к таким действиям, как аресты, обыски, заключения и т. п.

Что касается действий самого суда, рассматривающего дело окончательно, имеющего дело с данным лицом, подозреваемым в известном преступлении, но и здесь необходимы определенные формы, ограничивающие власть суда и исходящие из одного общего начала: каждый обвиняемый считается невиновным, до тех пор, пока на судебном разбирательстве не будет доказано противное. Прямое последствие этого начала состоит в том, что обвиняемому должны быть даны все средства доказать свою невиновность, главнейшим из них является устная и гласная защита чрез другое лицо — адвоката или приглашенного поверенного. Принцип, которого требует защита чрез другое лицо, весьма справедлив и обоснован психологически. По английскому законодательству, от которого и принята эта форма, никто не обязан свидетельствовать против себя; лицо, обвиняемое суда, очевидно, находится в ненормальном состоянии и может словами своими только более повредить себе. Поэтому то и обязанности английского суда лишить дачи предварительно обвиняемого о молчании. Очевидно, что чрез лицо — адвоката относящийся по большей части хладнокровно к делу, может гораздо лучше собрать, что сказать в данную минуту и дать опровержение возражениям противной стороны. Кроме того, подсудимый обыкновенно не знает различных форм строгопроизводства и законов и часто может повредить себе своим молчанием; примеры этого мы встречаем часто при принятии формы строгопроизводства. Далее, защита должна быть

поставлена в совершенно равныя условія съ народомъ обвиненія; всѣ права, которыя принадлежатъ обвиненію, должны принадлежать и защитѣ. На судѣ они являются сторонами, судъ же — высшимъ, третьимъ лицомъ надъ ними. Кромѣ того, всѣ европейскія законодательства дали лицу имѣть обвинителемъ, а именно — право послѣдняго слова, для того, чтобы присяжные или судьи удалились совѣщаться подъ впечатлѣніемъ его словъ, ибо несмотря на всѣ старанія законодателя уравновѣсить права обвиненія и защиты, подсудимый всегда находится въ болѣе невыгодномъ положеніи, чѣмъ сторона обвиняющая.

Затѣмъ, по вопросамъ и дѣламъ, которыя могутъ повлечь за собою лишеніе или ограниченіе правъ лица, которыя имѣютъ наказаніе условіемъ въ собственномъ смыслѣ, въ разсмотрѣніи дѣла и приговорѣ должны участвовать присяжныя засѣданія. Это начало имѣетъ и юридическую и политическую важность. Мы не будемъ останавливаться на юридической сторонѣ, ибо это повело бы насъ къ слишкомъ подробному разбору вопроса о томъ, что лучше можетъ открыть истину — хорошій судъ или судъ выборныхъ отъ общества лицъ и т.п.*) Обратимся къ политической сторонѣ дѣла, съ которой судъ присяжныхъ является такою гарантіей личности, т.е. такимъ условіемъ, при которомъ обвиняемый въ самомъ судѣ чувствуетъ точку опоры; онъ видитъ, что находится не въ исключительномъ распоряженіи правительственныхъ лицъ, а также и среди судящихъ по волѣ одного съ нимъ сословія, которыя могутъ имѣть отношеніе къ нимъ и тогда дадутъ критическій разборъ извѣстныхъ исключительныхъ требованій закона.

Такимъ образомъ судъ присяжныхъ, въ смыслѣ обезпеченія личной неприкосновенности, имѣетъ весьма важное политическое значеніе. Кромѣ того, гласное судопроизводство является условіемъ общественнаго контроля общества надъ правительствомъ, условіемъ, увеличивающимъ нравственную отвѣтственность и суда и присяжныхъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говоримъ, что судъ въ своемъ дѣйст-

---

*) См. Мittermaier: „Судъ присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ и Шотландіи." Русскій переводъ.

были должны быть обставлены известными формами, которые бы обеспечивали подозреваемых и обвиняемых и давали бы им всех средства к защите.

Таков принцип обеспечения личной неприкосновенности в древнем римском. Все это сводится в сущности к одному императивному началу: „никто не должен быть лишен принадлежащих ему прав, иначе как за преступление и по суду.

Сюда же относятся постановления, вытекающие из этого же начала – постановления о домашней неприкосновенности. Неприкосновенность дома должна быть рассматриваема как одно из прав личности, так как дом есть убежище человека и его семьи, т.е. по пространству земли, где они по преимуществу должны чувствовать себя свободными и безопасными. Охранение неприкосновенности дома есть вместе с тем признание неприкосновенности и свободы личности человека. Всякое проникновение в дом против воли хозяина есть, по выражению Римлян, capitis deminutio лица, которое нарушает дом, оскорбляет хозяина его. Следовательно, этот вопрос тесно связан с весьма существенными нравственными началами, тесно связан с личным достоинством каждого человека. В древности неприкосновенность дома была основана на понятии святости домашнего очага т.е. на идее религиозной, это воззрение отразилось в речи Цицерона, где дело шло, где он говорит: Quid enim sanctius, quid omni religione munitius quam domus unius cuiusque civium? – Что может быть священнее или более гражданина и чем более охраняемо всякою религию, как не дом каждого гражданина? Германцы поставили этот вопрос на почву чувства личного достоинства. Насильственное вторжение в дом считалось прямым оскорблением лица, публичным для него скандалом: „Nemo indebitatis oblatam domum per violentiam, quia hoc scandalum dicunt – никто да не войдет в чужой дом силою, ибо это почитается скандалом – говорится одном из древнейших кодексов варварских законов (Lex Burgundionum).

Начало домашней неприкосновенности само по себе не могло развиваться в уголовном законодательстве, ибо оно есть принцип не охранительный, а производный, вытекающий из начала личной неприкосновенности. Отсюда само по себе понятно, что начало домаш-

ной неприкосновенности были провозглашены основными законами Французского государства вместе с провозглашением неприкосновенности личной. В Английском законодательстве ранее чем в других государствах мы это постановление, выраженное приблизительно в той же форме, в которой мы видели последующее о неприкосновенности личной. Подобно тому, как никто не может быть арестован иначе, как в специально обозначенном в приказе преступлении, так и домашний обыск может быть произведен только на основании специальных предписаний судей (warrants); общих предписаний такого рода (general warrants) не допускают. Принципы этого были окончательно внесены в Англии в 1763 г. по делу Уилкса, когда лорд Кемденом признано, что подобные предписания об общем аресте или обыске противны закону. Постановление это перешло и в другие современные конституции — Австрийскую (основ. зак. о прав. гражд. 1867, ст. 9), Бельгийскую (ст. 10), Бранденбургскую (25 мар. 1824 г. VIII, ст. 179, т. 7), Датскую — (гл. VII, ст. 31), Греческую (гл. II, ст. 12.) Италианскую (ст. 27), Прусскую (гл. II. ст. 6) Португальскую (гл. VII, ст. 6). Самая полная редакция этих начал находится в конституции Португальской и Бранденбургской. Первая была составлена комиссией под руководством Бенжамена Констана (Benjamin Constant) (1820) принадлежавшего к крайней либеральной партии, поэтому что в ней и в заимствованной с нея бранденбургской конституции на первый план начало личной свободы. Конституции эти гласят: „Жилище каждого гражданина считается в своем доме неприкосновенным убежищем. Никто не может войти в его дом, разве с его согласия или в случае пожара или наводнения. Вход в его жилище имеет место днем и в формах, предписанных законом." Следовательно, в случае строго определенного обыска, он может быть произведен и ночью.

Португальская конституция говорит об этом почти теми же словами: „Домашние обыски могут быть производимы только в случаях преступлений (ст. 10).

Неприкосновенность собственности.

В связи с неприкосновенностью личной и домашней стоит вопрос о собственности. Личность, так сказать, объективируется во внешнем мире, усваивая своим предметам и другими законными способами различные предметы в свою собственность. Границы и черты собственности

вытекают из начала, указанного выше – начала личной правоспособности и самостоятельности, ибо нельзя посягать на чужую собственность, не посягая в то же время на личность. Если мы скажем напр. что категория человека не может иметь собственности, то этим самым и уничтожим личность его в смысле юридическом. Ясно, что принцип собственности тесно связан с началом свободы; свобода и собственность (liberté et propriété) – вещи неразделимые. Итак не может государство по отношению к собственности стоять столько выше, сколько по отношению к личной свободе и правам человека, о которых говорено выше. Разница эта будет ясна из следующих соображений: личные права так тесно связаны с конкретным человеком, что не могут быть возложены на другое лицо; так если судья за взятки либо преступный министр лишается своих прав состояния, то эти права не могут быть переданы другому лицу. Что касается прав имущественных, то здесь мы видим иное: имущественная личность может быть возложена на лицо наследников, в чем и заключается закон о наследовании. Так что существует такое положение (наследственное право) очевидно что, оно подобно всем правам, приобретается и уступается; наследство открывается в момент смерти владельца; лицо, имеющее право на наследство, приобретает его и может быть лишено его только за преступление и по суду. Отсюда ясно и то, что государство не может лишить права собственности в таком объеме, в каком оно лишает личных прав. Оно может лишить собственника, но в его правах должно быть возложено что, кто имеет право наследовать ему, иначе это было бы наказание невинного за виновного. Принцип наказания этого рода, впрочем применялся в неразвитых законодательствах, но по началам законодательств европейских, каждый отвечает только за себя. Если государство не имеет права лишить наследственных прав частное лицо, то отсюда ясно, что принцип этот централизации мог развиться особенно в средние века – в эпоху феодальную – мог консервации имущества. В феодальную эпоху эта была особенно распространена на следующих основаниях: королевская собственность земли и всего находящегося на ней считалась государь; все вассалы владели частною землею не на правах аллодиальной (полной) собственности, а на правах собственности феодальной, подо условием службы и верности, при нарушении которого

владелец мог возвратить себе то, что было отдано вассалу. При развитии общества, феодальная собственность отступает на второй план и феодальная собственность аллодиальная, так что государство уже не считает собственником земли. Отсюда и следующий принцип, проводимый всеми европейскими законодательствами: „конфискация имущества в виде уголовного наказания не допускается." Если конфискация не может иметь места даже за преступления, то тем менее может она применяться к мелким нарушениям. Поэтому даже в тех случаях, когда интересы общей собственности (участок земли, поле и т. д.) понадобятся государству для общественного употребления (проведения железной дороги, постройки общественного здания и т. п.) государство может прибегать к так наз. экспроприации и принудительной продаже земли. Экспроприацией называется отчуждение частного права, находящегося в частной собственности, на общественное употребление. В данном случае государство, снимая с участка землю, должно „частную собственность" не лишать его всей собственности, ибо оно должно отказаться от нее с вознаграждением. Чтобы вознаградить собственника за экспроприацию, оно берет с него землю под условием платить ему эквивалент, т. е. справедливое и предварительное вознаграждение. Здесь следовательно являются два требования: вознаграждение должно быть 1) справедливое — соответствующее ценности отчуждаемого участка, при чем берется в соображение не только действительная ценность, но и тот убыток, который может произойти вследствие отчуждения в остальной собственности владельца; сообразно с этими данными и вознаграждение владельца. Вознаграждение это должно быть 2) предварительное, т. е. государство не ранее вступает во владение, как вознаградив собственника, сделавшегося в силу сего участка частным покупщиком. В этом и заключается сущность экспроприации, являющейся актом государственной власти, ибо иначе была бы продажа принудительная.

К вышесказанному необходимо прибавить следующее: вся эта принципиальная защита дана частным лицам по отношению к собственности и личной независимости; но кроме лиц частных, в государстве есть лица юридические, исключительно созданные для различных целей — экономических, политических, религиозных и т. п., лица, за которыми также признается правоспособность в гражданском отношении; так церковь,

А. Градовскій

различныя учрежденія, промышленныя и торговыя товарищества и т.п. могутъ владѣть имуществомъ. Спрашивается, какъ относится государство къ этому роду собственности, ибо далеко не всѣ юридическія лица могутъ владѣть извѣстными предметами на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ владѣютъ физическія лица. Такъ напр. относится церковь, владѣющая имуществомъ, поскольку это допускаютъ государственные законы и религіозныя идеи. Въ предположеніи, что духовенство, какъ корпорація прекратится, монастыри будутъ упразднены; что же сдѣлается съ ихъ землями и имуществомъ, и которому изъ будущихъ наслѣдниковъ? —

Вопросъ о возстановленіи имущественныхъ правъ по отношенію къ лицамъ юридическимъ разрѣшается въ смыслѣ отрицательномъ, т.е. право собственности, принадлежащее извѣстному юридическому лицу, не можетъ быть возстановлено въ пользу какого либо другого учрежденія. Юридическія лица, какъ произведеніе закона, существуютъ только до тѣхъ поръ, пока законъ признаетъ ихъ существованіе; слѣдовательно, весь объемъ правъ, которыми можетъ пользоваться юридическое лицо, опредѣляется закономъ, при созданіи этого лица. Права, принадлежащія юридической личности должны быть строго и точно опредѣлены закономъ и могутъ быть удовлетворительно собраны къ общественнымъ потребностямъ. Спрашивается, что же должно происходить съ имуществомъ тѣхъ лицъ, которыя въ силу постановленія закона прекращаютъ свое существованіе?

Въ этомъ отношеніи юридическія лица раздѣляются на 2 разряда: 1) лица, возникающія на почвѣ публичнаго права, созданныя для цѣлей этого права; 2) лица, возникающія на почвѣ частно-экономическихъ отношеній и существующія ради осуществленія частно-экономическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ ихъ участниками. При созданіи юридическаго лица перваго разряда, т.е. тѣхъ, которыя возникаютъ на почвѣ публичнаго права, государство обыкновенно надѣляетъ ихъ не только имущественными правами, но и имуществомъ. Сюда относятся: церковь, монастыри, церковныя общины и т.п. Напротивъ того, имущества другихъ юридическихъ лицъ, какъ то: акціонерныхъ компаній, товариществъ на вѣрѣ и др. складываются изъ опредѣленныхъ долей имущества или вносовъ

Лит. Казанская 18.

ных участников, дающих этим сделкам определенное значение.

Само собою разумеется, что и закон равным образом относится к этим двум разрядам юридических лиц. Если законодательство прекращает существование публичной корпорации, которая надолго имуществом от государства, то понятно, что с прекращением существования этого юридического лица в наличности не оказывается другого собственника, который мог бы потребовать возврата известной доли этого имущества. Отсюда ясно, что то имущества, которое остается правильным за прекращением существования публичных корпораций, могущих быть ограничены в общегосударственное достояние. Так напр. во время французской революции, когда галликанская церковь была уничтожена, как отдельная корпорация возник вопрос о том, как поступить с имуществами, которые принадлежали отдельным учреждениям, входившим в состав галликанской церкви. Вопрос был обсуждаем в учредительной комиссии (constituante), свод постановлений по нему находится в сочинении Лаферьера (Laferrière) „Essai sur l'histoire du droit français". Большинство голосов учредительного собрания высказалось за то, что раз субъект имущественных прав перестал существовать, объекты этих прав должны быть возвращены казне, если этот субъект было юридическое лицо первого порядка.

Что касается прав собственности тех лиц, которые возникают на почве частно-гражданских отношений, (хотя и имеющих общественный характер), то естественно, что имущество тех, как составляющееся из определенных взносов отдельных лиц, возвращается первоначальным собственникам; при прекращении действий какой-либо акционерной компании или другого юридического лица этого порядка, наличный капитал его распределяется между участниками общества, пропорци-

нально тем имущественным правам, которыми граждане имеют право. Имущество этого юридического лица не перестает быть имуществом частным, на которое всегда могут быть предъявлены права частных лиц.

Вот в таких случаях современное законодательство признает о неприкосновенности права собственности; в тех которых случаях только государство может предъявлять свои права на частное имущество; во всех других случаях собственность остается неприкосновенною и в случае экспроприации государство обязано дать частному собственнику полное, справедливое и предварительное вознаграждение.

Таковы права личности и собственности, тесно связанные с правами личности, те права, которые обеспечивают бытие каждого человека. Обратимся теперь ко второй части учения о свободе — вопросу об обеспечении известных видов деятельности лиц.

Глава вторая.

Обеспечение различных видов человеческой деятельности.

Мы не будем останавливаться на общих определениях свободы этого рода, ибо такие определения всегда страдают безграничным объемом и полной неопределенностью. Формула, определяющая этот вид свободы, данная декларацией прав человека и гражданина, так говорится: „закон не должен воспрещать того, что не вредит всему обществу и отдельным личностям". Определение это, очевидно, слишком широко и не может иметь места, ибо критерий того, что вредно отдельным личностям и особенно обществу, не существует и не может существовать; понятие вреда, как известно, есть понятие относительное и видоизменяется с развитием общества и совершенствованием его нравов.

И так, не дожидаясь общего определения, остановимся на тех простых вопросах, которые были предметом практической борьбы, посмотрим, что добивались разные государства и этому самому и до чего они достигли. Мы будем иметь дело с разными формами человеческой деятельности и вместо широких определений, получим ясное представление об отдельных видах ея. На основании политических кодексов и конституционных актов, мы имеем дело с некоторыми определенными вопросами, и разсмотрение которых мы и перейдем.

Назовем прежде всего тех тип видов свободы, которые обыкновенно называются законами обыкновенными и основными.

Сюда относятся:

1) Право передвижения; 2) свобода труда; 3) свобода слова; 4) свобода совести или религиозная свобода; 5) свобода собраний и ассоциаций, с которою тесно связана свобода подачи петиций.

I. <u>Свобода передвижения</u>. Мы ставим прежде всего свободу передвижения, ибо она является предпосылкою, первым условием свободы человеческой деятельности вообще. Человек прежде всего должен иметь возможность избрать себе тот центр, который ему удобен и выгоден; свобода труда была бы несущественна, если бы человек обязан был оставаться постоянно на одном и том же месте жительства. Свобода передвижения, как условие свободы человеческой деятельности, обусловливает и экономическую свободу человека, в которой нуждаются все члены человеческого общества. Свобода передвижения вообще заключает в себе два права: 1, право перемены места жительства и 2) право отлучек. Право перемены места жительства есть право перемены оседлости; право отлучек предполагает возможность временного оставления своего места житель-

ства для того, чтобы поступить места, необходимого для торговых сделок, предприятий или обыкновенного путешествия. В свою очередь каждый из этих видов разделяется на два: 1) право перемены оседлости может иметь место в пределах одного и того же государства; 2) перемена оседлости может иметь своим последствием совершенное оставление отечества, отъезд за границу и натурализацию в чужом государстве по правилам, о которых было говорено выше.

Точно такие и отлучки временные могут производить 1) или в пределах государства; 2) или за пределами его; предполагая временное оставление отечества с намерением вернуться обратно.

Все эти виды передвижения являются необходимою предпосылкою свободы экономической деятельности лиц, обеспечивающей свободу труда, о которой будет сказано ниже. Таким образом, по словам Штейна в его Verwaltungslehre, свобода передвижения есть возможность предоставленная каждому человеку, туда труда, куда влекут его законные интересы.

Несмотря, однако, на такую принципиальную постановку вопроса, нельзя не признать, что государство во всяком не может относиться вполне пассивно к осуществлению этих прав, ибо бесконтрольное осуществление их может повлечь за собою ущерб, как для интересов остальных лиц, так и для интересов государства. Осуществление многих гражданских прав предполагает знание места, где находится данное лицо. При предъявлении иска, при необходимости отыскать виновника уголовного преступления и т. п. место жительства отсутствующего или обвиняемого должно быть непременно известно истцу или полицейской власти. Отбывание военной повинно-

сти было бы неосуществимо, если бы государство въ лицѣ своихъ учрежденій не знало мѣста пребыванія своихъ подданныхъ. Сюдомъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ существенно-важныхъ вопросовъ, которые не дозволяютъ государству дать абсолютную свободу передвиженія своимъ подданнымъ.

Разсматривая эти формы въ ихъ историческомъ развитіи, мы видимъ, какъ установилось современное воззрѣніе на этотъ вопросъ и какъ въ настоящее время его разрѣшаютъ цивилизованныя государства, какой контроль существуетъ для обезпеченія государственной власти въ данномъ случаѣ.

Естественно, что первою формою контроля надъ передвиженіемъ и перемѣною осѣдлости, формою самою простою, являлся запрещеніе отлучекъ безъ предварительнаго разрѣшенія отъ надлежащихъ органовъ государственной власти. Это начало дѣйствительно было первымъ примѣнявшимся по всѣмъ государствамъ отлучекъ и всякимъ формамъ передвиженія.

По отношенію къ заграничнымъ отлучкамъ, которыя мы отличали отъ передвиженія внутри страны, должно разсмотрѣть два вопроса: 1) вопросъ о перемѣнѣ осѣдлости или то, что мы называемъ правомъ эмиграціи; 2) свобода временныхъ отлучекъ.

Вопросъ объ эмиграціи проходилъ въ западной Европѣ три стадіи развитія: 1) соотвѣтствующую эпохѣ феодальной; 2) эпохѣ государственнаго абсолютизма 3) либеральному государственному строю.

Въ феодальную эпоху, очевидно, право перемѣны осѣдлости опредѣлялось общими воззрѣніями на народъ, подвластный данному владѣтелю. Онъ разсматривалось, какъ часть земли, слѣдовательно всякое лицо, оставляющее свое мѣстопребываніе и увозящее свое имущество, разсматривается, какъ лицо, причиняющее матеріаль-

ный ущерб своему владетелю. На этом основании, если в средние века существовала эмиграция, то она была обставлена тяжелыми условиями для лиц, желающих оставить отечество. Первоначально все имущество этих лиц конфисковалось в пользу владетеля или города (если они были политическими владетелями данного округа); впоследствии конфискация заменялась выкупом, т. е. лицам дозволялось оставлять свое отечество даже с имуществом, но под условием уплаты высокой пошлины, которая называлась gabella emigrationis, или Abzugsgeld.

В этом полицейском государстве, которым остались в сущности эти века с того только разницею, что явилась новая теория. Теория эта гласила, что богатство страны пропорционально с ее народонаселением; что чем больше народонаселение, тем богаче будет страна и следовательно государство, в виду развития своих материальных экономических сил, должно удерживать всеми мерами население в пределах государства, не допуская эмиграции ни под каким предлогом. Вследствие этого, эмиграция была возведена на степень преступления против государства, считалась crimen laesae majestatis; лица, отлучающиеся без дозволения, прямо считались преступными. Вот взгляд, существовавший до реакции в самой полицейской науке. Так, два начальника полицейства — Юсти и Берг указывали случаи, когда эмиграция возможна и дозволительна, когда она дает право человеку, так напр. он может и должен эмигрировать, если в своем государстве не находит средств к безбедному существованию. Далее, теория пропорциональности богатства к численности населения была фактическая теория Мальтуса, приведшая к совершенно

противоположными выводами. Мы не станем разбирать этой теории, признавая далее, что она дошла до выводов столь же несправедливых и грубых, как и первые; во всяком случае теория эта содействовала развитию более справедливых экономических взглядов на этот вопрос, столь сильно занимавший политиков XVII и XVIII ст. А 1793 вопрос об эмиграции поставлен был на иную точку.

В некоторых государствах, впрочем, (напр. в Англии и особенно в Ирландии) эмиграция развилась гораздо ранее, чем была санкционирована законом.

Во всяком случае в конституционных актах западно-европейских государств мы встречаем теперь следующее постановление: Эмиграция есть право каждого свободного лица и ограничивается только в некоторых случаях, предусмотренных законом. Главным ограничением является обязанность отбыть воинскую повинность; лица, доходящие до призывного возраста, не могут оставить отечество ранее отбытия воинской повинности. Эмиграция признается теперь правом, которое можно ограничивать только в чрезвычайных случаях и в формах, предписанных законом. Не менее строго относилось законодательство прежних времен и их права временных отлучек за границу. Принимая, затрудняющия разрешения их, казалась также чрезвычайно существенными: 1) являлась опасность, что человек, временно отлучившийся не вернется в отечество; 2) что лица, отправляющиеся в чужие края, увезут другие права, обязан-

другие законы и вернутся в отечество с таким мировоззрением, чтобы то, которое они имели, оставляя свою страну. Эти два предрассудка, очевидно, имеют под влиянием времени и опыта. Опыт показал, что если человек временно оставляющий свое отечество, свою семью и домашние интересы, не возвращается в него, то он не воротится далее по предписанию закона. Удерживать лиц, отлучающихся за границу, следовательно, не представляется необходимости.

Предрассудок, что в лице, отлучающемся в чужие края, может произойти нравственный переворот, уничтожающий сам собою под влиянием факта международного общения, когда увидят, что каждое государство исполняется под влиянием другого. Вследствие всего этого право отлучек было признано в большем размере разнообразия, чем право эмиграции. Изложив мы сказали об этом, совместно с вопросом о паспортной системе.

Переходя к вопросу о передвижении внутри государства, мы должны сказать, что оно ограничивается не в силу соображений государственных, а общественных. Ясно, что лица, перемещающие место своей оседлости, с точки зрения государственной не представляют такой опасности, как лица, временно путешествующие в различных местностях страны. Если право перемены оседлости было ограничено, то это зависело от следующих причин: человек, перемещающий место оседлости, сделавшись постоянным жителем нового места, входил в состав нового местного общества, будь ли это

община сельская или городская. Последняя принимала нового сочлена, принимала вместе с тем и обязанности относительно его; так в западных законодательствах на обязанности общины лежала помощь бедным, больным, беспомощным членам ея; ясно, что общество желало уменьшить число лиц в своей среде. Далее, тогда предоставлялась еще опасность от наплыва новых конкурентов в общину. Вследствие этого, община, особенно в прежнее время, неохотно принимала в среду свою нового сочлена и в этом отношении власть ея не была ничем ограничена. Лица, вступавшия в состав ея, должны были доказать, что имеют средства к безбедному существованию; вступление обставлялось различными формальностями, положен был срок предварительного водворения и т. п. Только в последнее время законодательство установило для этого известныя ограничения. Теперь, община имеет право отказать в приеме нового сочлена, но не иначе, как на достаточных для этого основаниях, на известных условиях, определенных законодательством.

Во всяком случае, в данном вопросе государство имеет дело с элементом не бродячим, с которым оно имеет дело в вопросе о передвижении временном.

Какое же обеспечение устанавливает для себя в данном случае государство?

Здесь мы сталкиваемся с системой, имевшей место везде, кроме Англии, никогда не знавшей системы паспортной, действующей и у нас до сих пор на началах, установленных еще Петром I в 1724 г. Сущность паспортной системы заключается в следующем:

1) Никто не имеет права оставить место своего

пребывания без предварительного разрешения, что прежде всего чуже есть отрицание свободы передвижения.

2) Каждый, оставляющий свое место жительства, обязан запастись видом, который называется паспортом; только такое лицо может отлучиться и означенный вид является документом, удостоверяющим его самоличность.

3) Отлучка предполагается срочная и вид выдается только на известный срок – ½ года, год, в крайних случаях – три года; по прошествии означенного в паспорте времени он должен быть возобновлен, иначе просрочившее лицо признается безпаспортным.

4) Лицо, взявшее паспорт и отлучившееся, обязано предъявлять этот паспорт там, куда оно является, обязано сделать явку своего паспорта. Вся эта паспортная система с течением времени оказалась крайне неудобною, не только для лиц, желавших отлучиться, но и для самого государства. Неудобства эти заключаются в следующем:

1) возможность отлучки поставлена была в зависимость от предварительного разрешения, причем закон не определял, в каких случаях в этом разрешении должно быть отказано.

2) Необходимость запастись паспортом выписывала к известным затратам, в уплату государственной пошлины, обременительной для рабочего населения.

3) Так как паспорт выдавался срочный, то необходимо было, для возобновления его, возвращаться в ту местность, откуда взят был вид; рабочее население должно было или бросать занятия, которыя обеспечивали его существование, или рисковать остаться совсем без вида.

4) Не менее неудобства было и в виду паспорта, сопряженного также с потерею времени и расходами.

Независимо от всего этого, паспортная система не обеспечивала даже интересов государства, следовательно, не достигала своей цели. Действительно по наблюдениям полицейской практики, паспортная форма не только не облегчала, но иногда затрудняла полицейские розыски, ибо раз выданный паспорт должен был служить полным удостоверением самоличности лица, предъявляющего его. Полиция в принципе не имела права сомневаться в личности предъявителя паспорта, но опыт показал, что наиболее подозрительные лица обыкновенно снабжены наиболее точными и правильными паспортами, которые весьма легко подделать. Нередко полицейские преследования и подозрения падали на людей невинных, не имевших паспорта только по несчастной случайности.

Вследствие всего этого, западно-европейские государства перешли к так называемой системе легитимации. Начала ее следующие:

Каждый должен отличаться от лица своего жительства был предварительного разрешения и был документа, но когда относительно его личности явится сомнение он, по требованию местной власти обязан удостоверить свою личность. Способы этого удостоверения различны; он должен представить свое метрическое свидетельство, документы, выданные его местными начальствами, письма, адресованные на его имя, свидетельские показания и т. п. В силу этого права передвижения должны свободными, не-

бующими предварительного разрешения и взятия документов. На этом принципе держится законодательства Германии и Австрии. Само собою разумеется, что вместе с устранением необходимости взятия документа, устранена была и обязанность лиц его местному начальству. От лица прибывающего требуют только его имя и звание.

И так, система легитимации есть признание свободы передвижения, возможности основать свое местопребывание там, где данное лицо считает выгодным.

Выше уже мы заметили, что свобода передвижения есть необходимое и существенное условие обеспечения всех видов свободы, особенно же свободы труда, о расширении которой мы и перейдем.

II. Свобода труда. Постараемся прежде всего выяснить существенные признаки свободы труда. Этих признаков три:

1) Каждая трудовая личность имеет право быть хозяином своего труда, работать для себя и считать плоды своей работы своею собственностью. Начала эти были совершенно отрицаемы в эпоху развития рабства и крепостничества, в тех состояниях, когда трудовая личность не только не могла быть хозяином своего труда, но напротив, насильно отрешена была удовлетворять хотениям своего владельца. Отсюда элементарною формой свободы труда было уничтожение крепостничества и рабства, признание того начала, что человек не может быть объектом прав, наравне с вещами, а напротив, есть и должен быть субъектом

прав.

2. Человек должен иметь свободу в выборе рода занятий. Труд может быть свободен лишь только тогда, когда каждому из них посвятить свои силы тому занятию, к которому оно чувствует склонность. В свою очередь система свободного выбора занятий была отрицаема так называемою системою монополий, сосредоточенных в различных корпорациях в течение средних веков. В мануфактурной промышленности эти монопольные корпорации получили названия цехов и гильдий (Jurande et maîtrise). В момент своего зарождения, цехи и гильдии не заключали в себе начала монопольного, которое развилось уже впоследствии. Чтобы ясно представить себе это, припомним судьбы городского населения в феодальную эпоху. Города представляли из себя общины людей свободных, освободившихся различными путями (преимущественно, путем восстания) из под власти феодалов. В освободившихся городах явилось противоположение свободного городского населения — населению крепостному, находившемуся под властью феодальных владельцев. Труд свободный вступил в конкурренцию с крепостным, и так как последний был дешевле, то первый постарался внушить нравственное доверие к себе точностью исполнения, совершенством своей работы. Вольные люди каждого ремесла составили из себя ассоциации, артели с другом порукой, с ручательством за точное и хорошее исполнение заказов. Таковы были причины, побудившие городские общины вещ-

нить в союз, образовать ассоциации.

И действительно, в самый разгар борьбы с феодалами, нищими и цехи удовлетворяли условиям обеспечения и развития городского труда. Мастера наблюдали друг за другом, стараясь поднять качество производимых предметов. Но после торжества городов, цехи начали вырождаться; их орудий борьбы они сделались монополии. Мастера, не боясь больше конкуренции крепостного труда, стали преграждать доступ в свою среду людям, которые могли создать им конкуренцию на почве труда вольного, но лучшего, чем их труд. Вследствие этого пробиться в замкнутое сословие мастеров было трудно, почти невозможно. Наконец, с образованием новых государств и разложением феодального строя, государственная власть увидела в этих монополиях корпораций источник дохода для самой себя. Мастера говорили, что право известного ремесла принадлежит им, что они только могут усвоить его, передавать новым членам.

Королевская администрация объявила право труда правом регальным, королевским и заявила, что усвоить это право может только она сама. При Генрихе III в 1581 г. стали быть указ, в котором объявлялось, что право труда есть право домениальное, королевское, что власть королевская по своему усмотрению может передавать его кому угодно. Отсюда ясно следствие этого: правительство начало продавать это право лицам, совершенно даже не принадлежавшим по роду занятий в тому или другому

цехи; почти безконтрольная зависимость мелкого населения отъ мастеров, тяжелая зависимость, равная прежней крепостной, была результатомъ этой новой мѣры; она отзывалась неблагопріятно и на всѣхъ классахъ, получавшихъ дурные товары за дорогую цѣну. Вслѣдствіе этого, въ 15, 19. въ послѣднемъ собраніи французскихъ Etats Généraux было прямо заявлено требованіе уничтоженія монопольныхъ корпорацій; требованіе это не только не было исполнено, но въ царствованіе Людовика XIV продажа правъ дошла до высшей степени: гильдіи и цехи сдѣлались средствомъ для пополненія государственной казны. Вслѣдствіе этого явилось новое направленіе въ политикѣ, отрицавшее третій существенный признакъ свободы труда.

3, Признакъ этотъ состоитъ въ томъ, что лица избравшія извѣстный родъ труда, могутъ и должны вести его тѣми способами, которые для нихъ являются наиболѣе удобными и выгодными. Это представляетъ важнѣйшее условіе экономическаго развитія страны: только при этомъ условіи можетъ явиться личное творчество, только подъ этимъ условіемъ могутъ быть сдѣланы великія изобрѣтенія и открытія. Другими словами это начало свободы труда отрицаетъ начало правительственной регламентаціи. Но подобно тому, какъ монополіи въ моментъ своего развитія имѣли законное основаніе, такъ и это право, хотя и вытекало изъ непремѣннаго устройства всей промышленности, не могло послужить коррективомъ тѣхъ золъ, которыя уже существовали. Сюда относится длительность Хольберга, разсмотрѣніе которой выяснитъ намъ, что такое правительственная регламентація, почему она возникла, какія дала плоды и почему вездѣ проявила себя реакцію.

Условія, при которыхъ возникла система государственной регламентаціи при Кольберѣ заключается въ слѣдующемъ:

Ремесла и всѣ отрасли мануфактурной промышленности, сдѣлавшись монополіей привилегированныхъ корпорацій, пришли въ упадокъ: частью вслѣдствіе отсутствія конкурренціи, частью вслѣдствіе того, что право промышленнаго труда попало въ руки лицъ, которыя не были вовсе расположены и приготовлены къ этому и пользовались своимъ правомъ только для извлеченія дохода съ предоставленныхъ имъ привилегій. Не было стимула къ подъему національной промышленности ни въ конкурренціи, ни въ присущей сильной силѣ къ труду, который возможенъ только при свободномъ выборѣ занятій. Результатомъ этого былъ совершенный упадокъ производства, поставившій Францію въ зависимое положеніе отъ всѣхъ странъ, въ которыхъ, благодаря сравнительно лучшимъ условіямъ, промышленность поднялась гораздо выше, какъ-то: Голландіи, Венеціанской республики, частью Англіи. Если теперь Франція славится своею мануфактурною дѣятельностью, то въ то время не было въ ней ни одной отрасли промышленности, которыя составляютъ теперь источникъ ея національнаго богатства.

Выходъ изъ тогдашняго промышленнаго кризиса Франціи былъ двоякій: или уничтожить монополіи и цеховое устройство, или произвести искусственное давленіе со стороны администраціи. Первый выходъ, наиболѣе естественный, представлялся для того времени невозможнымъ, такъ какъ укрѣпленіе привилегированныхъ корпорацій разсматривалось какъ источникъ хорошаго дохода; правительство не на-

Литогр. Газовскаго. Казанская 18.

мало мешается его и не желало трогать привилегий, образовавшихся в течение нескольких столетий. Оставался другой выход, искусственный, единственный корректив для промышленности, замиравшей в этих привилегированных корпорациях. Кольбер направил свою деятельность в различных отношениях; ему принадлежала честь основания различных новых производств, неизвестных доселе во Франции; он вызывал мастеров, основывал на казенный счет новые фабрики, для многих из существовавших отраслей промышленности были изданы строгие правила, касающиеся порядка производства и ведения промышленных операций, вследствие чего каждый почти шаг предпринимателя и рабочего был регламентирован самым строгим образом.

И действительно, во время управления Кольбера французская промышленность значительно поднялась в сравнении с прежними временами; но не следует забывать, что эти средства могли дать благоприятный результат только в руках такой богато-одаренной личности, какою был Кольберт, которая, ограничив отечественную промышленность строгими правилами, умела вместе с тем дать ему такое применение, которое не убивало личную инициативу, а напротив вызывало ее. Отсюда мне, что когда после его смерти, дело попало в руки людей неспособных, оно начало быстро вырождаться и падать. Воля, возбуждавшая производство, исчезла; остались только стеснения, которые мало по малу обратились в совершенно невыполнимые формы, дававшие повод к самому придирчивому вмешательству со стороны администрации. Производство Франции стало

до такого упадка, что изобретения Французов не находили себе применения в отечестве. Изобретатели уезжали в Англию, продавали там свои изобретения и правительство Франции за дорогую цену покупало потом у Англичан то, что родилось у них дома, но не нашло в начале применения. В 1790 г. в национальном собрании, когда зашла речь об отмене цеховых прав и системы регламентации, докладчик Boland, представил целый список изобретений, сделанных французами, но не нашедших себе применения во Франции. Французской революции суждено было уничтожить эти привилегированные промышленные типы. В 1791 г. Законодательство Франции поставило вопрос следующими образом: всякий лицо, взявшее патент, имеет право открывать промышленное заведение и вести свое предприятие как ему заблагорассудится с соблюдением общих юридических и политических условий. Но из этого еще не следует, чтобы современное законодательство было чуждо регламентации промыслов. Напротив того, и в настоящее время мы говорим об известного рода правилах, о регламентации, которая не только не исчезает, но развивается под влиянием требований времени; она только видоизменяет свои формы.

I. Вместо тех правил, которые в прежнее время определяли самый процесс производства и качество его (определялась ширина материи, качество пряжи для тканья, краски и т. п.) являются совершенно новые правила. Свобода экономического производства устанавливается на том началах, что потребитель является единственным судьей предлагаемых ему предметов.

предметы негодные сами собою устраняются с рынка и остаются те, которые удовлетворяют спрос своим качеством. Но это общее правило имеет известные исключения; не всегда можно сказать, что потребитель - лучший судья тех услуг, которые ему предлагают. По отношению к некоторым услугам, необходимо иметь специальные сведения для возможности оценки их. Вследствие этого законом устанавливаются различные условия, при которых известные лица могут предлагать свои услуги по отдельным отраслям. Сюда относятся: услуги медика, повивальной бабки, адвоката, аптекаря и некоторые другие занятия, которыми могут заниматься только лица, доказавшие свою предварительную подготовку к ним. Отсюда само собою ясно, что все услуги этого рода подчиняются известному государственному надзору, имеющему в виду, чтобы никакое лицо, не удовлетворяющее этим условиям, не предлагало своих услуг неподготовленных в этом людям. Регламентация прав в данном случае может идти и далее, устанавливая известные условия, правила, которые должны быть соблюдаемы при самом отправлении обязанностей, ибо небрежность и неосторожность в этом случае может повлечь за собою вредные последствия. Сюда относятся соблюдение известных правил при отправлении обязанностей врача, при продаже медикаментов и т. п.

II. Второй род регламентации возникает из различных отношений тех лиц, которые участвуют в одной отрасли производства. Так, мы уже указали выше, что из отношений предприни-

мателя и работника вытекают целый ряд правил и постановлений, которым правительство необходимо должно подчинять своим надзор. Так, малолетние и женщины не должны быть привлекаемы к тяжелым работам, фабрики должны быть снабжены достаточным количеством свежей воды, чистого воздуха и т. п., словом, те меры, которым имеют в виду обеспечить физическое и нравственное здоровье лиц, находящихся в зависимости от предпринимателя. Но этот разряд правил не имеет совершенно сходства с регламентацией, которою определяются пути и способы производства; напротив, здесь открывается простор личному творчеству, которое необходимо во всех отраслях производства.

III. Свобода печати. Третий ряд прав, касающихся человеческой деятельности, есть свобода мысли, которая в сущности сводится к свободе печати, ибо печать является средством распространения тех идей, которыми имеет человек и которыми он желает поделиться со своими согражданами. В этом отношении должно различать двоякий вид выражения мысли — письменный и печатный. Под именем письменного выражения мысли мы разумеем частную переписку, вопрос существенно-важный в публичном праве; поэтому то является необходимость выяснить прежде всего различие свободы частной переписки от свободы печати.

Разница эта заключается прежде всего в цели частной переписки и печатного произведения. Последние имеют целью распространение известных идей в среде возможно-большого количества людей.

Цель частного письма совершенно иная: оно имеет в виду сообщение известных фактов или мыслей в тесном кругу лиц, иногда только одному лицу. Отсюда мера сама собою и та разница в гарантиях, которыя желательны для тех и других произведений человека – письменных и печатных. Для частной переписки желательна даже не свобода ея, а именно тайна, поэтому то и в законодательствах, касающихся этого предмета, говорится не о свободе частной переписки, а о тайне ея: все то, что доверено почтамту, должно быть сохранено в тайне, вскрытие писем не допускается, никто кроме адресата не имеет права читать то, что написано в письме. Мы употребляем здесь слово „тайна" в смысле юридическом, конечно, ни одна администрация не может поручиться, что в числе ея агентов никто людей любопытных. Но для администрации важно, 1) чтобы письмо было доставлено по адресу, 2) чтобы, если оно прочтено, из этого не вышло юридических последствий. Начала эти выражаются в постановлениях всех европейских государств в формуле: „le secret des lettres est inviolable." (тайна письма неприкосновенна). Не всегда однако, постановление это проводится на практике; нередко частная переписка служит для этой совершенно не частным. Является вопрос, какими образом юридически гарантировать это начало? В различных государствах Европы вопрос этот долго не поддавался разрешению. Почти ни одно государство не избегло периода, когда тайна частной переписки нарушалась. Начнем с Англии, где мы находим эти же явления, как и в континентальной Европе. Английский почтамт,

как известно, учреждение было при Дромлее. Прокурор республики заявил открыто, что учреждение начинает с целью облегчить корреспонденцию и сидит вместе с ними за людьми, опасными республике. Вскрытие писем начало производиться в самых широких размерах. Последующие правительства действовали также; в конце XVIII ст. английское правительство дало не менее 370 предписаний о вскрытии писем. Министерство лорда Абердина приказало, начинать вскрывать письма на имя многих эмигрантов, наиболее убежище в Англии, так вскрывались все письма на имя итальянского эмигранта Мадзини и содержание их „для сохранения Европейского мира" передавалось в Австрийский кабинет. Нечего и говорить о той стране, которая вообще отличается административной изворотливостью — Франции. Вскрытие писем здесь возведено было в систему; учреждение было так наз. „черный кабинет" (cabinet noir) на содержание которого отпускалось 600 т. фр. в год и назначение которого состояло именно в этом занятии.

Что касается Германии, то здесь можно указать отдельные случаи нарушения тайны частной переписки, но вообще правительство придерживается гораздо строже в этом отношении, чем остальные.

Законодательство определяет, когда может быть произведено вскрытие писем.

1) По общему правилу, по требованию прокурора, когда в письмах могут быть найдены данные преступления или раскрыты самый ход его.

2) В экстраординарных случаях, в случае войны,

когда правительство, объявляя известные местности на военном положении, может приостановить и действие конституционной статьи, обеспечивающей тайну частной переписки.

Таким образом, вопрос этот исчерпывается довольно не сложными постановлениями, гораздо сложнее постановления, касающиеся свободы печати. Постараемся прежде всего определить, что называется свободою печати. Подъ именем свободы печати мы разумѣемъ право воспроизводить свои мысли механическими средствами и распространять ихъ безъ предварительной цензуры. Таким образом, идея свободы печати по существу своей противоположна идеѣ предварительной цензуры, при которой ни одно произведение не может появиться в свѣтъ, безъ предварительнаго просмотра и разрѣшения извѣстнаго учреждения, дописавшаго рукопись къ печатанію. Определение это является отрицательным, но с другой стороны мы должны показать положительныя послѣдствія свободы печати. Свобода печати, слѣдовательно, есть свобода действия для лицъ, распространяющихъ свои мысли извѣстными механическими способами. Но это говоря „свобода" тоже говоримъ и „отвѣтственность" ибо извѣстно, что и посредствомъ печати могутъ быть совершены извѣстныя преступныя действия, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Печатное произведение само по себѣ вѣтное, не можетъ явиться поводомъ къ преслѣдованію и отвѣтственности, пока оно содержитъ только сведения о различныхъ предметахъ, занимающихъ умъ человѣка, ибо сведения не могутъ сами

по себѣ имѣетъ непосредственнаго практическаго результата. Это не есть механическое дѣйствіе, посредствомъ котораго происходитъ осязательное измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ. Но тѣмъ не менѣе путемъ печати могутъ быть совершены извѣстныя преступныя дѣйствія или дѣянія. Сюда относится, напр. клевета, диффамація (разглашеніе извѣстныхъ обстоятельствъ, порочащихъ честь извѣстнаго частнаго лица) и т. п. Печать такъ послѣдовательно, выходитъ за предѣлы суждений, совершаетъ проступки, имѣющіе нерѣдко печальныя послѣдствія. Путемъ печати также могутъ быть сдѣланы возбужденія къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ и т. п. Слѣдовательно, сужденія, выражаемыя путемъ печати, могутъ быть тѣсно связаны съ опредѣленными, возникающими путемъ ихъ вредными дѣйствіями. Рождается вопросъ, въ чемъ состоитъ отвѣтственность и какова можетъ быть, подъ условіемъ этой отвѣтственности, свобода печати?
Свобода печати состоитъ въ безпрепятственномъ распространеніи своихъ мнѣній подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленіе печатнымъ словомъ. Само собою понятно, что подъ злоупотребленіемъ мы разумѣемъ здѣсь тѣ преступленія и проступки, совершаемые путемъ печати, которыя предусмотрѣны законодательствомъ, ибо никакое дѣйствіе не можетъ быть преслѣдуемо какъ преступное, если не предусмотрѣно заранѣе уголовнымъ законодательствомъ. Если въ этомъ заключается свобода печати, то само собою разумѣется, что такъ какъ возбужденіе примѣненія уголовнаго законодательства есть дѣло судебное, то и отвѣтственность по дѣламъ печати должна подлежать вѣдѣнію суда. Кто для лица, подвергающагося преслѣдованію за преступленія

по делам печати, подвергается преследованию в формах, установленных законом. Вот в общих чертах сущность свободы печати. Нельзя сказать, чтобы в этом взгляду Европейские законодательства пришли сразу, чтобы это начало было вполне применено в действующих законодательствах. Вся Европа прошла в свое время через период предварительной цензуры, которая явилась довольно скоро после изобретения книгопечатания. Изобретение цензуры принадлежит папскому престолу, ибо цензурное наблюдение было установлено прежде всего для дела религии, для борьбы с еретическими мнениями. Изобретателем цензуры является папа Александр VI Борджиа, который установил ее не столько для ограждения интересов веры, сколько для интересов церковных. Александр VI предпринял две меры: 1) ни одно сочинение в его владениях не могло быть напечатано без предварительного просмотра его; 2) так как эту меру он не в состоянии был провести в других государствах, то он учредил особую комиссию, которая должна была рассматривать все книги, появившиеся в свете с тем, чтобы воспрещать чтение тех из них, которые будут признаны вредными. Папские, под страхом церковной кары, должны были отказаться от чтения тех книг, которые были внесены в „указатель запрещенных книг" (Index librorum prohibitorum).

Система предварительной цензуры проникла во все государства Европы. Светская власть, впрочем, гораздо позже взялась за это, чем духовенство, которое всегда имело настаивало на том, чтобы церковный был строго надзор за

печатными книгами.

Доказательством этого может служить история возникновения цензуры во Франции. Король Людовик XII, прозванный Отцом отечества, не только не вводил стеснений, но даже освободил типографщиков от налогов следующим указом: „Принимая во внимание, что изобретение книгопечатания может быть названо скорее делом Божественным, чем человеческим, по приносимой им пользе, мы, Людовик XII, король Французский, постановляем, чтобы типографщики были избавлены от податей в пользу нашей казны, чтобы доказать уважение наше к делу изобретения и славим Бога, что оно явилось в наше время."

Но уже при Людовике XII и преемниках его книгопечатание начало давать результаты неугодные для Сорбонны; под влиянием ея, король Франциск I воспретил Эдиктом своим книгопечатание во всей Франции. Но, как и всякая крайняя мера, Эдикт этот остался без последствий. Тогда установлено было книгопечатание под цензурою Сорбонны. Таким образом, положено было начало предварительной цензуре, которая мало по малу обратилась в систему и была вверена главному надзору королевского камзера. В этом виде просуществовала она до самой французской революции, так что до этого времени все запрещенныя сочинения французских авторов появлялись в Голландии, преимущественно в Гаге и Брюсселе.

В Англии система предварительной цензуры существовала до конца XVII ст. И здесь она явилась по требованию духовенства, для борьбы с еретическими сочинениями и только впоследствии сделалась

чисто политическим средством. Так как в Англии установление цензуры должно было пройти законодательным порядком, то парламент установил ее в виде временного учреждения и затем возобновлял полномочия на нее от одного парламентского периода до другого. Весьма интересен тот факт, что в Англии мало голосов поднялось на защиту свободы печати; при сильном развитии политической свободы и самоуправления, при свободе парламентских прений печать представлялась чем-то лишним, второстепенным органом общественной жизни. К числу защищавших ея голосов принадлежал Мильтон, автор „Потерянного Рая", секретарь республики после 1649 г. Мильтон представил в парламент предложение отменить навсегда систему предварительной цензуры, причем произнес свою знаменитую речь, известную под именем Ареопагитики *). Попытка Мильтона прошла безследно. Парламент не согласился на его предложение и цензура существовала до 1694 г. года, в царствование Вильгельма и Марии парламент не возобновил более полномочий на нее и она прекратилась.

Во Франции положение предварительной цензуры было иное. В Англии, при развитии местного самоуправления и политической свободы, роль печати, как политической силы, не была особенно велика. Напротив того во Франции, при ея роде устройства и управления, литература и печать явились

---

*) См. русский перевод в „Современном Обозрении" 1868 г. Июнь. Извлечения в сочинении Тэна „История Английской литературы.

единственною сферою, въ которой проявлялась человѣческая мысль. Отсюда понятно, что одним изъ первыхъ дѣлъ французской революціи было провозглашеніе свободы печати. Но нельзя сказать, что провозглашеніе этого принципа повело къ опредѣленнымъ практическимъ результатамъ. Въ декларации правъ говорилось, что всякому французу дозволялось безпрепятственно обнародывать свои мнѣнія подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія.

Но на этомъ дѣло и остановилось; отмѣнивъ предварительную цензуру, учредительное собраніе не организовало законовъ о печати, не опредѣлило той отвѣтственности, которой подвергались злоупотребляющіе ею. Результатомъ этого освобожденія печати было зарожденіе огромнаго количества новыхъ журналовъ (отъ 1789-1801 гг. появилось около 750[ти]), но положеніе печати все же не выяснилось. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этой неясности, выраженіе „отвѣтственность за злоупотребленія" могло быть понимаемо и въ смыслѣ того, что лицо обязано быть отвѣтственнымъ за преступныя дѣйствія, совершенныя подъ вліяніемъ печати, и въ смыслѣ того, что оно отвѣчаетъ за качество суждений, за несогласіе свое съ общепринятыми воззрѣніями. Вслѣдствіе этого положеніе журналиста во Франціи было весьма неопредѣленно, а по временамъ и тягостно. Не говоря уже о томъ, что во время Террора первыхъ избавлялись посредствомъ гильотины отъ журналистовъ не сходившихся въ мнѣніяхъ съ тогдашнимъ триумвиратомъ (Robespierre, St-Just et, Couton). Впослѣдствіи, во время директоріи, прибѣгали къ тѣмъ же мѣрамъ съ прибавленіемъ нѣкоторой доли политическаго лицемѣрія. Такъ напр. мы имѣемъ декретъ Директоріи, въ которомъ предписывается депортація нѣсколькихъ десятковъ журналистовъ въ Кайенну, дабы этотъ сопровождается прибавленіемъ, что необходимо

уничтожить республиканцев с быстротою молнии и гнать эти чудовища, которые оскорбляют природу, в страну, населенную тиграми. В течение всей эпохи, предшествовавшей Наполеону I, положение журналистики было самое неопределенное, ибо каждая политическая партия старалась всеми средствами отделаться от противников и уничтожить их. Когда власть перешла в руки Наполеона I, он закрыл почти все журналы, оставив только самые умеренные и безвредные, и то под условием не рассуждать об армии и других вопросах, интересовавших первого консула.

Отмена предварительной цензуры произошла при реставрации Бурбонов, но здесь были некоторые попытки к возвращению старого порядка. Этим не менее мы должны признать, что с 1815 г. система предварительной цензуры не существует во Франции и заменена системой карательной.

В Германии отмена предварительной цензуры совершилась постепенно и под влиянием Франции, ибо в существе своем германское законодательство противно принципу свободной печати. До революции, предварительная цензура существовала в Германии, как и везде, хотя при уважении германцев к науке никто не позволялось столько сочинений несколько вольнодумного характера, как здесь. Но наконец убеждение в необходимости отмены цензуры и установления мер, ограждающих от вредных последствий и злоупотреблений, появилось и в Германии. Особенно открыто это убеждение в

1813 г., и следовательно когда национальное чувство и либеральныя стремленія особенно усилились. Выразителями этого направленія были извѣстные патріоты – баронъ Штейнъ, Гарденбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ и др. Такъ какъ они не разсчитывали на поддержку отдѣльныхъ владѣтелей, то и предоставили организацію печати германскому сейму, съ тѣмъ, чтобы постановленія его были введены во всѣхъ государствахъ. Но ожиданія ихъ не оправдались. Сначала, дѣйствительно, составъ сейма подходилъ вполнѣ по убѣжденіямъ къ барону Штейну; но вскорѣ Меттерниха измѣнилъ. Въ 1817 г. появилось постановленіе о цензурѣ, совершенно противоположное желаніямъ Штейна; оказалось, что если существовала гдѣ либо свобода печати, то это было именно въ отдѣльныхъ владѣніяхъ, на поддержку которыхъ такъ мало разсчитывалъ Штейнъ, особенно отличался этимъ Баденъ.

Затѣмъ во второй разъ послѣ 1848 г. германскій сеймъ вновь взялся за постановленіе о печати и выработалъ проектъ, который, будучи примѣненъ на практикѣ, принесъ бы самые плачевные результаты.

Наконецъ въ 1874 г. послѣ учрежденія имперіи, явился Reichspressgesetz, содержащій въ себѣ общія постановленія о печати, наиболѣе достойныя уваженія изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ въ Германіи.

Начала свободы печати внесены въ конституціонные законы различныхъ государствъ Европы и Америки.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ относительно

организации этой системы.

Обсуждая вопрос о свободе печати, мы должны иметь в виду различные роды и произведений и прежде всего провести границу между печатью повременною – журналами и газетами – и печатью непериодическою, поставленною вне более благоприятных условий.

Произведения не периодической прессы представляют по большей части сочинения объемистые, ни по содержанию, ни по цене не доступные массе читателей. Поэтому то почти все законодательства и оставляют этому роду произведений значительную долю свободы, давая автору возможность свободно печатать свое произведение и распространять его без предварительной цензуры.

В иных совершенно условиях поставлена периодическая печать, состоящая из изданий, которые поставили себе определенную цель – развивать общественные понятия в определенном направлении, усвоенном себе тем кругом лиц, которые издают журнал, или той политической партией, которая его поддерживает. Таким образом журнал или газета являются средством общественно-политическим, средством, постоянно влияющим на известный круг читателей. Кроме того, периодические издания распространяются в гораздо большей массе читателей, вследствие наибольшей доступности их изложения и цены.

И так печать периодическая вызвала большие ограничительные меры, чем печать не периодическая. Но, как уже замечено выше, система предварительной цензуры, укоренившаяся в Европе, заставила изобрести другие способы ограничения, кроме предвари-

А. Трудовой

тельно разрешения. Обратимся к рассмотрению этих способов. Всех систем, которыя практиковались в этом отношении, могут быть разделены на два разряда: Одни предполагают судебную ответственность редактора и издателя периодических изданий. Другая система, действовавшая во Франции, изобретенная Наполеоном III или, вернее сказать, герцогом Персиньи, представляет смешение самых разнообразных принципов. Мы имеем в виду декрет-закона (decret-loi) 1852 г.

Рассмотрим первый разряд условий, в которых старались поставить периодическую печать, чтобы ограничить ея распространение и обеспечить правительственные интересы предварительными полицейскими мерами. Совокупность этих мер распадается на две группы: 1) Меры предупредительныя и 2) меры карательныя. Что касается последних мер, то в них законодательство исходит из того положения, что дела печати должны быть рассматриваемы в судебном порядке и ответственность редактора и издателя должна быть ответственностью перед судом, в этом отношении, впрочем, делаются исключения, в смысле изъятия этих дел из общей подсудности; дела печати являются подсудными не общим судам, а специальным, обозначенным в законах о печати. Вследствие этого, во Франции до сих пор многия дела о печати рассматриваются судом так наз. полиции исправительной (police correctionnelle). Но не это должно быть названо мерами ограничительными; к этим последним относятся:

1) В некоторых законодательствах долгое время держалась система так наз. концессий, т.е. не всем лицам, обладающим гражданскими и политическими правами, имеющим право основывать периодическия издания; для этого необходимо разрешение, данное именно

Лит. газовского Казак. 28

известному определенному лицу. Таким образом предприятие по части периодических изданий были подведены под разряд предприятий опасных, требующих нравственных гарантий со стороны лица, которое берется за них. Но само собою разумеется, что этим путем не всегда совершался желательный подбор лиц, занимающихся периодическими изданиями; напротив, если составить статистическое описание нравственных качеств журналистов, которым имели право вести подобные предприятия, то окажется, что лица, действительно выдающиеся в литературе не имели своих периодических изданий, а напротив, литература этого рода сосредоточивалась в руках лиц, мало достойных. Литература превратилась в ремесло, так как очень многие, желающие взять на себя периодические издания, нередко бывали отсюда.

2. Второй способ, которым имели гарантии от падения в журнальное дело лиц недостойных, заключался в залоге. Начала залога являются еще в древнейшем законодательстве, но там залог имеет совершенно иное значение. Залог, который требуется от издателей периодических изданий, находится в связи с правами мирового судьи и лиц действующих на правах мирового судьи, имеющего право требовать от лиц подозрительных залога или поручительства в хорошем поведении. То же самое имеет и залог с журналистов; он является средством обеспечения штрафа, который может быть наложен за преступления по делам печати, ибо наказание за подобные преступления заключается обыкновенно или в тюремном заключении, или в денежном штрафе. Но на континенте Европы, особенно во Франции, залог получил совершенно иное значение: он является средством устранить от журнального дела тех лиц, которые

не имеющих имущественных гарантий и дать возможность заниматься этим делом лицам обеспеченным. Введение этого нормы залога было чрезвычайно вовремя; так, в Сенском департаменте оно доходило до 50.000 фр. Мера эта оказалась таким недостаточным: 1) при развитии, которого достигло в Западной Европе журнальное дело, предприятия эти достигают таких крупных размеров, требующих таких огромных ежегодных затрат, что отдельные частные лица, как бы ни были богаты, не в состоянии вести их; обыкновенно для ведения журналов и газет для в Западной Европе составляются акционерные компании.

2) Не всегда даже огромный залог гарантирует для правительства настроение журнала или газеты, ибо издатель, удовлетворяющий всем требованиям правительства, нередко может быть несогласен с ними во взглядах. Внесение залога, следовательно, не достигает цели; мера эта оказывается совершенно бесполезною на практике и возбуждала всегда только справедливое недовольство лиц, устраненных от журнальной деятельности. Если бы залоги нашли только, что все лица пользующиеся политическими и гражданскими правами могут вести периодические издания, то само собою дело устроилось бы так, что за него брались бы лица, имеющие возможность и средства вести его.

3) Третье средство, доказывающее справедливость нашего воззрения, заключается в следующем. Если первый для меры имели в виду устранение издателей, то последняя имела в виду устранение читателей, обнаружилась в исчезновении повышения цены на издания. Это была так наз. гербовая пошлина (timbre); к каждому экземпляру издания должна быть приложена оплаченная государственною пошлиною печать, которая, очевидно,

в свою очередь ограничивается покупателями. Ограниченная печать является, следовательно налогом на чтение, имеющим в виду скупить круг читателей. Подобно двери первым, и эта мера не имела благоприятных результатов; лица, имевшие средства, могли попрежнему выписывать газеты и журналы, бедные же люди, при большом количестве читален, библиотек и т.п. по прежнему читали за сравнительно недорогую цену.

Вот почему все эти меры падали одна за другою и в сущности установился то общее правило, что все лица, пользующиеся гражданскими и политическими правами, имеют право всех периодических изданий без предварительного разрешения. Европейские законодательства перешли от системы концессий к системе простой явки; все лица, основывающие периодическия издания, обязаны предъ выпуском заявить надлежащей власти (полиции, прокурорскому надзору) о томъ, что будетъ издаваться такая то газета, подъ такимъ то названием и съ такой то программой; издавать и будетъ такая то лица (при этом прилагается точный и подробный адрес редактора и издателя. Система эта имеет то значение, что въ случае необходимости можно было бы возбудить преследование против известных лиц.

Кромѣ того, существуетъ еще предупредительная мера, вытекающая помимо изъ вышеуказанной, она состоитъ въ томъ, что до выхода журнала, газеты съ него взимается определенное число экземпляров правительственной власти (обыкновенно прокурорскому надзору), съ тѣмъ, чтобы она могла удостовериться, нѣтъ ли въ опасномъ номере журнала, газеты чего либо, могущаго дать поводъ къ судебному преследованию. Вместо этого, въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ и срокъ, въ теченіи котораго опасное преследование можетъ имѣть мѣсто. По германскому законодательству 1874г. вся эта процедура

для книг должна кончаться в сутки, для газет срок еще менее, если в течение этого срока редактор или издатель не получит заявления о возбуждении судебного преследования и о задержке журнала или газеты, то они имеют право выпускать его в свет. Вследствие этой необходимости иметь возможность возбуждать судебное преследование, законодательство отрицает безответственность издателя. Это хотя и не требует, чтобы каждая книга была подписана автором, но обязывает выставлять фирму издателя и адрес типографии, чтобы обозначить себя лицо, на которое возлагается ответственность за содержание книги. Преследование возбуждается обыкновенно следующим порядком: прежде всего отыскивают, очевидно, автора; если сочинение анонимно - издателя, если он не захочет выдать автора и примет на себя ответственность. В конституции некоторых законодательств постановляется и ответственность типографщика, если нет ни автора ни издателя известного. Но подобная ответственность и несправедлива и материально неудобна. Типографии и издательские фирмы больших центров Европы не имеют никакой возможности отвечать за содержание книг, печатаемых и издаваемых ими, ибо следить за всеми явлениями положительно невозможно в виду огромного количества их. Вот почему ответственность типографщика является вопросом спорным в Западно-Европейском праве о печати; против этой ответственности говорят сильно и совершенно справедливо.

Вот предупредительные меры, необходимые в смысле судебно-карательной системы законодательства о печати. Как уже сказано выше, комиссии, залоги и бандероли являются излишними и не достигают цели, прекратили свое существование.

Остается теперь сказать несколько слов о системе,

изобретенной Перселем и действовавшей во Франции с 1852-1868 г. Закон о печати, предложенный Перселем императору Наполеону, находится в тесной связи с теми мерами, которыми думало укрепиться правительство Наполеона III в виду существования во Франции различных политических партий. В противоположность Англии, где эти партии, относящиеся к династическому вопросу или к вопросу относительно существующей формы правления, Франция разбита на несколько лагерей, из которых каждый желает известной республиканской формы с известным лицом во главе Наполеону III, после захвата власти в свои руки, необходимо было оградить свое правительство от анти-династических и анти-империалистических нападок путем печатного слова. Тогда то Перселем предложил ему свою систему, действовавшую во Франции в течение 16 лет. Ему предстояло восстановить предварительную цензуру, не восстановляя ее официально, чтобы она была удовлетворена известным декрет-ом 1852 г. сущность которого заключается в следующем.

Объявлялось прежде всего, что император остается верным вышеизложенным принципам 1789 г. (aux grands principes de 1789 г.) которыми провозглашалось, что предварительная цензура не должна быть восстановлена. Но первая же статья декрета гласила, что каждый журнал должен быть основан только с разрешения министра внутренних дел. Таким образом, вместо цензуры на сочинения, явилась цензура на лица, ибо и издание допускалось, очевидно, только тех лиц, которые были вполне благонадежны или согласны и солидарны в мнениях с правительством. Кроме того, логическим последствием разрешения является и возможность отмены этого разрешения, система административных взысканий являлась непосредственным следствием системы

концепции, как это ясно формулировал один из первых министров Наполеона – Мапеля, в своем циркуляре префектам. И так, второй способ давления заключался в том, что издание журнала или газеты могло быть приостановлено министром внутренних дел, но так как это должно было быть обосновано мягко, то цензура была прекрасным предостережением. Предостережений имело своей целью цензуру в факте. Предварительная цензура не допускала печатания явно-вредного литературного произведения; при системе Первых, цензура являлась после напечатания.

В крайних случаях министру дозволялось доказывать императору о совершенном прекращении враждебного правительству журнала, который, употребляя техническое выражение, „возбуждал ненависть и презрение (haine et mépris) к правительству.

Опыт показал, что и эта система не привела к существенным результатам, ибо для правительства не возможно принять на себя задачу преследования не-легальных преступлений, совершаемых путем печати, по направлению, отличному либо, оказывающемуся невыгодным для правительства мнений. Цель была недостижима, ибо оружие было право; с одной стороны были меры предосторожности, закрытие журналов, с другой – литературный французский мир, чуждый и тот, на котором возможно выразить в самых осторожных формах самые крайние идеи; словом оказалось, что вся тип идеи, которые заперли после 1852 г. воскресли снова и в 1868 г. вся Франция пришла в напор, враждебный Наполеону. Пришлось постепенно дозволить четыре и наконец в 1868 г. явился новый закон о печати, хотя основанный на тех же почти началах, как и прежний. Недостатки, которые он заключал в себе, подали повод к наполнению кроме за-

рассмотрению нового проекта закона о печати, выработанного депутатами Либонами.

Свобода вероисповедания или свобода совести предполагает особое отношение каждой отдельной личности как к государству, так и к церкви, т.е. вообще к тому, что мы называем авторитетом в церковных делах. Собственно, то понятие свободы совести, которое нам предстоит рассмотреть имеет чисто юридическое, полное содержание его заключается в следующем:

1) Право свободного и беспрепятственного отправления богослужения, т.е. выражения своих религиозных убеждений в определенном культе, состоящем в религиозных молитвенных действиях и обрядах.

2) Право избрания исповедания, принятия себя к какой религии, которая наиболее соответствует внутренним убеждениям.

3) В юридическом равенстве всех лиц, к какому бы вероисповеданию они не принадлежали, т.е. чтобы вероисповедание не могло быть поводом к ограничению гражданских и политических прав.

В вышеизложенных трех пунктах и заключается то, что мы называем в юридическом смысле свободой совести. Начало это осуществилось довольно поздно и не вдруг, не осуществилось вполне. Развитие его имеет свою историю.

В древне-языческом мире, где церковь находилась в тесной связи с государством; что могло быть названо одним из государственных учреждений, не могло, очевидно, возникнуть вопроса о свободе вероисповедания. Лица, не принадлежавшие к национальной церкви, не могли быть гражданами древней Греции и Рима; они не могли занимать должностей цензора, эдила, консула и др. или в исключительных слу-

чался мира эти облаки были совершенно богопротивны по Римскому или Греческому культу, первоначально даже самым должностным лицам религиозный характер. Вопрос о свободе вероисповедания мог родиться только тогда, когда по крайней мере в принципе эти два элемента - церковь и государство - были разграничены. Вопрос, что религия, вера могут существовать отдельно от государства, явился вместе с христианством, как результат самой сущности христианского учения. Новая религия строго и настойчиво проводила границу между государством и церковью. Кроме того, христианство более, чем какая бы то ни было другая религия, обращалось к внутренней стороне жизни человека; внешняя, обрядовая сторона, культ, занимала весьма мало места в нем.

В этом отношении христианство является прямою противоположностью обрядовому Иудейскому и языческому миру. У языческого мира, с которым столкнулось христианство, были храмы, были боги, но веры не было вовсе; внутреннего убеждения, строя нравственных понятий религия не имела. Христианство уничтожило их. Поэтому то мы замечаем в нем такое отвращение ото обрядовой стороны, от насильственного распространения своего учения. Христианство поняло, что можно отправлять внешний обряд, но не быть верующим; желая овладеть внутренним миром человека, его убеждениями, оно требовало от человека самого многого, что не могло удовлетвориться внешностью. Отрицая насильственные меры, которыми распространялись многие религии, христианство оставалось верно своим началам и продолжало первый путь, руководствуясь при этом и практическими расчетами, ибо представляло из себя юношескую и прекрасную секту.* Вопрос о веротерпимости получил практическое значение в

то время, когда христианство явилось не только признанным, но и господствующим вероисповеданием (при Константине В. 325 г.)

Выражение „господствующее вероисповедание" имеет свой определенный юридический смысл; это значит, что церковь взята под покровительство государства, что она одна может рассчитывать на его поддержку; все, что не принадлежит к этой господствующей церкви, рассматривается как элемент, враждебный государству. Отсюда понятно и основание для религиозной нетерпимости, которая вытекала гораздо более из соображений политических, чем религиозных. С той минуты, как христианство сделалось господствующим вероисповеданием, все не принадлежащее к нему элементы были признаны не только вообще опасными с церковной доктрины, но и прямо с государственной авторитета. Так было на Востоке. На Западе, где церковь римско-католическая получила первенство над светской властью, полное господствующей церкви определилось иначе. Светская власть сделалась орудием в руках папства, старавшегося не столько о распространении христианства, сколько об утверждении своего господства над государями и народами Европы. Это стремление к абсолютному господству над народами, исповедующими католическую веру есть отличительная, коренная черта западной церкви. Отсюда ясно, что и в католическом праве, а затем и в праве светском установился непререкаемо тот принцип, что только тот лица,

---

* В данном случае необходимо различать христианство, как доктрину, от христианства, как церкви, которая во многом удалилась от начал Евангельских.

которые принадлежат к католической церкви, могут пользоваться гражданскими и политическими правами. Лица, принадлежащие к ней, должны беспрекословно повиноваться законной светской власти, ибо, защищая ее, она сама была бы в грех, способствовала распространению ереси.

Ввиду сих замечаний, что непринадлежащие к господствующей церкви рассматривались как восставшие против установленного политического порядка, ибо сами они считались основанными на церковных началах, они которые подрывали под освящение светской власти. Если бы в их время пришла бы мысль, что в одном государстве могут существовать рядом две религии, то необходимо должна была бы возникнуть мысль, на чем же будет основана государственная власть; если все религии одинаковы, то государственный авторитет, основанный религией, освященный ею, оставался бы без почвы.

И так, отступление от господствующего вероисповедания было не только грехом, но и преступлением, законом, который должен был вести за собою уголовное наказание. Отсюда инквизиция, некоренной грех путем чисто светским, гарантировал мир.

Словом, при условиях средневекового порядка вещей, не могло быть и речи о веротерпимости, которая оставалась только мечтой, чуждой не принадлежащим к господствующей церкви. Так они не рассматривались как буйствующие, а только как нечто чрезвычайное и несчастное, как лица, не одаренные светом истины. Само собою понятно, что они не пользовались никакими гражданскими и политическими правами. Они не могли участвовать в делах, получать чины и возводиться к занимать общественные должности и т. п. Для них, как известно, существовали даже особые кварт-

тали в городе, чтобы наименьшее их не сталкивалось с христианским. И вместе с этим, хотя они и были терпимы, но все же их личность не была гарантирована; от времени до времени они, как известно, массами подвергались избиению.

Их вынуждало это, с самых пренатальных должно было бороться то анти-католическое направление, которое пробивалось в Германии, Англии и Франции; (до этих пор пока не было уничтожено путем кровопролитных войн в последней). В Германии и Англии христианская секта подготовила будущее реформационное движение, восторжествовавшее в XVI в. Естественно, что реформация, являвшаяся учением, отрицающим католичество и папскую авторитет, должна была провозгласить свободу вероисповедания. И действительно, первые учителя протестантизма твердо защищали этот принцип. Жизнь же показала, что протестантский строй не мог осуществить этой свободы вероисповедания, по причинам не столько религиозным, сколько политическим, которые заключались в реформационном движении и создании им протестантской церкви не то, что предполагалось при возникновении ея.

Быть может, наиболее ясной интересности отличалась та страна, которая впоследствии сделалась образцом протестантизма - Англия. Этот факт объясняется самым характером Английской реформации, проведенной Генрихом VIII, королем воспользовавшимся предоставленной папой властью в свою пользу, пересоздать церковь для удовлетворения своей власти, дав ей то устройство, которое необходимо было с точки зрения административной, т.е., создать чисто-государственную церковь, главою которой был король. Ясно, с такими отношениями должно столкнуться

царем Генрихом VIII и его приемниками. Прежде всего они столкнулись с католиками, которые в то время были мятежниками, ибо признавали духовное главенство папы; с другой стороны, в той же Англии имелось немалое количество сект, еще ранее Генриха VIII рационалистических о духе веры и отделившихся от католической церкви. Англия была издавна богата этими сектами, которые теперь почали в разрез с государственными учреждениями церкви. Таким образом папизм с одной стороны, диссиденты с другой, вот два врага, с которыми пришлось столкнуться Генриху VIII и его приемникам. Все это усилилось при столкновении Ирландии, оставшейся верной папскому престолу; для Ирландии католичество явилось знаменем национальности, народной индивидуальности. Волна католического движения в Англии приводилась в связь с мятежниками в Ирландии, с которыми английские католики были постоянно солидарны в интересах. Эти два вопроса, созданные искусственно, разыгрались впоследствии в кровавую драму, о которой мы скажем несколько слов ниже. Рассмотрим теперь, какова были последствия этого порядка вещей для свободы вероисповедания.

Вот отличительные черты, не принадлежавшие к господствующей епископальной церкви, не пользовались не только политическими, но и гражданскими правами; они были ограничены в праве делать завещания в своем брачном праве, не говоря уже о том, что совершенно отрешены от всякой политической жизни. Мало того, даже священник католической мессы являлся уголовным преступником; священнику, совершившему ее, грозила тюрьма, ссылка, пожизненное.

Вопрос диссидентский был для Англии очень давно подготовленная к разрыву с Римом, после папской авторитет и англичане старались освободиться от него. Католиков, следовательно, было сравнительно немного.

Диссидентский вопрос был серьезнее, ибо в Англии протестантские учения развились и распространились гораздо ранее, чем Генрих VIII ввел свою реформу. Вся оппозиция Тюдорам и Карлу I Стюарту находится в тесной связи с движением диссидентов. Вся политическая оппозиция перешла в лагерь так наз. Пуритан, слившись с оппозицией религиозной. Эта борьба, как известно, ознаменовалась переворотом 1688 г. и господством принципов Стюартов и победою либерального начала в Английском государственном устройстве. Положение диссидентов с этих пор делается лучше, ибо мало по малу за ними признают полное равенство. Не таково было положение католиков, упорствовавших значительно медленнее. Последние остатки ограничения прав католиков были сняты только в 1829 г. благодаря акту, проведенному сэром Робертом Пилем, под именем „акта об эмансипации католиков". В сущности, к 1829 г. оставалось только разрешить вопрос о том, могут ли католики равняться с протестантами занимать место в парламенте, которое и было решено утвердительно.

Что касается евреев, то положение их в Англии в гражданском смысле было довольно хорошее. Они пользовались теми же самыми льготами, как и др., ибо начала личной свободы, как известно, всегда были наиболее обеспечены в Англии. Что касается их политических прав, то вопрос этот был разрешен утвердительно только после 1849 г. Вопрос о политических

правах. Вопрос в существе был поднят не совсем во время и осложнился другими обстоятельствами, а именно, опасностью наплыва различных индийских богачей, признавших в Англии, силившихся тами в силу своего колоссального богатства путем подкупа легко попадавших в парламент. Тогда то поднят был и еврейский вопрос по следующему поводу: Английский Сити избрал одного из своих владетелей, Ирея Соломонса, представителем в парламент. Когда этот последний явился в заседание, спикер предложил ему произнести клятву, которая оканчивалась словами: „в чем да помогит мне Бог, по доброй вере христианина". Ирей отказался произнести требуемые слова и удалился обратно. На следующий год повторилось тоже самое, ибо его вновь избрали, на третий — тоже. Наконец это подало повод к возбуждению вопроса о том, чтобы для евреев и вообще не христиан конец клятвы заменен был просто словами: „в чем да помогит мне Бог". Таким образом по этой новой формуле и Ирей мог войти в парламент. Впрочем, вопрос этот вызвал еще жестокую борьбу. В числе борцов за политическую правоспособность евреев особенно вредное место занимал знаменитый английский историк Маколей*).

Вопрос религиозной терпимости в Англии был, как сказано выше, тесно связан с вопросом политическим; ибо она существовала в двоякой направлении:

1) Она определялась тем, что церковь рассматривалась, как одно из государственных учреждений;

---

*) См. речь его по этому поводу. Напечатана в 1-м полном собрании его сочинений.

во главе с епископ короной и духовная власть являлась одним из элементов и существенной опорой его светской власти; следовательно, всякий покушавшийся против него становился тем самым в разрез с политическими учреждениями страны.

2) Сын его получил несколько иной характер после революции 1641-49 гг. Стюарты, как известно, были более расположены к католицизму и в покровительству этому впоследствии находили некоторую точку опоры для развиваемой ими теории абсолютной неограниченной власти, т.е. той власти, которая прямо противоречила конституционным учреждениям Англии. Вследствие этого все попытки Стюартов покровительствовать католикам и фактически принимаемых партий превратить конституцию как попытки уничтожить коренные учреждения Англии. Это и было причиной того, что главнейшие ограничения для лиц, не принадлежавших к англиканской церкви исходили от парламента более чем от короля, иногда даже от парламента в противоположность королю. Так при Карле VII, в противоположность желанию короля был издан знаменитый Тест-акт, в силу которого каждое лицо, желавшее занимать общественную должность, должно было принести тройную присягу, заключавшую в себе исповедание англиканской веры. Для католиков этот Тест-акт был отменен только в 1829 г. Известно также, что одною из ближайших причин разрыва короля Якова II с Английским народом была знаменитая процессия епископов, вызванная вследствие того, что епископы отказались принять декларацию о веротерпимости короля Якова II, которая, как известно, в противоположность существовавшим законам страны старалась напомнить свой тайный совет, адми-

миграцію и общественныя учрежденія католиками. И король встрѣтилъ оппозицію въ народѣ и парламентѣ; процессъ епископовъ былъ послѣднимъ толчкомъ, побудившимъ принять Вильгельма Оранскаго и произвести переворотъ 1688 г. Тѣ же причины существовали и во Франціи.

Распространеніе иныхъ вѣроисповѣданій, кромѣ католическаго, предполагало большія затрудненія, потому что болѣе, чѣмъ какая бы то ни было страна Европы, Франція была централизована. Связь съ Римомъ была столь древня и установилась такъ прочно, что трудно было представить себѣ, чтобы вся Франція могла перейти въ протестантство. Но необходимо было все же рѣшить вопросъ, насколько вѣроученія не католическія имѣютъ право существовать во Франціи. Хотя не слабо было теченіе протестантскаго движенія, но партія гугенотовъ была все же довольно сильна, ибо она рекрутировалась преимущественно въ средѣ группы аристократовъ, зажиточной буржуазіи, видныхъ представителей литературы и т. п. Первоначальное отношеніе французской монархіи къ гугенотамъ было довольно спокойное; въ началѣ они не встрѣчали не только преслѣдованія, но имѣли самую вѣрную гарантію свободы отправленія своего вѣроисповѣданія. Тѣ гоненія преслѣдованія, которыя имѣли впослѣдствіи (Генрихъ IV), были лишь исключеніями; духовенство и католическая партія (Гизы) пользовались расположеніемъ короля, чтобы побудить его къ самымъ строгостямъ противъ протестантовъ, и неоднократно; такъ, не далѣе какъ результатомъ ихъ вліянія при Генрихѣ IV явилось изданіе эдикта, установившаго извѣстный modus vivendi между католиками и протестантами. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы

Лит. назовского Казенн. 18

Гугеноты были вполне обязаны Нантскому эдикту Генриха IV, не следует предполагать, что мера эта привела к изменению основного взгляда, которым руководствовалось французское правительство, ибо связь его с церковью была настолько сильна, что терпимость не могла существовать долго. Не надо забывать, что духовенство тех времен во Франции было не только духовною, но и политическою силою; ему принадлежали огромные земли, в высших слоях своих оно набиралось из аристократического круга, так что не только церковь, но и само духовенство, вместе с дворянством, рассматривалось как одна из солидных опор государственной власти. Отсюда понятно, что замирение при Генрихе IV не могло быть окончательным. Шла борьба, иногда между Гугенотами и католической партией, разразился наконец отменою Нантского эдикта при Людовике XIV. Явился, сопровождавший эту отмену, гонения и преследования Гугенотов известны всем. Вопрос о Гугенотах представляется столь важным в истории Франции потому, что они были единственной партией, которая могла претендовать на признание в государстве, ибо все говорило в ея пользу: общественное положение, связи, родственные с знатными фамилиями, ея богатство, строгая нравственность и уважение, которыми она пользовалась от всех даже от католиков все это располагало в пользу примирения. Нечего и говорить относительно других сект, существовавших во Франции, только Гугеноты с трудом добились того, что они в начале были известным признаны, обеспечивавшим их существование в стране; члены других сект бы-

ли совершенно бездарны в среде католического населения. Когда пала последняя надежда Стюартов (Наполеон Первый), то влияние духовенства на развитие религиозной нетерпимости не было предполагать; быть может одна только Испания с ее инквизицией могла сравниться с тем, что происходило в это время во Франции. Вопрос религиозной нетерпимости обобщился до такой степени, что всякая попытка впрочем иная, чем предписано католической церковью, признавалась государственным преступлением, которое влекло за собою все последствия преступлений этого рода. Все это повело к тому, что католическая церковь убила во Франции настоящую религию; ибо вера совершенно выродилась здесь и результатом была иная постановка вопроса о веротерпимости, чем та, которую мы видели напр. в Англии и Америке, постановка фальшивая во Франции по нижеследующим причинам: если мы исследуем существо Английских и Американских законов по этому предмету, то мы увидим, что свобода вероисповедания в этих государствах заключается: 1) в отсутствии законодательства по этому предмету; 2) признании права веры, к какому бы направлению она ни принадлежала, если только она не идет в разрез с установленным государственным порядком. И так, та борьба, которую вели диссиденты в Англии, тот вопрос, разрешения которого Английские пуритане искали в Америке, сложились из того, как обеспечить возможность верить и выражать свои верования согласно с убеждениями. Между тем, как в Англии открыто велась борьба за возможность беспре

пластинного человѣка вѣры и, подъ вліяніемъ общихъ установленій личной свободы, это утвердилось, — во Франціи, гдѣ церковь не только со стороны внѣшняго устройства, но и со стороны состава духовенства сдѣлалась чрезвычайно государственнымъ, гдѣ стѣсненія дошли до крайнихъ предѣловъ, мы видимъ такія явленія, которыя не встрѣчаемъ въ Англіи.

Выгодами изъ этого положенія для Франціи XVII столѣтія является не начало новой вѣры, а невѣріе. Такъ называемые свободомыслящіе были и въ Англіи (Bollingbroke etc.) но они предъ ней бледнѣли для всей массы общества, не имѣвшей религіознаго убѣжденія страны. Напротивъ того, во Франціи проповѣдь Вольтера и энциклопедистовъ произвела чрезвычайную революцію. Первая англійская революція уграждала англиканскую церковь, замѣнивъ ее пресвитеріанской, революція во Франціи вмѣсто всякой религіи поставила чувство Разума. Обстоятельство это имѣло важное вліяніе на ходъ и развитіе Французскаго законодательства по вопросу о вѣротерпимости. До сихъ поръ, какъ увидимъ впослѣдствіи, французское законодательство скорѣе обезпечивало свободу не вѣрѣ, чѣмъ свободу вѣры. Въ IIIе статьѣ декларація правъ человѣка и гражданина говорится: „Nul ne peut être inquiété pour ses opinions, même religieuses."

Но такимъ образомъ установить новую церковь, организовать новую секту, если она зародится — объ этомъ совершенно умалчивается. Декларація правъ не дозволяетъ безпокоить человѣка за его убѣжденія, если они не нарушаютъ общественнаго порядка, но кто является судьей этого

общественного порядка и в какой мере религиозные убеждения могут его нарушить, этот вопрос остается неразрешимым в течение всего революционного периода, да и не мог быть разрешен, ибо вместо прежних религиозных верований были поставлены другие. Они оставили только одно — историю культа и католической церкви, как главной представительницы культа; они сохранили „état d'infâme" и действительно она была придавлена во все время революционного периода в том смысле, что католичество не признавалось во Франции и отправление католической мессы считалось государственным преступлением. Поэтому вопрос об установлении правил свободы исповедания должен был быть отложен до более позднего времени. Основанием для французского законодательства по этому поводу был конкордат, заключенный генералом Наполеоном Бонапартом и Римом, начало, которое выразилось в этом конкордате, проникло все французское законодательство по этому предмету. Вот в чем заключается сущность французского законодательства признавать несколько церквей: католическую, реформатскую и еврейскую. Этим признанием государства церковь становится ради ее покровительство в том смысле: 1) что духовные лица этих вероисповеданий получают содержание от государства; 2) государство дает этим духовным лицам защиту их духовного сана, так что считается как бы состоящими на государственной службе; соответственно, каждый, оскорбивший священника, раввина, пастора при отправлении обязанностей считается и называется как оскорбивший служа-

ще лицо при отправлении или своих обязанностей.

Государство предъявляет и требования по отношению к внутренней дисциплине церквей, признаваемых им, участвует в их управлении. Государственная власть является одним из элементов церковной администрации, вследствие чего во Франции имеется особое центральное учреждение, которому принадлежит — верховное вмешательство дел церкви; другими словами — министерство вероисповеданий; оно обыкновенно бывает соединено с министерством народного просвещения (ministère de l'instruction publique et des cultes) или с министерством юстиции. В Англии подобного учреждения не существует. Остается вопрос о том, каким образом поступать с лицами вновь образующимися сектами и вероучениями: могут ли они публично исповедовать свою веру, строить храмы, владеть землею, словом, пользоваться правами церквей признанных? Ответом на этот вопрос может служить 291 ст. уголовного кодекса, которая гласит, что „всякое собрание более 20 человек в определенное время, собирающееся ежедневно или в определенные дни, должно производить не иначе, как с согласия местной полицейской власти." Под этою статью подлежат все секты и церкви, могущие образоваться во Франции; словом, непризнанные церкви пользуются правами постольку, поскольку они подведены под решение общественных собраний (de réunion publique), о которых речь будет ниже. Во французском законодательстве каждое политическое собрание (réunion publique) должно состоять

не иначе, как на условии согласия на это местной полицейской власти; под именем же политического собрания законодательство разумеет собрания, трактующие о вопросах политических и религиозных (Union, traitant les matières politiques et religieuses). Вот положение дела с точки зрения свободы вероисповедания, свободы составлять религиозные убеждения и исповедовать их. Но зато Французское законодательство весьма либерально относительно того, что мы назвали свободою печати, и 11-я статья декларации прав человека и гражданина строго соблюдается: человек совершенно свободен верить или не верить, или не высказывать этого в официальной форме и совместно с другими.

В отношении свободы веры законодательство французское диаметрально противоположно Американскому, где все отношения законодательства к церкви ограничиваются краткими прибавлениями к конституции: „Конгресс не будет иметь права издавать какие бы то ни было законов относительно вероисповедания"; таким образом американское законодательство признает, что эти две сферы необходимо должны быть разграничены. В Америке все вероисповедания подходят под действие общегражданского законодательства; если какая либо секта или церковь желает основываться там, она, на основании прав гражданских, покупает домы, устраивает школу, храм и т. п. существует, словом, как ассоциация промышленная, торговая, ученая и др. Если она нарушает общественный порядок или безопасность, то привлекается к суду и ответственности, как другая ассоциация или обыкно-

венное лицо. В этом заключается законодательство Америки по этому вопросу; оно не знает разницы между церквами признанными и непризнанными, не знает терпимости в этом смысле, ибо не вмешивается в них, не регламентирует никаких религиозных обществ и церквей. Так, католическая церковь, весьма распространенная в Америке, сохраняет весь свой ритуал, свою зависимость от папы и т.д. но на почве Америки католический епископ не есть должностное лицо, не пользуется содержанием от правительства, как это видим во Франции.

Что касается законодательства Германии, то оно в сущности стоит на французской почве зрения. И здесь мы видим разницу в исповедании на признанные и непризнанные. Но это разница ведет к совершенно иным последствиям, чем в Франции. По германским законодательствам признанные вероисповедания отличаются от непризнанных тем, что за первыми признаются права корпоративного устройства, права юридических лиц. Непризнанные вероисповедания не имеют корпоративных прав, но свобода отправления богослужения гарантирована здесь гораздо более чем во Франции. Что касается вероисповеданий признанных, то применение принципа равноправности относится ко времени довольно отдаленному, к Вестфальскому миру 1648 г. заключившему тридцатилетнюю войну. По этому миру Германия государства согласились признавать в своих пределах равноправность трех исповеданий католического, протестантского (Люсбургского исповедания) и реформатского. Второго выбора, в сущности, для гер-

маленьких государствъ и не существовало при томъ страшномъ разладѣ религіозномъ, который существовалъ въ ихъ земляхъ. Нерѣдко въ одномъ и томъ же государствѣ соединялись всѣ три исповѣданія; часто король исповѣдывалъ вѣру только меньшинства своихъ подданныхъ; словомъ, замиреніе, уравненіе правъ всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій было единственнымъ исходомъ послѣ 30-ти лѣтней войны, и они были признаны равноправными въ томъ отношеніи, что члены ихъ пользовались одинаковыми гражданскими и политическими правами. Германія держалась этого принципа довольно долго; члены другихъ исповѣданій были только терпимы, но ограничены въ своихъ правахъ; сюда принадлежали, напр. Евреи, ограниченные даже въ гражданскихъ правахъ своихъ. Въ началѣ XIX ст. конституціи Баваріи, Вюртемберга и Бадена (1818, 1819 г.) признали тоже начало равноправности трехъ вышеназванныхъ исповѣданій. Въ настоящее время можно сказать, что всѣ вѣроисповѣданія равноправны, въ томъ смыслѣ, что равныя ихъ не ведутъ къ равенству обязанностей и правъ. Во Франціи въ наше время существуютъ тѣ же постановленія, какъ Евреи, наиболѣе гонимые прежде, теперь могутъ занимать политическія и государственныя должности. Что касается признанныхъ вѣроисповѣданій, то они и до сихъ поръ отличаются тѣмъ, что государство признаетъ за ними право корпораціоннаго устройства, прочія же вѣроисповѣданія, не признанныя, пользуются правомъ безпрепятственнаго отправленія своего богослуженія въ частныхъ помѣщеніяхъ, не будучи поставлены въ стѣснительныя условія и подвержены полицейскому надзору, какъ это видимъ во Франціи. По первому основно-

му Австрійскому закону (ст. 14) опредѣляется, что вѣроисповѣданія свободны, что признанныя — пользуются правами корпоративнаго устройства, непризнанныя — правомъ отправленія своего богослуженія въ частныхъ помѣщеніяхъ. Такъ ни въ законодательствѣ Франціи, ни въ Германіи не имѣется признаннаго закономъ господствующаго вѣроисповѣданія, которое бы одно пользовалось защитою государства и лица, принадлежащія къ нему — особыми гражданскими и политическими правами. Принципъ этотъ долго не устранялся ни въ другихъ законодательствахъ. Такъ, по Италіанской конституціи, Римско католическое исповѣданіе есть господствующее; вслѣдствіе этого католическая церковь получаетъ особую защиту государства, хотя оно и отказывается отъ руководительства его и вмѣшательства въ ея администрацію.

Принципъ этотъ былъ установленъ въ 1871 году посредствомъ закона, опредѣлявшаго отношенія Италіанскаго правительства къ папскому престолу. Положеніе Италіи въ этомъ отношеніи характеризовалось въ слѣдующемъ: папская власть, предъ паденіемъ имѣла въ Италіи двоякое значеніе: 1) Римскій первосвященникъ есть глава католичества; это есть власть религіозная, простиравшаяся далеко за предѣлы Италіи; 2) Римскій первосвященникъ былъ однимъ изъ Италіанскихъ государей, ему принадлежала Папская Область, онъ игралъ политическую роль, судьбы италіанской націи были тѣсно связаны съ папскимъ престоломъ и въ этомъ отношеніи нельзя сказать даже, чтобы онъ игралъ выдающуюся роль по своимъ благотворнымъ дѣйствіямъ. Роль папства по отношенію

къ національному вопросу была опредѣлена имъ Маріанни въ слѣдующихъ словахъ: „Папство было всегда слишкомъ слабо, чтобы собрать Италію въ одно цѣлое и слишкомъ сильно, чтобы допустить это сдѣлать другому." И дѣйствительно, едва только какой либо государь Италіи хотѣлъ попытаться сдѣлать это, папство отчуждало себѣ союзника и препятствовало этому. Очевидно, что когда національная дѣятельность Италіи усилилась и во главѣ ея стала такая энергическая личность, какъ Кавуръ, то въ головѣ его возникла мысль: поставить папство на такую ступень, чтобы оно въ духовномъ отношеніи оставалось свѣтскимъ, непримиримымъ и вполнѣ независимымъ, Италія же должна принадлежать королю и народу; другими словами, онъ хотѣлъ свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Кавуръ умеръ значительно ранѣе того, какъ Италіанскія войска дошли до Рима, но программа его сохранилась и послѣ того, какъ въ 1870 г. войска эти вошли въ Римъ, изданъ былъ законъ, опредѣлявшій отношенія папы къ свѣтскому правительству. 1) Папа признавался на правахъ владѣтельнаго государя, но прерогативы имѣли въ виду охраненіе его только, какъ главы католическаго міра. 2) Всѣ его буллы, энциклики, алокуціи и т. п. получали полную свободу распространенія. Итальянское правительство, по плану Кавура, отказалось даже отъ права „placet", права предварительнаго просмотра этихъ буллъ, съ которыми папа обращался къ вѣрующимъ.

Разъ что былъ принятъ подобный принципъ, ясно, что отношенія правительства къ прочимъ

церквами, которыя находились или могли возникнуть в Италии, сделалось совершенно равнодушным; всякая церковь могла быть учреждена где и пользоваться свободою исповедания и богослужения. Мало того, светская власть не приводила даже на помощь церкви, как это видно из следующаго случая: епископ назначил известное лицо для отправления священнической должности в одном приходе; община послала другаго, но епископ не только не утвердил его, а даже обратился за помощью к светской власти, чтобы помещала причудница приходу принять кандидата; но светская власть отказалась дать ему требуемое содействие, говоря, что храм приходу есть собственность общины и вмешательства администрации в церковныя дела быть не должно. Такими образом все принудительныя меры в делах веры исключаются.

Такова была сущность вопроса о свободе веры в различных законодательствах Европы и Америки.

Выведем из сказанного несколько положений и отступим на историю вопроса.

1) Существует ли по Европейским законодательствам господствующее вероисповедание?

Если понимать под этим один только, специально признанный государством, в качестве такого вероисповедания, член которого пользовались бы одни гражданскими и политическими правами, то такого вероисповедания не существует. Члены всех вероисповеданий пользуются одинаковыми гражданскими и политическими правами и могут занимать общественныя и государственныя

должности. Но из этого не следует, впрочем, чтобы принципы, тесно связанные с христианством вообще не были особенно признаваемы теми государствами. Доказательством этого может служить Америка, страна наиболее либеральная в духе времени и которая однако не вычеркнула из среды своей силы Моисеевой, в принципе совершенно противоположной догматам христианства.

2) Свобода вероисповедания естественно не должна приводить к отрицанию известных гражданских обязанностей и известных требований нравственности. Так если бы какая-нибудь секта, по религиозным убеждениям которой не следовало бы платить установленных государством податей и налогов, очевидно, государство не могло бы терпеть ее у себя.

Далее, принадлежность к известной секте не может освободить ее членов от нравственных правил признаваемых безусловно необходимыми обществом и государством; могущих существовать и существующих сами независимыми, не могущих быть терпимы государством, которое в известных случаях является охранителем общественной нравственности.

И так, государство, не вмешиваясь в дела веры, должно тем не менее проводить грань между этими делами и вопросами общественно-государственными. Очевидно, что в силу этого начала, государство становится в отрицательное отношение к таким религиозным учениям и стремлениям со стороны духовной власти, которые вмешались бы в гражданскую государственную авторитета

Так в средние века папство предполагало управлять светскою властью, низлагать ее, разрешать подданных от присяги и т. п.; очевидно что государство стало к нему в оборонительное положение, хотя и оставалось на долгие времена рамками вере и политики. В этих пределах необходимо должна существовать самими государством установленная возможность так наз. свободы религиозной, состоящей в праве веровать по убеждениям своим и соединяться в церковь для исповедания этой веры.

V. Свобода ассоциаций, собраний и петиций. Вышеупомянутые права свободы передвижения, печати, исповедания и т. п. имеют в виду индивидуальную личность человека; нижеследующие права имеют значение общественное, либо все представляют наименее образом соединение людей для осуществления известных целей. Права этого рода три:

1, свобода ассоциаций; 2, свобода сходок и собраний; 3, свобода петиций. Скажем прежде всего о свободе ассоциаций и собраний в их взаимной связи. Чтобы ясно были наши права, определимся прежде всего сущность явлений по признакам их.

Под именем ассоциации разумеется постоянное соединение лиц для осуществления какой либо постоянной цели, предполагая периодические собрания членов этой ассоциации. Мы говорили: постоянное соединение; и действительно, существенным признаком ассоциации является постоянство ее существования, ибо она представляет учреждение с ви-

известною целью, обыкновенно недостижимою для единичного лица или даже поколения, учреждение, предполагающее действие коллективных сил.

И так, постоянное соединение и постоянная цель являются главными признаками ассоциации; цель она не только постоянна, но и определенна, специальна. Всякое собрание, в сущности, сводится к известною целью; но здесь дело идет о цели специальной, которая дает определенность самой ассоциации; мы говорили: ассоциация промышленная, торговая, ученая и т. п.; очевидно что род цели характеризует самую ассоциацию. Отсюда понятно, что собрание ассоциации является не последствием ее атрибутом, но не ее принципом. Сюда также составляется с определенной целью, но сущность лежит не в этой цели, а в самой сводке; напротив того, в ассоциации собрание членов есть вопрос второстепенный, следствие организации, которую должна иметь каждая ассоциация. Отсюда понятно, что ассоциация является предприятием чем по организованным. В чем же состоят признаки этой организации ассоциаций?

1) Она состоит из определенного членов, определенного круга лиц, вступающих в ассоциацию по известному правилу. Этим ассоциация и отличается от сводки, которая есть собрание неопределенного круга лиц.

2) Этот определенный круг лиц имеет свои права и обязанности относительно ос-

щественной цели. Отсюда ясно, что каждая ассоциация имеет свои органы, через которые выражается воля всех участников ея. Таким образом необходимо иметь в виду другой признак ассоциации – ея организованность. Очевидно, что в большинстве случаев, при нормальном ходе дела ассоциация есть соединение лиц, гарантия известности правительству и обществу; цели, преследуемые совместною деятельностью, выявляют ассоциацию и вовне; она раскрывается официально и может быть рассматриваема, как явление нормальное, столь же естественное, как общество, семья; словом, все, что происходит под влиянием определенных, естественных целей человеческого общества.

Этим существенным признаком ассоциация отличается от собрания или сходки.

Из этих признаков ассоциации, которые указаны выше, мы выводим и условия этих отношений, в которых государственная власть должна находиться к ассоциации.

Заметим прежде всего, что ассоциации, порядок их учреждения и действия, средства контроля и т. п. регулируются не всегда общим законодательством; напротив есть ассоциации регулируемые законодательством специальным. Сюда относятся главным образом ассоциации промышленные и торговые, регулируемые специальным торгово-промышленным законодательством (code de commerce), или же общегражданским законодательством, ибо по отношению к ним оно стоит на почве простой гласности. В таких случаях требуется утверждение ассоциации законодательного ма-

стью, а именно тогда, когда ассоциація переступаетъ себѣ какія либо пріисканія.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду ассоціаціи, не подходящія подъ дѣйствіе спеціальныхъ законовъ и пользующіяся въ общемъ разрѣшительнымъ постановленіемъ. Принципы европейскаго законодательства могутъ быть сведены въ этомъ отношеніи къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

1, Ассоціаціи, составляющіяся подъ дѣйствіемъ общихъ законовъ, разделяются на политическія и религіозныя съ одной стороны и ассоціаціи не политическія съ другой, къ какимъ относятся: благотворительныя, ученыя и другія ассоціаціи, не подходящія подъ дѣйствіе высшихъ гражданскихъ законовъ и спеціальныхъ торговыхъ и промышленныхъ уставовъ.

По отношенію къ ассоціаціямъ вообще законодательство дѣйствуетъ того начала, что всѣ существующія въ государствѣ соединенія должны быть извѣстны государству; всякое законодательство, какъ извѣстно, содержитъ постановленія, касающіяся тайныхъ обществъ, которыя воспрещаются законодательствами, ибо съ ними обыкновенно соединено понятіе о недозволенныхъ цѣляхъ, направленныхъ противъ интересовъ государства. Въ этомъ отношеніи всѣ законодательства сходятся между собою, допуская исключеніе только для нѣкоторыхъ ассоціацій и то въ нѣкоторыхъ лишь отношеніяхъ. Сюда можно отнести масонскія ложи, но и онѣ тайны, какъ увидимъ ниже, лишь предъ-

Лит. Петербургъ. Коломенская, 19

лами. Какимъ же образомъ устанавливаются извѣстныя ассоціаціи, какъ онѣ учреждаются?

Ассоциации могутъ быть основаны двоякимъ способомъ:

1, Или на основаніи предварительнаго разрѣшенія отъ компетентной власти;

2, Или на основаніи простой заявки объ учрежденіи ассоциаціи извѣстными лицами, съ приложеніемъ устава ея.

Что касается ассоциацій политическихъ, то большинство законодательствъ держится системы предварительнаго разрѣшенія, причемъ постановляются и извѣстныя условія относительно состава ассоциаціи. Такъ, Германскія законодательства поставляютъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы политическія или общественныя ассоциаціи не допускали женщинъ въ составъ своихъ членовъ, такъ и въ свои собранія лицъ несовершеннолѣтнихъ, лицъ учащихся и женщинъ.

Англійское законодательство, по отношенію взаимной связи членовъ ассоциаціи между собою, устанавливаетъ слѣдующія правила:

1, Не допускаются ассоциаціи, члены которыхъ связаны между собою присягой, такъ какъ присяга, принесенная ассоциаціи, можетъ быть противна присягѣ на вѣрность основнымъ законамъ страны.

2, Не допускаются ассоциаціи, члены которыхъ не извѣстны другъ другу, другими словами, тѣ ассоциаціи, составъ которыхъ не извѣстенъ всѣмъ.

3, Не допускаются ассоциаціи, въ которыхъ руководители не извѣстны остальнымъ членамъ.

4, Не допускаются ассоциаціи устанавливающія филіаціи (подчиненныя отдѣленія) въ странѣ.

Сила этихъ запретительныхъ статей въ Англійскомъ и другихъ законодательствахъ поддержи-

вается соответствующими статьями уголовного кодекса, т.е. нарушение этих статей влечет за собою уголовное наказание, начиная от значительных штрафов до тюремного заключения. Этим обеспечивается известность ассоциации и государству, и участникам ее, и всему обществу, среди которого она действует. Постановления эти — общие и касаются как ассоциаций политических, так и не политических. Разница между теми и другими в других законодательствах Европы состоит в том, что первые могут быть учреждаемы не иначе, как с предварительного разрешения; последние же после заявки надлежащей власти.

Обратимся теперь к вопросу о <u>сходках</u> или <u>собраниях</u>, носящих различные названия (митингов, réunions и т.п.); во французском юридическом языке, в сущности, réunion и association до 1868 г. не различались 291 ст. Code pénal гласила, что собрания более 20 человек могут состояться не иначе, как с предварительного разрешения местной власти. Законом 1868 г. чрезвычайно было разграничено и изданы особые уставы для réunion и association. Но прежде, чем мы перейдем к рассмотрению законодательства по этому предмету, необходимо выяснить, какой определилась точка зрения Европейских законодательств на этот вопрос. Все континентальные законодательства: Французское, Бельгийское, Германское, Австрийское, Итальянское, держатся одинаковых начал по применению к этому вопросу; только законодательство Английское идет гораздо далее.

Приложимся существенным признаком, которым

были установлены выше относительно ассоциаций. В противоположность последним, сходы, митинги или собрания есть случайное соединение лиц, не имеющих определенной цели, вызываемое вопросами, волнующими общество, или какими либо новыми постановлениями законодательной власти, отличной старых, избирательными вопросами и т. п.

Члены сходов представляют собою нечто неопределенное; тогда как состав ассоциации почти всегда строго определен и вступление в нее обставлено известными условиями, членом сходов может быть всякий желающий. Отсюда само собой понятно, что в составе сходов нет учреждения, бюро, которое бы несло на себе всю полноту ответственности за происходящее на сходах. В ассоциации имеется всегда постоянное правление, бюро, кроме того, члены ее вместе в совете и являются до некоторой степени ответственными за действия своей ассоциации. Таким образом, в отличие от ассоциации сходы являются до известной степени стихийною силою, могущею, в случае выпадения толчка, перейти от слов к действиям, удалиться от своей первоначальной цели. Являясь в таких случаях чисто материальною силою, сходы могущи причинить серьезные неудобства по отношению к общественному спокойствию и порядку. Вот главная существенная причина, по которой законодательства Европейских государств регулировать этот вопрос о сходах. Не подлежит сомнению, что через подобные собрания осуществляется много общественных интересов, как показывает пример Англии, где все важнейшие национальные вопросы были

обсуждались на подобных сходках. Они служат важным подспорьем правительству, ибо выражают общественное мнение страны по различным вопросам времени и в этих случаях бывают даже полезны палате. Примером может служить отмена известных хлебных законов в Англии; если бы судить об общественном настроении по парламентским прениям, то совершенно нельзя было провести этого проекта отмены их. Только благодаря митингам, покрывшим всю Англию, благодаря петициям, возможно было, несмотря на оппозицию палаты лордов, вотировать и провести предложение Роберта Пиля закона.

Имея в виду эту свободу сходок, француз Ледрю говорит: „Во Франции, когда недовольство доходит до крайних пределов, делают революцию, в Англии – подают петицию", покрытую подписями почти всей страны."

Понятно впрочем, что осуществление подобных прав должно предполагать известное <u>гражданское воспитание</u> общества. Токвиль, наблюдавший американскую жизнь Сев. Америки, говорит, что из всех прав, которыя могут быть даны стране, право сходок есть последнее, ибо, чтобы сходка удовлетворяла своему назначению и приводила к желаемым результатам, необходимо, чтобы она не уклонялась от своего пути, обсуждала вопрос законодательным образом и не переходила к насильственным

действиями. Но при тех условиях, о которых мы говорили выше, сходка легко может забыться и употребить насилие, что нередко случалось в эпоху Французской революции, когда политическая сходка бралась за оружие и шла на ниспровержение представителей всей Франции только потому, что при обсуждении известного законопроекта мнения той и другой партии расходились.

Вот почему все Европейские законодательства обставляют это право известными формальностями, чтобы гарантировать общественный порядок и спокойствие.

В Англии право это развито шире, чем в других законодательствах и этот факт объясняется тем, что здесь это есть право вековечное, сросшееся с мыслью каждого гражданина Англии. И английские митинги замечательны своим уважением к мнению, высказанному публично, какого бы направления оно ни было; почти не бывало примеров, чтобы одна партия заставила молчать другую или оскорбила ее действием. Всякий, присутствовавший на митингах Английских рабочих, должен безусловно признать, что эти рабочие гораздо выше стоят в отношении политического воспитания, чем даже интеллигентные люди континента Европы. Здесь, на континенте, где политическая жизнь началась в сущности только с 1789 г. гражданское воспитание, пустившее такие

глубокіе корни въ Англіи, находилось еще въ зачаточномъ состояніи и при малѣйшемъ волненіи средневековой феодалъ или бюргеръ вмѣшивался въ гражданскія права, конституціоннаго государства.

Вотъ причины, по которымъ Англійское законодательство отличается отъ континентальнаго. Въ Англіи всякій митингъ имѣетъ право состояться на условіи простой заявки мѣстной власти. Далѣе, англійское законодательство не проводитъ различія между открытымъ и закрытымъ помѣщеніемъ, гдѣ собираются митинги, поставляя только условіемъ, чтобы не были заграждены улицы, прилегающія дороги; кромѣ того, митингъ не можетъ собираться ближе, какъ въ извѣстномъ разстояніи отъ зданія парламента, когда онъ въ сборѣ, а также и въ извѣстномъ разстояніи отъ королевской резиденціи. Наконецъ, на каждомъ митингѣ обязательно должны присутствовать полицейскіе чиновники со всѣми знаками своего званія, для соблюденія внѣшняго порядка и спокойствія. Въ случаѣ нарушенія его, они обязаны сдѣлать замѣчаніе предсѣдателю, который призываетъ къ порядку всѣ собраніе. Если это не дѣйствуетъ, то коммиссаръ обязанъ прочесть предъ митингомъ такъ называемый Riot-bill (билль о волненіи) короля Георга III, заключающійся въ томъ, что „наши господинъ и король приказываетъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ разойтись по домамъ и возвратиться къ мирнымъ занятіямъ.

сем, по трехкратному прочтению, мирным встанам не расходиться, но дозволяется употребить и военную силу. Последние случаи бывали не редко в Англии в конце прошлого столетия, когда французская революция произвела сильное брожение умов и в Англии; но в наше время этого Riot-bill только номинально существует в Англии.

Континентальное законодательство различает:

1) Собрания, имеющие целью обсуждение вопросов религиозных и политических. Постановления французского законодательства различают réunions politiques и réunions non politiques, но по отношению к французскому законодательству необходимо заметить, что таких есть больше, чем увидим ниже.

Некоторые собрания являются не столько произвольными, сколько необходимыми. Сюда относятся предварительные собрания избирателей для обсуждения кандидатур; собрания эти являются необходимыми, но здесь и они подх общую рубрику réunions politiques, о которых мы сейчас сделаем несколько слов.

И так, французское законодательство различает двоякия собрания: политические и не политические. Последния имеют право собираться без предварительного разрешения в следующей форме: семь лиц, осведомленных в данной местности, должны заявить префекту о сходе, которую они имеют-

рени созвать для обсуждения известныхъ вопросовъ. Предварительно это должно быть сдѣлано не позже, какъ за три дня и въ исполненіи его дается квитанція. Префектъ можетъ приостановить собраніе; министръ по представленію префекта, совершенно не дозволить его. На этихъ собраніяхъ должна присутствовать полицейская власть, для охраненія порядка и спокойствія.

Что касается сходокъ политическихъ, то для нихъ необходимо предварительное разрѣшеніе, которое дается особымъ лицамъ на право собранія сходки. Подъ эту рубрику французское законодательство подводитъ и тѣ собранія, которыя обсуждаютъ кандидатуру. Въ этомъ случаѣ французское законодательство остается еще при законѣ Наполеона, въ которомъ заключалось одно, весьма осторожное постановленіе. Для того, чтобы лучше уяснить себѣ значеніе этихъ избирательныхъ собраній, необходимо припомнить устройство французской палаты; она состоитъ изъ сената въ количествѣ 300 членовъ и палаты депутатовъ. Сенатъ состоитъ изъ пожизненныхъ 75 членовъ, остальные 225 избираются по департаментамъ особыми избирательными коллегіями. Въ составъ ихъ входятъ: 1, депутаты; 2, члены генеральнаго совѣта; 3, члены окружныхъ совѣтовъ; 4, делегаты отъ муниципальныхъ совѣтовъ. Изъ нихъ составляется особое избирательное собраніе, которому предоставляется право собраній для обсужденія вопроса о кандидатурѣ того или другого

лица в сенаторы; собрания продолжалось
<u>вплоть до дня выбора</u>.

Въ иныя условія поставлено избраніе депутатовъ. Палата депутатовъ Французскаго національнаго собранія состоитъ изъ 536 членовъ, избираемыхъ по округамъ (arrondissements) прямого и единичнаго подачей голосовъ. Такъ какъ каждый избираемый долженъ быть выразителемъ общественнаго мнѣнія, то отсюда вытекаетъ необходимость предварительнаго обсужденія способностей его, его политическаго направленія и т. п. Обсужденіе это можетъ имѣть мѣсто только на предварительныхъ совѣщаніяхъ, такъ какъ путемъ печатныхъ воззваній или неодобреній кандидата цѣли не можетъ быть достигнуто. На предварительныя же совѣщанія могутъ явиться и кандидаты, изложатъ свою программу дѣятельности, словомъ, заявятъ себя. До 1868 г. подобныя обсужденія были строго воспрещены; но въ 1868 г. при разсмотрѣніи этого вопроса, дошли до необходимости измѣнить прежнее положеніе дѣлъ и постановлено было слѣдующее:

Предварительныя избирательныя совѣщанія разрѣшаются мѣстными властями въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ не участвовалъ никто кромѣ избирателей округа. Но всѣ эти совѣщанія <u>прекращаются за пять дней до подачи голосовъ</u>, такъ какъ по французскому законодательству эта подача (vote) откры-

лается отъ совѣщанія. Мотивы, которыми руководствовался предложившій этотъ законъ, состояли въ томъ, что будто бы необходимо дать избирателямъ время успокоиться отъ волненій и споровъ, обсудить хладнокровно качества съ самыхъ собою достоинства и недостатки каждаго кандидата и тогда уже приступать къ голосованію. Противъ такого постановленія Наполеона III нельзя было бы возразить ничего, если бы правительство само не употребляло этихъ пяти дней на агитацію избирателей, подкупая ихъ деньгами и мѣрами и обѣщаніями (сие) и сборщика податей, и смотрителя дорогъ, и школьнаго учителя, словомъ, весь персоналъ, которымъ располагало въ данной мѣстности, съ цѣлью устроить избраніе того или другого удобнаго для правительства кандидата. Замѣчательно еще то, что при избраніи на другія должности (членовъ окружнаго, генеральнаго, муниципальнаго совѣтовъ) не допускались совершенно избирательныя совѣщанія, а устанавливалась прямо подача голосовъ (vote) и окончательный выборъ сразу. Это постановленіе особенно поражаетъ, ибо въ сущности при выборахъ на эти мѣстныя должности скорѣе всего можно было бы допустить совѣщанія. Но законъ 1868 г. предполагалъ, что такъ какъ выборы эти совершались часто, то вся Франція постоянно находилась бы въ избирательной лихорадкѣ и не могла воспользоваться агитаціей. Но пра-

вительство и здесь скрыло свою главную цель: департаментская, окружная и муниципальная учреждения рассматривались правительством, как административныя орудія; всякое правительство Франціи хотело имѣть ихъ въ своихъ рукахъ, хотело, чтобы они действовали по указаніямъ свыше. Вследствіе этого удобнее было имѣть дѣло съ тѣми совѣтами, по возможности безгласными, такими, чтобы они не являлись препятствіемъ для центральной администраціи.

Вотъ причины, побудившія правительство Франціи часто ограничить, а часто и вовсе воспретить предварительныя избирательныя совѣщанія. Но эти совѣщанія, воспрещаемыя закономъ, замѣнялись частными собраніями, принявшими во Франціи оригинальную форму, свидѣтельствующую о галлическомъ складѣ ума французовъ Франціи.

Какъ было сказано выше, частныя собранія не подлежатъ предварительному разрѣшенію по закону 1868 г. Но что въ сущности называется частнымъ собраніемъ. Очевидно, собраніе въ частномъ домѣ, въ домѣ, занимаемомъ опредѣленной семьей и куда поименно приглашаются участники собранія. Такимъ образомъ и маленькій совѣщающійся съ частной квартиры есть такое частное помѣщеніе и собраніе въ немъ по приглашенію хозяина, можетъ состояться безпрепятственно. Этимъ именно способомъ и производятъ избирательныя совѣщанія во Франціи. Что касается Бельгіи, Германіи,

Италии, то здесь постановления заключаются в следующем:

1. Всякое собрание, имеющее в виду обсуждение вопросов не политических, собирается на основании простой заявки, делаемой от имени бюро местной полицейской власти. Учащиеся и несовершеннолетние не допускаются.

2. Политические собрания требуют предварительного разрешения. Они могут собираться в закрытых помещениях; для собрания под открытым небом требуется специальное разрешение местной полицейской власти. Каждое из этих собраний должно иметь свое бюро: президента, помощника его, секретарей, словом от 5-7 человек, которые являются ответственными за все происходящее на собрании. Кроме того, должностное, как и всех присутствие полицейского чиновника, имеющего право водворять порядок, или даже совершенно распустить собрание.

Тесно связанное с правом сходок есть право петиций. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы подача петиций была единственным результатом сходок. Весьма часто митинги редактируют петиции, но они не постановления и другие, могущие быть обязательными только для членов сходки (напр. пожертвования и т. п.) Поэтому право петиций, может быть рассматриваемо, как самостоятельное право, в том смысле что оно может и не предшествовать собранию.

Английское законодательство смотрит

на право петиций с либеральной точки зрѣнія, не ставя ему никакихъ преградъ. Петиціи могутъ быть подаваемы всякой власти въ государствѣ: отдѣльнымъ министрамъ, королевѣ, палатамъ или всему парламенту. Если петиція подается цѣлому парламенту, то она носитъ слѣдующее заглавіе: „духовнымъ и свѣтскимъ лордамъ и общинамъ, собраннымъ въ парламентѣ. При палатахъ существуетъ даже особый комитетъ петицій, который разсматриваетъ ихъ и затѣмъ докладываетъ палатѣ, которая постановляетъ резолюцію. Право петицій въ Англіи не ограничено никѣмъ: 1, оно принадлежитъ каждому лицу; 2, коллективная петиція можетъ быть подписана неограниченнымъ числомъ людей. Нерѣдко случалось, что петиціи привозились въ парламентъ на ручной тележкѣ, ибо количество подписей составляло цѣлую кипу бумаги. На континентѣ Европы вопросъ о петиціяхъ поставленъ иначе. Право петицій принадлежитъ каждому лицу въ отдѣльности; оно можетъ подавать ихъ куда угодно и сколько угодно. Но вопросъ о коллективныхъ петиціяхъ и въ этомъ право петицій въ конституціонныхъ законодательствахъ признается только за признанными установленіями – сосѣдъ constitutionnel (магистратскій совѣтъ и т. п.); подъ понятіе это подходятъ, впрочемъ, не одни только установленія, имѣющія административныя цѣли; подъ него могутъ быть

подведены и всем законом признаются общественными учреждениями, как напр. торговая палата, синдикаты, палата депутатов и др. И так континентальное законодательство ограничивает право подачи петиций, точно таким, как поводу оно ограничивает и до известной степени стесняет право собраний и сходок.

Въ вышеизложенномъ мы разсмотрѣли элементы государства съ юридической точки зрѣнія. Но эти элементы могутъ представлять самыя разнообразныя соединенія, могутъ выражаться въ самыя различныя формы. Отъ этого сочетанія и зависитъ то, что мы называемъ формами государственными, формами правленія.

Отдѣлъ III.

Ученіе о формахъ правленія.

Глава первая.

При разсмотрѣніи этого вопроса, необходимо имѣть въ виду ту точку зрѣнія, съ которой разсматриваетъ его государственное право, ибо вопросъ о формахъ правленія можетъ быть разсматриваемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Главнѣйшія суть:

1, Вопросъ о достоинствѣ формъ правленія – вопросъ политическій.

2, Вопросъ о классификаціи этихъ формъ и это именно есть вопросъ государственнаго права, которое имѣетъ въ виду выяснить признаки, различающіе одну форму отъ другой.

Вопрос этот крайне важен, ибо приемы являются весьма разнообразными и неустойчивыми.

Но прежде, чем мы обратимся к классификации форм правления, представимся в кратких словах состояние, в котором этот вопрос находится в данное время в науке.

Эта точка зрения, заключающаяся в отрицании спокойности различных форм правления, играла огромную роль в XVIII ст.; но та постановка вопроса, с которой имели дело люди XVIII в. видоизменилась под влиянием условий, о которых мы скажем ниже.

Если бы мы захотели охарактеризовать настроение, которое господствовало в XVIII ст. по этому вопросу, то мы могли бы сказать, что этот век искал наилучшей формы правления, и это происходило потому, что он вообще был веком идеи преобразований, когда континентальная Европа освобождалась от отживших средневековых форм, от вырождающегося абсолютизма. Весь существующий вопрос: семейные, нравственные, религиозные, были пересмотрены и этим объясняется и искание наилучшей формы общественного быта.

Но искание наилучшей формы правления, пригодного для всякого времени, искание идеального государственного строя немыслимо. И если этот вопрос и это искание при современном состоянии науки представляется очевидным заблуждением; то мы должны

Лит. Пальховск. Коллегия ю. в.

пояснить, почему в XVIII стол., столь-
тіи разумомъ по преимуществу, вопросъ
былъ поставленъ на этой самой почвѣ.
Объяснимъ это въ краткихъ словахъ:

То міросозерцаніе, которымъ жило
XVII ст. покоилось на понятіи абсолютныхъ
идей, такихъ идей, которыя всегда равны
себѣ, безусловно вѣрны и которыя воплощаю-
ся и должны воплотиться въ опытныхъ
учрежденіяхъ, въ совокупности правъ и по-
нятій. Люди XVIII в. стояли на почвѣ чи-
сто раціональной; все, признанное вѣрнымъ
въ понятіяхъ признавалось вѣрнымъ и въ
бытіи, въ жизни. Міросозерцаніе это обна-
руживается прежде всего въ тѣхъ пріемахъ,
которыми философы XVIII ст. старались объ-
яснить положеніе личности въ обществѣ.
Они выдвигали впередъ положеніе что „чело-
вѣкъ свободенъ", которое можетъ быть раз-
матриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ
зрѣнія. Это можетъ означать и то, что
человѣкъ можетъ быть свободенъ и противъ
этого никто не возразитъ. Но если мы ска-
жемъ бы, что всякій „родится и остается
свободнымъ", какъ говоритъ декларація правъ,
то это не будетъ вѣрно. И однако, обра-
щаясь къ знаменитому „Contract social", что
видимъ мы на первомъ планѣ, съ первыхъ
строкъ его: „человѣкъ родится свободнымъ
и долженъ быть такимъ, а онъ въ цѣпяхъ."
И это положеніе совершенно невѣрно. Оглян-
немся назадъ въ исторію древняго міра. Не
только не человѣкъ родился свободнымъ, кото-
рый былъ приносимъ въ жертву языческимъ

богами или сыновьями, как космополитами! Не тот ли родился свободным, который был рабом, вещью в домах своего господина и повелителя, который, эмансипировавшись, сделался из вещи человека — вещью земли? Ни раб Грека, ни колон Римлянина, ни варвар германец не были свободны и не родились таковыми. Можно сказать только, что человечество в конечном идеале своем стремится и стремилось к свободе, но что человек должен быть и родиться свободным — этого не подтверждает история. Теперь нам ясен характер философии XVIII в. Она выставила несколько идеальных требований, но в форме догматической, абсолютной, осуществление которых, необходимое для человеческого общества, она предоставила будущему. В силу именно этого, они моди XVIII в. должны были взглянуть с отрицательной точки зрения не только на прошлое, но и на настоящее, которое казалось им оскорблением их идеалов. Раз философия стала на эту почву, она не могла уже искать совершенствования политических форм на основании существующего, а должна была провозгласить новые основы, на которых должно было устроиться человеческое общество.

Отсюда и возникло искание наилучшей формы правления, которая должна была быть применима ко всем государствам. Философия XVIII в. сыграла свою роль критика; опираясь на свои идеалы, она успела разоблачить устарелость многих их тех

формы, которыя стѣснялы дальнѣйшее развитіе; но сознающія принциповъ она не имѣла; вопросы, поставленные ею, практически были невыполнимы. Вотъ почему она вызвала реакцію въ лицѣ Конта, имѣвшаго такое огромное значеніе для современниковъ и потомства.

Ученіе Конта будетъ разобрано нами постольку, поскольку онъ вносилъ свой вкладъ на методъ изслѣдованія различныхъ общественныхъ типовъ. Для пониманія его воззрѣній необходимо имѣть въ виду главнѣйшія его положенія:

1, Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что необходимо имѣть въ виду, при изслѣдованіи общественныхъ явленій, такіе какъ и всѣхъ другихъ, совокупность <u>постоянныхъ законовъ</u>, управляющихъ всѣми явленіями, какъ вещественнаго, такъ и нравственнаго міра. Это предположеніе постоянныхъ и основныхъ законовъ противополагается взгляду, весьма распространенному въ XVIII ст., взгляду, по которому общественныя учрежденія и формы, представляютъ матеріалъ, имѣющій до безконечности волю законодателя.

Возраженія Конта въ этомъ отношеніи представляются весьма основательными и серьезными. Въ теченіи всего XVIII ст. мы видимъ, что писатели и ученые, занимавшіеся политическими науками, находились какъ бы въ ожиданіи <u>законодателя</u>, который устроитъ бы человѣческія общественныя формы и приведетъ ихъ въ полному благополучію. Съ точки зрѣнія, установленной Контомъ, это вліяніе и воля

законодателя, эта возможность изменить общественные формы по усмотрению одного или нескольких лиц представляются химерой, невозможностью, подобно тому, как невозможно изменить совокупность физиологических процессов или душевных явлений по воле известного лица. Но несмотря на это, роль законодателя и политика нисколько не уменьшается, так не уменьшается роль медика или педагога оттого, что они изучают развитие человеческого организма и в деятельности своей будут применяться к условиям его.

2, Второе положение Конта заключается в том, что все общественные явления не могут быть рассмотрены, как нечто абсолютное, как содержащие безусловные начала, справедливые или несправедливые сами по себе. Все явления общественные относительны и это составляет один из главных пунктов положительной философии Конта. Разберем кратко, в чем заключается эта относительность общественных явлений?

В данном случае здесь разумеется иное, как связь каждого общественного учреждения со всеми другими учреждениями данной эпохи, т.е. эта относительность приводится к тому, что Конт называет солидарностью общественных явлений, общественным согласием (consensus). Обращаясь к этому средневековому государству, государству полицейскому, классическому и др., мы находим всюду, что известная совокупность понятий

выражается во всех сторонах учреждений, начиная с государственной власти и кончая самыми маленькими проявлениями общественной жизни. Таким образом, каждое учреждение должно быть понято и определено не в своей безусловной самостоятельности, а по отношению к другим явлениям и учреждениям данной эпохи. Этот закон носит у Конта название <u>закона соответствия</u>.

Но все же, хотя каждая эпоха общественного развития представляется замкнутою до известной степени, хотя все ее явления находятся в определенной связи, солидарны друг с другом, однако из этого не следует еще, чтобы каждая эпоха представляла нечто безусловно законченное по отношению к прошедшему и будущему.

По отношению к прошедшему связь эта выражается в том, что учреждения рождаются не вдруг, а постепенно, что всякое общественное явление данной эпохи подготовляется предшествующими развитием. Независимо от этого, в каждой данной эпохе являются и такие учреждения, которые дисгармонируют с общественным строем, являются переживанием прошлого. С другой стороны в каждой эпохе существуют явления, дисгармонирующие с общим строем учреждений и понятий, но дающие зачатки чего-то нового, неизвестного, такого, что суждено разложить явления данной эпохи, отодвинуть их на второй план; подготовить новое будущее. Для примера возьмем

ту эпоху средних вѣковъ, когда понятія пришли въ полную гармонію, когда папскій авторитетъ господствовалъ безконтрольно, словомъ, когда средневѣковая міросозерцаніе достигло кульминаціоннаго пункта развѣ не начинаются уже въ это время критическія движенія, религіозныя толки и сомнѣнія, впослѣдствіи развившіяся въ реформацію.

И такъ, въ каждой эпохѣ можно найти черты, подготовляющія будущее и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ современномъ учрежденіи каждой данной эпохи содержатся зачатки будущаго. Законъ этотъ у Конта извѣстенъ подъ именемъ закона <u>преемственности</u>, <u>послѣдовательности</u>, т.е. каждая эпоха подготовлена предшествующими и въ свою очередь подготовляетъ будущее.

Остановливаясь на этихъ пріемахъ изслѣдованія общественныхъ типовъ, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ уже понятіе абсолютности извѣстныхъ общественныхъ формъ. Мы не можемъ говорить, что извѣстный строй общественныхъ учрежденій представляется абсолютно примѣнимымъ на каждомъ мѣстѣ и при всѣхъ условіяхъ. Другими словами, положительная философія заключаетъ въ себѣ отрицаніе абсолютнаго.

Но существуетъ ли въ положительной философіи другое плодотворное начало. Если въ области политическихъ изслѣдованій положеніе начало абсолютнаго, то не проти-

рывают ли нравственные интересы человечества? Положим, что люди XVIII ст., особенно те, которые делали революцию, имели абсолютными принципами, понятиями, не допускавшими компромисса, приличными поводу. Но начала эти были для них известною верою, они шли за них и умирали тысячами. Следовательно в этой области политических отношений были животворящия идеи, были идеалы, заставлявшие людей страдать и бороться за них. Если мы станем на точку зрения положительной философии, не будет ли это крайним, совершенно ложным отношением ко всему окружающему нас?

Нельзя сказать, впрочем, что положительная философия отрицательно относилась ко всем тем началам, на которых были воспитаны опровергаемые ею. Она отрицала абсолютныя начала, но в законах ея содержались другия, более соответствовавшия природе вещей – начало прогресса. Отрицая абсолютность учреждений, она утверждала прогресс. Отрицая безусловную годность известных явлений, мы признали начала прогресса в том смысле, что общественное развитие человечества совершается чрез эпохи в этом, увеличивая тем сумму благосостояния, которую оно имеет. Этим объясняется тот лозунг, который Конт выдвигал постоянно и который он написал на своем гербе: „порядок и прогресс." Лозунг этот нельзя будет при раз-

борьбе его критики предыдущей учений.

Со своим ходячим положительной философии они вступают еще тогда, когда не закончена была борьба старого порядка (ancien régime) с новыми идеями. Его курс положительной философии появился во время Реставрации, при Бурбонах, когда стояли на лицо обе партии - эмигранты, люди старого порядка, окружавшие людовика XVIII и целое поколение людей, воспитанных в идеях революции. Конт относится к тем и другим, как человек, стоящий вне их интересов. Вот как характеризует он их отношения:

Идеи порядка и прогресса, которые должны быть связаны, в современном мире являются представляются не только противоположными, но и враждебными. Это происходит потому, что идея порядка замечательна была главным образом в эпоху теологической, когда человечество определялось мировоззрением, окончившимся свой век, по крайней мере для Франции, в XVIII в. Очевидно, что партия эмигрантов тяжела до революционными идеями, ancien régime представляется для них обетованною землею. Они представляют собою противоположность новому порядку, новым людям, воспитанным на идеях 89 г. по выражению Конта, на „революционной метафизике."

Революционная идея, с исторической точки зрения, была известна и необходима; но она сыграла чисто отрицательную роль, явилась только средством к разрушению ста-

рого порядка; не имея творческой силы, они не могли создать нового. Въ ихъ прогрессѣ, какъ выражается Контъ, не было порядка, между тѣмъ, какъ думаетъ Контъ, каждый порядокъ, не содержащій условій прогресса, гибнетъ, съ другой стороны, каждый прогрессъ, не приводящій къ опредѣленному порядку, остается безплоднымъ.

Вотъ та точка зрѣнія, которую они старались уяснить при изслѣдованіи политическихъ явленій. Другой вопросъ въ какой мѣрѣ примѣнимъ онъ ходъ своихъ къ исторіи человѣчества? Ко 5 и 6 т. представляютъ краткую философію исторіи, но здѣсь онъ весьма слабъ, ибо ему недостаетъ въ значительной степени знакомства съ фактами. Сила его ученія заключается въ установленіи извѣстной позитивистической логики; въ этомъ отношеніи онъ идетъ не превзойденъ и несомнѣнно, что при изслѣдованіи общественныхъ явленій надо держаться на той почвѣ, на которой стоялъ онъ, ибо она одна даетъ возможность научнаго изслѣдованія и научнаго отношенія къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что независимо отъ философіи Конта, она поддерживается другими изслѣдователями въ другихъ областяхъ. Мы можемъ и не соглашаться съ взглядами Конта, но если принять въ расчетъ историческія изслѣдованія послѣдняго времени, то мы увидимъ, на сколько эти взгляды справедливы. Такъ, французская революція долго считалась явленіемъ исключительнымъ; но новѣйшія изслѣдованія, подобно напр. Тэновскому въ его

знаменитом „L'ancien régime et la révolution", указал связь между старым и новым, указал, что революция была только продуктом и завершением старого, а не внезапным нарушением мирного порядка вещей. При более тщательном исследовании оказывается, что мы присутствуем при вымирании старой Франции, что многия учреждения старого порядка, существовавшия до и в до революционный период, давно уже вымерли и не приносили пользы.*) По мере распространения исторического знания, наглядно указывается связь между всеми этапами развития каждого народа, и это ясно свидетельствует в пользу высказанной мысли.

Точно такая изменилась точка зрения и в области наук естественных, установив и распространив теорию развития.

Словом, в какую бы область мы ни заглянули, везде мы видим подтверждение взглядов высказанных человеком, о котором вспомнили только лишь десять после его смерти.

Но если такова точка зрения, с которой должно относиться к общественным учреждениям, то возможна ли оценка различных учреждений, в виду того, что всех они представляют равно известная историческия основания, известныя причины, как явления?

В этом отношении должно различать

---

*) См. Тэн „Origines de la France contemporaine."

два вопроса: если бы мы имели в виду оценку известных общественных учреждений с абсолютной точки зрения, то мы должны были бы дать ответы отрицательные, ибо таких форм отдельный человек и данное общество выработать не могут. Они находят и вырабатывают формы, которые часто не могут считаться годными даже для ближайшего потомства нас.

Но если подобная абсолютная оценка представляется невозможною и по своей постановке не научна, то отсюда не следует еще, что оценка вообще невозможна; напротив, именно благодаря успехам исторической и философской наук, мы устанавливаем более широкие основания для оценки этих форм. Мы говорили об <u>основаниях</u> для этих форм, а не о самых формах. Речь должна идти не о том, чтобы указать, какие формы правления лучше, но об <u>условиях</u>, которые должно иметь в виду при установлении их.

Здесь можно установить строгий масштаб:

1, Ко всем формам правления могут быть предъявлены абсолютные требования, т. е. такие, которым должна удовлетворять всякая форма правления. Они заключаются:

а) <u>в существовании сильной государственной власти</u>, какова бы ни была форма государственного устройства. Если государственная власть устроена так, что она не может действовать, то в стране на-

чивается состояние, противное государственному устройству, состояние разложения (dissolution)

в; Обеспечение личной свободы, вытекающее из самой идеи государства. Мы видели уже выше, что государственной власти предоставляется известное господство, что государственная власть есть установление, предполагающее признание личности и имущественных прав управляемых. Отсутствие этого начала есть признак не государственного характера известных общественных форм. При отсутствии этих условий, господство власти обращается в господство не юридическое, но предполагает политическое уничтожение всех лиц, подчиненных правлению. Тогда устанавливается нечто такое, что предусмотрено было Аристотелем в его „Политике". Он говорит, что в государстве собственно нет ни господ, ни рабов, государственная власть господствует надо людьми свободными и государство слагается из свободных.

Если эти два условия должны быть осуществлены в каждых общественных формах, то отсюда вытекает и третье требование

с) начало законности, т. е. установление твердых норм, которыя определяли бы отношения управляемых к управляющему, что бы они ни были. Нормы эти могут быть в виде писанного закона или в виде обычая; последние даже лучше, и в этом случае нельзя не согласиться с Гоми-

ховным, который говорит, что цель каждого закона – перейти в обычай. Словом, должны существовать известные нормы, которые имели бы обязательную двустороннюю силу – были обязательны для управляющих и управляемых.

Вот три требования, которые должны быть обращены ко всякой государственной форме, какова бы она ни была. Эти требования абсолютны и отсутствие их не оправдывается никакими соображениями.

Затем остается еще некоторый ряд требований, не абсолютных, но относительных, вытекающих из соображений исторических.

Требования эти делятся на два разряда:

1. Каждый общественный тип может быть обсуждаем с точки зрения требований известной эпохи, переживаемой народом. Разъяснить, что разумеется под общими требованиями?

Под именем общих условий разумеется совокупность общих начал, которые выработались кругом культурных народов, к которым принадлежит данный народ. Так при соображениях об общественных учреждениях европейских народов, нельзя принимать в расчет условия, выработанные, напр. Китайцами или народами средней Америки, ибо они не принадлежат к кругу держав, из которых образуется так

называемый международный Европейский союз. Следовательно, имея в виду требования этого, мы разумеем только определенный круг народов, связанных единством культуры. Причины, по которым необходимо сообразоваться с этим, суть не отвлеченные, теоретические, но практические, ибо только при этом условии всякое данное государство может обеспечить свое существование и нормальное, правомерное отношение к другим государствам одного с ним круга. Правилам международных сношений, та доля власти, которую народ имеет на международном совете, заимствует свой уважение, которое внушают к себе его учреждения. Сами они отпечатки, если они являются олицетворением в круг других государств, то это влечет за собою умаление достоинства — capitis diminutio данного государства. К нему относятся тогда с меньшим доверием и уважением, необходимым для того, чтобы оно выступало, как могущественная сила в кругу других государств. Таким образом, каждое государство должно до известной степени воспроизвести в учреждениях своих начала, выработанные кругом народов, к которому оно почти принадлежит. Оно может воспринять эти начала по своему, выразить их в своеобразных формах, но как бы то ни было, они должны быть осуществлены, иначе оно перестанет ли-

рать видную, деятельную и могущественную роль в международных сношениях, а следовательно, и во всей истории.

2. Условия того народа, к которому применяются известные учреждения. Вопрос о национальности в данном случае есть вопрос, о котором много говорили, которым злоупотребляли, но который вместе с тем еще до сих пор не поставлен на научную почву. Положение, что каждое учреждение должно соответствовать национальным особенностям народного характера, представляется безспорным. Но здесь нельзя не обратить внимания на одно важное обстоятельство. В ту эпоху когда был выдвинут вопрос о национальных особенностях (в начале XIX в.), в ту эпоху под именем „народного духа", народных возгрений" представлялось нечто первозданное и незыблемое, нечто, не подлежащее сомнению. Подобно тому, как некогда Декартовская философия говорила о прирожденных идеях, равных себе всегда и во всем, так и теперь возгрения эти были перенесены на умные народы, предполагая, что народы родятся с известными понятиями, что великодержавная анатомическая и физиологическая строя имеют известные нравственные понятия, которые с ними живут и не подлежат перемене.

Если принять эти возгрения за вполне,

то пришлось бы придти к такимъ заключеніямъ: соотвѣтственно особенностямъ каждаго народа, должно быть столько типовъ государствъ, сколько существуетъ народовъ; разница между народами, по этой теоріи, должна быть такая велика, какъ разница между стадными животными и разумными человѣками. Словомъ, нравственный обликъ народа, какъ нѣчто данное отъ природы, нѣчто, съ которымъ народы являются въ свѣтъ, не подлежитъ измѣненію.

Естественно, что подобное воззрѣніе не можетъ быть принято, какъ научное основаніе для изслѣдованія различныхъ типовъ учрежденій. Хотя же историческій опытъ показываетъ, что народы, а слѣдовательно и соотвѣтствующія имъ воззрѣнія, убѣжденія, вѣрованія, не суть постоянныя и неизмѣнныя, но переродаются и видоизмѣняются, какъ каждый отдѣльный организмъ. Процессъ этотъ, конечно, гораздо медленнѣе, но тѣмъ не менѣе, происходитъ неизмѣнно. Обратимся къ историческимъ фактамъ: развѣ средневѣковое общество времени крестовыхъ походовъ было сходно съ обществомъ, окружавшимъ трона Людовика XIV, или это послѣднее съ обществомъ первой революціи? Очевидно, что извѣстныя черты характера, извѣстныя наклонности остаются общими, но сумма постороннихъ вліяній и другихъ причинъ на столько велика, что общество неизмѣнно перерождается.

А. Градовъ

ичъ науки, но принимаетъ еще больше развитія. Мы имѣемъ гораздо больше пріемовъ этого обсужденія теперь, чѣмъ тогда, когда это дѣлалось соотвѣтственно теоретической точкѣ зрѣнія.

Глава II.

Но изслѣдованіе относительной годности различныхъ формъ правленія не есть задача государственнаго права, какъ науки юридической. Задача его есть описаніе отличительныхъ чертъ этихъ формъ, классификація ихъ и здѣсь для науки представляется обширное поле, ибо до сихъ поръ ихъ классификація еще не стоитъ на твердой почвѣ.

Приступая къ этой сторонѣ нашей задачи, мы должны спросить: нѣтъ ли общихъ основаній, по которымъ можно было бы распредѣлить существующія государственныя типы по различнымъ группамъ?

Такія общія основанія могутъ быть, если мы примемъ въ расчетъ общія задачи государственнаго права. Выше мы уже замѣтили, что государственное право имѣетъ въ виду изслѣдованіе субъекта государственной власти и тѣхъ отношеній, въ которыя государственная власть входитъ къ управляемымъ. Эти два вопроса должны быть приняты въ расчетъ при классификаціи формъ

Лит. Музей Ломоносова, М.

правления; необходимо решить, кому в государстве принадлежит права суверенитета и в каких отношениях стоит государственная власть к управляемым.

Должно заметить, что именно эта вторая черта – отношение власти к управляемым, не достаточно обращала на себя внимание исследователей. Пересматривая западную литературу по этому вопросу, нельзя не заметить что почти все исследователи останавливались только на первом вопросе. Вундт, Гамм, Дикерт, Брим, Вульф и др. при классификации форм правления обращали внимание только на вопрос о том, кому принадлежит верховная власть. Если верховная власть принадлежит одному лицу, они говорят о монархии, если нескольким знатным родам – об аристократии, если всем гражданам – о демократии.

На этом не должен останавливаться вопрос, ибо если мы будем останавливаться только на первом признаке, то придется отнести в одну рубрику такие государства, которые с точки зрения второго вопроса имеют мало общего.

Так Швейцария, Американский Штаты и Англия – все это респуб-

лики демократические, и сообразно первому вопросу их надо было бы подвести подъ одну группу. Между тѣмъ съ точки зрѣнія отношенія государственной власти къ отдѣльнымъ лицамъ не имѣютъ между собою ничего общаго. Каждый изъ Швейцарскихъ кантоновъ или Американскихъ штатовъ заключаетъ въ свои основные законы извѣстныя положенія, въ которыхъ обезпечиваетъ личныя права каждаго по отношенію къ цѣлому народу (свобода вѣроисповѣданія, свобода печати, домашняя неприкосновенность, постановленія объ арестахъ и обыскахъ и т.п.) Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ государствомъ, въ которомъ власть по существу своему ограничена. Афинская демократія не представляетъ ничего подобнаго, ибо здѣсь народовластіе является неограниченнымъ. Каждый афинскій гражданинъ или часть гончаго, они присутствуютъ вмѣстѣ на всѣхъ собраніяхъ, получаютъ даже плату за то, что дѣлаетъ на агору, (во время Перикла) можетъ по волѣ своей, безъ суда, подвергнуть остракизму даже лучшихъ гражданъ своихъ (Аристида).

Не будемъ особенно долго говорить о томъ, что и не такая монархія можетъ быть подведена подъ

одинъ типъ, съ точки зрѣнія отношеній власти къ управляемымъ. Между тѣмъ, какъ уже сказано выше, именно на этотъ существенный вопросъ западные публицисты обращали весьма мало вниманія. Только Монтескьё, въ XI книгѣ своего „Esprit des lois" говоритъ: „часто смѣшиваютъ власть народа со свободой народа; здѣсь ее должно, однако, необходимо различать, ибо народъ можетъ имѣть власть и не быть свободнымъ, быть свободнымъ и не имѣть власти." Какъ примѣръ можно привести Англію, гдѣ не провозглашается народовластіе и гдѣ однако отдѣльный членъ государства имѣетъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ гражданинъ Аѳинъ или Рима.

Почему же однако западная литература, имѣющая всѣ данныя для изслѣдованія политическихъ вопросовъ, обращаетъ на эту вторую часть такъ мало вниманія? Быть можетъ это происходитъ потому, что западъ еще не вполнѣ усвоилъ себѣ разницы, которая существуетъ между новымъ міровоззрѣніемъ на этотъ вопросъ и древне-классическимъ, установленнымъ Аристотелемъ, Платономъ и еще ранѣе Солономъ и Геродотомъ. Даже въ послѣднихъ научныхъ трудахъ мы дѣйствительно встрѣчаемся съ древнимъ дуализмомъ,

с некоторыми только добавлениями древней теории, которая имела в виду классификацию форм правления по тому субъекту, в руках которого находилась государственная власть.

Общепринятая классификация Платона и Аристотеля разделила всех форм правлений на монархию, аристократию и демократию. Почему древние мыслители принимали в расчет только этот внешний признак, объясняется довольно просто.

Выше мы уже заметили, что в древних государствах вопрос о личной самостоятельности, о тех сферах личной свободы, которые представляют наибольший интерес для нового времени, не существовал совершенно. Вопрос о веротерпимости не мог иметь места, ибо гражданин государства должен был исповедовать государственную религию, которая неразрывно была связана со всеми государственными учреждениями. Вопрос о свободе труда также не имел значения, ибо труд был делом несвободных людей, рабов, терпимых в государстве, как instrumentum vocale. Признаком гражданина была политическая жизнь и война; он не жил домашнею жизнью и только в исключительных случаях принимался за торговлю. Под домосом имели мы круглый круг

лицу, которым питали его и наполняли государственную казну тьмы средствами, или хотя выдавалось гражданам вознаграждение за участие в народном собрании.

Весьма естественно, что древние мыслители обратили свое внимание только на внешний признак каждой государственной формы, т.е. на вопрос о том, кому принадлежит власть. Что касается до отношений власти к управляемым, то этот вопрос хотя и необходим, но ставили его не столько на юридическую, сколько на нравственную почву.

Аристотель в своей „Политике" принимает тоже тройственное деление, (монархия, аристократия, демократия) но вместо с тем указывает и на оттенки этих государственных форм (одним монархий у него пять). Виды эти характеризуются они не юридическими признаками, а напр. продолжительностью существования монархий, культурными особенностями народов, образовавшими их (различие между монархией Греческой и Восточной, монархией времени героического и позднейшей и т.п.), словом, для них дело идет с исторической, а не юридической характеристикой различных форм правления.

Аристотель выражает мысль, что они не могут быть подведены под одним общий тип и что различие

между этими одинаковыми формами правления является не в юридическом признаке государств, но в том употреблении, которое государственная власть делает из своих прав. Они говорили, что существуют три формы правления и все они правильны, если имеют в виду общественное благо; напротив, если государственная власть становится органом или средством для обеспечения интересов отдельных классов или лиц, то эти формы вырождаются, переходят в неправильные:

Монархия соответствующая вырождающаяся форма – тирания, ибо здесь конечною целью является благо одного только лица.

Аристократия, где правят лучшие люди, соответствующая вырождающаяся форма – олигархия, т.е. когда государственная власть служит только для обогащения малой части небольшого круга лиц.

Демократия представляется Аристотелю лучшею формою правления; но если часть народа, хотя и многочисленная, захватывает в свои руки власть с целью обездоления остальной массы и делается орудием эгоистических целей, то эта лучшая форма правления вырождается в ОХЛОКРАТИЮ господство черни.

И так мы видим, что эти-

теріями для разбора и оценки форм правления является идея общественного блага, идея нравственная, неизменная, иногда. невольно принимаемая даже к этим вопросам, о которых говорил Аристотель. Так, они называли тиранией ту форму правления, в которой все направлено только ко благу одного лица, между тем, как в Греции мы знали этих диктаторов, тиранов, осуществлявших интересы общественного блага. гораздо лучше, чем даже предшествующие и последующие законные правители.

В этом виде вопрос о формах правления перешел и в новое время.

Различия существующих типов государственного устройства по тем категориям, которые были установлены учением Платона и Аристотеля, представляется в высшей степени затруднительными; сами они признавали недостаточность существующей классификации, в особенности для той цели, которая имелась в виду – для определения наилучшей формы правления.

Все политические сочинения древнего мира и всех исследования, которые явились под влиянием классических произведений в новое время, все эти сочинения имели в виду

исследования вопроса о наилучшей форме правления, т. е. хотели решить, которая из трех вышеназванных форм – монархия, аристократия или демократия – наиболее удовлетворяет целям государственного благополучия.

Так и следовало ожидать, вопрос остался нерешенным по той простой причине, что не только в каждой государственной форме существуют недостатки, но кроме того каждая при известных условиях способна к вырождению. Но ни одна из них в отдельности не представляла идеала, но оставался только один путь, по которому и пошли последующие политики древнего мира – путь эклектический, путь сочетания различных форм правления. Ответ на вопрос о том, какая форма правления – наилучшая – выразился в следующем положении: Все формы правления содержат не только элементы недостатка, но и условия вырождения, упадка, гибели; остается только сочетать их в единственную форму правления, в которой были бы элементы аристократической, монархической и демократической форм. На этом останавливался и Платон, но особенно настойчиво говорили об этом Полибий и Цицерон. Полибий, затрогивая этот политический вопрос в своем

историческим трудам, видим идеал государственного устройства в Римском государстве, в котором они усматривали сочетание трех вышеназванных форм правления. Консульская власть представляется им властью монархической, сенат — элементом аристократическим, народное собрание — демократическим. Из этих трех различных элементов составляется то прочное государственное устройство, которым по справедливости может гордиться Рим.

Так же мыслил рассматривать и Цицерон в своей „Республике"; исходя относительно достоинства и недостатков каждой формы, он приходит к тому же заключению и видит идеал государственного устройства в форме Римского государства, несмотря на то, что сам он во время совершившегося упадка республики. Однако, самая смерть Цицерона показывает, что если Римская форма правления представляла счастливое государство, то не многое можно было сказать в пользу его.

Ту же мысль, хотя и в несколько иной форме, можно встретить у Тацита в его „Анналах" (Annales), где говорится, что эту наилучшую форму правления легче провозгласить, чем установить и сохранить. Они

относится к ней, как к утопии, которую почти невозможно осуществить, которая не выдержала пробы времени.

И действительно, если мы возьмем дело с практической стороны, как установить равновесие этих трех элементов, чтобы каждый оставался в своей сфере, ограничивал проявления действия другого и содействовал ровному и правильному ходу дел. Согласен это настолько трудно достижимо, что говорить о смешанной форме правления, как наилучшей – почти невозможно.

Обращаясь к рассмотрению принципов каждой формы, мы увидим, что четвертая, смешанная форма представляется радикально невозможной, ибо государственный суверенитет неделим по самой сущности своей. В каждом государственном элементе, сосредоточивающем в своих руках верховные права. Что другие элементы могут быть также привлекаемы к участию в управлении – это несомненно, но форме не изменяет сущности дела, ибо всегда форма правления определяется тем, кому принадлежит верховная власть.

На это обратил внимание уже известный гений Jean Bodin, который

совершенно отрекается от теории древних мыслителей, несмотря на то, что она поддерживается авторитетными именами. Так Макиавелли, в своем „Рассуждении о первых 10 книгах Тита Ливия", говорит, что существуют три формы правления – монархия, аристократия и демократия; каждая из них способна выродиться и вследствие этого существует как бы постоянный круговорот в истории человечества. Монархия, выродившаяся в тиранию, вызывает оппозицию аристократического класса, который устанавливает новую форму правления – аристократию. Аристократия вырождается в олигархию, вызывая недовольство, из которого рождается власть в свои руки и учреждается демократия. Это последняя вырождается в охлократию, от которой общество вновь ищет спасения в монархии и так до бесконечности. Чтобы дать прочную форму государственного устройства, необходимо сочетать формы правления, составить смешанную, четвертую форму. Он рассматривает это блестящим образом, но и у него четвертая форма остается гадательною, ибо он также смешивает на примере того же Рима. Но надобно забывать, что ими Рим в смысл блестящих времен, то все же

формы его вымерли и выродились въ карикатуры. Но Маккіавели находился подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ и не понималъ, какъ человѣкъ новаго времени можетъ не слѣдовать имъ. Въ предисловіи къ своимъ „Dіsсогѕі", онъ говоритъ: „Въ настоящее время (въ концѣ XV ст.) людямъ кажется много лучше, какъ совокупность правилъ, преподаваемыхъ древними; искусство - подражаніе древнимъ образцамъ, которыя не могли превзойти; наука — повтореніе того, что сказали древніе. И въ политикѣ, слѣдованіе, необходимо должно слѣдовать древнимъ образцамъ.

Маккіавели, такимъ образомъ, является представителемъ духа Возрожденія въ чистомъ и самомъ языческомъ его духѣ. Онъ жилъ въ то время, когда открытіе сокровищъ классической древности такъ обаятельно дѣйствовало на умы, что образованное общество его времени скорѣе было греками и Римлянами, чѣмъ Европейцами.

Маккіавели не предвидѣлъ того отпора, который дастъ духъ въ своемъ „De dignitate et augmentis scientiarum". Онъ говоритъ, что совершенно неправильно называть классическій міръ — древностью, что это есть молодость человѣчества и что настоящій человѣкъ долженъ смотрѣть впередъ, устано-

влияния под влиянием классических образцов.

Точно также в области политики отказывается от древности и Бодэн. Он воспринимает всю классическую древность, но в ней видит новый, думающий по новому человек. Положим, что он жил в ту эпоху, когда Франция окончательно выработала государственную форму и опиралась в монархии; вот почему Бодэн так упорно отвергает четвертую форму правления и защищает монархию.

Вот то положение этого вопроса, в котором оставила его политическая философия XVI в: Вопрос остался не разрешенным. Все четвертая форма правления невозможна, Это ли осталось добиться опыта на то, какая из трех первых будет наилучшею; и вновь человеческий ум пустился в исследование этого, не только трудного, но почти неразрешимого вопроса.

Наконец, под влиянием исторического опыта, явилось одно существенно важное соображение – что характер государственной формы определяется не только тем, в чьих руках находится суверенитет, а отношением, в которых стоит власть к управляемым.

Вопрос этот был выдвинут

ново-европейскою жизнью и главным образом - английскою, которая впоследствии послужила образцом для всех западно-европейских государств, ибо влияние английских учреждений на континентальную Европу было чрезвычайно велико.

Влияние английских учреждений на другия государства западной Европы объясняется не одним духом подражания, но и тем, что английские учреждения выросли на почве тех исторических понятий и традиций, которыя некогда были общею собственностью западной Европы.

Англия более других государств сохранила то-европейския начала, что в ея учреждениях воплотилось, развилось и выразилось то, что жило на континенте Европы в средние века. Английския государственныя учреждения стоят более в средних веках, чем те учреждения, которыя пали, начиная с 1789 г. И до сих пор в Англии мы видим много остатков средних веков; некоторыя учреждения в ней не переносят ни на одно давно-прошедшее время. Рассмотрим же, в чем выражаются эти средневековыя особенности, сохранившияся в Англии. Чем бы нам хотели противопоставить государство Римского времени государству средневековому, то увидим мы, что

средневековое общество отличалось от Римского необыкновенным развитием личности, индивидуального начала, сознания личных прав и стремления обеспечить их, результатом этого явления как бы договорные отношения между управляющими и управляемыми. Весь феодальный строй основан на этом факте, проводящем всех средневековые отношения, всю жизнь того времени: даже Церковь относится к другим как сюзерен к вассалам; богословие, описывая отношения Божества к людям, представляет его как бы верховным сюзереном всех людей. Гораздо ранее, чем Русь заговорила об общественном договоре, идея эта господствовала в Германском обществе, основанном на развалинах Западной Римской империи.

Но ход развития этой идеи был неодинаков в Англии с одной стороны и на континенте Европы с другой.

В Англии развитие этой идеи зависело от того, чтобы начала свободы, обеспечения личности, уважения к праву и т. п. сделать общими началами, принципами общественного права, одинакового для всех граждан и подданных.

На континенте Европы начала личной независимости и свободы,

договорное отношение к государству и церкви крепло чрезвычайно в высших слоях феодального общества, но принимало чисто сословную форму, форму привилегий, на которые эта корпорация смотрела, как на свое исключительное достояние.

Следствием этого мы находим необыкновенную роль в правах и обязанностях: разрыв, в одном и том же государстве, существующих обособленных тела, корпораций дворянства, духовенства, городского сословия; каждая имеет свои особенные права, которыми дорожит, которыя являются исключительными по достоинству, которыми оно не делится с другими сословиями.

Из этих разнообразных элементов, очевидно, не могло образоваться одного национального целого. Вследствие этого, эти принципы личной неприкосновенности и свободы, которые были так крепки в средневековом обществе, не получили политического характера; они были и остались частно-гражданскими привилегиями отдельных сословий, которыя вместо объединения нации вносили только сословную рознь.

Неспособность феодальных сословий к объединению и сплочению повела за собою то, что почти повсюду на континенте установилась королевская

Лит. Назовского. Когданская, 18.

диктатура: весь континент Европы прошел через период просвещенного абсолютизма, который установил известное национальное и государственное единство.

В Англии вышерассмотренные явления не могли иметь места, по той причине, что сословность и сословные привилегии не могли получить здесь такого развития, как на континенте. Стоит только посмотреть, как совершилось завоевание Англии, чтобы убедиться в справедливости вышесказанного.

Когда Вильгельм Завоеватель вступил в обладание Англией, он объявил себя господином всей страны и провозгласил, что вся земля принадлежала ему (terra ma). Это зависело отчасти и от того, что он считал себя законным наследником Эдуарда Исповедника. Отсюда ясно, что вассальство, последовавшее за Вильгельмом, не могло установиться тех подразделений, которые мы видели на континенте. Таким королем, верховным властелином, имевшим дело только с хорошими вышими вассалами и небольшими доменами своими, которые принадлежали ему, как могли бы принадлежать и другому крупному феодалу. Остальная масса населения зависела от него крупными вассалами и непосредственно подчинена

ими, или их вассалами. Король не является здесь государем народа, а лишь повелителем небольшого кружка, ограничивавшим кроме того его власть, признававшим его прерогативы и привилегии только, как почетное преимущество.

Королю Англии никогда не были первыми между равными. Все вассалы получили здесь свои земли непосредственно от короля, обязаны были верностью и повиновением исключительно ему одному.

Кроме того, Нормандцы, находясь господами страны только что завоеванной, должны были стараться упрочить свое положение и сознавали необходимость строгой дисциплины в рядах своих, отсюда - повиновение королю, признание его безграничным диктатором и господином.

Со своей стороны и Англо-Саксонское население тяготило к королю, ибо только в нем находило защиту против своеволия и насилия вассалов. Таким образом, королевская власть в Англии сразу получила исключительную прочность, в особенности при рациональном управлении Вильгельма.

Этим объясняется и тот факт, что во весь Нормандский период (1066-1215) мы имеем дело с сильною королевскою властью и с бюрократи-

чешим способом правления, установившимся в континентальной Европе гораздо позднее.

Отсюда ясно, что ни одно из тех явлений, которые мы видели на Западе Европы, не могло получить здесь такого развития. В Англии не могло явиться такой церкви, такого феодального типа, такой городов, какие мы видели, напр. во Фландрии, в сев. Италии, во Франции, в Испании. Английские города вступают на политическое поприще позднее и даже тогда представляют черты то, более славян и менее развитые.

Это же обстоятельство содействовало и тому, что развитие начал, заключавшихся в феодальном и старом германском учреждении, в Англии получило общенациональное развитие. Из старых средневековых форм Англия выработала новые основания и основания общенациональные.

С внешней стороны, первый Английский парламент, первая попытка представительства не отличалась ничем от Etats Généraux или Landstände континента, ибо король точно также собирал представителей дворянства, духовенства и городов. Но если с внешней стороны эти явления одинаковы, то с внутренней они представляют большую

разницу: самыя задачи политическаго движенія Англіи были иныя, чѣмъ на континентѣ, вслѣдствіе чего оно дало и иные результаты.

Англійскія государственныя учрежденія не сдѣлались чуждыми учрежденіямъ Европы. Напротивъ, когда въ XVIII ст. Вольтеръ, Монтескье и др. писатели открыли, такъ сказать, Англію, то они не только указали на новый типъ государства, сколько возбудили извѣстныя историческія воспоминанія, жившія въ сословіяхъ западной Европы, хотя эта историческая связь и не сознавалась вполнѣ, даже отрицалась.

Въ этой то исторической связи Англійскихъ учрежденій со всей средневѣковой Западной Европой и заключается причина, по которой Англійскія учрежденія могли привиться и появиться на континентѣ Европы.

Первый актъ, съ котораго началась политическая жизнь Англіи въ современномъ смыслѣ слова, была такъ извѣстная Великая Хартія Вольностей (Magna Charta libertatum) 1215 г. изданная въ царствованіи Іоанна Безземельнаго. Она появилась тогда, когда уже два различные элемента Англійскаго населенія болѣе или менѣе слились, когда установился и общенаціональный языкъ, англійскій, тогда какъ завоеватели и завоеванные говорили на различныхъ языкахъ и не

понимали друг друга. Затем, в самом начале мы видим уже некоторое единство. В этом крестовом походе в особенности, оно получило известное гражданское воспитание, корпоративный дух, объединивший всех сих его. В эту же эпоху и города получили известное развитие и значение, словом, тот элемент английского общества, которому суждено было действовать позднее, уже сложился в эту эпоху.

В чем же заключалась задача Великой хартии вольностей? Заключалась ли она в том, чтобы установить с самого начала народное представительство или нет?

Об этом предмете в хартии не встречается ни одного постановления; представительство является в Англии позднее и при других условиях.

Первая задача, которую преследовали бароны, составившие Великую хартию, сводилась к обеспечению личных и имущественных прав английских подданных, к ограничению королевских прерогатив в некоторых отношениях. Так мы встречаемся с постановлением, ограничивающим судебную прерогативу короля относительно производства преследований и арестов. Это постановление гласило

въ Великой Хартіи въ слѣдующихъ терминахъ:

„Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть преслѣдуемъ, заключенъ иначе, какъ по законнымъ стопамъ и приговору себѣ равныхъ."

2) Въ теченіи Нормандскаго періода развилось тягостное право королевскихъ штрафовъ, налагаемыхъ даже внѣ судебнаго порядка. Право это было ограничено Великой Хартіей, въ которой заявлялось, что:

„Никто не можетъ быть оштрафованъ иначе, какъ по мѣрѣ вины и тяжести преступленія."

3) Далѣе мы встрѣчаемся съ ограниченіемъ финансоваго вѣдомства короля, съ ограниченіемъ произвольныхъ поборовъ, которыми любилъ налагать на своихъ вассаловъ Іоаннъ безземельный. Постановленія это выразились въ слѣдующихъ формахъ.

„Король можетъ требовать субсидіи отъ своихъ вассаловъ въ трехъ случаяхъ:

1, при посвященіи въ рыцари старшаго сына;

2, при выдачѣ замужъ старшей дочери

3, при необходимости выкупить короля изъ плѣна.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ субсидіи могутъ быть потребованы не иначе, какъ съ согласія самихъ пла-

тельствах."

В этом заключался зародыш будущего финансового права Англии. Теперь это постановление не имело уже особого значения, ибо корона получала финансовые средства с непосредственных своих угодий - земель, рудников и т. п. доходами с которых покрывались расходы самих. Субсидии в тех временах считались экстраординарными доходами и только впоследствии обратились в обычные. Интересно, что и до сих пор в Англии налоги, хотя и превратившиеся в постоянные источники финансов, считаются необыкновенными доходами; обыкновенными считаются почти не существующие доходы с государственных земель.

4. Далее мы видим обеспечение свободы передвижения. Всем свободным людям должна быть дана возможность беспрепятственно путешествовать в государстве и для торговых дел отправляться даже за море. Постановление это было весьма важно для англичан, имевших преимущественно морскую торговлю.

5. Далее, всем обещано было равное правосудие, в котором никому не должно быть отказано, которое не должно быть продано или замедлено -, nulli vendemus, nulli negabimus aut differemus rectum vel

justitiam" (стр. 40.) Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ постановленій, обезпечивающихъ вольности отдѣльныхъ сословій, аристократіи, церкви и т. п. не имѣющихъ конституціоннаго характера. Собственно значеніе конституціонныхъ статей только тѣхъ статей хартіи, въ которыхъ говорится о „вѣчной свободной сдѣлкѣ" — которыя начинаются словами „nullus liber homo и т. п.

Такимъ образомъ, то начало вольности, которое въ средніе вѣка на континентѣ Европы приняло рядъ сословныхъ спеціально-привилегированныхъ формъ, въ Англіи съ 1215 г. получило извѣстное общенаціональное выраженіе.

Въ видѣ гарантіи къ Великой хартіи добавилось слѣдующее постановленіе, которое показывало, что въ тотъ моментъ Англійская нація находилась на средневѣковой точкѣ зрѣнія. Въ обезпеченіе постановленій Великой хартіи учреждался комитетъ изъ 25 вассаловъ свѣтскихъ и духовныхъ, въ число которыхъ входилъ и лордъ-мэръ города Лондона. Комитетъ долженъ былъ наблюдать за исполненіемъ постановленій великой хартіи; въ случаѣ нарушенія ихъ и безрезультатнаго напоминанія со стороны комитета, онъ могъ пригласить вассаловъ къ восста-

нію; они имѣли тогда право съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ короля, осаждать его замки и овладѣвать ими, но не трогать самаго короля и семейство его. Такимъ образомъ, здѣсь ярко выражается средневѣковой взглядъ на вещи; право возстанія, право вооруженной расправы считается законнымъ. Впрочемъ при дальнѣйшемъ развитіи политической жизни Англіи право это было уничтожено.

Великая хартія вольностей сдѣлалась зародышемъ послѣдующаго развитія Англійскихъ государственныхъ учрежденій. Было бы слишкомъ долго исчислять то, что прибавлено и постановленія Великой Хартіи, ибо тогда пришлось бы слѣдить не только за общими учрежденіями, но и за развитіемъ мѣстнаго самоуправленія и судебнаго порядка. Мѣры эти въ теченіи столѣтій нарастали и прибавлялись безъ всякой внѣшней системы, но съ соблюденіемъ системы внутренней, ибо одна мысль проникала всѣ учрежденія Англіи. Монтескіе былъ правъ, говоря, что Англійскія учрежденія имѣютъ конечною цѣлью обезпеченіе политической свободы; подъ политической же свободой онъ разумѣетъ то спокойствіе духа, которое проистекаетъ изъ увѣренности, что

одному гражданину нечего бояться другого, ибо они подчиняются общему закону. Въ сущности, это можетъ быть названо личной свободой и этимъ действительно Англійское государственное устройство отличается главнымъ образомъ отъ прочихъ.

Укажемъ теперь на некоторые пункты, въ которыхъ выразились эти начала Англійскаго публичнаго права, въ томъ видѣ, какъ они выросли постепенно и исторически.

Послѣ смерти Іоанна Безземельнаго въ 1216 г. мы имѣемъ продолжительное царствованіе Генриха III († 1272 г.), въ теченіи котораго продолжалась борьба за признаніе и утвержденіе Великой Хартіи. Борьба велась съ переменнымъ успѣхомъ. Генрихъ III нѣсколько разъ переходилъ съ престола въ тюрьму и обратно; вообще, не было царствованія, болѣе бѣдственнаго для народа и короля, какъ это. Въ немъ мы встрѣчаемся съ существенной мѣрой, получившей дальнѣйшее развитіе послѣ Генриха III, а именно — съ началами народнаго представительства въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь.

Въ 1265 г. графъ Симонъ Монфоръ (Simon de Montfort) пригласилъ къ участію въ парламентѣ, кромѣ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ — и представителей городскихъ общинъ, —

зародыш будущей Нижней палаты. Они составили одно сословие, общими выступили робко, почти не подавая голоса, сочувствуя с интересами дворянства и духовенства.

После смерти Генриха III, открывается эра Английских представительных учреждений — эпоха Трех Эдуардов — I-го, II-го, III-го, из которых первый и третий действительно сделали много для Англии.

В течение этого времени Английские представительные учреждения укрепились, росли и продолжались до войны Алой и Белой Розы до 1455 г. и этою войною оканчивается период органического роста их. Как известно, война эта продолжалась 30 лет — до 1485 г. и окончилась призванием на престол Генриха VII Тюдора.

Англия, изнуренная после этой войны в страшном внутреннем расстройстве, искала успокоения в сильной и твердой власти, которую и нашла в домe Тюдоров царствовавшем до 1603 г.

Несмотря на то, что Тюдоры были абсолютными королями, что по своим способностям они могли и не встретить сопротивления — старые Английские учреждения остались неприкосновенными. Тюдоры имели великий политический такт (за немно-

чителя Марии) и знали, до какого предела можно идти и какие вопросы не следует затрагивать. Таким образом между королями и представительною властью установилось нѣкоторого рода молчаливое согласіе относительно предѣловъ власти и вольностей, которыми пользовалась Англія.

Съ 1603 г. открывается революціонный періодъ, ближайшею причиною котораго было то, что на престолъ вошла династія Стюартовъ, по характеру, привычкамъ и воспитанію чуждая Англіи; династія эта поставила вопросъ о королевскихъ прерогативахъ слишкомъ рѣшительно и рѣзко, какъ это видно изъ заявленія Іакова I (V), который прямо и опредѣленно выразилъ, что всѣ права парламента и вольности Англійскаго народа суть только добровольныя пожалованія короля и существуютъ до тѣхъ поръ, пока того хочетъ король.

Двѣ оппозиціи, зародившіяся при Елисаветѣ, развились теперь, по царствованіи Іакова I, до сильнѣйшихъ внутреннихъ потрясеній, ибо по своему не особенно храброму характеру онъ болѣе склоненъ и своей правами и привилегіями Англійскаго государственнаго устройства, чѣмъ проводить свои мѣры въ дѣйствіе.

При Карле I, обладавшем характером гораздо более решительным и настойчивым, желавшем во что бы то ни стало провести свой план Английского государственного переустройства, борьба приняла такие размеры, что окончилась междоусобной войной, падением и казнью Карла I и провозглашением республики. Но республика не была в нравах Английской нации, да в сущности ея не было.

Первые годы по смерти Карла I прошли во внутренних распрях, до 1653, когда власть взял знаменитый протектор республики — Оливер Кромвель, правивший с такими ограничениями, какими не пользовался ни один из действительных монархов. После его смерти и недолговременного протектората Ричарда Кромвеля последовала реставрация в лице Карла II, сына Карла I.

Реставрация, впрочем, не означала возвращения старых порядков, существовавших до 1641 г. до созыва Долгого парламента. Напротив, самые существенные преобразования революции остались непоколебленными. Некоторая реакция была неизбежна — и она воспоследовала. Но сам Карл II, по характеру своему, легкомысленному и беспечному, не мог преследовать какой-либо политической программы. Поэтому

партія, поражённая во время революціи, окрѣпла при реставраціи и едва не удалила отъ престола брата Карла – Іакова, явнаго католика, опаснаго для протестантовъ.

Въ царствованіе Іакова I вопросы, волновавшіе во время предшедшаго, вновь подялись, ибо король настоятельно сталъ проводить свои планы и управлять Англіей безконтрольно. Въ три года дѣло дошло до такого положенія, что единственнымъ выходомъ опять явилась необходимая война. Противная королю партія призвала Вильгельма Оранскаго, Іаковъ бѣжалъ и закончилъ собою династію Стюартовъ въ Англіи (1688.)

Съ 1688 по 1832 г. Англія въ дѣйствительности находилась подъ управленіемъ тѣхъ силъ, которыя сдѣлали вторую революцію и держали въ управленіи въ своихъ рукахъ – преимущественно поземельной аристократіи. Парламентская реформа 1832 г. имѣла въ виду дать участіе въ управленіи именно промышленному классу общества, до сихъ поръ, вслѣдствіе неустойчивости представительной системы, не бывшему въ состояніи засѣдать въ парламентѣ.

Іаковъ внѣшній основъ полити-

ческой истории Англии. Из этого ряда событий мы видим, что Английская политическая жизнь развивалась постепенно, не останавливаясь ни пред осуществлением своей цели.

Обращаясь к внутренней истории ея, мы видим, что каждому периоду соответствует новый государственный акт, в котором нельзя не видеть осадка политических событий.

1. К этому Эдуарда I, видимо много воевал и нуждавшегося в деньгах, относится акт 1297, чрезвычайно важный; он носит название статута de Tallagio non concedendo; сущность его заключается в том, что ни одного нового налога не можетъ быть установлено иначе, как с согласия платящих или законных представителей их в парламенте. Таким образом постановления Великой хартии сделали шаг вперед, ибо вопрос о субсидиях играл при выборную роль; помощь требовалась постоянно, в виду возрастающих нужд государства.

2. Развившийся в течение XVII и след. стол. институт присяжных, который в Англии получил более широкое развитие, чем на континенте. Он существует

в двоякой форме: обвинительной или большой жюри (grand jury 23 ч.); она имеет то значение, что самое возбуждение судебного преследования должно происходить по приговору его. То, что на континенте Европы собственно разумеется под судом присяжных, в Англии называется petty jury (12 чл.); ему предоставляется право произнесения приговора о виновности или невиновности обвиняемого. Очевидно, что учреждение это играет и важную политическую роль. В Англии весьма редки случаи когда преступление судится особым порядком; судебная власть в Англии давно получила обширную компетентность и важное политическое значение. Дело подсудно ведомству „королевских судов", а так как в них участвуют присяжные, то это обеспечивает граждан от несправедливости, ограждает личную свободу всякого Англичанина.

3. В области местного самоуправления в течение этого периода между смертью Генриха III и Тюдорами (1272-1485) установился был важный институт местного самоуправления — мировые судьи, „стражи и охранители мира" (custodes et conservatores pacis), окончательно установленный при

Обозр. Госуд. Учреж. Англ. XXII.

Лит. Пазовского-Калинского. 18.

Эдуарда III – 1360 г. Для понимания этого учреждения необходимо оставить в стороне то представление, которое мы обыкновенно соединяем с понятием судьи. Английский мирный судья есть администратор, действующий в судебном порядке и сам подчиненный контролю Вестминстерского суда. Должность эта сосредоточивает в себе функции полицейские, административные и даже вопросы, не подлежащие королевским судам. Уголовные дела мирные судьи обсуждают в четвертных заседаниях (по четвертям года) при участии жюри. Таким образом должность эта, безусловно навязанная, хотя и назначаемая от короля, обыкновенно составляет удел определенного круга лиц – английского дентри, имеющих обеспеченных владельцев. Контроль над действиями их предоставлен суду королевской скамьи (King-bank). На должности мирных судей в течение долгого времени лежало все Английское самоуправление и это обстоятельство сообщило им более устойчивости началами личной свободы, которое проникает все Английские учреждения.

Другие важные акты, обеспечи-

вающие указанное выше начало, относящееся к этой революционной. В это время были изданы:

1. Прошение о правах 1627 г.
2. Habeas corpus act, 1679 г.
3. Билль о правах 1688 г.

Первым по времени из этих актов был акт, известный под именем Прошения о правах (Petition of rights) 1627 г. поданный королю Карлу I по поводу его распоряжений в области финансового управления. Прошение о правах содержит в себе главным образом изложение развития тех начал, которые уже заключал в себе статут de tallagio non concedendo, установивший финансовые отношения Англии.

Приводим содержание этого замечательного акта.

Высокому Величеству короля.

Всеподданнейше представляют своему верховному повелителю, королю — духовные и светские лорды и общины, собранные в парламенте, что: права наши статутом, составленным в царствование короля Эдуарда I, обычно называемым. Statutum de tallagio non concedendo, — объявлено и указано: что никакая подать с земли и домов, или налог на движимую

собственность не должны быть нагружаемы и вымышленными поборами или по наименованиям в этом королевстве без доброй воли и согласия архиепископов, епископов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей государства в этом королевстве; и власть парламента, созванного в двадцать пятом году царствования короля Эдуарда III, объявляет и узаконяет: что с того времени вперед никто не должен быть принуждаем, против воли своей, делать королю какие-либо подобные пособия, потому что такие займы не имеют никакого основания и причины и нарушают гражданскую вольность - и другими законами этого королевства определено, что никто не должен быть обязываем какою-либо повинностью или налогом, наименованием добровольным даром, или каким либо подобным повинностью. Каковыми вышеупомянутыми статутами и другими добрыми законами и статутами этого королевства ваши подданные пользовались такою вольностью: что они не могут быть принуждаемы к уплате какого либо налога, подати, пособия или какой либо подобной повинности, не установленной по общему согласию в парла-

ментъ.

Однако, несмотря на это въ послѣдніе время выдали были различнымъ комиссарамъ во многія графствія грамоты съ инструкціями, во исполненіе которыхъ вашъ народъ былъ собираемъ въ различныхъ мѣстахъ и отъ него требовали уплаты извѣстныхъ денежныхъ суммъ Вашему Величеству; и многіе мужа, вслѣдствіе отказа исполнить это были приводимы къ присягѣ, не оправдываемой законами и статутами этого королевства и были принуждены обязаться (поручительствомъ), что явятся и будутъ отвѣчать предъ вашимъ тайнымъ совѣтомъ и другими властями, а иные за это были заключены въ тюрьмы, арестованы и другими путями обижены и обезпокоены..., въ противность законамъ и исконнымъ вольностямъ этого царства, въ законныхъ статутахъ, называемыхъ — „великая Хартія вольностей" — объявлено и узаконено, что никакой свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ, или заключенъ въ тюрьму.... иначе, какъ по законному суду сограждан своего званія и по законному приговору суда.

И такъ какъ, въ послѣдніе время

многочисленные отряды солдат и матросов были разосланы по разным графствам королевства, а жители принуждены были, против своей воли, принять их в свои дома и допустить их квартирование там в противозаконность законам и обычаю этого королевства, и к великой обиде и беспокойству народа.

И так как, равномерно, властью парламента, в двадцать пятом году царствования короля Эдуарда III, объявлено и граждено: что никто не может быть до совершения суда по формам Великой Хартии и законов страны, наказан лишением жизни или какого-либо члена .... И так как никакой нарушитель закона, каков бы ни был род преступления, не изъят от такого производства суда, как установлено законами и статутами этого вашего королевства, и наказан, наказанием или; однако, не смотря на то, в последнее время, некоторыми грамотами, за большою печатью Вашего Величества, разным лицам были избраны и назначены комиссарами с полномочием и властью: действовать в стране по военным законам против таких солдат, матросов

и других развратных людей, которые вместе с первыми учинили какое либо убийство, грабеж и др. насилия и преступки; .... – надо головными приводить приговор в исполнение и казнить их смертью по военным законам.

Вследствие что некоторые из подданных Вашего Величества были казнены смертью некоторыми из сказанных комиссаров, когда, если бы они замышливали смерть по законам и статутам страны, по этим же самым законам и статутам они могли бы быть и не по каким другим не должны бы быть судимы и казнены.

А также некоторые таких законопреступники, пользуясь этим предлогом для предъявления права неподсудности (обыкновенным судам), избегли наказаний, подобающих им по законам и статутам этого вашего королевства....

Поэтому они покорнейше просят Ваше Высокое Величество: чтобы, отныне вперед, никто не был принуждаем сделать или дать какие-либо: пожертвование, заем, добровольный дар, налог или подобную повинность, или согласится на них без явления

на то общаго согласія парламентскимъ актомъ; и чтобы никто не былъ принуждаемъ къ отвѣту, или къ принятію подобной присяги, или къ явкѣ, или арестованію, или иначе обезпокоенъ по поводу этихъ предметовъ или за отказъ въ нихъ. И чтобы ни одинъ свободный человѣкъ какимъ либо неприличнымъ образомъ не былъ заключенъ въ тюрьму или арестованъ. И чтобы Ваше Величество благоволили вывести всѣхъ сказанныхъ солдатъ и матросовъ, и чтобы вашъ народъ не былъ такъ отягощаемъ на будущее время. И чтобы отнынѣ впредь никакія грамоты подобнаго свойства не были выдаваемы какому либо лицу или лицамъ для поступленія по онымъ, такъ описано выше, чтобы по нимъ самимъ никто изъ подданныхъ Вашего Величества не былъ подвергнутъ разворенію или смертной казни, въ противность законамъ и истинной волности страны.

Обо всемъ этомъ они всепокорнѣйше просятъ Ваше Величество, какъ о своихъ правахъ и волностяхъ, по законамъ и статутамъ этого королевства; - и чтобы Ваше Величество благоволили такимъ объявить, что всѣ приговоры, рѣшенія, дѣйствія

и обвинения, случившиеся по вреду вашего народа, по всем упомянутым до сего предметам, не будут отныне впредь считаться, как законные примеры или глупость. И чтобы Ваше Величество также милостиво благоволили объявить, для большего благоденствия и безопасности вашего народа, королевскую волю и приказание: чтобы, по всем вышеупомянутым предметам, ваши чиновники и министры впредь служили вам по законам и статутам этого королевства, как того требуют честь Вашего Величества и благоденствие этого королевства."

Прошение о правах, представленное королю было утверждено им и обратилось в парламентский статут. Затем, как известно, отношения между королем и парламентом осложнились и с 1629–1640 г. парламент не был созываем. В этом году парламент был созван по поводу внутренних затруднений, но вскоре распущен, причем затруднения не перестали существовать. В 1641 г. был созван вновь парламент известный в истории под именем „Долгого"; с открытием его началась междоусобная война, закончившаяся революцией 1649 года и весь этот период с 1649 по 1660 г. не

оставить в Англии прочных установлений.

Въ сущности, республика и революція не были согласны съ монархическими и парламентарными воззрѣніями Англійской націи. Республиканское устройство до такой степени шло въ разрѣзъ съ установившимися обычаями Англіи, что вскорѣ сдѣлалось совершенно ясно, что республика не будетъ въ состояніи держаться долго. Послѣ смерти протектора О. Кромвеля и во время недолгаго протектората сына его — Ричарда, несостоятельность политическаго устройства дошла до крайней степени и вызвала въ 1660 г. возстановленіе монархіи въ лицѣ Карла II Стюарта.

Съ реставраціей, впрочемъ, не уничтожились пріобрѣтенія. Напротивъ, царствованіе Карла II представляетъ не только компромиссъ между республикой и монархіей, но и время провѣдѣнія новыхъ конституціонныхъ актовъ. Сюда относится извѣстный Habeas corpus act 1679 г. актъ о лучшемъ обезпеченіи личныхъ правъ подданныхъ и о предохраненіи отъ произвольныхъ арестовъ. Въ силу этого акта, всякое лицо, заключенное безъ достаточныхъ основаній и письменнаго приказа объ надлежащей власти имѣетъ право

жалобы в судъ, который обязанъ издать rights of Habeas corpus — постановленіе объ арестѣ.

Акты этого относятся уже къ послѣднимъ годамъ царствованія Карла II, умершаго въ 1685 г. Эти послѣдніе годы были наполнены раздорами парламентской жизни, такъ какъ по случаю преклонныхъ лѣтъ короля и его бездѣтности возникъ вопросъ о томъ, что будетъ по наслѣдникѣ. Законнымъ наслѣдникомъ былъ Яковъ II Стюартъ, но, какъ явный и ревностный католикъ, онъ не предвѣщалъ особенно хорошаго королевства. Парламентъ протестовалъ открытіемъ его отъ наслѣдства, ибо онъ, какъ католикъ, не могъ быть главою установленной Англиканской церкви, а это главенство, какъ извѣстно, было неразрывно совмѣщаемо съ королевскимъ достоинствомъ.

Въ сущности, это было справедливо, но если мы примемъ въ расчетъ, что въ Англіи церковь является не только духовнымъ, но и политическимъ учрежденіемъ, что съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что главою ея могъ быть и не исповѣдующій установленія вѣроученія. На этой то почвѣ впослѣдствіи партія Тори-

побила партию Вигов (в данное время носившая еще имя Республиканцев).

Царствование Якова II, вступившего не на престол и поддерживаемого могущественной партией Ториев, закончилось в третьем году, так как вопрос был поставлен чрезвычайно. Действительно, король и его администрация нарушали не только церковные интересы, но и вообще все те акты, которыми утверждены были конституционные привилегии парламента и вольности всего Английского народа.

В промежуток времени от оставления Яковом II Англии до вступления Вильгельма Оранского в Лондоне собрался конвент. Конвент был в сущности тем же парламентом, но только не носил этого имени, ибо не был созван королем. Народное представительство было лишено своего главы, того, кого английские юристы называют „сарет, principium et finis parlamenti" — глава, принцип и конец парламента.

Одним из актов этого конвента был Билль о правах 1688 г., которым подтверждались парламентские права и вольности, выра-

дополнить всю предшествовавшую статью и определить новыя постановленія.

Было объявлено:

1е что притязаніе приостанавливать дѣйствіе и исполненіе законовъ королевскою властью безъ согласія парламента — незаконно.

2е что притязаніе на право разрѣшать королевскою властью отъ дѣйствія по законамъ и исполненія законовъ, такъ какъ оно въ послѣдніе время, было присвоено и выражено — незаконно.

3е что грамота, которою учреждалась высшая палата комиссаровъ для духовныхъ дѣлъ, и всѣ другія грамоты и палаты въ подобномъ родѣ — незаконны и вредны.

4е что сборъ доходовъ для короны или для расходовъ короны королевскою властью, въ теченіе болѣе долгаго срока или инымъ образомъ противозаконнымъ парламентомъ въ настоящемъ или будущемъ — незаконенъ.

5е Что подавать королю челобитныя есть право подданныхъ и всѣ аресты или судебныя преслѣдованія за таковыя челобитныя — незаконны.

6е Что содержаніе или наборъ постоянныхъ войскъ въ предѣлахъ королевства въ мирное время, буде

ными согласия парламента – противозаконны.

7е Что подданные – протестанты могут держать для своей защиты оружие, какое найдут для себя удобнейшим и как дозволено законом.

8е Что выборы членов парламента должны быть свободны.

9е Что свобода слова, обсуждения и действия в парламенте не подлежит обвинению или не привлекается в какой либо судной палате или иным каким – вне парламента.

10е Что чрезмерное поручительство не должно требоваться, ниже налагаться чрезмерные денежные пени, ни истязательные и необыкновенные наказания не должны быть делаемы.

11е Что присяжные должны быть законным образом законно в списки и вписываемы (шерифами), а присяжные, которые произносят приговор о виновности подсудимых, обвиненных в государственной измене, должны быть свободны.

12е Что всякий дар денежной пени или конфискованного имения*)

---

*) Пени выплачиваются в пользу короны; конфискация делается также в пользу короны.

или обещания дара, до произнесения обвинительного приговора надъ лицами, которыя такимъ подвергаются — наказанію и недѣйствительны.

13е И что для удовлетворенія всѣхъ жалобъ и для исправленія, укрѣпленія и сохраненія законовъ парламентъ долженъ быть созываемы почасту.

Хотя этимъ постановленіемъ ограничивается тѣмъ, что короли Англійскіе должны исповѣдовать англиканскую вѣру, такъ что если самъ король исповѣдуетъ папистскую вѣру или женится на католичкѣ, то этимъ самымъ они уже теряютъ право на корону. Постановленія Билля о правахъ, въ сущности не были новыми; онѣ опирались въ немъ на статуты и постановленія прежнихъ королей, такъ что здѣсь сдѣлана была сводъ того, что существовало прежде, что сливалось природнымъ, историческимъ законнымъ правомъ Англійской націи. Въ 1789 году Билль о правахъ подписанъ былъ королемъ.

Когда, по случаю бездѣтности Вильгельма и Маріи нужно было сдѣлать новыя постановленія о преемственности, подписанъ былъ извѣстный актъ объ Устроеніи (Act of settlement).

Этимъ въ сущности и закан-

вполне основы, на которых зиждется публичное право Англии. Далее будет идти речь о развитии подробностей и частностей в английской истории. Мэйн справедливо говорит, что нынешняя английская конституция относится к тому, что было 500 лет тому назад, так дерево относится к росту. Видоизменилось отношение общественных классов; понизилось значение одного элемента и возвысилось значение другого, но ни по форме государственного устройства не видоизменялся, а только крепли и совершенствовались.

Такова преемственность, составляющая предмет подражания для Западной Европы. Легко заметить, что центр тяжести лишь отчасти не в том, в каких руках сосредоточена верховная власть, а в совокупности отношений, в которых власть стоит к управляемым.

Эти принципы конституционализма воспринимать, хотя в несколько иных формах, и в Америке. И здесь признается существование двух палат; сенат американский есть тоже, что палата депутатов и хотя члены его избираются иным порядком и на более долгий срок, но сущность остается та же. И так или иначе принимая

въ расчетъ кругъ Западно Европейскихъ и Американскихъ народовъ, то при классификаціи формъ правленія будемъ имѣть въ виду:

1, съ точки зрѣнія субъекта государственной власти — три формы правленія: монархію, аристократію и демократію и

2, со стороны отношеній, которыя существуютъ между управляющими и управляемыми — различіе между государствами конституціонными и не конституціонными.

Обращаясь къ классификаціи формъ правленія по субъекту государственной власти, необходимо сдѣлать одно существенное замѣчаніе, а именно, что аристократическая форма правленія можетъ остаться здѣсь только съ теоретической и исторической точки зрѣнія, т. е. аристократическія государства были и могутъ существовать, но съ практической точки зрѣнія невозможно указать въ данное время на форму правленія, которая была бы аристократической. Хотя и говорятъ, что Англійская форма правленія есть замаскированная аристократія и хотя дѣйствительно здѣсь аристократическій элементъ является преобладающимъ, но не можетъ быть и рѣчи о томъ, какъ напр. въ Венеціи: Англійскій

Архивъ Казанскаго Университета. 18.

король вовсе не является пережитком, бессильного и политически ничтожного единицею, какою был Венецианский дожь; ни юридически, ни фактически не находится он в этом положении и Англія по прежнему остается монархіей.

Аристократическія республики древняго міра и средних вѣковъ не пережили переворота, происшедшаго въ Европѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Два факта содѣйствовали этому:

1, Чувство гражданскаго равенства. Такъ какъ аристократическое правленіе предполагаетъ существованіе наслѣдственно - привилегированнаго класса, по праву рожденія пользующагося привилегіями и исключительно отъ всѣхъ остальное населеніе, то съ чувствомъ гражданскаго равенства эта наслѣдственность несогласна и для аристократическаго правленія тамъ не существуетъ законной почвы.

2. Громадный объемъ современныхъ государствъ, требующихъ для ведения своихъ политическихъ дѣлъ сильной центральной власти. Между тѣмъ аристократическая форма правленія болѣе, чѣмъ какая либо другая предполагаетъ существованіе сравнительно небольшихъ государствъ и примѣнима начала этой формы

правления к огромнымъ современнымъ государствамъ совершенно невозможно. Въ большихъ государствахъ исполнительная власть должна быть сосредоточена (для ведения политическихъ дѣлъ) и въ этомъ смыслѣ этой исполнительной власти всѣ государства являются какъ бы монархіями.

И такъ, вышу – гражданское равенство, наверху – полное единовластіе, необходимое для ведения политическихъ дѣлъ, исключаютъ возможность аристократической формы правления въ данное время.

Следовательно, при разборѣ разныхъ формъ правления мы будемъ имѣть въ виду только двѣ формы: монархію и демократію, причемъ онѣ разпадаются на:

1, а) Монархію ограниченную
   в) Монархію конституціонную.
2, а) Демократію непосредственную.
   в) Демократію представительную.

Вотъ это суть государства, имѣющія политическую централизацію. Но существуютъ государства, не имѣющія такой централизаціи, а являющіяся сложными, а именно федераціи и другія формы сложнаго государства, которыя будутъ разсмотрѣны особо.

Разбору нашему такимъ образомъ подлежатъ:

1, Основныя черты монархіи ограни-

ченной,

2. Основныя черты монархіи конституціонной,
3. Основныя черты демократіи непосредственной,
4. Основныя черты демократіи представительной
5. Указаніе на главнѣйшія черты сложныхъ государствъ, которыя представляютъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. Государства могутъ быть соединены подъ личнымъ главенствомъ монарха и имѣть лишь нѣкоторыя общія учрежденія: напр. Австро-Венгрія, Швеція и Норвегія.

2. Государства сложныя, между которыми должно различать два типа:

а) Конфедерацію, государственный союзъ (Staatenbund)

в) Сложное государство (Bundesstaat), какъ напр. Сѣверо-Американскіе Штаты, Мексика, Германія.

Монархія Неограниченная.

Основныя черты неограниченной монархіи состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Власть учредительная въ полномъ ея объемѣ принадлежитъ одному лицу, монарху, волѣ котораго не ограничена совокупностью основныхъ законовъ, поставленныхъ выше законодательной власти въ монархіяхъ конституціонныхъ. Въ монархіи неограниченной, всѣ законы одинаково и въ одинаковомъ порядкѣ исходятъ отъ монарха и имѣютъ одинаковую юри-

фическую силу. Слѣдовательно разница между законами основными и обыкновенными, столь существенная въ монархіяхъ конституціонныхъ, не имѣетъ юридическаго значенія въ монархіяхъ неограниченныхъ. Правда, и въ неограниченныхъ монархіяхъ, нѣкоторое число общихъ юридическихъ положеній можетъ быть выдѣлено изъ общаго законодательнаго матеріала подъ именемъ законовъ основныхъ. Таковы основные законы русской имперіи, помѣщенные въ 1-ой части перваго тома свода законовъ. Содержащіяся здѣсь опредѣленія касаются важнѣйшихъ вопросовъ нашего государственнаго устройства: правъ и преимуществъ верховной власти, порядка преемственности, правительствъ и опекъ, учреждаемыхъ на случай малолѣтства императора, коронаціи и миропомазанія, господствующей вѣры и отношеній церкви къ верховной власти, порядка изданія и дѣйствія законовъ, учрежденія императорской фамиліи. По важности предметовъ, опредѣляемыхъ этими законами не имѣетъ порядка изданія и утвержденія ихъ, сравнительно съ законами обыкновенными. Въ нашихъ основныхъ законахъ имѣетъ два положенія признаются безусловно обязательными: 1-е Императоръ и императрица, престолонаслѣдующія, при вступленіи на-

ный и миропомазаніи, обязуются свято наблюдать законы о наслѣдіи престола" (ст. 17) и „императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной (ст. 41).

II Законодательная власть во всей ея полнотѣ сосредоточена въ рукахъ монарха, а именно ему одному принадлежитъ: 1е право инициативы (почина) законовъ, 2е право опредѣленія ихъ содержанія и 3е право ихъ утвержденія. Этихъ правъ монархъ не раздѣляетъ ни съ какими учрежденіями.

Въ конституціонныхъ монархіяхъ правъ инициативы раздѣляются обыкновенно между монархомъ и палатами, т. е. законодательные вопросы могутъ быть возбуждены какъ отъ имени правительства, такъ и отдѣльными членами палатъ. Въ монархіяхъ ограниченныхъ правительственнымъ учрежденіемъ принадлежитъ право представлять о необходимости изданія новаго закона или отмѣны стараго, а обществомъ установленіемъ (въ различной степени) право ходатайства по тѣмъ же предметамъ. Но разрѣшеніе разсмотрѣть всѣ предположенія въ законодательномъ порядкѣ дается монархомъ, который, такимъ образомъ, одинъ имѣетъ право иниціа-

тивы в собственномъ смыслѣ.

Опредѣленіе содержанія будущаго закона также всецѣло принадлежитъ неограниченному монарху. Въ монархіи конституціонной содержаніе закона опредѣляется по соглашенію между правительствомъ и палатами это соглашеніе необходимо для всякаго закона. Въ монархіи неограниченной монархъ выслушиваетъ относительно содержанія закона мнѣнія опредѣленныхъ установленій, но эти установленія (какъ напримѣръ, государственный совѣтъ въ Россіи) суть установленія совѣщательныя, постановленія которыхъ не имѣютъ рѣшающаго значенія. Монархъ можетъ принять высказанныя мнѣнія, можетъ не принять его, можетъ, наконецъ, издать законъ непосредственно отъ себя.

Утвержденіе закона (санкція) всецѣло принадлежитъ монарху какъ въ неограниченной, такъ и въ конституціонной монархіи. Санкція есть актъ Верховной Власти, сообщающій законопроекту силу закона, т. е. въ юридическую и обязательную норму. Только утвержденіе монархомъ закона можетъ быть приведено въ дѣйствіе, т. е. обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и предписано къ руководству.

III. Въ монархіи есть единственный источникъ законовъ; ими могутъ издаваться одинаково какъ законы

основные, так и обыкновенные, то как относятся они к тем издаваемым законам? Ответом на этот вопрос служит различие между монархией неограниченной, как юридически верной формой государства, и монархией произвольной или деспотией.

Ответ на этот вопрос можно найти, например, в 47 ст. основных законов, где сказано: „империя Российская управляется на твердом основании положительных законов, уставов и учреждений, от самодержавной власти исходящих."

Под выражением „управляется" разумеются все исполнительные действия, от кого бы они не исходили. Следовательно монарх, как глава исполнительной власти, управляет по закону, который имеет, следовательно, двусторонне обязательную силу.

Монарх может издавать законы; но пока законы существуют и не отменены установленным порядком, он поступает по закону действующему. Следовательно закон является общим правилом, определяющим взаимные отношения власти и подданных. Им гарантируются права первой и обязанности вторых. Подобно всем законам и законы неограниченной монархии

действуют только на будущее время и не имеют обратной силы. Существующий закон является либо дозволительною и недозволительною, границею прав и обязанностей как органы власти, так и подданных. У органов власти нет таковых прав, как у граждан нет таковых обязанностей.

При общности норм, определяющих отношения власти к подданным и их двусторонней обязательной силе, является возможным признать и определить известные общие права частных лиц. Мы видели выше что признание этих прав является существенным признаком государства правомерного, отличающим его от государства произвольного. Относительно объема этих прав должно заметить, что в монархии неограниченной признаются и обеспечиваются главным образом права частные, необходимые для осуществления личных интересов граждан в области семейных и частно-имущественных отношений. Личная свобода и собственность, являющиеся необходимыми условиями частно-гражданских отношений, признаются в неограниченной монархии не только в пределах таковых отношений частных лиц, но и частных лиц к государству. Так имущес-

вными права каждаго защищаются и против государства, как самих, общими средствами гражданскаго иска. Вообще и в неограниченной монархии признается тот общий принцип, что подданный не может быть лишен приобретенных им прав без законнаго основания и без соблюдения форм, предписанных законом. Так 9 ст. IX тома нашего свода законов гласит, что никто не может быть лишен прав состояния или ограничен в сих правах, как по суду за преступление.

IV. Принцип, в силу которого неограниченная монархия должна быть управляема по законам, предполагает, для осуществления своего, существование подзаконных властей, коим поручено исполнение законов и уставов гражданским законом.

Это в свою очередь предполагает, что верховная власть не осуществляет непосредственно всех прав государственной власти и, в видах общественной законности, не должна их осуществлять.

V. Вследствіе невозможности функцій власти въ руки власти подчиненныхъ, дѣлятъ и разграниченіе всей области управленія на двѣ сферы: сферу управленія верховнаго и сферу управленія подчиненнаго.

Въ сферѣ управленія верховнаго монарха дѣйствуетъ непосредственно, выражая свою волю или по выслушаніи мнѣній состоящихъ при немъ совѣщательныхъ учрежденій или по выслушаніи докладовъ отъ тайныхъ совѣтниковъ короны (министровъ).

Совокупность предметовъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію монарха и потому относящихся къ сферѣ управленія верховнаго, распадается на три группы: предметы перваго рода по важности своей или по ихъ свойствамъ находятся въ связи съ законодательными вопросами, во второй группѣ относятся дѣла высшаго исполнительнаго порядка; къ третьей — дѣла по отправленію правосудія.

Первую группу составляютъ: дѣла внѣшнія (объявленіе войны, заключеніе мира, договоровъ, назначеніе и пріемъ дипломатическихъ агентовъ и т. д.); назначеніе на подсудимыхъ податей и повинностей; утвержденіе общегосударственнаго бюджета; отчужденіе частной собственности на общественное употребленіе (экспропріація)

и государственным имуществом в частные руки; помилований привилегий и почетных отличий.

Вторую группу составляют дела по направлению действий всех административных органов и принятию общих исполнительных мер, по сколько они превышают компетенцию подчиненных властей. Сюда относятся: 1) указания образа исполнения законов или решений по спорам; 2) утверждение общих правил, издаваемых в развитие существующих законов; 3) принятие чрезвычайных мер в исключительных случаях; назначение мер на высшие административные и судебные должности; утверждение административных взысканий, налагаемых на высшие разряды служащих.

К третьей группе относится право помилования и смягчения приговоров определенных судами.

VI. Управление подчиненное состоит в применении общих законов к отдельным случаям и в осуществлении этой, указанных законами. Поэтому существенными признаками подчиненных и подзаконных учреждений являются:

1. Определенный круг ведомства (компетенция) т. е. совокупность однородных предметов ведения управления известного установления.

Распределение предметов управления между разными установлениями ведет к разделению родов отправления (финансовым, полицейским, судебным, военным и т.д.) и дает каждому из них исключительное право вершить предоставленное ему дело и требовать невмешательства других установлений в его вопросы.

2. Определенная степень власти, необходимая для отправления дел в пределах известной компетенции. Учреждения управления вершат и имеют самостоятельной власти для решения дел, ибо они являются совещательными учреждениями при монархе. Напротив, установления подчиненные, как судебные, так и административные, имеют право, каждое в пределах своей компетенции, постановлять решения, обязательные для управляемых.

По разделению в степени власти, подчиненные учреждения представляют известную инстанцию, из коих каждая отличается объемом дел, по коим она может постановлять окончательные решения и определения (иерархическая компетенция). На этом основано деление подчиненных учреждений на высшие, средние и низшие (учреждения уездные, губернские и центральные в России).

3. Предоставление каждому учреждению в отдельности его компетенции самостоятельности действий, влечет за собою, в видах общественной пользы и прав частных лиц, необходимость установления условий ответственности должностных лиц, средств государственного надзора за их деятельностью и способов защиты частных прав от незаконных и неправильных действий властей путем жалоб и исков.

4. Отсюда следует, что вся совокупность подчиненных властей в неограниченной монархии образует как бы особый и самостоятельный организм отдельную систему, которая заключается одним высшим учреждением, в руках которого сосредоточены в последней инстанции: а) наблюдение за точным и повсеместным исполнением законов; б) истолкование смысла законов на случай спорного их понимания подчиненными лицами; в) отмена неправильных распоряжений подчиненных властей; г) привлечение к судебной ответственности лиц, неисполняющих законные свои обязанности и наложение на них штрафов в дисциплинарном порядке; д) разрешение пререканий между разными ведомствами; е) рассмотрение жалоб на действия высших властей.

Таким учреждением в России является Сенат, который определяется полным законодательством, как „верховное место, которому в гражданском порядке суд, управление и исполнение подчинены всех сообществ места и установлений в империи, кроме тех, кои особенным законом имеют от сей зависимости (министерство Императорского Двора, Опекунский совет, собственная Е. И. В. канцелярия и т. д.)

Надзор Сената подлежащих следовательно и действия министров, поскольку последние являются органом управления подчиненного, т.е. действуют самостоятельно в круге предоставленном законом или приказом. Но министры не подчинены Сенату поскольку они являются непосредственными органами императорской власти и ответствуют непосредственно пред него.

VII. Подчиненные власти в ограниченной монархии не должны быть организованы непременно на началах приказном, т.е. другими словами местные отрасли подчиненного управления, в известных его местностях, могут быть выборными органами самоуправления, составленными из лиц, выборными органами местного населения. Таковыми являются местные учреждения в России.

Начало самоуправления применено здесь в следующих отношениях:

1. В области судебной разбирательство дел гражданских (до 500 р.) и уголовных (влекущих за собою наказания не свыше 1 г. тюремного заключения) предоставлено выборным мировым судьям; для суждения дел по общим преступлениям в составе окружных судов (а по иным делам и судебных палат) введены присяжные заседатели; разбирательство маловажных гражданских исков между крестьянами и суждение о маловажных проступках, совершаемых крестьянами, поручено выборным волостным судам.

2. По части административной дело общественного призрения, народное продовольствие, здравие и образование, дело по раскладке повинностей, и части дорожной, почтовой и иных других, в большей или меньшей степени переданы учреждениям всесословным (земским и общим городским) или сословным (крестьянским и особым городским).

3. По части полицейской — некоторая доля полицейской власти вверена сельскому выборному начальству — волостным старшинам и сельским старостам.

4. Наконец от этих государственных функций, местным обществам предоставлено право осуществлять

ми собственных интересов. Земския общества, города, уезда и губернии земства признаны юридическими лицами, имеющими право приобретать, владеть, распоряжаться и завещивать своими имуществами чрез свои выборныя установления.

Таким образом система местного самоуправления, предполагающая признание известных общественных прав и образование местных союзов или корпораций, совместимо с началами неограниченной монархии.

Англ. Государственное право Гл. 18

Монархия конституционная.

Основныя черты конституционной монархии заключаются в следующем:

1. Главою государства признается наследственный монарх. Он является главою государства в том смысле, что поставлен во главе всех учреждений. Представительныя учреждения не могут функционировать иначе, как с согласия монарха, следовательно лишь то народное собрание признается законным, которое было собрано по предложению монарха. В некоторых чрезвычайных случаях допускается отступление от этого правила. Так в Англии были два случая, когда палаты собирались без созвания короля: в 1660 г., когда парламент собрался для реставрации Карла II и в 1688 г. после бегства

Якова II для избрания на престол Вильгельма и Марии. Во втором случае избрание называлось конвентом.

2) Кроме права созыва парламента королю принадлежит право отсрочки и пророгации парламента. Отсрочка есть лишь перерыв сессии, она отделяет одну сессию от другой. Под сессией следует понимать следующее: каждый парламент собирается на определенный срок называемый сессией. Последнюю надо отличать от того периода, на который вообще избираются члены палаты.

Так в Англии депутаты полномочия сохраняют свою силу в течение 7 лет; во Франции 4 г. лет, в других государствах в течение 5 ти лет и т. д. Это период самого существования данной палаты и парламента. Сессией же называется тот срок, который заседают палаты в течение каждого года; они обыкновенно длятся 2, 3 месяцами.

3. Королю принадлежит право роспуска парламента. Роспуск должно отличать от пророгации или отсрочки. Роспуск есть смерть парламента. Распуская палаты, король своею властью прекращает депутатские полномочия и назначает новые выборы.

4. Королю принадлежит право

санкция закона. Королевская санкция обращает законопроект в закон. Право санкции является в двух видах: 1) в смысле права короля по внутреннему своему убеждению утверждать или не утверждать законопроект, т. е. в форме так наз. безусловного veto (veto absolutum), при чем король обязан принять или отвергнуть весь законопроект во всех, а потому и вторичное рассмотрение отвергнутого законопроекта в палате сопряжено с продолжением всей процедуры с начала. 2. Право санкции встречается и в тех конституциях, где королевское утверждение не имеет абсолютного характера (Норвегия). На основании этих конституций королю предоставляется право, так называемое задерживающее veto (veto suspensivum), которое не имеет таких безусловных последствий для законопроекта, как veto абсолютное и является скорее признаком республиканской формы правления, а не конституционной монархии. В Сев.-Американских Штатах например законопроект отвергнутый президентом посредством суспензивного veto вносится или на вторичное рассмотрение конгресса и здесь безусловно проводится при большинстве $^2/_3$ голосов. Для утверждения

закона в этом случае не требуется согласия между главой государства и палатами. Последний случай, когда монархическая власть в Англии воспользовалась этим своим правом это, относится к 1707 г. в царствование королевы Анны. С тех пор в Англии не было примера, чтобы король воспользовался формулой не утверждения билей: le roi s'avisera (король подумает, формула утверждения — le roi le veut). Это объясняется тем, что весьма редко билли вносятся отдельными депутатами, а обыкновенно вносятся их министрами с согласия короля. Таким образом хотя король фактически имеет право отвергнуть билль, но этим самым он впадает в противоречие с собой, так как дал согласие министру.

1. Как глава исполнительной власти королю принадлежат все полномочия, право назначения и отставки министров.

2. Ему принадлежит право назначения судей.

3. Право помилования и сокращения наказаний и многие другие права.

Следовательно эти прерогативы главы государства соответствуют таковым же в ограниченной монархии. Но конституционная монархия имеет естественно свои ограничения

черты; сюда относятся: 1) тот случай, когда король должен вступать в соглашение с другими факторами государственной жизни: а) с судебною властью, так как королю принадлежит исключительно санкция, то для нее требуется их предварительное соглашение двух или трех факторов, т.е. короля и одной или двух палат, смотря потому какая система представительности господствует в стране – двухпалатная или однопалатная; b) соглашение этих факторов необходимо в области финансовой по вопросу о податях налогов и т.п.

2) а) Второй отличительной чертой конституционной монархии является положение о неответственности короля; ответственными же являются министры.

b) Личность короля является священной и неприкосновенной, т.е. король юридически неответственен. Юридическая безответственность короля заключается в том, что он не может быть привлечен к ответу в судебном порядке за то, что им было сделано действий. Действия короля государства не может быть судим ни уголовным, ни гражданским судом, так как все судебные действуют его именем. c) Принцип неприкосновенности короля

предполагать такие особенные гарантии в отношении жизни, свободы и чести государя; именно – посягательство на жизнь, честь и свободу короля карается в уголовном кодексе более строгими наказаниями, чем такие же деяния, направленные против обыкновенных граждан. Это признается государственной измены. Вследствие всего этого король всегда находится вне партий: даже оппозиция в Англии носит название „оппозиция Его Величества!" король не может производить давления на какую либо партию. На этом между прочим основано знаменитое правило Английского парламентского производства, что во время прений имя короля не должно произноситься; поэтому не должен знать, как смотрит на то или другое дело король. (Но если король неответственен, то народное представительство может привлечь к судебной ответственности министров за их неконституционный образ действия; в этом заключается смысл того, что король, действуя через министров, не может скомпрометтироваться. Если какой либо акт, исходящий от короля, оказывается вредным, значит он получил дурной совет. Но является вопрос: кто же подал этот совет? Для констатирования дома совета установлена необходимая министерская

скрепы (contreseignature), которыя имѣютъ то значеніе, что они констатируютъ, что такой то министръ подалъ извѣстный совѣтъ монарху, и тѣмъ самымъ министръ принимаетъ на себя отвѣтственность за дѣйствія короля. Скрѣпа можетъ исходить отъ министра по вопросу, касающемуся исключительно его министерства или же отъ всего министерства. Въ первомъ случаѣ отвѣчаетъ одинъ лишь министръ, а во второмъ все министерство. Здѣсь удобно было бы коснуться вопроса объ организаціи министерствъ.

Кабинетъ или министерство есть тотъ факторъ государственной власти, который является связующимъ звеномъ между короной и палатами. Министерство является однимъ цѣлымъ, членъ котораго связанъ солидарною отвѣтственностью и единствомъ своего плана, дающаго общее направленіе дѣятельности правительства. Въ объединенной жизни этотъ планъ носитъ названіе Перваго Министра, но официально они никогда не называются такъ. Въ Англіи, напр. онъ носитъ названіе: Первый Лордъ Казначейства. Это названіе происходитъ отъ учрежденія для управленія финансами — Казначейства, которое состоитъ изъ перваго лорда Казначейства, Канцлера Казначейства и прочихъ, такъ называемыхъ, младшихъ

лордов Казначейства. Первый лорд Казначейства и есть первый министр Англии, не имеющий к фактической ответственности никакого ближайшего отношения к финансовому управлению. Финансовой частью заведует канцлер Казначейства, который собственно и есть министр финансов. Первый министр не имеет других ближайших обязанностей, кроме посещения парламента, председательствования в Совете министров. Если министерство, предложенная премьером и поддержанная всем кабинетом, отвергнута, то ставится кабинетский вопрос и затем следует падение министерства. Если министерство, предложенная одним министром, проваливается, это еще не ведет за собой падения министерства.

Таким образом нами выяснены два основных признака конституционной монархии:

1. В области законодательной монарх пользуется своей прерогативой под условием согласия народного представительства.

2. Акты, на которые не требуется согласие народного представительства, устанавливаются короной через ответственных министерства.

Таким образом народное представительство является основным свойством конституционной монархии. Народные представительства могут быть сведены к двум типам, представителем которых являются: Франция, не взирая впрочем выдерживающая свой характер и Англия, являющаяся типом основным.

Рассмотрим вопрос об организации этого представительства, двухпалатную и однопалатную системы, составляющуюся путем выборов или иным путем.

Народное представительство может быть организовано в двоякой форме: одной палаты или двух палат. В отечественных конституционных учреждений, т.е. в Англии выработалась система двух палат чисто историческим путем. Не смотря на то в Англии и на континенте существует оппозиция против второй палаты и ставится вопрос насколько она необходима. В Англии представительство развилось исторически по следующему пути. Первоначально собиралась коммуна, состоявшая лишь из пэров и лордов светских и духовных; впоследствии к ним присоединились депутаты от общин (communs). При первом созыве депутатов они

совещались вместе с лордами, но они совершенно не приходилось говорить, а лишь выслушивать волю короля, так что фактически это была палата безмолвная. Депутаты и не умели хорошо говорить, да и не знали к чему их привыкли. Впоследствии короли называли их говорунами (speaker, спикер), должностью которой говорить от имени общины и выбранный королем из среды образованного большинства. Теперь роли изменились и во всех палатах имеет один спикер безмолвствующий, так как должен наблюдать за порядком в ходе прений. Парламент стал собираться в особом здании, причем господа лорды заседали в верхнем этаже, отсюда Верхняя палата, а представители городов в нижнем - отсюда Нижняя палата. Впоследствии общины добились права выбирать своего спикера.

В этом устройстве представительного собрания сказалась сословная роль, причем наверху были всех родовитый, а внизу все прочие, остальное сословия.

О народном представительстве.

А) Начала организации народного представительства.

а) Однопалатная и двухпалатная системы.

Народное представительство может

быть организовано в двоякой форме: в форме одной палаты или в форме двух палат. В отчизне конституционных учреждений, т. е. в Англии выработалась система двух палат. Но при перенесении конституционных учреждений на континент Европы, во Франции сразу установилась совершенно иная система, именно однопалатная. Хотя впоследствии во Франции существовали самые разнообразные системы, тем не менее, как мы это увидим, требование одной палаты есть, по преимуществу, требование французское.

Для того, чтобы понять принципиальное различие между системами однопалатной и двухпалатной, должно принять в расчет существенное различие между политическими принципами Англии, с одной, и Франции, с другой стороны.

В Англии представительство рассматривается как право, предоставленное отдельным элементам общества, именно своим депутатам в парламенте. Вследствие этого, Английский парламент является представителем отдельных классов, корпораций, округов, признанных обычаем и законом за общественные единицы. Он состоит из представителей графств, городов, университетов, так наз. пяти портов и т. д.

Английская система представительства могла быть поэтому названа системой реального представительства, представительства интересов отдельных элементов общества. Имея это в виду, будет понятно, что группа аристократии, которая исторически играла такую важную роль в Англии, должна была явиться одним из существенных элементов народного представительства в этой стране. И действительно, верхняя палата парламента составилась здесь из представителей старых английских аристократических родов, не подвергающихся выбору и в то время совершенно независимых от городов. Таким образом, в системе английской, палата лордов представляет собою совершенно особый общественный элемент сравнительно с палатой общин, в особенности после билля о реформе 1832 г. когда в палату общин вошли элементы промышленного и торгового общества.

В противоположность Английской системе, система французская определялась принципом, который подготовлялся всей историей Франции, принципом единства нации и политическим выражением этого единства, - началом народного самодержавия. Последствием этого принципа является положение, что народная воля неделима, и отсюда заключение, что двупалатная система, которая

предполагать разрыв этой воли, противоречит существу народного самодержавия мочь получить полное свое выражение, во Франции, согласно конституции 1791 г. была учреждена одна палата.

При применении конституционных начал в других государствах Европы, и литература и практика тоже тогда возбудили вопрос, какую форму следует дать народному представительству? В большинстве государств вопрос был решен в пользу двухпалатной системы. Мы должны рассмотреть какие причины вызвали это предпочтение и какие аргументы могут быть приведены, как за, так и против системы двух палат.

Один известный английский публицист и философ, Иеремия Бентам, в своем сочинении „Тактика (совещательных собраний" (Tactique des assemblées de législateurs) свел все возражения двухпалатной системе к известным группам, которые мы вкратце приведем, причем должно сказать, что все эти возражения и аргументы имеют более логический, чем реальный характер.

Первое возражение заключается в том, что при системе двух палат меньшинство может победить большинство. Именно — предположим, что в первой палате известный закон

принять большинством 99 голосов против 1[ш]; что, напротив, во второй палате, имеющей тоже самое количество членов, они отвергнуты большинством 51 голоса против 49. Таким образом оказывается, что 52 голоса (51+1) победили 148 (99+49). Но на это можно возразить, что в палатах голоса должны быть не только считаны, но и взвешиваемы; важно не то, сколько голосов отвергли закон, а то, какая сила мнений была в данном случае верх.

Второе возражение: учреждение двух палат ведет к сильнейшей борьбе частных интересов в тех случаях, когда палаты разнородны. Так напр. представители аристократических родов, обособляясь в отдельную палату, могут проводить свои частные интересы гораздо полнее, нежели в тех случаях, когда бы они были соединены со всеми другими представителями в одном собрании; на это можно заметить, что палаты не всегда бывают разнородны; напротив, можно представить такой порядок вещей, когда обе палаты будут однородными, т.е. выборными, или, если и будут представлять разнообразные элементы, то не в смысле частных интересов.

Третье возражение: при двупалатной системе, палаты не относятся

с одинаковым участием к законопроекту. Предположим, что какой либо законопроект, вышел в верхнюю или нижнюю палату. Весьма естественно, что лицо, которому принадлежит почин в возбуждении вопроса, относится к своему законопроекту чрезвычайно горячо; значит, та партия, которая его поддерживает также интересуется делом. Результатом является оживленная прения в палате; вся чины палаты становятся заинтересованными в ходе вопроса. Напротив, другая палата будет относиться к делу равнодушно; не в ней находится лицо, возбудившее вопрос, не в ней находится партия, которая его проводит и т.д. В конце концов прения будут вялые, и те аргументы, которые восторжествовали в первой палате, могут не повлиять на другую. Но и это возражение не совсем самостоятельно. Во первых, хотя палаты и заседают отдельно, но каждая из них может узнать, что делается в другой, и возбудить общественное мнение также, как и та палата, в которой дело первоначально возникло. Во вторых, едва ли желательно, чтобы палаты всегда относились к делу: прохладное мнение одной палаты более спокойным обсуждением

вопроса в другой не только не вредна, но в иных случаях прямо полезна.

Четвертое возражение: двухпалатная система ведет к потере времени, именно, при существовании двух палат, каждый билль должен пройти два раза одни и тот же стадии: первое чтение, отдельно в комиссии, второе чтение, третье чтение и окончательное голосование. На это можно заметить, что палаты призваны не к управлению, не к применению административных мер, которые действительно иногда требуют быстроты, но к такого рода деятельности, в которой необходима осмотрительность, а иногда, для более благоразумного и всестороннего рассмотрения дела, даже нелишняя проволочка времени.

Наконец, пятое возражение заключается в том, что инициатива закона фактически сосредоточивается в одной палате, след. существование другой излишне. Вполне имеет в виду Английский парламент, где, de facto, большинство законов, действительно, возбуждается в Нижней Палате, а Верхней принадлежит только право отрицательной критики. Но если бы верхняя палата даже ограничилась этим положением, то и тогда роль ее нельзя назвать бесполезной, так как противоречащий, высказанный в Нижней палате,

во всяком случае, не лишне дело.

Все эти аргументы за и против, повторяю, в высшей степени теоретичны и не достаточны в том отношении, что не дают общей руководящей идеи, которая бы указывала на роль верной палаты, независимо от ее состава. Общее значение ее, мне кажется, вполне определенно Миллем, в его „размышлениях о представительном правлении" (гл. 13). Принимая во внимание, что Милль всегда был защитником политической свободы и врагом самой идеи тирании, в какие бы привлекательные формы она не облекалась, мне кажется, он имел право сказать эти слова:

Собрание, говорит Милль, которое более всего говорит моему уму в пользу двух палат, — это то дурное действие, которое производит на ум всякого обладателя власти, — будь это отдельное лицо или собрание лиц, — чувство, что он может совещаться только со самим собой. Чрезвычайно важно, чтобы никакое собрание людей не могло, даже временно, даже первое время осуществить свое „ie veto", не спрашивая согласия никого другого. Большинство в единой собрании, когда оно принимает постоянный характер, когда оно составилось из тех же лиц, действующих обыкновенно вместе, и когда оно всегда уверено в своей победе, легко делается деспотическим, если оно избавлено от необходимости рассуждать, будут ли его действия одобрены другой уравновешенной властью."

Обозр. Госуд. Учрежд. лист. XXV.

Архивъ Тарховского Кавказского 13

Эти соображения действительно, в высшей степени важны. Если желать, в самом деле, организации политической свободы, то весьма важно, чтобы никакое собрание не могло сделаться произвольным, гибельным распорядителем судеб нации, чтобы, принимая какую либо меру, оно действовало с оглядкой и знало, что его действия могут быть провержены другой палатой. Тем подобная гарантия тиранства палаты сделается для будущей, чем тиранния одного лица. Одно лицо всегда сознает до известной степени свою нравственную ответственность, знает, что дурной исход того или другого предприятия или дела будет отнесен к нему, что за известное направление политики общество отвлечет или любовью, или ненавистью, уважением или презрением. Словом, оно будет чувствовать, и без юридических гарантий, самый ход дела. Но большинство в палате есть, так сказать, правительство анонимное, где каждый подавал свой голос с большинством, если и чувствует ответственность, то знает, что она будет разделена на столько спин, и на него падет такая незначительная доля, что ее легко можно вынести. При том, некоторые вопросы решаются закрытой подачей голосов, когда нельзя узнать какой член подал голос за, и какой против известной меры. Здесь нечего уже и говорить об ответственности.

Если, таким образом, нравственная ответственность большинства есть чистая фикция, то необходимо установить учреждение, которое являлось бы критической инстанцией по отношению к другой палате; нужны элементы, которые бы друг друга контролировали, сдерживали и своим взаимодействием, оставляли политическую свободу.

б) Организация палаты.

I. Верхняя Палата.

Если относительно организации нижней палаты не существует никакого сомнения, что она должна исходить из народных выборов, т. е. народного представительства в тесном смысле, т.е. совокупностью избранных народом на определенный срок членов, то относительно второй палаты мнения и постановления законодательств весьма разнятся. Причина этого разногласия заключается в том, что первоначально, на континенте Европы, с идеей двух палат соединилось понятие об английском представительстве, соответствовавшем и воспоминаниям о средневековых сословиях чинах. Но впоследствии эти воспоминания и английская практика оказались не совершенно применимыми на западе Европы.

Единство национального собрания впервые было осуществлено в революционной Франции в 1789 г. Это единство было даже необходимо. Земские чины, собравшиеся, по приглашению сводовика XVI, 15 мая 1870 г.,

должны были заседать в средневековом порядке. Между тем, либеральная партия хорошо знала, что ей нельзя будет провести своих планов, если народное представительство будет разбито по сословиям. Вот почему все вожаки революционной партии требовали, чтобы сословия соединились в одно национальное собрание, и они достигли своей цели: к третьему сословию присоединилась вся либеральная часть дворянства и духовенства, и из этих элементов составилось единое учредительное собрание. Учредительному собранию предстояло выработать первую французскую конституцию. Мы уже говорили о порядках, господствовавших тогда во Франции, относительно народного самодержавия. Благодаря этому началу, члены учредительного собрания пришли к тому заключению, что народное представительство должно быть единым, следовательно, организованным в одну палату. Этот принцип и был выражен в конституции 3 сентября 1791 г. Затем он был воспроизведен конституцией 1793 г. не получившей, как известно, применения. Но конституция 1795 г. обратилась к двухпалатной системе; на основании ее национальное собрание составилось из двух советов: Совета старейшин и совета пяти сот. Затем, конституция 1799 г. установила трибунат и законодательный корпус; но во время первой империи трибунат был уничтожен и остался один

законодательный корпус. Когда наполеоновское государство, в свою очередь, пало, во Франции в обществе снова стремление к умеренной диктаторской управлению установлениями, соответствовавшими началам умеренной политической свободы. Тогда явилась мысль об учреждении двух палат, организованных по английскому образцу.

Возвращение Людовика XVIII во Франции возбудило все надежды либеральной партии. В восстановлении дома Бурбонов представители этой партии видели самое благоприятное условие для осуществления конституционной свободы. Так смотрел на дело, между прочим, один из главных представителей либеральной партии, Констан.

Идеи Констана относительно этого предмета, его взгляд на правительство Наполеона I, как на правительство по существу своему, противное началам свободы, изложены в сочинении его, напечатанном в начале, под заглавием „О завоевательном духе и узурпации". Здесь Констан, указывая на способ происхождения власти Наполеона, доказывает, что империя могла держаться и держится исключительно завоевательным духом и теми военными инстинктами, которые она находила во Франции. Отсюда прямой вывод, что спокойствие Франции и даже ее свобода могла быть только законная династия.

С возвращением этой династии, все

стремления французских либералов обратились к воспроизведению английской конституционной монархии. В числе элементов, которые Констан считал безусловно необходимыми для установления во Франции конституционного правления по английскому образцу, он называл и палату пэров. В сочинении, изданном под общим названием „Cours de politique constitutionnelle",*) Констан довольно подробно останавливается на доказательствах необходимости пэрии. Аргументы его двоякого порядка. Во первых он доказывает необходимость второй палаты вообще. Указывая на пример второй французской революции и опыты первых двух собраний во Франции, законодательного собрания и национального конвента, — он говорит, что многие из тех крайностей, которые были допущены, в особенности во время террора, были бы невозможны, если бы во Франции существовала вторая палата, ограничивающая власть единого народного собрания. Второй разряд аргументов направлен на доказательство того, что вторая палата должна быть именно палатой пэров, составленной из представителей наследственной аристократии. Такая палата, говорит Констан, явилась посредствующим элементом между королем и народом. Она способна, в будущем

*) Издано Лабуле, с его примеч. и предисловием.

стороны, ограничивать стремления народных представителей, когда они заходят слишком далеко, с другой, задерживать чрезмерное развитие прерогатив королевской власти.

По словам Лабуле, эти вогнутые колонны и весь его однообразный вид вызвали целый ряд возражений со стороны представителей революционного общества, тем более, что прежде сам Констан особенно сильно восставал против насильственности камня, бывшего в то время привилегией. Противники его указывали на это, и Констан должен был весьма подробно доказывать, что между общими соображениями и требованиями нередко встречаются противоречия, но нельзя сказать, чтобы он достиг этой цели, потому что противоречием являлась сама палата пэров. Созданная в 1814 г., она оказалась учреждением, совершенно непопулярным во Франции.

Для теоретического разъяснения вопроса о пэрстве во Франции особенно важный случай, когда Констан принял в сражении с Наполеоном I. Вскоре после обнародования хартии, в марте 1815 г. сподвижник XVIII вынужден был бежать, так как Наполеон возвратился с острова Эльбы и, на 100 дней, снова занял престол. В течение этого времени Наполеон задумал преобразовать такие учреждения, при которых он привык управлять во время своего консульства и империи.

В данном случае он исходил из того положения, что в былое время, когда политические планы его обнимали целую Европу, когда речь шла об установлении гегемонии Франции надъ Европой, он не мог допустить свободы внутри Франции; он должен был держать эту страну как бы в виде вооруженного лагеря, чтобы властвовать надъ остальными государствами. Но теперь, когда роль Франции изменилась, он готов принять и ей либеральныя учреждения. Съ этою целью, Наполеонъ призвалъ къ себе Констана и поручилъ ему начертать либеральную проэкт конституции. Подъ именемъ „Дополнительнаго акта" (Acte additionnel), этотъ проэктъ былъ обнародованъ 22 апр. 1815 г. Констанъ настоялъ на сохранении палатъ перовъ, но нельзя сказать, чтобы аргументы его за эту перію были столь же сильны, какъ аргументы Наполеона противъ.

Вотъ что говоритъ объ этой періи Наполеонъ:

Мирабо опасается, что она (перія) будетъ въ дисгармоніи съ нынѣшнимъ состояніемъ умовъ. Она оскорбитъ гордость арміи; она обманетъ ожиданія всѣхъ сторонниковъ равенства; она подниметъ противъ меня тысячи личныхъ недовольствій... Но хотите вы, чтобы я взялъ аристократическіе элементы, которыхъ требуетъ перія? Старыя фамиліи мнѣ враждебны. Многія изъ новыхъ имѣютъ послѣдніе проис-

сословий. Пэтъ – имѣетъ значеніе лишь подбавочное. Тѣнь воспоминаній, бѣнъ исторического блеска; бѣлой собственности, на чемъ основана будетъ пэрія? Общество увидитъ въ ней или генераловъ или камергеровъ!"

Съ этими возраженіями нельзя было не согласиться и, хотя Наполеонъ учредилъ сенатовъ, но учредилъ впрочемъ, съ тайною мыслью измѣнить дѣло по своему, когда будетъ на это время.

Съ возвращеніемъ изъ похода XVIII, конституціонная партія 1814 г., снова была возстановлена, и пэрія осталась въ прежнемъ видѣ. Конституція 1830 г. также удержала палату пэровъ, но, по своему происхожденію, эта пэрія отличалась отъ пэріи, созданной въ 1814 г.*)

Вообще, судьба палаты пэровъ во Франціи показываетъ, что необходимость ея сознавалась, но оставался спорнымъ вопросъ, какъ учредить ее, изъ какихъ элементовъ и составить. Вопросъ этотъ остается нерѣшеннымъ и до настоящаго времени. Если пэры имѣли вторую палату раз-

---

*) Именно, – конституція 1830 г. отмѣнила всѣ постановленія хартіи 1814 г., которыя напоминали о пэріи старой монархіи (право короля возводить въ санъ пэра всѣхъ лицъ, наслѣдственность пэрства и т. д.) Было постановлено, что король можетъ возводить въ пэры только лицъ, отличившихся въ политикѣ, управленіи, наукѣ, торговлѣ и т. п. Пэрство пожизненное, а не наслѣдственное. Такимъ образомъ пэрія измѣнилась.

мить непременно палату аристократическую, то, без всякого сомнения, не всякая страна способна к воспроизведению. Можно сказать, что такую палату способна имеет только Англія, где, действительно, сохранилась еще чрезвычайно сильная и политически развитая аристократія. Но и здѣсь, несмотря на привязанность англичанъ къ старинѣ, палата лордовъ, какъ таковая теряетъ свое значеніе. Отчасти виною тому сама аристократія. Въ теченіи XVIII ст. въ Англіи въ особенности видоизмѣнилось значеніе нижней палаты. Этому возвышенію въ значительной мѣрѣ содѣйствовали лорды. Вмѣсто того, чтобы самимъ заседать въ парламентѣ, увеличивать блескъ и значеніе своей палаты, они предпочитали не ѣздить въ Лондонъ, но проводить своихъ кандидатовъ на мѣста въ нижнюю палату. Надо отдать справедливость англійской аристократіи, что она умѣла дѣлать выборы: самые блестящіе ораторы пріобрѣли столько, какъ Шериданъ, Фоксъ и др., были выбраны аристократами. Такимъ образомъ, палата лордовъ фактически утратила свое значеніе вслѣдствіе неиспользованія лордами своихъ правъ, а нижняя палата, напротивъ, возвысилась. Отсюда слѣдующее мнѣніе. Хотя палата лордовъ, де юре, сохранила право подавать голосъ по всѣмъ вопросамъ, которые обсуждаются въ нижней палатѣ, но въ иныхъ случаяхъ она не можетъ пользоваться своимъ правомъ

в виду фактического преобладания нижней палаты. Так в министерство лорда Пальмерстона, верхняя палата, опираясь на свою равноправность с нижней, сделала, однажды, некоторые изменения в финансовых биллях, утвержденных нижней палатой. Тогда, по предложению лорда Пальмерстона, нижняя палата составила резолюцию, в которой было объявлено, что всякое изменение финансовых биллей, могущее последовать со стороны лордов, никогда и противно привилегиям нижней палаты, так как они лучше знают все „пути" и „средства", коими покрываются государственные расходы. Словом, верхняя палата, в настоящем ее виде, есть учреждение отживающее. Так смотрит на нее и большинство английских писателей.

Вся следовательно, даже в Англии, где представляется наиболее возможной для преобладания аристократической палаты, в настоящее время нет фактических условий для этого, то тем более не существует таких условий на континенте Европы. На континентальных (монархических) государствах двухпалатная система принята: в Пруссии, Италии, Австро-Венгрии, Баварии, Саксонии, Вюртемберге, Бельгии, Нидерландах, Румынии, Испании и Португалии. Но состав верхней

---

*) Процесс вымирания верхней палаты в Англии гораздо меньше у Гладстона, в его сочинениях.

палаты в этом государстве должно не иметь той устойчивости, какую представляет английская палата лордов.

Верхняя палата в Англии состоит: 1) в огромном большинстве, из наследственных пэров Англии, титулованных лордами или лордессами. Число этих пэров может быть увеличено, т.е. короля может вывести в пэры пэра всякое лицо, отличившееся своими заслугами. Всякий вновь назначенный пэр делается наследственным пэром, т.е. передает старшему своему сыну право заседать в верхней палате. Король не может назначать пожизненного пэрства. Всех членов палаты лордов 458, но из них не все принадлежат к наследственной пэрии. Именно:

2) В верхней палате заседают, ex officio, примас королевства (архиепископ Кентерберийский) и архиепископ Йоркский, затем 24 епископа англиканской церкви. Это пэры духовные лорды.

3) В состав палаты лордов входят также выборные пэры. Именно, после реального соединения Англии и Шотландии (при короле Анне, 1706), шотландский парламент был уничтожен, и пэры Шотландии получили право избирать из своей среды, на каждую сессию английского парламента, 16 депутатов. Вожделенные члены лордов в Шотландии не допускаются.

4) При соединении Англии с Ирландией (в 1801 г.) ирландским лордам также было дано право представительства в палате лордов; они избирают из своей среды 28 лордов, пожизненно заседающих в верхней палате, число всех ирландских лордов ограничено (100); новые пэры возводятся, если открылись вакансии. Пэры Ирландии, кроме избрания в верхнюю палату, могут выступать кандидатами в члены нижней палаты. Так Пальмерстон был ирландским пэром, но в Англии избран был депутатом в нижнюю палату. Пэры собственно Англии не могут быть членами нижней палаты.

Председательство в палате лордов принадлежит лорду-канцлеру. Последний может, однако не быть пэром. По функции, которая признана в английском законодательстве, место (так наз. мягкой мебели), на котором заседает лорд-канцлер, находится вне палаты; поэтому он может заниматься и не пэр. Участие в голосовании принадлежит лорду-канцлеру в том только случае, если он есть пэр. Но так как мягкой мебелью считается вне палаты, то, при разделении голосов, голос лорда-канцлера не дает перевеса.

Таким образом, в английской верхней палате преобладающим элементом является наследственная аристократия. Большинство состоит из членов наследственного английского пэрства и депутации шо-

ландской и ирландской, избранной такими пэрства наследственного. В этом виде верхняя палата не воспроизведена ни в одном из конституционных государств.

На континенте Европы мы видим рамки двух систем. Первая заключается в том, что верхняя палата составляется из лиц, назначенных королем из определенных, указанных в конституции, категорий лиц. Вторая система основана на выборном начале, т. е. верхняя палата избирается народонаселением как и нижняя, но с некоторыми ограничениями относительно активного и пассивного избирательного права (эти ограничения будут рассмотрены ниже). В чистом своем виде эти системы не видят применения. В этих государствах оба начала соединены вместе в других и ими приобретения элементы наследственного пэрства.

Наиболее сложным составом обладает палата господ прусского ландрата (Herrenhaus). Королевским распоряжением от 12го октября 1854 г., обращенным потом в закон, этот состав регулирован следующим образом. Палата господ состоит:

1. Из принцев королевского дома, достигших совершеннолетия, по назначению короля.

2. Из наследственных членов. Сюда принадлежат преимущественно потомки некогда владетельных, но впоследствии медиатизированных государей. Это так называемый

а) Т. е. утративших политическую власть. Но ме-

Standesherren. Такими наследственными членами является: глава гогенцоллерн-гехингенского дома, главы нассауских имперских семей, которых состоит из 19 фамилий, прочие — архиепископ — члены бывшей курии господ (Herren-Curie) соединенного ландтага, который был созван Фридрихом-Вильгельмом IV в 1847 г.*) наконец, лица, принимаемые в палату, с правом наследственного голоса, королем.

3. Из пожизненных членов, назначаемых королем из определенных категорий лиц. Сюда принадлежат: лица, занимающие четыре важнейшие должности в прусском королевстве (обербургграф, канцлер и др.); отдельные лица, пользующиеся „особым высочайшим доверием"; наконец, лица, назначаемые из числа кандидатов, представляемых разными установлениями — церковными, сословными земледельческой каждой провинции, владеющими так называемыми „рыцарскими имениями", затем, лица из числа старого земледельческого класса, университетами, наконец, городами, которым пожалованы этим правом от короля.

Таким образом, прусская палата господ соединяет в себе элементы наследственный,

---

диаметрально иным пользуется из которых преимуществами, которые не принадлежат другим гражданам, напр., правом замочар брак с лицами царств. происход.

*) Соединенный ландтаг состоял из курии господ и курии членов (рыцарства, горожан и крестьян).

элемента королевского назначения, наконец, до известной степени, выборный элемент, если принять в расчет, что некоторые члены назначаются королем по представлению различных советов, университетов и городов.

Подобный по составу имеет верхняя палата в Испании. На основании 20 ст. испанской конституции 1876 г., она состоит: 1) из наследственных пэров, к которым принадлежат принцы крови, гранды, и священники; 2) из пожизненных или, как называются, назначаемых сенаторов, число которых не может быть более 180 и наконец 3) избранных сенаторов, также в числе 180. Избирательный закон, изданный в 1877 г., определяет, как состав коллегий, имеющей право избирать сенаторов, так и условия, необходимые для избрания в члены верхней палаты.

Более чистую форму представляет верхняя палата в Италии. На основании 33 ст. итальянской конституции 1861 г., король назначает сенаторов из определенных категорий (21), большинство которых относится к лицам, отличившимся заслугами на каком либо поприще и только последняя (21) категория обнимает лиц, которые принадлежат к зажиточным классам народонаселения (по количеству платимых налогов).

Наконец, некоторые конституции требуют второй палаты выборной. Такова напр. бельгийская конституция. В Бельгии сенат

состав. 1) из принцев крови и 2) 62 лиц, избираемых теми же избирателями, которые выбирают депутатов нижней палаты. Но если активное выборное право почти одинаково для депутатов и сенаторов, то пассивное (право быть избранным) значительно: в сенат могут быть избираемы только те лица, которые достигли, по крайней мере, 40-летнего возраста, платят прямых налогов 1000 франков (2,116 франков) и не занимают никакой государственной должности, сопряженной с содержанием или окладом.

Подобным же образом составляется румынский сенат. По ст. 64 румынской конституции, право избрания сенаторов предоставлено округам. Каждый округ избирает двух депутатов, из коих один избирается городом, а другой уездом. Город и уезд имеют каждый свою особую избирательную коллегию, которая состоит из лиц, владеющих недвижимой собственностью в городе или уезде, или получающих дохода не менее 300 дукатов. Кроме того, право избрания предоставлено университетам Ясскому и Бухарестскому. Для права быть выбранным в сенаторы, необходимо иметь не менее 40 лет возраста и 800 дукатов дохода. Но от этого цензового ограничена только категория лиц, получивших высшее образование. Наконец, некоторые члены заседают в сенате ex officio.

И так, в главнейших государствах Европы верхняя палата далеко не походит на палату пэров — как она существует в

Палата депутатов

Англии. В противоположность английской палате лордов, верхней палате конституционных государств напоминают лицами, или назначаемыми короной, или избираемыми особым порядком народонаселения. Вместе с тем, надо сказать, что эти палаты мало выражают собой какую либо определенную идею.

На это отсутствие идеи, положенной в основу организации верхних палат, обращает внимание, между прочим, Эдуард Винтер, в своем сочинении „Об образовании первой палаты в Германии" (1870 г.) С своей стороны, Винтер думает, что нижняя палата должна быть представительницей общественных стремлений, по возможности крайних всенародных. Поэтому он называет нижнюю палату Volkshaus — народной палатой. Напротив, верхняя палата должна быть составлена из лиц, имеющих своим призванием представительство оправданных интересов или новых государственной опытности.

Она должна быть составлена или из лиц, отличившихся на поприще государственном, или из лиц, выдвинувшихся своими способностями: в крупных предприятиях и т. п. Нельзя сказать, чтобы Винтер умел хорошо организовать эту палату в подробностях. Во всяком случае, он указывает идею, которой до настоящего времени верхняя палата на континенте не имеет.

II. Палата депутатов.

Палата депутатов выражает собою, по преимуществу, начало народного представительства. Вопрос о том, при каких условиях и как будет представлен народ в законодательном собрании, определяет степень участия массы общества в делах высшего государственного управления и законодательства. Поэтому мы должны указать: 1) условия, определяющия право участия в избрании депутатов и 2) способ образования формы избрания, так как они существенно влияют на состав палаты и даже на ея положение в ряду других законодательных органов.

А. Условия избрания депутатов нижней палаты. Для того, чтобы правильно рассмотреть действующее в разных государствах законодательство по этому предмету, необходимо остановиться на некоторых общих теоретических положениях.

I. Общия начала.

Самым существенным из теоретических вопросов представляется в данном случае следующий. Является ли право участия в избрании естественным и прирожденным правом гражданина, или это есть право общественное, которое может быть регулировано законодательством? Количественное отношение избирателей к общему числу народонаселения будет разное, смотря потому, как теория и практика решат этот вопрос.

Два противоположные принципа могут

быть применимы к разрешению этого вопроса. Первая теория исходит из того начала, что право участия в выборах есть неотъемлемая принадлежность каждого гражданина; следовательно, каждый гражданин должен быть членом всякого избирательного собрания, которым является вся нация. Это начало господствует, по преимуществу, в французской теории права и отчасти применяется в действительности, так как Франция, между всеми европейскими государствами, первая провозгласила прямую и всеобщую подачу голосов (1848 г.). Напротив, другая теория рассматривает выборное право, как право общественное, которое дается отдельному члену не для ограждения его личных интересов, но для пользы общества; следовательно, может быть ограничиваемо, смотря по требованиям общего блага.

Обсуждая обе эти теории, мы не придем к заключению, что последняя представляется более правильной. Но применяемая в действительности идет прямо противоположно, вытекающей из самого принципа. Конечно, выборное право не может быть признано личным правом каждого. Если мы примем это за субъективную принадлежность каждого гражданина, то вместе с тем, должны бы были придти к заключению, что гражданин может продавать свой голос, подобно тому, как он может отчуждать частную свою собственность. Между тем, мы не допускаем, а напротив,

одобрили законы о подкупах, парламентёрах и тех, кто продаёт свой голос, и тех, кто его покупает. Чем одно существование этих законов показывает, в какой мере общество заинтересовано тем, чтобы выборное право функционировалось, как общественная обязанность, как нечто полезное для общества, а не специально для частных лиц. Далее, существуют лица, которые пользуются частными правами, но которые не могут быть признаны субъектами политических прав. Так напр., во Франции, где признана всеобщая подача голосов, мы видим ряд исключений, установленных в некоторых тех лиц, которые подвергнуты, напр., суду исправительной полиции и наказанию за преступления, оскорбляющие общественную нравственность. Банкроты, лица, живущие на счет общественной благотворительности, и др., не допускаются до пользования избирательным правом. Наконец некоторые лица, которые, по-видимому, должны бы были пользоваться общественным почетом, лишены права участвовать в выборах, т.е. активного избирательного права, а отчасти и пассивного, т.е. права быть избранными. Сюда относится целая категория должностных лиц, которые, по своему положению, могут влиять на исход выборов. Если бы избирательное право было частным, то каким образом предпочли или лицо, стоящее во главе местной полиции, могло бы быть не допущено к пользованию своим правом?

Из этих немногих примеров видно, что закон может, а иногда и должен ограничить применение избирательного права в видах общественной пользы. Закон должен, по самой необходимости, обставить голосование такими условиями, которые могли бы привести к хорошему составу нашей палаты, чтобы эта последняя была действительно представительницей здоровой, нравственной, честной части нации, чтобы правительство могло опираться на нее, а народ видел в ней власть, достойную уважения. Так право установленное для блага общества, для возможности наилучшего состава власти, — власти, которая бы пользовалась наибольшим авторитетом в обществе и привлекала к себе лучших, самых способных в нации, — избирательное право может быть регулируемо законодательством.*)

---

*) С этой точки зрения рассматривает право народного представительства Милль, в своих размышлениях о представительном праве. Этой системе был противопоставлен типы Дюрейль, которые возникли на французской почве, напр. теория Бенжа-Констана, изложенной в его „курсе публичного права" 1818 г. В этом соч. право избирать представительную власть приравнивается праву каждого человека поставить себя управляющего. Едва ли можно согласиться с этим воззрением: управляющий должен быть представителем интересов только того лица, которое его избрало; никто из тех избирателей подавая свой голос за лицо, которое будет управлять всей нацией, будет распоряжаться доходами

Но отсюда не следует, чтобы избирательное право принадлежало только известному уровню культуры лиц. Если мы говорим, что конституция и избирательный закон должны устранить от выборов такие лиц, которые, в силу своего официального характера, могут оказать влияние на состав народного представительства, что к избирательной урне должны быть допущены только лица, достойные общественного уважения, то предполагаем существование известного критерия, определяющего ограничения, которые могут быть поставлены законом в этом отношении. Мы должны решить вопрос, по каким признакам можно судить о том классе общества, которые могут пользоваться избирательным правом? — Для того, чтобы иметь твердую точку опоры для критики различных законодательств, не всегда удовлетворительно решающих этот вопрос, мы должны установить некоторые общие начала.

Из того, что было сказано выше, вытекает следующее общее правило: вся совокупность избирателей должна составить такое целое, которое способно дать стране хорошее народное представительство. Отсюда необходимость надлежащим образом регулировать избирательное право. Ограничения, которые вытекают из этой необходимости, могут быть двоякого характера. Во-первых,

---

стране, издавать законы и т. д. Постановка вопроса в Риме и др. странах совершенно различна.

Законъ можетъ установить извѣстныя индивидуальныя исключенія, напр. объявить, что лица приговоренныя судомъ за воровство, исключаются на всегда отъ пользованія избирательнымъ правомъ. Подобнаго рода исключенія, хотя и обнимающія цѣлую категорію лицъ, въ практическомъ своемъ примѣненіи, будутъ всегда индивидуальными. Во-вторыхъ, исключенія могутъ коснуться цѣлыхъ классовъ общества, т.е. законъ можетъ признать извѣстный классъ, существующій въ обществѣ, не способнымъ къ участію въ выборномъ правѣ. Въ первомъ случаѣ мы можемъ говорить о всеобщей подачѣ голосовъ, во второмъ приводимъ къ цензу, устраняющему отъ участія въ выборахъ цѣлые классы гражданъ.

II. Дѣйствующія законодательства.

Должно сказать, что, начиная съ Англіи, въ большинствѣ конституціонныхъ монархій цензъ удержался до настоящаго времени, хотя постепенно онъ устраняется. Мы сдѣлаемъ историческій очеркъ этой классовой привилегіи, которая установилась прежде всего въ Англіи, а затѣмъ перешла въ другія законодательства.

а) Англія. Въ то время, когда въ Англіи зародилась политическая свобода и сладилась парламентская форма правленія, слѣдовательно, въ средніе вѣка, исключенія классовъ отъ участія въ выборахъ не могли быть особенно многочисленны, по двумъ причинамъ. Во 1-хъ, въ то время въ Англіи еще было довольно много мелкихъ собственниковъ, такъ

называемых фрихольдеров (Freholder). В 2-х, в городах еще не установилось того глубокого разлития между классами, по-лог было состоянию, какое мы видели впоследствии, в особенности в настоящее время. Английские города в то время были вообще бедны, потому что Англия не производила тогда таких громадных торговых оборотов, как имеет теперь. Но в этих бедных городах имущественная собственность была распределена более или менее равномерно. Поэтому местное английское правление того времени походило в принципах старой англосаксонской общины, согласно которым участие в управлении имело каждое лицо, платящее налоги и „несущее очередь", т.е. отбывающее равные повинности. Для определения права участия в выборах законодательство долго тогда ограничивало весьма небольшим цензом. Именно, в царствование Генриха VI был установлен, так называемый, сорокашиллинговой ценз для избирателей графств, т.е. каждое лицо, имевшее по меньшей доходу с своей собственности, считалось избирателем.

В течение 16, 17-го и, в особенности 18-го столетия избирательное право в Англии чрезвычайно изменяется. Сорокашиллинговой ценз имел значение только до тех пор, пока в графствах было много мелких собственников. Но когда мелкая собственность начала исчезать и сосредоточиваться в руках сравнительно немногих лиц, когда

масса сельских обывателей обратилась в ремесленников, рабочих и фермеров, владеющих землю на разных условиях, тогда и самое избирательное право сделалось привилегией немногих лиц — крупных земельных собственников. В то же время городам замечается постепенное вырождение средневековой общины. Право гражданства, право быть фактическим участником в общинном управлении мало по малу становится правом таких немногих лиц, так называемых фримэнов (freemen), вольных общинников, вольных людей, которые теперь одни составляют активное гражданство. В их руках сосредоточивается теперь вся городская администрация, и так как этот небольшой корпус лиц пополняется посредством кооптации, т.е. самовыборных, то, понятно само собой, что они все более и более обособляются. В некоторых городах количество избирателей т.е. активных граждан, дошло до трех лиц. — Вырождение избирательного права городских классов зависело еще и от других причин. Первоначально короли привлекали к представительству от города, которым им удобно было привлечь. Это право открывало, конечно, широкий простор королевскому произволу, но вместе имело и хорошую сторону, так как король мог призывать представителей из таких местечек, которые, фактически, подходили под название города. Но в XVII ст. явилось постановление, что король не имеет права выдавать новых городовых

партій, что тѣ города, которые въ данную минуту пользуются избирательнымъ правомъ, будутъ пользоваться имъ и впередъ, какъ своимъ благопріобрѣтеннымъ правомъ. Такимъ образомъ, право представительства уклонялось въ частное право.

Между тѣмъ росли новые города: Манчестеръ, Ливерпуль, Лидсъ, Шеффильдъ сдѣлались центрами промышленныхъ округовъ и всемірной торговли. Но законъ не давалъ имъ права на представительство, тогда какъ мѣстечки, которыя когда то считались городами, продолжали посылать депутатовъ. Имѣя ихъ эти мѣстечки даже перестали существовать. Въ день выборовъ, нѣсколько избирателей собирались на тотъ мѣстечкѣ, гдѣ былъ когда то городъ, и здѣсь совершалось избраніе. Эти, такъ назыв. „гнилыя мѣстечки" обратились въ конецъ гнилыхъ, въ товаръ, продававшійся за опредѣленную цѣну, и богатые люди пріобрѣтали ихъ, чтобы провести своихъ кандидатовъ. Чтобы представить картину нынѣшней палаты въ концѣ XVIII ст., приведемъ нѣсколько крупныхъ цифръ. Въ 1790 г. въ Англіи было 30 мѣстечекъ съ 346 избирателями, которые могли посылать 60 депутатовъ (по 2 отъ каждаго), между тѣмъ лондонское сити, (т.е. Лондонъ, какъ старый городъ) съ 295.550 жит. имѣлъ 4 представителей; Вестминстеръ, въ которомъ было 240.000 жит. посылалъ двухъ депутатовъ, а графство Корнваллисъ, съ мѣстечками, имѣло 44 представителя отъ 165.000 жит.; слѣд. народонаселеніе

в нем было вдвое менее, а депутатов посылалось в 10 раз более Лондона. В начале нынешнего столетия состав нижней палаты был следующий: из общего числа 658 депутатов (считая и представителей от Шотландии и Ирландии):

87 английских пэров назначали 218 депутатов.
21 шотландский пэр назначал 31 депутата.
36 ирландских пэров назначали 51 депутата.
Крупные землевладельцы вообще имели 171 депут.
Министерство вообще располагало 16 местами.
Назначенных избирался вообще 171 депут.

Следовательно, независимых депутатов нижней палаты было всего 171. Накануне избирательной реформы в 1831 г., во всех графствах Шотландии было 2500 избирателей и ни в одном не было более 240. Отсюда мы видим, что в Англии преобладала система фактического назначения депутатов. Независимые же депутаты покупали голоса избирателей. Расходы на выборы доходили до огромной цифры. В 1784 г. знаменитому Фоксу выборы обошлись в 18,000 ф. стер. В Горхеме графство расходы всех кандидатов в депутаты простирались, за один выбор, до 150.000 фунтов.

Эти ненормальные условия представительства графств и городов давно обращали на себя внимание лучших английских людей. Так, уже Кромвель сознавал необходимость уничтожения гнилых местечек и перенесения избирательного права на промышленные и торговые центры. Они намечали даже существенные черты избирательной реформы. Но пока в Англии

преобладающее влияние осталось за крупным землевладением, никакія преобразованія въ этомъ направленіи не могли умалить интересовъ, почему остались безплодными и попытки реформы такихъ выдающихся личностей XVII ст. какъ Фоксъ и Питтъ Младшій. Только въ XIX ст., когда выдвинулось торгово-промышленное общество, занявшее равноправное мѣсто и положеніе съ старой землевладѣльческой аристократіей, содѣйствіемъ этой новой общественной силы и благодаря усиліямъ двухъ лицъ, — лордовъ Грея и Дэрэма Россела, въ 1832 году, совершилась наконецъ, избирательная реформа, — реформа далеко не совершенная, но по крайней мѣрѣ, открывшая путь дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ.

Существо билля о реформѣ 1832 г. заключалось въ слѣдующемъ. Новый законъ не измѣнилъ общаго числа депутатовъ въ парламентѣ: ихъ осталось 658, какъ было и прежде. Измѣнилось лишь распредѣленіе ихъ. Во 1-хъ, всѣ мѣстности, имѣвшія менѣе 2000 жит., были лишены избирательнаго права. Такимъ образомъ, уничтожилось 56 такихъ мѣстностей, посылавшихъ 111 депутатовъ. Во 2-хъ, 30 мѣстностей съ числомъ жителей 4000 жит., вмѣсто двухъ представителей, которыхъ онѣ посылали прежде, получили по одному. Въ 3-хъ, нѣкоторыя мѣстности въ графствахъ были соединены въ одинъ округъ съ уменьшеніемъ числа депутатовъ. Оставшіяся черезъ это свободныя мѣста были распредѣлены между болѣе

городами, не имевшими до тех пор представителей и некоторыми графствами и городами было прибавлено депутатов.

Что касается условий участия в выборах, то, как и все английские законы, билль о реформе 1832 г. не нарушил приобретенных прав, но только расширил круг лиц, которые пользовались избирательным правом. Так, в графствах фригольдеры, т.е. лица, имевшие 40 шиллингов чистого дохода, по новому закону могли пользоваться правом участия в выборах полностью. Но затем было постановлено, что все лица, владеющие свободною собственностью или владеющие по праву бессрочной аренды (leaseholders), или первоначальный срок был установлен более чем на 60 лет, пользуются избирательным правом, если чистый доход с их владений равняется 10 ф. ст. В Ирландии этот цензъ понижен до 5 фунтов. Далее, арендаторы, если они наняли землю на 20 лет или даже на меньший срок, но получают 50 ф. чистого дохода (в Ирландии, с 1850 г., 15 фун.), также могут участвовать в выборах. В городах право избрания предоставлено лицам, владеющим или нанимающим обитаемой домъ, или вообще зданіе, которое приносит не менее 10 ф. дохода.

Билль о реформе 1832 г., как произведеніе новаго промышленнаго общества, вполне соответствовалъ взглядамъ англійской промышленно-торговой аристократіи, которая добивалась

политических прав и, до известной степени, разделило теперь с землевладельческой аристократией и исключительную до того времени привилегию. Но уже в 1832 г. поступали жалобы на реформу. Во первых, билль 1832 г. не удовлетворил многочисленную партию, образовавшуюся в Англии еще в начале нынешнего столетия и работавшую над видоизменением избирательного права в связи с экономическими реформами, именно партию чартистов (чартизм - мода партии, так как существо их требований было выражено в общей партии), которые требовали установления всеобщего избирательного права, сокращения срока парламентских полномочий и пр. Во вторых, в самых подробностях содержания, билль о реформе 1832 г. представлял некоторую несправедливость. Партия вигов, которая стояла тогда во главе управления, уничтожила многочисленных местечек противной партии, но сохранила свои. Такими образом, не все числа местечек были признаны за таковые.

Под влиянием этих причин, а также примера, данного Францией, где в 1848 г. была введена всеобщая подача голосов, в Англии постепенно подготовлялась дальнейшая реформа в смысле более широкого избирательного права. В 1867 г. был издан первый билль о реформе. Общая суть этого закона состояла опять в расширении круга лиц, имеющих право избрания. Ни одна из партий не сомневалась в то время на установлении всеобщего избирательного права.

Но руководители английской политики понимали очень хорошо, что оставаться в том круге мер, который очерчен биллем 1832 г. невозможно. Рабочий класс сформался, во второй половине XIX ст. существенным фактором общественной жизни Англии. Они организовались в союзы и представляли такую силу, с которой надо было считаться. Правительство должно было удовлетворить их требование избирательного права. Но вместе с тем оно не имело основания отказать в избирательном праве — имущественной состоятельности мер. Поставленное в необходимость допустить к участию в выборах рабочий класс, оно изменило, в виду этой цели, самый критерий имущественной состоятельности. Тем это изменение получалась возможность привлечь к избирательному праву верный слой рабочего населения, следовательно, — присоединить к тем элементам, которые уже действовали в пользу консервативной партии, новый и очень внушительный элемент. Достаточно сказать, что с присоединением этого элемента, общее количество избирателей в Англии сразу увеличилось более, чем вдвое.

По закону 1867 г., для избирателей графств установлен 3-х фун. доход с собственности и аренды и 12-ти фун. от наемной платы. Относительно городов билль 1867 г. провел принцип, характеризуемый выражением „домовитости", именно: было постановлено, что всякое лицо, имеющее „свой домок", есть

избиратель, т.е. к избирательному праву были допущены всех лица, нанимающия квартиру без мебели, за наименьшую плату не ниже 10 фунтов в год. Этим путем и было распространено избирательное право на всю, сколько нибудь состоятельную часть рабочаго сословія.

Второе условіе для участія в выборах, такое с давних пор существующее в Англіи, есть платежь налога в пользу бедных. Только то лицо, которое платитъ этот налог и само не пользуется вспомоществованіем от общины или прихода, считается избирателем. Самое составленіе избирательнаго списка поручается в Англіи надзирателям надр бедными – приходским старостам.

Затем закон не сообщает избирательнаго права наемному постоялому. Предполагается, что лицо более или менее продолжительное время живет в приходе и, следовательно, хотя несколько знакомо с теми, в пользу которых будет подавать свой голос. Английский закон устанавливает годовой срок пребыванія лица в общине, считая этот срок с 31-го Іюля.

Новый элемент, который вводит в круг избирателей, билль о реформе 1867 г., есть элемент способности (то, что французы называют capacité). Именно, без всякаго ценза имеют избирательное право: 1) окончившіе курс в университетах; 2) духовенство всех церквей; 3) адвокаты и юристы[1], народные

[1] Адвокаты и юристы имеют в Англіи свои особые

грантами, и 5) вкладчики в банк на сумму 50 фунтов. Если они лица живут, кроме того, в самостоятельной полицейской, они имеют два голоса.

Указанные специальные условия для пользования выборным правом получают силу только при наличности известных общих условий. Для пользования выборным правом требуется лишь — достижение определенного возраста и известная нравственная качества. Об этих общих условиях будет сказано ниже.

Наконец, закон 1867 г. лишил некоторых из оставшихся после 1832 г. местных права посылать депутатов; для некоторых городов число представителей было увеличено, новому Лондонскому университету дано право представительства, наравне с Оксфордским и Кембриджским.

Таковы существенные постановления билля о реформе 1867 г.

История выборного права в Англии показывает постепенное расширение избирательного права, постепенное отрешение от того принципа, что только собственность и собственность недвижимая может служить критериумом политической правоспособности лиц. Первоначально выборным правом пользуется здесь только землевладельческий класс, старая аристократия. Впоследствии к этому элементу присоединяются представители нового промышленного и финансового общества.

специальная гимназия, так наз. Гимн, в которых они получают и практическое и теоретическое образование.

Наконец, с 1867 г. избирательное право распространяется на значительную часть рабочего сословия. Рядом с этим вводится самый критерий имущественной способности. К владельцам недвижимой собственности присоединяются сначала арендаторы и наниматели земельных участков и зданий, наконец, все самостоятельные голова, занимающие отдельную квартиру. Следовательно, можно сказать, сама история достаточно ограничения круга лиц, которому предоставлено политическое право.

г. Франция. Пример Англии показывает нам постепенное отрешение от крайностей ценза. Нельзя того же сказать о Франции, где вообще все принципы ставятся категорично и проводятся конституциями и законами с математической точностью. В начале текущего столетия принцип цензовый был доведен здесь до крайности.

Прямая и всеобщая подача голосов была провозглашена во Франции еще в период первой революции, именно – конституцией 1793 г. Но эта конституция не получила действия. Все другие конституции XVIII ст. ограничивали избирательное право цензом или двухстепенными выборами (см. ниже). В XIX ст. после падения Наполеона I, когда избирательное право могло получить действительное значение, хартия 1814 г. и конституция 1830 г. ввели чрезвычайно высокий ценз. Критерием имущественной состоятельности было признано, впрочем, не владение собственностью и получение дохода, а платеж прямых

податей в известном размере. От высоты этого размера зависели, конечно, большие или меньшие ограничения избирательного права. Конституция принимала за норму довольно высокую сумму. Хартия 1814 г. признала избирателями только тех лиц, которые уплачивают прямую подать в количестве 300 франк. Поэтому из 30 млн. жит., которых имела Франция при Людовике XVIII, избирателями были только 100.000. При Людовике-Филиппе, когда избирательный ценз был понижен до 200 франк. на 35 млн. населения избирателей приходилось 225.000.

Ничто определенно самым категорическим требованиям участия масс народонаселения в выборе своих представителей не было доведено до такой крайности, как во Франции, во время реставрационной, а затем Июльской монархии. Этим объясняется, почему именно здесь с такой настойчивостью проводилась система всеобщей подачи голосов. Эти реформационные идеи будут понятны, в особенности, если принять в расчет, что высокий ценз не только не обеспечивал Франции хорошего представительства, но прямо вел к совершенно противоположным результатам. Те лица, которые защищали высокий ценз, как напр. Констан, имели в виду, что политическая свобода и порядок в стране обеспечиваются только экономически состоятельным классом. Примером служила Англия, где аристократия, фактически, создала свободное государство. Но английская аристократия умела развиваться и присоединять к себе

другіе элементы, которые постепенно входили въ кругъ избирателей. Напротивъ, во Франціи не порядокъ, но свобода несколько не ограничена высокимъ цензомъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія Франція перенесла три революціи и несколько крутыхъ политическихъ волненій при Людовикѣ-Филиппѣ. Высокій цензъ не спасъ французской націи ни политической свободы. Въ Англіи аристократія и либерализмъ и консервативна въ одно и тоже время. Она является наиболѣе устойчивымъ элементомъ изъ всего англійскаго общества: она имѣетъ вѣковыя преданія, имѣетъ свою исторію, а англійская нація смотритъ съ уваженіемъ на эту политическую силу. Между тѣмъ, во Франціи, объ монархіи хотѣли опереться на элементы, которые не могли служить опорой. Людовикъ XVIII думалъ управлять при помощи старыхъ дворянскихъ родовъ. Но это дворянство было дискредитировано всѣми принципами и не могло поддерживать падающей монархіи.

Людовикъ-Филиппъ думалъ опереться на буржуазію. Но она, по самой природѣ своей, не могла быть достаточной точкой опоры. Съ состояніями наживными, карьерами дѣлаными, безъ преданій, безъ опоры въ прошломъ,- буржуазія не могла пользоваться авторитетомъ въ глазахъ народа. Народъ не согласился на ея привилегію особенно въ формѣ, какая существовала въ Іюльской монархіи, когда вся политическая Франція сосредоточивалась въ тѣсномъ кругу 240,000 избирателей. За этой - Франціей de jure стояла Франція de facto, и въ сущности

причины, почему этой последней нельзя было пренебрегать.

Во французской буржуазии того времени сосредоточивались консервативные элементы довольно мягкого либерализма. Между тем первая французская революция создала очень серьезную консервативную силу, - крестьянство. После распродажи национальных имуществ, конфискованных у духовенства и дворянства, и благодаря законам о дробимости земельной собственности, во Франции явилось несколько миллионов мелких собственников, которые представляли, конечно, более консервативную силу, чем та либеральная буржуазия, которая стояла тогда во главе Франции. Нельзя было пренебрегать и другим элементом французского населения, - рабочим сословием, которое постепенно развивалось в городах.

Отсюда видно, что реформа во Франции вызывалась практической необходимостью. К этому надо присоединить еще то обстоятельство, что класс избирателей, созданный в эпоху реставрации и Июльской монархии, далеко не представлял собою нравственных элементов общества. Поэтому требование реформы было в высшей степени популярным, и в 1848 г. во Франции была введена система всеобщей подачи голосов.

Что касается других континентальных государств Европы, то здесь вы еще продолжают существовать различные ограничения избирательного права, проявляющиеся в самых разнообразных формах.

в) Италия, Испания, Бельгия. В Италии, по

закону 17-го декабря 1800 г., участвуют в избрании депутатов только лица, платящия 20 фр. налога. От избирателя требуется сверх того умение читать и писать. Зато, лица, выдвинувшиеся своею умственною деятельностью на том или другом поприще, принимают участие в выборах даже без платежа налогов. Сюда принадлежат: члены академий, профессора, учителя высших, средних и технических школ, чиновники, лица, украшенные орденами, адвокаты, нотариусы, патентованные ветеринары, аптекари и др. В настоящее время в Италии возбуждают вопрос о расширении избирательного права.

В Испании принцип всеобщей подачи голосов был провозглашен в 1869 г., после отречения от престола короля Амедея (сына умершего итальянского короля Виктора-Эммануила), но в настоящее время установлен цензъ.

Тоже самое надо сказать о Бельгии. И здесь для участия в выборах требуется платежъ налогов.

г) Пруссия. Система двойных выборов. Наиболее сложная система выборов есть система прусская.*) В Пруссии избирательное право распространяется, с внешней стороны, приблизительно на всю массу народонаселения.

---

*) Кн. Бисмарк заметил о прусской трехклассной системе, что ни в одном государстве не было выдумано более убогого, более безсмысленного избирательного закона. См. речь Бисмарка, в моем соч. Германская Конфедерация, т. II, стр. 107 и след.

Определенного ценза прусское законодательство не признает, по крайней мере не определяет цифры прямых налогов, которые должен платить гражданин, для того чтобы участвовать в выборах: как бы ни была мала сумма, которую гражданин платит государству, он признается выборщиком, если достиг определенного возраста (25 лет) и удовлетворяет некоторым другим общим условиям, установленным для участия в выборах. Но несмотря на эту наименьшую меру избирательного права, оно существенно ограничивается, в практическом своем применении, условиями и формами, которыя предписываются Прусско-Германским государством, признающим весьма высокий цензъ.

Во 1-х, прусское законодательство не признает прямых выборов. Хотя ни ограничен был условия для участия в выборах в Англии, но, по крайней мере, там, равно как и в других европейских государствах, вся масса избирателей является одним цензом, принимающим в избирательном округе, непосредственное участие в подаче голоса. Напротив в прусском законодательстве установлена так называемая двухстепенная подача голосов или система двойных выборов.

Система двойных выборов заключается в том, что масса избирателей не подает голоса непосредственно за депутатов: право избрания депутатов принадлежит особой коллегии выборщиков, избираемых первоначально в избирательных собра-

ная *)?

Система двойных выборов, повидимому, представляет известные выгоды, так как масса избирателей обыкновенно предполагается мало развитой, политически необразованной и потому неспособной оценить качества лица, требуемых для члена народного представительства. Масса избирателей способна указать только на тех лиц, которые, среди данного населения, вообще выдаются образованием, влиянием, общественным положением. Затем, эти лица могут лучше, чем масса избирателей, назначить депутатов, достойных быть народными представителями. К этим соображениям присоединяются еще другие.

При системе прямых выборов, выборов целой массой избирателей, возможно влияние

---

*) Эта система практиковалась в разное время во Франции. Так, первая французская конституция, расширяя избирательное право, установила, вместо с тем, систему двойных выборов, т.е. провела разницу между избирательными коллегиями (collèges électoraux) и первичными собраниями граждан (assemblées primaires). В последних участвовали так называемые активные граждане, которые соединяли в себе условия, требуемые для оценза, касательно возраста, платежа прямых налогов и т. под. Первичные собрания избирали из своей среды лиц, которые составляли избирательную коллегию назначали депутатов, другие же время, сколько приходилось вообще на избират. округ.

аппаторов, которые могут быть съ такимъ мало просвѣщеннымъ народонаселеніемъ, тогда какъ, при системѣ двойныхъ выборовъ, избирателями останутся подъ вліяніемъ здоровой части низшаго населенія.

Что касается перваго соображенія, то имъ увлекался даже такой глубокій политическій умъ, какъ Токвиллъ. Въ своей: „Демократіи въ Америкѣ". Токвиллъ указываетъ на примѣненіе раннимъ способомъ подачи голосовъ въ этой странѣ и говоритъ, что палата депутатовъ, исходящая изъ прямыхъ выборовъ, рѣдко соединяетъ въ себѣ лицъ, дѣйствительно отличающихся государственными способностями. Обыкновенно депутатское мѣсто занимаетъ какой-нибудь адвокатъ, грубый ораторъ, который можетъ импонировать среди мало развитаго населенія своего округа, но рѣшительно утрачиваетъ всякій смыслъ въ національномъ собраніи. Напротивъ, американскій сенатъ, который выходитъ изъ двойныхъ выборовъ*) по словамъ Токвилля, представляетъ изъ себя, что есть выдающагося въ Америкѣ, по части политическихъ способностей, образованія, патріотизма. Словомъ, это дѣйствительно собраніе лучшихъ людей Америки.

---

*) Американскій сенатъ избираетъ мѣстными законодательными учрежденіями, т. е. сенатомъ и палатой депутатовъ каждаго штата, назначающими двухъ сенаторовъ, такъ что законодательное учрежденіе каждаго штата является какъ бы избирательной коллегіей по отношенію къ сенату.

Таковы соображения, которые привели Токвиля к защите двухстепенных выборов. Но несмотря на авторитет этого писателя и еще больший авторитет Америки, мы вправе должны сказать, что описанная система вполне не соответствует. Для того, чтобы система двойных выборов могла действительно привести к хорошим результатам, надо предположить, что так называемое местное влияние, в самом деле, исходит от здоровой части местного населения, что вообще оно существует. Следовательно, двойные выборы предполагают хорошо организованное промышленное население, демократический класс, который может влиять на выборы. Но при более или менее широком развитии демократических элементов и демократических стремлений, это влияние большею частью централизуется, как это было и в Америке, хотя и не в то время, когда описывал и Токвиль. В то время здесь еще были живы старые предания пуритан, первых основателей Северных Штатов. Тогда сенаторы, и de jure, и de facto, избирались, действительно, законодательными собраниями штатов. Но современные наблюдатели Америки указывают, что в последнее время, влияние масс в этой стране сделалось на столько сильным, что фактически, законодательные собрания назначают лишь кандидатов, которые заранее указаны народным голосованием. Таким образом, американские сенаторы, de facto, выбираются такою двойной подачей голосов, как

и депутатов первой палаты.

12 глав, 1) системы двойных выборов не столько не обеспечивают влияния качественных и образованных масс народонаселения, фабрикантов, землевладельцев и т.п. и целых сословий, что, при этой системе, выборы падут на лиц именно этого класса. 2) Если говорить об опасности какой либо агитации то она одинаково возможна, как по отношению к массе избирателей, так и относительно собрания выборщиков, причем с двоякой стороны: со стороны политических деятелей и со стороны правительственных лиц. При системе двухстепенной подачи голосов, как и при системе прямых выборов, можно предположить, что масса избирателей будет находиться под влиянием совершенно посторонних элементов и избиратель-выборщик, которая назначит депутатов, заранее всем известен, т.е. тот или иной сильная политическая партия, или правительство.

3) Всегда есть основание думать, что при чистой демократической принципов, избрание выборщиков сделается в пустую формальность, т.е. выборщик будут назначены в эту комиссию с обязательным поручением подать свой голос в пользу того, а не другого кандидата. Заметим 4), что главная, самая основная мысль руководящая при установлении двойных выборов, построена на petitio principii. Предполагается, но далеко не доказано, что масса избирателей сможет сделать выбор депутатов.

Почему лицо, способное оценить качества другого лица, требуемые для избирательной должности, не может оценить способностей, необходимых для депутата? 5) Еще на большей основательности основана самая практика двойных выборов. Эти выборы всегда будут наиболее партикулярными, т. е. будут состоять из представителей самых крайних доктрин — вправо или влево, по следующим соображениям. Общая масса избирателей назначает в должность выборщиков лиц, которых она считает самыми достойными представителями своей партии; эти последние, в свою очередь, изберут из среды себя депутатов, наиболее выдающихся по крайности своих убеждений, между всеми выборщиками. Следовательно, при двойных выборах, трудно ожидать, чтобы избрано было лицо более умеренного образа мыслей, лицо, которое будет оцениваться со стороны всех его нравственных качеств, а не со стороны только политического его направления, которое во всяком случае, не должно иметь особого значения в представительном собрании. *) 6) Если выборы, в самом

---

*) Это подразумевая выборы, которые происходили во Франции на основании конституции 1791 г. установившей двойную подачу голосов. Эти выборы давали народному собранию представительство составленное из самых крайних партий. Следовательно принципы умеренности, которые были положены в основание конституции 1791 г. Учредительным собранием (Constituante), и двойные выборы не программили Францию от собрания представителей самых крайних политических направлений.

дъли, будутъ совершаться подъ вліяніемъ зажиточныхъ умѣренныхъ классовъ народонаселенія, какъ это предполагается при системѣ двойныхъ выборовъ, то далеко нѣтъ ручательства, чтобы избранники были дѣйствительными талантами. Напротивъ, можно ожидать, что выборы падутъ на тѣхъ лицъ, которыя по своимъ воззрѣніямъ будутъ преимущественно выразителями интересовъ опредѣленнаго круга лицъ, — землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, промышленниковъ, составляющихъ низшій зажиточный классъ. Слѣдовательно, можно ожидать, что на этихъ выборахъ скорѣе восторжествуетъ золотая посредственность, нежели лица, дѣйствительно достойныя уваженія націи. Такой именно результатъ выборовъ не рѣдко получался въ Пруссіи, какъ получался и во Франціи, когда тамъ существовали двойные выборы.

Но всѣмъ этимъ основаніямъ, мы, какъ намъ, въ правѣ утверждать, что двухстепенная подача голосовъ ведетъ къ неполному народному представительству, что палата, составленная этимъ путемъ, не можетъ считаться истиннымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія страны. Она не будетъ имѣть и дѣйствительной связи съ своими избирателями. Чтобы палата была дѣйствительно авторитетна въ глазахъ народа, для этого необходимо, чтобы депутаты стояли лицомъ къ лицу съ своими избирателями, чтобы они заимствовали свои полномочія прямо отъ народной воли. Избранные же особой избирательной коллегіей, они будутъ всегда казаться народу повѣренными не его, а какой то коллегіи выборщиковъ.

Тильзитский мир в Пруссии принята двухстепенная система выборов, т.е. депутаты избираются не самими избирателями непосредственно. Во 2-ой, определяя избирательные права, прусское законодательство имеет в виду не столько граждан вообще, сколько плательщиков податей. Из того правила, что участие в выборах определяется платежной способностью, было выведено слишком строгое заключение, что степень участия в выборах должна зависеть от размера платежей, что, след., лицо, которое платит один талер налогов, менее заинтересовано в государственном управлении, нежели лицо, которое уплачивает 50 тал., а последнее гораздо менее способно руководиться общими интересами, чем то лицо, которое платит 1000 тал. На этом основании было постановлено, что первоначальные избиратели (Urwähler) не могут выбирать вместе.

Прусское законодательство установило так называемую трехклассную систему. Она заключается в том, что первоначальные избиратели каждого округа разделяются для выборов, на три класса, сообразно количеству платимых налогов. Для этой цели исчисляется вся сумма налогов, платимых данным избирательным округом, и затем составление списков избирателей в следующем порядке. Сначала вписываются лица, уплачивающие наибольшую сумму налогов, пока общая сумма не составит 1/3 всей суммы налогов. Эти лица составляют

первый класс. Второй класс будет заключать в себе лиц, записанных в порядке, определяемом опять размером уплачиваемых ими налогов, пока общая сумма последних не составит 1/3 всего количества налогов, платимых округом. Наконец, в третий класс входят все остальные лица. Таким образом все классы в отдельности уплачивают равную сумму, именно – 1/3 всего числа налогов, но по количеству избирателей они неодинаковы: в первом классе избирателей было сравнительно очень немного, так как лиц, уплачивающих высокий налог мало. Второй класс был многочисленнее, наконец, третий был самый многочисленный. Между тем, каждая коллегия имеет право на равное число выборщиков. Если в данной местности, предположим, должно быть 60 выборщиков, то каждая коллегия будет избирать по 20 человек. Если число выборщиков не делится на 3, тогда берется то число, которое делится на 3, и распределяется поровну между всеми тремя коллегиями; остаток предоставляется избирать сначала второй коллегии, как средней, а потом двум крайним, т. е. первой и третьей. Число выборщиков определяется, сообразно количеству народонаселения, именно – один выборщик должен приходиться на 250 лиц. Из лиц, выбранных в разных округах, составляются особые коллегии, которые и избирают депутатов в нижнюю палату.

Кроме Пруссии системой двойных выборов принята в Баварии и некоторых других

государствах, которыя остались подъ действием довольно устарѣлыхъ конституціонныхъ актовъ.

дд. Прочія условія участія въ выборахъ. Условіе ценза не есть единственное условіе, опредѣляющее участіе въ выборахъ. Для участія въ голосованіи повсемѣстно требуется, во 1-хъ, принадлежность къ мужскому полу: женщины исключаются отъ выборовъ. Во 2-хъ, избирательное право предполагаетъ достиженіе извѣстнаго возраста, который опредѣляется въ разныхъ государствахъ различно. Въ Англіи признается достаточнымъ гражданское совершеннолѣтіе, т.е. 21 годъ; въ другихъ государствахъ требуется достиженіе 25-ти-лѣтняго возраста[1]. Въ 3-хъ, лицо, подающее голосъ на выборахъ, должно предоставить нѣкоторое ручательство своей нравственной благонадежности. Вся конституціонныя законы устраняютъ отъ выборовъ лицъ, утратившихъ гражданскую честь за совершеніе или преступленія. Исключаются также лица, несостоятельныя въ экономическомъ смыслѣ, банкроты, подвергшіяся или конкурсу, или по дѣламъ ихъ назначена администрація вслѣдствіе расточенія ихъ дѣлъ. Всѣ эти отрицательныя

---

[1] Въ Англіи, гдѣ устраненіе, сравнительно говоря, высокій цензъ, предполагаетъ, что лицо, вошедшее принадлежащее къ болѣе низкому классу, въ 21 годъ достигаетъ достаточно умѣреннаго развитія. Другія государства могутъ быть, въ виду существующей здѣсь системы воспитанія, опредѣлили возрастъ болѣе высокій въ 25 лѣтъ. Этимъ путемъ устраняется отъ избирательнаго права, по крайней мѣрѣ 1/3 голосовъ, которые при болѣе низкомъ возрастномъ цензѣ, имѣли бы право участвовать въ выборахъ. Обзоръ ранѣе.

Лит. Госдепартамента Желудева. 18

условія вытекаютъ изъ постановленій гражданск. и уголов. кодексовъ."

в. Пассивныя условія. До сихъ поръ мы говорили объ условіяхъ пользованія избирательнымъ правомъ (активное избирательное право). Условія избираемости, т.е. права быть избранными (пассивное избирательное право) существуютъ далеко не всюду. Пассивныя условія установлены, главнымъ образомъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Англіи и Германіи, вторая палата заключаетъ въ себѣ выборныхъ представителей. Въ Англіи, напр., всякое лицо, имѣющее право избранія, можетъ быть избрано въ депутаты нижней палаты. Но въ нѣкоторыхъ государствахъ существуютъ извѣстныя возрастныя преграды для лицъ, желающихъ быть депутатами, напр. болѣе высокій возрастъ. Если право избранія принадлежитъ, напр. каждому лицу, которое достигло 25 лѣтъ, то для права быть избраннымъ требуется достиженіе 30-ти-лѣтняго возраста (Пруссія). Или если для участія въ выборахъ необходимо

такое количество лицъ отпадаетъ отъ пользованія избирательнымъ правомъ при повышеніи возраста, представленъ Эмеромъ „Handbuch der Praktischen Politik", т. I, стр. 210. Онъ сдѣлалъ расчетъ на основаніи данныхъ смертности и смертности во Франціи.

*) Хотя, конечно, невозможно перечислить всѣ случаи, которые влекутъ за собою ограниченіе гражд. правъ. Для Франціи хорошее вычисленіе сдѣлали Шарнеръ и Ритто „Le bonnet rouge illustré", составившіе довольно подробную таблицу преступленій и проступковъ, которые влекутъ за собою совершеніе или временное лишеніе избирательнаго права.

осѣдлости или пребыванія въ данной мѣстности не менѣе ½ года или года, то для лицъ, которое желаетъ быть избраннымъ, требуется осѣдлость въ теченіи 3 лѣтъ и т. п. Въ этомъ отношеніи старинныя французскія конституціи шли очень далеко: напр., чтобы быть членомъ совѣта старѣйшинъ, требовалось быть женатымъ или вдовцемъ.

Особенныя условія, какъ для активнаго, такъ и для пассивнаго избирательнаго права установлены для служащихъ. Основаніемъ этихъ ограниченій является, съ одной стороны, опасеніе общества, чтобы лица, подчиненныя служебной дисциплинѣ, не были орудіями въ рукахъ правительства. Съ другой стороны — опасеніе правительства, чтобы служащіе и заѣдающіе въ палатахъ въ качествѣ депутатовъ, не разстроивали духа подчиненія въ служебномъ персоналѣ.

Основанія перваго рода особенно примѣняются къ лицамъ, служащимъ въ войскѣ. Участіе въ выборахъ лицъ, принадлежащихъ къ вооруженной силѣ правительства, достаточно опасалось различныхъ неправильностей и злоупотребленій при выборѣ депутатовъ. Французскій законъ 30 ноября 1875 г. совершенно устранилъ отъ выборовъ военно-служащихъ, когда они находятся въ своихъ полкахъ, на своихъ постахъ и при отправленіи своихъ обязанностей. Но участвовать въ выборахъ могутъ военно-служащіе, находящіеся въ запасѣ или въ отпуску. (ст. 2).

Въ Германіи военные, находящіеся на дѣйствительной службѣ, также не допускаются къ

выборами. Исключения установлены для граждан-
ских чинов военного ведомства[*]

Затем, ограничения по гражданской части
ограничены относительно пассивного права следую-
щим образом. По ст. 8[б] гражданского выш закона
отправление общественных обязанностей, воспре-
щающихся гг. государственным гражданским служ-
ащим, несовместимо с депутатским полномочием.
И так, все лица, получающие содержание от
государства, хотя бы они и не принадлежали
к чиновникам, лишены права соединять свою
должность с званием депутата. Но они мо-
гут быть избраны с тем, что им предо-
ставляется на волю принять депутатское
полномочие, отказавшись от занимаемого места[**]
или сохранить последнее, отказавшись от
первого: если в течение 8 дней, следующих
за выборами, они не сделают заявления, они
считаются принявшими звание депутата (ib).

Соединение депутатских полномочий с долж-
ностью, оплачиваемою государством, допуска-
ется для министров, синего префекта, пари-
ского префекта полиции, первого президента
кассационного суда, первого президента счетного
суда, первого президента апелляционного суда в
Париже, генеральных прокуроров при кассa-
ционном суде и парижском апелляционном
суде, архиепископов и епископов, пасторов-
президентов центральных протестантских консисторий,

---

[*] Имперский военный закон 1874 г. § 49.

[**] По истечении депутатского полномочия, они снова
могут занять прежнее место и сохранить все прис-
вященные им права на пенсию (см. 10).

великих равинов (grand rabbin) консисторій центральной и парижской, штатных профессоров кафедр, замещаемых по конкурсу или предварительно учебных корпораций и лиц, получивших временныя отъ правительства поручения (ст. 8 и 9).

Депутатъ, принявшій отъ правительства оплачиваемую должность, считается сложившимъ съ себя полномочія; но онъ можетъ быть вновь избранъ, если принятая имъ должность относится къ указаннымъ выше (ст. 11). Министры и статс-секретари не подвергаются переизбранію (ib).

Вовсе не могутъ быть избираемы, слѣдовательно и не могутъ выставлять своихъ кандидатовъ, въ своемъ округѣ, во время отправленія своей должности и въ теченіи полугода по оставленіи ея:

1. Первые президенты, президенты и члены прокурорскаго надзора апелляціонныхъ судовъ;

2. Судебные и прокурорскіе члены судовъ первой инстанціи.

3. Префекты полиціи (парижской), префекты, генеральные секретари префектуръ, губернаторы, директоры и генеральные секретари колоній.

4. Главные инженеры центральнаго и окружнаго управленій.

5. Ректоры и инспекторы академій.

6. Архіепископы, епископы и генеральные викаріи.

7. Инспекторы начальныхъ училищъ (écoles primaires).

8 и 9. Разные члены по финансовому управленію.

10. Члены по управленію лѣсному.

Подпрефекты (sous-préfets) не могутъ быть избраны ни въ одномъ изъ округовъ своего департамента. (ст. 12).

В Германии, где чиновничество является самым интеллигентным классом, признано полным дать ему пассивное избирательное право, хотя и здесь установлена инструкция исключения. Для принятия депутатских полномочий не требуется дачи, в большинстве немецких государств, отпуска от начальства.

Мотивы для такого направления в законодательствах высказались при прениях о германской конституции в учредительном рейхстаге.

Первоначальный проект желал ввести более существенное ограничение, именно, лишив права на избрание всех чиновников, состоящих на службе одного из государств союза.*) На таком исключении особенно настаивал князь Бисмарк, изложивший перед учредительным рейхстагом и основания своего взгляда.**)

Он требовал исключения чиновников отчасти потому, что они будут проводить в рейхстаге партикуляристические воззрения правительств, у которых состоят на службе. Но самое важное основание, по его мнению, заключалось в необходимости ослабления дисциплины в чиновничестве. Эта дисциплина, говорил он, необходима более всего в государстве конституционном. В государстве абсолютном, независимость и неприкосновенность чиновничества есть хороший оплот против произвола,***) но пре

---

*) Бецольдт, II, стр. 1, прочти 21 §., где было сказано: „Beamte im Dienste eines der Bundesstaaten sind nicht wählbar."

**) Ср. Бецольдт, II, стр. и след.

***) Кн. Бисмарк, как видно, сходился в этом отношении с идеями нашего Великого Петра о коллегиях.

парламентском управлении, имея неограниченной власти должны имать средства направлять действия должностных лиц согласно своей системе, которую они защищают перед палатами. Но такая дисциплина будет невозможна, если депутат чиновник выступит в палате в открытую борьбу с своим высшим начальником, если он будет держать себя такую речь, какой он не позволит себе дома с своим канцелярским служителем. Если палата, продолжает речь, находила исключить всех чиновников, то сочтет правительства довольно будут иметь ограничения, например, исключением должностных лиц духовного и судебного ведомств, как это предложил в своей поправке граф Шуленбург.*) „Я сам, господа, говорил оратор видел много примеров того, что участие в борьбе партий влияет на судей иногда образом больше, чем это согласно с беспристрастием судейского звания. Приведу только один. В течение первых лет моего министерства, мне часто приходилось получать на уголовные приговоры, постановленные без моего ведома и почина, по оскорблению царского министра-президента, с запросом, нельзя ли я их обнародовать. Некоторые из них я читал, другие нет. В общем итоге я нашел, что оскорбительные выражения, которые повлекли за собой такую кару, если они будут сказаны каким-либо рядовым

*) Вестфальск. III, стр. 3, поправка пор. А. V. „Nicht wählbar sind Geistliche und richterliche Beamte im Dienste der Bundesstaaten."

в лицо другому, тюрьму или высокий штраф, если они скажутся им публично, стоимостью средним числом 10 тал., будучи направлены против прусского министра-президента. За 10 тал. каждый был волен публично говорить имя или печатать позорящие оскорбления, какие они только хотят. Я не вынес впечатления, что тут царит мирное, вполне свободное от политического влияния."

Не смотря на личный опыт князя Бисмарка, предложение исключить чиновничество из народного представительства, было признано несвоевременным. Чтобы понять эту невозможность, достаточно вспомнить состав народного представительства во всех германских государствах и состав самого рейхстага. Избиратели были бы поставлены в серьезное затруднение, если бы им вместо возможности избирать профессоров, судей и других должностных лиц, наполняющих теперь рейхстаг и ландтаги[1]. По тому или другому признаку, но образованнейшая часть буржуазии сосредоточивается теперь в университетах и чиновничестве. „Исключая чиновничество, патетически говорил депутат Веберъ"[2], исключают из парламента как бы науку, представителей науки... и вы сделаете это в нашей стране, в Германии, в этой стране

---

[1] Любопытный список членов рейхстага, с обозначением их общественного положения и партий, к которым они принадлежат, см. в Meyers Deutsches Jahrbuch, I, стр. 174-184, второе издание.

[2] Бисмарк, II, 15-19.

науки, школы гордившейся своими университетами и школами, въ этой странѣ гдѣ имена ученыхъ и писателей въ теченіи прошлаго вѣка заставили націю сознать себя духовно-единою, между тѣмъ какъ наше національное единство еще долго не было создано, вы сдѣлали это въ Германіи, которой во время ея глубочайшаго униженія вся чужбина націи предоставляла славу страны учености и науки, въ этой Германіи, гдѣ теперь, въ послѣднія десятилѣтія, наука спустилась съ своей крутизны и вмѣстѣ съ высоты, отдалась на службу народу и чрезъ то побѣдила міръ и сдѣлала Германію первою націею въ свѣтѣ!"

Но „наука" не была исключена. Г. Бисмаркъ весьма благоразумно заявилъ, что онъ не сдѣлаетъ изъ означеннаго предложенія кабинетскаго вопроса и тѣмъ развязалъ руки рейхстагу. Въ конституціи появилось постановленіе діаметрально противоположное предложенному въ проэктѣ. Рейхстагъ и союзный совѣтъ приняли поправку, внесенную графомъ Генкель-Доннерсмаркомъ, гласящую, что чиновники не нуждаются въ разрѣшеніи на вступленіе въ рейхстагъ. Но если членъ рейхстага приметъ отъ правительства должность на маловажное или получитъ высшее мѣсто съ большимъ содержаніемъ, онъ теряетъ свое мѣсто и голосъ въ рейхстагѣ, которые однако могутъ быть возвращены ему новымъ избраніемъ. Это ограниченіе имѣетъ въ виду цѣли не интереса дисциплины, но независимости рейхстага. Оно касается только: а) лицъ, не занимавшихъ до поступленія въ рейхстагъ никакихъ должностей и поступившихъ

на службу в бытность свою депутатами; б) чиновников, получивших высшее место во время нахождения их в рейхстаге. И тот и другой случай предполагают возможность правительственного влияния на депутатов путем раздачи лицам послушным и возвышения оклада служащим. Избирателям предоставляется решить, на сколько избранный ими депутат сохранил их доверие после перемены своего служебного положения.

В. Демократии.

а) Непосредственная демократия.

При обозрении непосредственной демократии в современных ее формах нужно заметить, что и она, даже не имея народного представительства, должны быть отнесены к разряду государств конституционных, потому что и здесь имеются конституционные законы, коими обеспечиваются определенные права отдельных граждан. Это имеет особенную силу в федеративных государствах, каковы Швейцария и Американские Соединенные Штаты, где весь союз обеспечивает гражданам в лице определенные гражданские права, в случае нарушения которых можно обращаться к содействию федеративных властей; федеральный суд обязан рассматривать нарушения кантональными властями федеральных прав граждан. В Швейцарии, независимо от этого, союзный совет имеет право рассматривать жалобы, подаваемые в административном порядке на нарушение федеральных прав.

И так, при рассматривании какой бы то ни было непосредственной демократии, надо иметь в виду, что теперь нельзя уже говорить о всемогуществе народного собрания или представительства в древнем смысле этого слова, когда народ мог сделать все; теперь оно имеет очень серьезные ограничения в федеральной власти и армии.

Обратимся теперь к рассмотрению основных учреждений непосредственной демократии, при этом типическим является устройство некоторых кантонов Швейцарии. Именно, непосредственная демократия имеется только теперь в Ури, в верхних и нижнем Унтервальденах, Гларусе и полукантонах Аппенцелл (Иннеррходен, Аусерррходен).

Основным установлением и принципом непосредственной демократии является народное собрание, т. е. собрание всех взрослых и правоспособных граждан в одно помещение, осуществляющее права верховной власти; это Landgemeinde. Ей принадлежит власть учредительная и право делать изменения в конституционных законах. Но это право народ имеет и в представительной демократии Швейцарии и Америки; ибо как мы видели

---

*) Так в Швейцарии федеральная конституция обеспечивает следующие, общие всем гражданам права: 1° равенство пред законом (ст. 4); право оседлости и водворения (43, 45–48) свободу вероисповедания и совести (49–53); свободу печати (55), право собраний и петиций (56, 57); воспрещение исключительных судилищ (58) и некоторые другие.

выше, коренным признаком демократической формы есть принадлежность учредительной власти народу. Особенная, отличительная черта непосредственной демократии состоит в том, что Landgemeinde никому не делегирует свой законодательной власти, т.е. всякое постановление, имеющее силу закона, должно быть выработано большинством советом в форме проекта и представлено на всеобщее голосование. Большой совет имеет право только вырабатывать проекты; права народа в этом отношении тоже ограничены, так как Landgemeinde может принимать или отвергать законопроекты только en bloc, кроме кантона Гларус, где Landgemeinde может видоизменять предложенный ей законопроект.

Landgemeinde, сверх того, имеет право избирать высшие исполнительные власти, т.е. высшие органы, заместителя полномочий от народного собрания; это так наз. Landrath, который является центром правительственной власти, которого права и функции принадлежат виду власти исполнительной; учреждение это представляет в непосредственной демократии одну характеристическую особенность: оно является главным и единственным исполнительным советом народного собрания; поэтому оно ему делегирует в принципе все права по исполнению законов, в обширном смысле этого слова. Поэтому в некоторых кантонах даже судебная власть предоставлена ему; в других же кантонах судебная власть

выборами особо избранными учреждениями. Высший председатель Landrath'a – Landsmann должен быть избираем только на один год. Кроме того Landgemeinde избирает начальника местной милиции (Landes Hauptmann), казначея (Seckelmeister) и помощника ландмана (Landesstatthalter). Эти лица, в соединении с другими должностными, и составляют высшую исполнительную власть кантона, но она, в случаях особенно важных, напр. при выработке законопроектов, или для надзора за исполнительною властью, усиливается прибавлением особых депутатов в числе пяти членов Landrath'a. В кантоне Гларусе 9 должностных лиц и 25 советников, но независимо от этого каждый округ избирает еще по два человека на каждого депутата, и они привлекаются к исполнению обязанностей, в случаях, указанных конституцией. Большой совет, образованный прибавлением депутатов к исполнительному совету, называется тройным, или двойным советом. Такое же прибавление депутатов имеет место и при составлении комиссий, отправляющих правосудие, именно: суд, пропорциональный важности дела, привлекает более членов, так что важные уголовные дела разбираются при усиленном составе комиссии. Независимо от этих нормальных комиссий, народное собрание учреждает еще другие комиссии для разных специальных целей, наблюдение за которыми поручено народному собранию. И так народное собрание является главным судьею

и контролем государственного переворота, причем ему принадлежит не только учредительная власть, но и законодательная. Из этого однако не следует, чтобы эта власть была безгранична, так как каждый гражданин имеет право неприкосновенности. Независимо от этого, в конституции отдельных кантонов имеются постановления, имеющие в виду направить деятельность народного собрания. Напр. конституция кантона Ури гласит, что народное собрание ответственно только перед Богом и перед своею совестью, но Ури не имеет оно должно пользоваться своим правом не в своих корыстных целях, а имея в виду дело общей пользы, причем, при открытии народного собрания, каждый должен принести присягу.

б. Представительная демократия.

От учредительной непосредственной демократии отличается установления демократии представительной. И тут учредительная власть принадлежит народу, т.е. закон должен быть принят народным голосованием, хотя бы выработка проекта принадлежала Grand conseil или особому конвенту. Это право народа простирается как на пересмотр всей конституции, так и на изменение отдельных ея частей. В представительной демократии важно, что законодательная власть предоставлена особой коллегии, носящей название народного представительства, большого Совета в Швейцарии и Сената в Соединенных Северо-Американских Штатах. Сенат с палаты депутатов, т.е. народ делегирует осуществление своих

законодательных прав народному представительству, объявляя подлежащими законам исходящим от этого собрания, с тем, чтобы они были конституционны. В Америке это правило проводится во всей полноте, т. е. здесь местный конгресс, разделяющийся на сенат и палату депутатов, имеет законодательную власть в полном ее объеме и законы его имеют обязательную силу, если они только согласны с конституцией, но в Швейцарии есть движение, стремящееся расширить права всенародного голосования. Во всех швейцарских кантонах имеется особое законодательное учреждение, называемое „большим советом", и действительно, нормальное развитие законодательства совершается под действием этих больших советов. Значение всенародного голосования выступает в чрезвычайных случаях, которые определяются местными законами, таковы напр., закон 1875 г. касающийся города Базеля и особенно полное законодательство в этом отношении Шафгаузена. 1876 г. 89 ст. конституции 1874 г. и закон о референдуме. Значение всенародного голосования выступает в чрезвычайных случаях, которые могут быть следующие:

Во-первых, может случиться, что депутаты, заседающие в большом совете, вследствие случайности выбора, издадут закон, идущий в разрез с желанием большинства граждан.

Во-вторых, все общество может сознавать необходимость известного закона, но большой совет этого не думает.

Тут плебисцит имеет свое значение и этому соответствуют два учреждения:

1) Referendum и 2) Initiative. Первое есть право, предоставленное определенному числу граждан, чтобы законы, вотированные высшими законодательными властями, т.е. большим советом или федеральным собранием, были представлены на народное голосование. По 89-ой ст. конституции 1874 г. в случае желания, заявленного 30.000 граждан или 8 кантонами, федеральный совет обязан предложить вышедший закон на всенародное голосование. Итак референдум есть право апелляции меньшинства народонаселения ко всей нации. То же самое право предоставлено в каждом кантоне 1.000 человек, или они считают изданный закон необязательным с учреждениями кантона.

Второе учреждение, т.е. инициатива, применяется в тех случаях, когда представительным учреждением кантона не дается движения какому либо вопросу, всех интересующему. В этом случае так же определенное количество лиц может заявить о необходимости издания нового или отмены старого закона. Может показаться, что право инициативы имеет характер петиции, как в Англии, но там парламент может обратить внимание на петицию или нет, по своему усмотрению; тогда как по праву инициативы в Швейцарии, если большой совет согласен со сделанным предложением, то он вырабатывает законопроект в обыкновенном порядке, в противном же случае он должен представить это предложение на всенародное голосование, и если боль-

министр будет за него, то большой совет тогда вырабатывает проект в указанном смысле.

Есть еще третье учреждение — это право отзыва, Revocationsrecht (в Шаффгаузене). Когда народ убеждается, что большой совет не выражает его чувств, или что исполнительный совет расходится с желаниями масс, то народ имеет право возбудить вопрос о распущении палаты или исполнительного совета. В монархиях это право принадлежит монарху, тут 1000 граждан в праве предложить на народное голосование вопрос о том, следует или нет, распустить палату, и палаты должны подчиниться результату всенародного голосования (1876 г.)

Исполнительная власть в представительных демократиях не всюду избирается всенародным голосованием, но в некоторых штатах Северной Америки, так и в некоторых кантонах Швейцарии они избираются непосредственно, так и депутаты.

Резкое отличие от представительных демократий Америки и Швейцарии представляет Франция, вследствие разных причин, таких: ее протекторат, партийная борьба партий, централизация и т. п. Основным началом французского учреждения является народный суверенитет. Хотя законы, учреждающие во Франции республику, и не сопровождались общей декларацией, но вследствие того, что палаты избираются прямым и всеобщим голосованием (suffrage universel), должно признать народный суверенитет. Народ

Листъ XXIX. Къ стр. 78.

осуществлять свои права только через своих представителей, и всенародное голосование не имеет места. Законодательная власть принадлежит сенату и палате депутатов, которые вместе составляют народное собрание (assemblée nationale). Сенат состоит из 75 пожизненных сенаторов, назначаемых которыми замещаются из среды остальных 225 сенаторов, которые, в свою очередь, избираются особыми избирательными коллегиями по третям, возобновляясь каждые три года. Палата депутатов составляется из 533 депутатов, избранных по округам (arrondissement) посредством голосования. Ей принадлежит законодательная власть и даже учредительная, потому что национальное собрание может пересматривать конституцию. Главою исполнительной власти национальное собрание избирает президента республики, сроком на 7 лет.

II Государства сложные.

1. Обратимся теперь к вопросу о так называемых „сложных государствах." Прежде всего, установим разницу между так называемыми простыми и сложными государствами. Простое государство предполагает сосредоточие всех суверенных прав в руках одного лица, физического или юридического, подчиняющего своей власти все части государства одинаково. Следовательно, эти части государства не имеют политической автономии, т. е. ни в какой степени не располагают теми правами, которые входят в состав суверенитета, каковы напр. власть законодательная,

право внешних сношений и т. п. Такими государствами являются Франция, Англия, Испания и другие государства, имеющие политическую централизацию. Отдельные части этих государств могут иметь административную самостоятельность или самоуправление, но все эти учреждения действуют под законами и под контролем центральной власти. Сложное государство представляет соединение в одно целое таких частей, которые имеют известную политическую самостоятельность; такое соединение может представляться в самых разнообразных формах.

II. Под главенством одного и того же монарха могут быть соединены два (или более) совершенно независимых государства, имеющих только одну личность монарха; это будет так называемая union personnelle. Образчиком такого соединения двух независимых государств может служить соединение Ганновера с Англией с 1714 по 1837 г. В 1714 г. на английский престол был призван Георг I, курфюрст Ганноверский, так как народ желал устранить католическую линию дома Стюартов. Вследствие родства по мужской линии Ганноверского дома с домом Стюартов, курфюрст Ганноверский сделался королем Англии, но между обеими государствами не было ничего общего кроме личности государя. Эта union personnelle Англии и Ганновера прекратилась в 1837 г., когда на английский престол вступила королева Виктория, которая не могла как женщина, наследовать Ганноверского престола; Ганновер перешел тогда

в руки герцога Кумберландского. Другой пример личного соединения представляет история Польши, когда на польский престол были избираемы курфирсты саксонские: Август I (1697) и Август III (1733), при которых Польша была в личном соединении с Саксонией.

От соединения личного надо отличать реальное соединение (union réelle), когда два независимых государства соединяются не только личностью монарха, но и некоторыми основными законами. Примером реального соединения могут служить Швеция и Норвегия, которые имеют различные представительные учреждения, армии, финансы и т. д. но соединены через общность государя, причем общность является постоянного действия законов о престолонаследии 1810 и 1815 годов.

Мы можем указать еще на другой способ соединения государств: когда они сохраняя свои отдельные политические учреждения, власти законодательные и административные, имеют через это и некоторые общие условия, необходимые для достижения этой общей политики и общего главы государства. Такой пример представляет монархия Австро-Венгрия - Oesterreich - Ungarn.

Двуединая эта установилась в Австрии в 1867 г. когда прежняя централистическая политика Габсбургов должна была уступить перед давлением Венгров. Собственно австро-венгерское соглашение было вызвано тем, что политика обеспечила преобладание немцев и венгров над славянскими народностями монархии. Оставив в стороне фактическую подкладку

австрийского дуализма, посмотрим как граф Бейст формулировал в 1867 г. основы законов о соглашении.

По этим законам Австрия разделяется на две части: Цис и Транс-лейтанию, причем каждая из этих частей имеет свое народное представительство. Австрийский Reichsrath разделяется на верхнюю и нижнюю палаты (Herren und Abgeordnete Haus), венгерский же сейм имеет два стола: магнатов и депутатов. Каждая из двух частей монархии имеет свое министерство и представляется разделенною в административном и судебном отношении, но обе эти части имеют: 1) общую династию Габсбургов и 2) общия учреждения: а) для общей внешней политики, в) общую армию и с) общия финансовыя средства. Вследствие этого законом установлены три общия министерства: иностранных дел, военное и финансовое. Для наблюдения за ходом дел в общих министерствах и для принятия нужных мер для ведения общих дел установлен род общаго представительства - делегации. Делегации составляются из выборных от местных представительств, причем австрийский Reichsrath избирает 60 представителей из верхней и 40 из нижней палаты (соответственно количеству народонаселения) венгерский сейм тоже избирает 60 представителей в делегации. Делегации эти избираются ежегодно на сессию и в случае роспуска палат делегации тоже прекращаются, так что новым палатам избираются и новые делегаты. И так, здесь единственныя общия учреждения поддерживают связь между обеими частями монархии. Так

видно их этого, дуалистическая система не может быть подведена ни под понятие личного, ни реального соединения.

III. От этих систем сложных государств надо отличать конфедерации и федерации, потому что их состав представляется сложным. В случае реального и личного соединения, или дуализма, мы видим соединение двух различных государств, располагающих полной политической автономией; притом государства эти неравноправны. Конфедерация и федерация предполагают, напротив, соединение многих государств в один союз для осуществления общих целей. Тут надо различать два типа: Staatenbunden или конфедерация – союз государств, и Bunden-Staat или федерация – союзное государство. Различие между этими двумя системами основано на степени автономии отдельных частей. Союз государств есть соединение государств, которые не потеряли своей политической автономии и которые согласились иметь общие учреждения для достижения общих целей, причем главною целью бывает организация средств для общей защиты от внешнего нападения. Суверенитет принадлежит при этом каждому из государств и если общие учреждения получают силу, то только с согласия отдельных правительств, т.е. они получают силу в виде местных законов. Следовательно, в этом союзе государств нельзя указать учреждений, которые стояли бы надо отдельными правительствами и которые имели бы непосредственное отношение к массе народа. И так, союз государств есть союз правительств: для

пояснения приведем несколько примеров из истории. Типическими формами этих соединений являются Швейцарский союз старого устройства, т. е. с 1315 до 1798 г. (учреждений имевших республики под давлением Франции, давший толчок к дальнейшему развитию союзного устройства) союз Германский с 1815 по 1867 и Американская конфедерация (1776-1787). Мы остановимся здесь на последней, так как Америка раньше других стран вышла на путь преобразования в двух союзного государства. Принадлежа английским колониям, восставшим против метрополии, образовали конфедерацию еще с 4го июля 1776 г.; но она получила окончательную организацию в 1781 г., сохранившую до 1787 г., когда конгресс выработал федеративную конституцию, составившуюся образцовою. Когда восставшие 13 штатов соединенными общими силами противились Англии, то они учредили учреждения, которое они имели этих штатов должно было вести вышнюю сношения, организовать армию, найти средства для ведения войны и т. п. Американский конгресс, составившийся в этом виде, был нигде иным, как совокупностью делегатов от отдельных штатов. Будучи представителями правительств отдельных штатов, они, понятно, не могли, издавать обязательных для всех граждан законов и действовать по своей инициативе. Поэтому они 1) действовали по инструкции, полученной от штата и 2) каждая мера приводилась в исполнение не должностными лицами, назначаемыми от конгресса, но правительствами отдельных штатов. Поэтому

конгресс не был государственным представительством, а только собранием представителей правительств различных штатов. Они не связывали всех штатов в одно и не стояли над правительствами отдельных штатов. Американцы скоро испытали достоинство этого учреждения и пришли к заключению, что оно неудовлетворительно, потому что, когда в начале войны Англичане торжествовали над плохо-вооруженными американскими солдатами, конгресс не имел силы привести в действие свои распоряжения, так что Америка обязана своею самостоятельностью не конгрессу, а диктатуре Вашингтона, который своею властью предписывал чрезвычайные меры относительно ведения войны. Конгрессу для собрания войска надо было чрезвычайно много времени, и потому Вашингтон вступал в непосредственные сношения с правительствами отдельных штатов. Конгрессу не верили никто из иностранцев, и даже из собственных подданных, а потому он не мог достать денег; ассигнации, выпущенные по совету Франклина, быстро потеряли свою ценность, и только наконец Франция гарантировала Америке заем в 16.000.000 ливров, с тем однако условием, чтобы деньги эти были переданы Вашингтону. После заключения мира в 1783 г. конгресс потерял остаток своего влияния, и каждый штат стал заботиться только о себе, а между тем нужно было рассчитаться с армией и уплатить проценты по долгам. Конгресс не имел уже силы заставить народ сделать это, и потому оказалось необходимым перейти к другой системе управления. Вот

мотив, которым было вызвано установление федеративной формы.

Наконец некоторым людям, под надзором которых была выработана теперешняя конституция Соединенных Штатов в 1787 г. Инициатива составления этой конституции принадлежит лицу, имевшему больше влияния на Вашингтона: Александру Гамильтону. Конгресс составился под председательством Вашингтона и в нем приняли участие такие люди, как Гамильтон, Мадисон, Джей, два Адамса и Франклин – плеяда знаменитостей, которую редко можно видеть одновременно. Как люди практические, они приняли в расчет тот стремления, которым невозможно было устранить. Им предстояло примирить два стремления: 1) стремление к установлению народного единства (по крайней мере во внешних отношениях) и 2) сохранение полной автономии отдельных штатов.

IV. Задача, поставленная конгрессу 1787 г. была: создать одно американское государство, не нарушая, в тоже время, самостоятельности Штатов.

Единство Америки выражается, во-первых, в политическом единстве нации. Нация, как целое, приняла и утвердила конституцию. Это видно из начальных слов ея: „We, the people of the United States“.... Мы, народ Соединенных Штатов... и т. д.

Для всей нации установлено общее право гражданства. Законы организовала общая национальная власть, в своем распоряжении и средствах не нарушая ни правительств отдельных

Штатов. Она не есть уполномоченный отдельных государств, которого распоряжения имеют договорный характер т. е. рассматриваются, как результаты соглашений штатов.

Ее права, законодательные, административные и судебные, основываются на конституции, принятой американским народом. Ее законы и распоряжения обнародываются и вступают в силу независимо от согласия Штатов; они обязывают каждого американского гражданина непосредственно, а следовательно, и всю массу граждан, независимо от их принадлежности к тому или другому штату. Эти признаки: национальное единство, общий основной закон, центральная независимая власть, достаточно свидетельствуют о единстве Американского народа.

Но и федеративное начало обычно конституций 1787 г. Центральная власть пользуется известными державными правами; но права эти ограничены. Ее компетенция составляется из предметов, прямо именованных в конституции. Это начало проводит резкую черту разницы между государством федеративным и централизованным. К последней компетенции верховной власти, по идее своей, неограниченна. Ее законодательству и распоряжениям подпадают каждое явление и правоотношение, важное с государственной точки зрения. Северо-Американский конгресс должен строго держаться в пределах, указанных VIII отд. I ст. конституции. Затем, все права, не переданные конституционным актом власти центральной, остаются за отдельными Штатами. В этом смысле можно справедливо замечать, что

В Северной Америке центральное правительство действует по исключению, а правительство отдельных штатов по общему правилу. Каждый штат имеет свою конституцию, начала которой не должны, вообще, противоречить конституции союзной. В пределах данной конституции, правительства отдельных штатов действуют самостоятельно. В самом центральном управлении дано широкое место федеративному элементу. Законодательная власть союза, конгресс, состоит из двух палат: палаты представителей и сената. Палата представителей есть, по своему составу, орган всей нации, как одного целого. Напротив, сенат организован в виду обеспечения интересов отдельных штатов.

Первое, что поражает наблюдателя, особенно составившего свои представления о государстве по европейским понятиям, это отсутствие в Америке верховной власти с правами неограниченного суверенитета. Права верховной власти разделены между органами центральной и местной власти, и ни один из них не может назваться верховною властью. Центральная власть не имеет полновластия, так как ее компетенция ограничивается строго определенными предметами. Местная власть не верховна, так как ей в компетенции недостает много прав, перенесенных на центральное правительство.

Далее, не меньше удивления возбуждает и отношение центральной власти к правительствам отдельных штатов. С понятием центральной власти у европейца связывается представ-

мей об известных иерархических и преимущественных перед правительствами местными. Он ожидать найти в центральном управлении совокупность высших инстанций, обладающих правом управлять всеми движениями низших. Ничего подобного он не найдет в Соединенных Штатах. Органы государственной власти построены здесь на начале разделения прав верховенства.

Если центральная власть начальница в действиях своих от правительств местных, то последние вполне независимы от нее в пользовании своими правами. Конституция 1787 г. создала, так сказать, два параллельных правительства, действующих самостоятельно в своей сфере.

Это удивительное государственное устройство казалось некоторого загадкою, не только в Европе, выросшей на других понятиях, но даже в Америке, где оно возникло. Конечно, значительная партия, выросшая под влиянием сподвижников Вашингтона, горячо поддерживала его. Но идея „разделенного верховенства" встретила сильных противников. Между ними первое место занимает знаменитый американский публицист Калгун*). Он принадлежал к числу горячих защитников полной автономии отдельных штатов, причем федеральность не была в виду его особенно пользовалась. Известно, что уже издавна в среде Соединенных Штатов проповедь великий

---

*) J. C. Calhoun, уроженец Юж. Каролины, родился в 1782 г., умер в 1850, член американского сената.

расколом между Севером и Югом, разыгравшейся в 1860 и следующих годах. Калхуну пришлось жить в то время, когда великий кризис подготовлялся, хотя медленно, но неизбежно. Северное большинство хотело, рано или поздно, путем союзной власти уничтожить институт рабства, столь дорогой южному меньшинству. В виду этой опасности, Калхун подверг строгой критике всю теорию „Федерализма" и обосновал на основании этого союзной конституции.

Ход его аргументации довольно прост и, с точки зрения отвлеченной теории государство монотеристично. Государственное верховенство, говорил он, по идее своей недробимо и монократично. Оно или существует целиком, или уничтожается. В каждом государстве верховенство в чьих-либо руках, но в одних руках (одного лица или масс). Кому принадлежит верховенство в Северной Америке? Открытым актом, создавшим союз и перенесшим в центральное правительство известные ограниченные права, в видах общей пользы.

Чрез это не произошло никакого отчуждения верховных прав отдельных штатов. Верховные права не отчуждаются; возможно передать только пользование этими правами: не их, но известных их. Отсюда само собою следует, что штаты и после принятия Конституции 1787 г. остались такими же независимыми государствами, как и до того. Союзная конституция и союзные власти не есть совокупность норм, стоящих выше отдельных штатов

Они суть части местных законов каждого штата, свободное согласие которого должно иметь силу и действие в его пределах. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы союзная власть могла что либо изменить в политическом быте отдельного штата без его согласия. Вся конституция основана на договоре между штатами и остается договором, содержание которого не может быть изменено иначе, как по воле всех отдельных штатов. Если поэтому союзное правительство предпримет что-либо, несогласное с выгодами отдельного Штата, последний может уничтожить (нуллифицировать) его постановление и выйдет из союза.

Эта теория „нуллификации" имела большой успех в Южных Штатах. Один Каролина дала свой пример во время гражданской войны за освобождение негров. 20 дек. 1860 г. Южная Каролина следующим образом провозгласила свое отпадение от союза:

„Распоряжение о расторжении уний между Штатами Южной Каролины и другими Штатами, соединенными с ними договором (compact), называемым конституцию Американских Соединенных Штатов, (entitled the Constitution of the United America States of America.)

„Мы, народ штата Южной Каролины, собравшись в конвенте, объявляем и постановляем, что распоряжение, принятое нами, собравшимися в конвенте 23го мая в лето господне 1788 г., которым была ратифицирована конституция Американских Соеди-

нимых Штатов, а также все акты и часть актов общего Законодательного собрания, заключавший дополнения к этой конституции, или отменяющие, и что ныне, существующая теперь между Южной Каролиной и другими Штатами, под именем Соединенных Штатов Америки, или распорядится."

Объявление это предшествовало гражданской войне, которая решила дело в пользу Севера: конфедерация южная была побеждена, рабство отменено, цветным людям были даны равные с белыми права. Одного указа Авраама Линкольна, главы Севера, было не только военным центром.

Идея эта была справедлива, как политическое основание его действий. В противном случае сама идея освобождения негров не могла бы получить достаточных оснований для ее политика. Имели ли в самом деле северо-американцы, нашедши у южных Штатов, твердое юридическое право? Этот вопрос сводится опять к вопросу о субъекте государственного верховенства. Кальгун думал, что имел его, но он однако не обратил внимания на роль народа в Америке и потому не понял, что он и есть субъект государственного верховенства в Америке, как это указано и введено в конституцию. На этой почве столкнулся Кальгун, Даниэл Уэбстер (D. Webster.) Его основания следующие:

„Американская конституция есть договор,

поддерживаемой согласием суверенных штатов, и составляет государственный закон, основанный на воле всего Американского народа, стоящего в непосредственных отношениях к союзной власти."

"т.е. центральное правительство относится не только к правительствам Штатов, но и к народу.

Никакое отдельное правительство не может уничтожить союза и отделить его от него."

"Постановления центрального правительства обязательны для правительств отдельных Штатов."

Следовательно, эта теория в 1860 г. привела граждан Южных Штатов на поле брани, восставших против законного правительства. Д. Уэбстер защищает свои идеи следующим образом:

"Суверенитет правительства есть идея, принадлежащая той стороне Атлантического Океана. В Северной Америке она не известна. Все наши правительства ограничены. Европейский суверенитет феодального происхождения и не означает много, кроме положения властителя. Он объемлет его права, доходы, привилегии и власти. У нас самая власть покоится в народе. Народ один суверенен; он организует свое правительство, как ему удобно и дает ему столько власти, сколько желает. Ни одно из этих правительств не верховно в европейском смысле слова, так как все они ограничены писаными конституциями."

Американский народ, которому принадлежит суверенитет, делегирует для осуществления своих целей известную сумму прав властям союзным, а другие остаются за властями местными. Но нельзя признать, что правительства отдельных штатов суть представители суверенитета; они такие же уполномоченные народа, как и правительства союзные. Отсюда следует, что Американский народ через своих представителей может производить всякие перемены, даже и в гражданскую быту, которые он считает нужными; для этого достаточно известных постановлений, воспрещающих или предписывающих что либо отдельным штатам. В дополнение к конституции было постановлено довольно много пунктов, ограничивающих власть отдельных штатов: напр. постановлений о том, что какая сделка не может быть отменена; о том, что не может быть налагаемо слишком высокое поручительство или обеспечение на арестованных. После войны 1860 г. было внесено 13-е дополнений конституции, гласящее, что рабство не будет существовать в Соединенных Штатах, и что цветные расы имеют одинаковые права с белыми.

Вот в чем состоят основные начала союзных государств:

1) Союзное государство предполагает разделение в осуществлении прав государственного верховенства.

2) Оно предполагает существование 2-х параллельных правительств, федерального и местного, причем каждое из них дей-

быть независимо.

3). В федеральном государстве масса народонаселения имеет отношения двоякого рода. В своих отношениях к центральному правительству, она является единой нацией, и федеральное правительство имеет непосредственное отношение ко всей массе граждан, т.е. в пределах своей компетентности оно действует и осуществляет свои права непосредственно, без согласия и полномочия местных правительств. С другой стороны, народ имеет отношения к правительствам отдельных штатов, которые пользуются известной долей политической автономии и правительство каждого является нормальным, законодательным.

Понятно, что в Европе идея федерального государства вырабатывалась постепенно и мирно было много различных политических условий, чтобы установить здесь это понятие, как оно выработалось в Америке. Германия до 1806 г. представляла сложное государство, называвшееся Германская империя; но она не была собственно государством федеральным, а государством sui generis, особого типа, которого основные начала относятся к средним векам. Германский император был соперником многих государств и вольных городов, которым собственно принадлежало владычество над империей. Далее, права местного верховенства (Landeshoheit) увеличились на счет императорского; скоро за германским императором осталось лишь весьма ничтожное величество

правъ, называемыхъ jura quaesita, которыя разделялись на jura quaesita limitata и illimitata; первыя осуществлялись съ согласія германскаго сейма, а вторыя – по произволу императора. Въ принципѣ Германская имперія состояла изъ независимыхъ государствъ, надъ которыми съ извѣстными ограниченіями была императорская власть; это было Staatenstaat. Въ такомъ смыслѣ разумѣли ее и ученые, разсматривавшіе ея устройство, напр. Плюферъ (1725 - 1807) г. По Вестфальскому миру было признано существованіе 355 государствъ: правительства, оставшіяся независимыми во внутреннемъ управленіи, были подчинены относительно общихъ цѣлей высшей центральной власти; власть императора была властью надъ-правительственною. Въ союзномъ же государствѣ конгрессъ не есть власть надъ правительствами отдѣльныхъ штатовъ, императоръ имѣетъ отношеніе не къ народу, а къ правительству, и естественно, что мало по малу, съ увеличеніемъ власти отдѣльныхъ правительствъ, его власть уменьшалась. Германская имперія, распавшись, подпала подъ власть Наполеона, управлявшаго помощью Рейнскаго союза. По послѣ Вѣнскій Конгрессъ опять стали говорить о возстановленіи Священной Римской имперіи; но потомъ стали искать новую форму правленія, которая бы соотвѣтствовала реальному положенію Германіи, представлявшей раздробленной на 338 государствъ, изъ которыхъ ни одно не хотѣло подчиниться другому. Такъ какъ Германія стояла между

двумя военными державами, то и было признано необходимым организовать средства общей внешней защиты; этой цели должен был удовлетворять германский союз. Он имел более международное значение, чем государственное. По отношению ко внутреннему управлению союз не мог иметь никакого значения, и слабость его вытекала из слабости его центрального учреждения — германского сейма, в котором обсуждались общие дела. Он состоял из уполномоченных от правительств, которые действовали по инструкциям отдельных государств, причем за каждым из них признавалось определенное число голосов, обеспечивавшее его интересы, пропорционально его могуществу. В этом отношении проводилось разница между двоякой формой голосования; сейм мог голосовать в тесном совете, или in pleno, причем большинство мнений не имелось. По делам меньшей важности и наиболее крупным государствам имели по одному голосу, а меньшие государства не имели целых голосов, а соединялись в смешанные голоса. Важнейшие же вопросы обсуждались in pleno, где было 69 голосов, потому что многие государства имели по нескольку голосов. Никакого самостоятельного значения сейм иметь не мог, ибо на собраниях посланников могла быть выражена только воля отдельных правительств, изложенная в инструкциях; он не имел даже никаких органов, которые бы приводили в исполнение его

постановления, ибо каждое правительство могло осуществлять эти постановления по своей воле. Для того, чтобы постановления имели обязательную для граждан, необходимо было опубликовать их в законодательных сборниках каждого правительства. Даже для осуществления внешних целей сила не имела достаточно средств. Внешняя и внутренняя безопасность должны были охраняться им. Для внешней безопасности необходимо иметь армию; но нужно, чтобы она представляла известное единство, как это, напр., в Северной Америке, где все военные силы имеют одного начальника и армия есть союзное учреждение. В Германии этого не было; союзная армия должна была составляться из контингентов каждого правительства; при этом терялось много времени на ее сбор, избрание главнокомандующего и т. п. У германского союза не имелось и своих финансов. Все его средства должны были состоять из взносов отдельных правительств (matricular-Beiträge). Словом, он в них не имел самостоятельности.

Раздробленность Германии была полезна Европе в 1867 г., когда результатом австро-прусской войны 1866 года явилось исключение Австрии из союза и образование нового северо-германского союза под главенством Пруссии. С 1871 г., северо-германский союз, к коему присоединились и южно-германские государства (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт), обратился в германскую империю,

которая может быть отнесена к разряду союзных государств. Мы имеем здесь следующие черты: 1) мы видим центральное правительство, которого законы имеют более значения, чем местные законы, т.е. высшая законодательная власть может издавать законы, но не противные общегерманским учреждениям; 2) основным учреждением является Reichstag, представитель всей нации. Он избирается прямой и всеобщей подачей голосов по округам, без разницы государств. Bundesrath есть представитель федеративного начала. За исключением трех вольных городов, все остальные государства монархические. Союзный совет составлен их уполномоченными отдельных германских правительств, причем каждое государство пользуется количеством голосов, пропорциональным его могуществу. Этот совет является фактором законодательства, и ему принадлежит высшая исполнительная власть. Главою союза является император; звание это наследственно соединено с прусской короной. Раз признав, что Германская империя слагается из государств монархических, естественно было установить и монархическую главу. С началом монархическим явилось и начало наследственности. Император является главою союза и ему принадлежат важнейшие функции по исполнительной власти; в области законодательной он не имеет значения; но он имеет важные права по частному.

управлению, в особенности по командованию армией; германская конституция признавала единство армии. Таким образом, из германского союза образовалось особого типа союзное государство.

1- ГОСУДАРСТВО

2007110252